

Ю.М. ОСИПОВ

ПО
ТРЕБА
ЮЩАЯ
КНИГА

*Собрание
невыдуманных,
предвзятых и
беспритерных
текстов*

ТАМБОВ 2026

УДК 82
ББК 84
О-74

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА:

Н.П. Недзвецкая, К.Ю. Беневская,
И.Г. Морозов, Д.Д. Волошин

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА:

Т.С. Сухина

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ УЧАСТИЕ:

В.В. Смагина

Осипов, Ю.М.

О-74

Потрясающая книга. Собрание невыдуманных, предвзятых и беспримерных текстов. — Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2026. — 452 с.

ISBN 978-5-908125-37-6

Книга-дивертисмент! На первый взгляд претенциозное название «Потрясающая книга» не означает намерения кого-либо и в чем-либо потрясти, даже и в чем-либо кого-то переубедить. Нет, у книги иная задача — показать через призму философии хозяйства и посредством открывающегося ею мировоззрения *иное* в гуманитарной среде, однако не только в гносеологическом, но и онтологическом планах, ибо всё, почти всё или многое в реалиях и их восприятии и в самом деле *иное*, по крайней мере *не такое*, как это представляется давненько уже затверженной и немало догматизированной гуманитарности.

Книга — сказание, книга — боец, но и книга — судьба!

Для страждущих истины, пусть и не полной и не конечной, но все-таки интерпретируемой *по-иному*, аккурат всего ближе к до конца непостижимой для человека реально-нереальной реальности.

**УДК 82
ББК 84**

ISBN 978-5-908125-37-6

© Осипов Ю.М., 2026
© Оформление. Издательский дом
«Державинский», 2026

Часть первая

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА как «РУССКАЯ ПРАВДА»

I

«ЯЩИК ПАНДОРЫ»

**Своевольный энциклопедийного жанра путеводитель
по смысловому иномирию философии хозяйства
(стихия неотвлеченных идей)**

Вводная

Где-то на рубеже 1990—2000-х гг. я выступил с инициативой публиковать энциклопедийного характера статьи по философии хозяйства, а поскольку, как известно, инициатива наказуема, то в основном это пришлось делать мне самому, для чего в основном мною же и регулярно выходившем с 1999 г. научном журнале *«Философия хозяйства»* была даже открыта специальная рубрика *«Энциклопедия»* (энциклопедия философии хозяйства), в рамках которой я опубликовал немереное число статей, но по прошествии изрядного количества лет я как-то прекратил это весьма значимое и по-своему занимательное занятие, питая надежду на когда-нибудь его продолжение. Однако годы шли,

а сего продолжения так и не последовало, а всё тогда наработанное, как-то растаяв в пучине постмодернового безвременья, осталось практически безмолвным памятником эпохи, как и памятником-укором самой этой безразличной к высокой гуманитарной мысли эпохе тоже.

Отдаю себе отчет в том, что материал тот либо не был широко и внимательно прочитан, а ежели и был кем-то прочитан, то благополучно и забыт под бременем нахлынувших на ученого гуманитария небывалых профессиональных и попросту житейских забот.

Сегодня, в 2025 г., четверть века спустя, уже и на склоне собственных лет, я решился, нет, конечно, не возобновить прерванное деяние, а создать в меру сил какой-то новый, уже с учетом за последние полтора десятилетия свалившихся на человека российских и мировых событий и перемен, а также собственных раздумий, писаний, открытий и откровений, энциклопедийного же характера краткий путеводитель по смысловым, понятийным и некоторым фактологическим кругам, не исключая и адовых, философии хозяйства, причем смею заявить, именно *русской*, а не какой-нибудь еще, кстати, никакой другой в естестве нигде и нет, во всяком случае, не обнаружено, к которой — русской философии хозяйства — как известно, имею непосредственно творцовское отношение.

Будучи явно значимым, если не одним из высочайших на сегодня, достижением русской и, не постесняюсь это утверждать, мирового значения гуманитарной мысли, не говоря уж о мысли, непосредственно связанной с Московским университетом, где философия хозяйства в начале XX в. творческими усилиями великого С.Н. Булгакова как раз и родилась, была затем в СССР втихомолку упрятана с глаз долой под бесцеремонным давлением и неуспешным контролем тотально доминировавшей в стране, весьма к тому времени и вульгаризированной, разновидностью марксизма, однако там же, в Московском университете она — философия

хозяйства — вновь родилась (не возродилась, что само собой, а именно вновь родилась, как раз творческими усилиями автора этих строк) и где она, нет, не процветает, конечно, вольготно, но и не увядает, несмотря на либо ее чуть ли и не демонстративную «игнорирку» со стороны массы университетских гуманитариев, особенно дипломированных тем же Московским университетом экономистов-политэкономов, либо бегло-прохладное и ничего особенно не значащее с ней ознакомление, либо, пусть иной раз и прикрытое коридорными улыбками, потаённое к ней небрежение, однако не увяв, философия хозяйства продолжает быть и в меру сил ее адептов, которые в МГУ, в РФ и за границей ныне тоже есть, совершенствоваться, развиваться и укрепляться.

Тут уместно сделать одно важное пояснение, касающееся самого термина «*Философия хозяйства*», вполне логично когда-то впервые возникшего и вновь повторенного в связи с повторным выходом одного из его исходных творцов за пределы политической экономии и вообще экономической науки как в предметном, так и в методологическом ракурсах: от той же «экономики» к «хозяйству», что означало не просто расширение предмета, а и существенную качественную в нём перемену, ну и от науки с ее догматогенной предельностью к более по стародавнему изначально методологически, размыслительно и итогово вольной сфере знания-размышления — к философии.

Со временем сие именное двусловие «*Философия хозяйства*» превратилось в привычный терминологический штамп, как это случается со многими отраслями знания, к примеру, как это случилось с той же «Политической экономией» (имечко-то сие когда-то родилось по вполне конкретным государственно-фискальным соображениям и до сих пор оно есть, а вот что за ним предметно, методологически и содержательно скрывается до сих пор так и остается дискуссионной загадкой: от объектного «экономия» до предикатного «политическая», — тут всё одно — хроническая неясность!).

Реальная философия хозяйства, осознанно-неосознанно «прикрываясь» обретенным ею именем «ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА», априорно и без всяких условий не претендует на определенно-законченную предметно-методологически-содержательную тогу, тем более уже на сколько-нибудь строго соответствующую своим кроем вольно-невольно приставшему к сему инознанию позывному «ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА», ибо она — философия хозяйства, шире, глубже и выше того знания-размышления, которое будто бы только и скрывается за сим именным позывным, нет, это не какой-то по-ВАК´овски определенный «кусман» гуманитарного знания, а прямо-таки стартовая платформа для выхода в неограниченную гуманитарность, можно сказать, что и в безграничный гуманитарный космос, причем тут вовсе не затверженный аксиоматически механикуум, а живой, пламенеющий и творящий очаг нового гуманитарного слова, что и будет, насколько возможно, засвидетельствовано в нижеследующем тексте.

Содержимое

Философия хозяйства — вольное, недогматическое, открытое, безграничное, но при этом и целостно-самодостаточное, воззренческое знание-размышление о деятельном жизнеотправительном бытии человека в единении с бытийным жизнеотправлением Природы, Земли, Космоса, Сакрала, всей Вселенной, знание, осознанно реализующиеся по преимуществу в трансцендентно обусловленном метафизическом ключе, отчего выступающее как специфически иносодержательное относительно распространенной повсюду ученой гуманитарности течение гуманитарной мысли, при этом заявляющее о себе не как прикладная отрасль философии как предметно утвердившейся философии, тем более не как отрасль-дополнение столь же предметно утвердившейся экономической науки, той же политической экономии, а как самостоятельное течение мысли, равнозначное при этом таким большим отраслям ученой гуманитарности, как древняя мифология,

как любая религия с любым богословием и без него, как начатая Античностью и продолженная в Новое и Новейшее время философия как философия, ну и как вся рожденная эпохой Просвещения гуманитарная наука как наука. Философия хозяйства — особого рода, значения и места в гуманитарной размыслительной сфере мировоззрение — ИНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ!

Философия — хоть это по распространенному клише и «любовь к мудрости», но это в немалой степени и сама мудрость, являющаяся на философическом поле аккурат в силу тяготения философии к целостному миросмысловедению, правда при условии ее — философии — повышенного внимания к потаённому метафизису бытия и ее благосклонного отношения к круто замешанному на трансцендентности метафизическому размыслительству, что вкупе влечет философию не только и не так ко всему в мире видимому, ощущаемому, доступному для эффективного познания и так или иначе известному либо могущему стать таковым, сколько и как к абсолютно неизвестному и не могущему никогда стать известным, однако в мире мало что присутствующем, но и немало мирового бытие определяющем, то бишь когда и ежели философия не игнорирует иномирного за пределами с его неприступной для любопытствующих людских мозгов Абсолютной Тайной, представленной в мировом жизнеотправлении как непреклонным и как бы безучастным ко Времени Великим Неизвестным, так и напористо вездесущим и действенным как раз во Времени Иным — всегда не Этим, а также окормляемым сие жизнеотправление доступно-недоступным для человеческого воображения могущественным Сакралом, что в итоге и оборачивается для философии обретением трансцендентно-метафизической мудрости, словесно-безмолвно воспринимающей в доступной человеку сплоченной полноте всё многообразие вселенского бытия, включая природное, земное, космическое, сакральное и, само собой, человеческое, со всем, что во вселенском бытии как бы есть и со всем, чего в сем бытии как бы и нет.

Хозяйство — всё жизнеотправление бессрочно становящегося Бытия, а в его беспредельном лоне (бескрайнем ложе) и всё деятельное жизнеотправление человека (человечества) в единении с жизнеотправлением Природы, Земли, Космоса, Сакрала, всей Вселенной.

Физис — видимый человеком, им ощущаемый и так или иначе фиксируемый в слове и цифре, как упругий, эластичный или даже твердый, как принято в ученой среде говорить — материальный — мир, так и сопутствующий ему, человеком замечаемый и тоже как-то им фиксируемый, как тоже принято в ученой среде говорить — идеальный — мир, отчего оба мира рассматриваются как познаваемые человеком, что вовсе не значит, что вполне могущие быть им познанными, особенно, в пограничных с Запредельем и Неизвестностью зонах.

Метафизис — противоположный физису, хоть с ним взаимодействующий и даже переплетающийся, потаённый для наблюдения, ощущения и фиксации, как и для словесного, не говоря о цифровом, представления, мета-, вне-, сверх-мир, непосредственно восходящий к непостижимой Неизвестности, к потустороннему Иному и к посюстороннему Сакралу, однако воспринимаемый и учитываемый человеком как, иной раз и не подлежащая раскрытию, тайна, но что таки дает возможность человеку, обогащённому приятием в свое знание не подлежащего стать буквальным знанием абсолютного Незнания, полнее и точнее судить о мире, обо всём в мире происходящем и о себе самом, полагая себя не только физическим организмом, но и метафизическим «органомом», переполненным, как и весь мир, всё бытие, неразгадываемой тайной.

Физика — иногда употребляемый вместо физиса, той же физиологии или еще чего-нибудь подобного, многозначный термин, предназначенный по преимуществу обозначать особую в естествознании науку — физику, однако для философии хозяйства это помимо прочно утвердившегося в роли наименования одной

из естественных наук, правда, науки объемной, синтезной, разнообразной в своих проявлениях, включая натурфилософию и ту же метафизику, то бишь науки не во всём строго аксиоматической, методологически не одинаковой и напрочь вовсе не догматизированной, причем фактически науки, хоть по преимуществу о неживой, но и в какой-то части и о живой, природе, о Земле, о Мироздании и, что самое интересное, в какой-то мере близкой и к гуманитарной науке, ну а в нашем случае аккурат к философии хозяйства, отчего надо и полезно иметь в виду, что для философии хозяйства вся наука вообще представляется физикой, а не только, как это принято судить о физике, лишь как о специализированной отрасли большой естественной науки. Да, физика имеет дело прежде всего с физисом, однако вынуждена считаться с наличием метафизиса и фактологически в него заходить, прибегая при этом в своих объяснительно-обобщительных выкладках к самой что ни на есть метафизике, мало того, к мифологии, отчего философия хозяйства склонна, не убоясь обвинения в дилетантизме, рассматривать физику в любом ее проявлении как, пусть и особенную, но все-таки... э-э... метафизику!

Метафизика — мета-вне-сверх — научно-физикалистский, сущностно-идейно-сужденческий подход к любой реальности, включая и ирреальность, увязывающий знание, немало и научно-физическое, с абсолютным Незнанием, восходящим к Великой Неизвестности, Иному и Сакралу, к Абсолютной Тайне Вселенной, что позволяет без аксиоматического, методологического и догматического стеснения судить о реальности, замечая в ней не один лишь знаемый или вот-вот подлежащий узнаванию физис, но и обыкновенно не замечаемый, но при этом и не подлежащий вот-вот узнаванию, метафизис, тем самым дополняя феноменологическое (исследовательски-фактологическое) знание физиса сущностными откровениями, добываемыми посредством металогического контакта с абсолютно конспиративным Незнанием.

Смысл — трансцендентно, интуитивно, осознанно и

не очень, разумно и не очень, обнаруживаемое, постигаемое и обычно логосно выражаемое человеком идеальное содержание чего-либо в его, этого чего-либо, определительно-отличительном значении относительно всего остального существующего перед взором-когнитивом человека (однопорядкового, средового, контекстного, внешнего), причем всё равно чего: слова, речи, вести, фантазии, жеста, мимики, действия, переживания, жизни, смерти, хозяйства, хозяйствования, образования, врачевания, политики, отправления культа, религии, идеологии, события, происшествия, в общем — всего, включая и любую вещь, любой предмет, то есть относительно всего того, в чём либо сидит (заложена, засажена) мысль, либо на что мысль человеческая познавательно направлена, отчего смысл накрепко повязан с мыслью (смысл — со-мысль, с мыслью, от мысли), что не мешает смыслу быть и мыслью о самой мысли, оценочно находя в последней, как, собственно, и в иных размыслительных сюжетах, не одни смыслы, но и обратную им бессмыслицу (абракадабру). Специальным смысловедением занята философия, толкуемая в данном случае широко, без граничной аксиоматической заданности, а точнее бы сказать — метафизика, но никак не фактология, ибо факт на то и факт, чтобы имея, быть может, смысл себя на свет появления, самому-то все-таки не быть смыслом, который еще найти надо, обосновать и, как правило, логосно выказать, что как раз всего труднее бывает и сделать. Слово-понятие «смысл» употребляется также в производно-вспомогательных значениях: от обосновательного (вроде «какой смысл» что-то предпринимать, говорить и т. д.) до вульгаризированного (вроде «в смысле того, что...»), однако для высокой учености важен смысл, наполненный обосновательной мыслью, как, собственно, важна и мысль, наполненная обоснованным смыслом, а тут может вылезть не то что проблема, а прямо-таки безысходность, однако... «Знание — сила!», как, собственно, и Незнание, которое тоже ведь сила!

Смыслология — идеально-логическое, хоть индуктивное —

от частного к общему, хоть дедуктивное — от общего к частному, оперирование со смыслами, разумеется, обнаруженными, протрактованными и введенными в размыслительный оборот.

Метасмыслология — восходящая к метафизике не строго логическая смыслология, осознанно и даже с необходимостью не пренебрегающая алогичностью, что в трактовании отдельных смыслов, что в поточном смысловедении, что в реальном смыслорождении и смыслотечении, отчего не исключаяющая как в реальном смыслопроцессе, так и в когнитивном мыслиеизъявлении ни отсутствия смысла (наличия смысловых дыр), ни смысла и смысловой роли бессмыслицы в насыщенном-де смыслами мире, то бишь не отрицающей бессмыслицы самих смыслов, отчего метасмыслология более трансцендентно-интуитивно-откровенческий процесс, чем фактологически-логико-познавательный.

Полилектика — обязанное своим происхождением философии хозяйства онто-гносео-понятие, оно же и образ трансцендентного в основе мышления, когда хозяйство — неограниченная онтологическая целостность, а философия — неограниченная гносеологическая целостность, и когда обе эти целостности сходятся друг с другом в целостном же единении, отражая всё неограниченное смысловое богатство мало что самой философии хозяйства, но и ее составных частей — хозяйства и философии. Условно-образно продукт полилектики можно представить в виде составленного из устремлённых в трансцендентную даль разнонаправленных и перекрещивающихся между собой в познавательно хомосакральном центре смысловых координат, образующих, стремясь во все стороны, Кристалл («магический кристалл!»), включенный, будучи сам неограниченным, в неограниченный Шар («вселенский шар»). Полилектика — возможность (и необходимость) ежели не видеть через полилектический кристалл всё и сразу в бесконечном пространстве вселенского шара, тем более, зная, то хотя бы учитывать всё и сразу, причем не пренебрегая недоступным для знания трансцендентным Незнанием, наоборот, с ним

ментально-интуитивно-чувственно, если не магически, взаимодействуя. В подготовленном (разумеется, редком, очень редком, так сказать, штучном) сознании сей магический кристалл, наполняясь таинственным, невидимым и не передаваемым ни словесно, ни изобразительно смысловым светом (как раз Светом Истины), начинает сверкать и вовне от себя лучистым, тоже таинственным, невидимым и тоже никак не передаваемым светом — всё тем же Светом Истины, в итоге становясь в безграничном поле познания чарующе мерцающей и совершенно уже нездешней Звездой, непрестанно беспокоящей хоть и не рутинное, но тоже ведь слабое пред безбрежеством Вселенной и могуществом Сакрала человеческое сознание, причем неудержимо его к себе манящей и благосклонно дарующей ему сближение с Истиной, однако в связке с Истиной, пронизанной Вселенской Тайной, неумолимо от сознания и ускользающей. Сама по себе полилектика, конечно, никакая не звезда, а вот путь познания ею открываемый оказывается воистину звёздным!

Великая Неизвестность — не знаемая, но догадливо воспринимаемая и даже трактуемая человеком, абсолютная о мире, природе, мироздании, Сакрале, Вселенной, да и о самом человеке, несубстанциальная Тайна, которая сопряжена с Вечностью, но которая не обходит своим вниманием Время, в нём присутствует и на всё во Времени происходящее влияет с неизвестного Временного начала до неизвестного Временного конца.

Иное — несубстанциальная вселенско-сакральная сила, действующая под давлением, может, и под контролем, Великой Неизвестности в окоёмах неопределенного Времени, замечаемого человеком по происходящим вокруг и с ним самим Переменам — от рождения до смерти всего мирского и самого человека тоже, что обнаруживается по динамике, круговоротам, качественным и количественным изменениям всего мирского «материала», включая живые и неживые тела, организмы, эфир, само Ничто. Иное многофункционально: во-первых, оно показывает, что бытующее Это

во многом вовсе не это, а... То (?!), о чём человеку еще дознаваться надо (это помимо расхожих лжей, имитаций, неправд, фикций, искажений, прикрытий, «дурочек» и т. д., за чем явно скрывается что-то иное, но раскрытие чего особых трудов не представляет, зато есть То, стоящее и как бы скрывающееся за всем Этим, над обнаружением чего еще голову, да не одну, поломать надо); во-вторых, Иное — толкач к чему-то иному, не этому, то бишь к переменам, которые частенько только кажутся инициативно человеческими, хоть это так вроде бы на внешний взгляд и бывает, а на самом-то деле главным инициатором оказывается сидящее в лоне реальности и влекущее к неизвестности и обновлению Иное; в-третьих, Иное стремится вроде бы к чему-то Этому, а фактически у него получается вовсе не Это, а какое-то, для человека Не Это, часто ему неприемлемое, чуждое, смертоносное; в-четвертых, человек, особенно ученый, формирует какое-либо это (одно), вполне и глубокомысленное представление о чём-либо, а в реальности оказывается, что это вовсе не это, а то — как раз иное, что особенно часто происходит с «истинными»-де учебниками, словарями и энциклопедиями; в-пятых, сплошь и рядом, скажем помягче, случается, что какое-либо историческое событие, а то и вся прошедшая и даже текущая перед глазами и умами история, включая и заметных ее акторов (независимо от рода их занятий), бывают представлены чем-то этим (одним), а в действительности всё это бывает не... э-э... да ладно бы чем-то другим, а то ведь частенько и... неизвестно чем, в общем явно иным «нечтом»; в-шестых, в состав отвлеченного Иного, а таковое тоже ведь в бытии есть, входит и какой-то напрямую никому из смертных неизвестный, а то и прямо-таки тайный, замысел, проект, да ладно бы чисто человеческий вроде какого-нибудь масонского или всемирно-революционного, а то ведь неизвестно откуда и взявшийся (от Изначалья, от Сакрала, даже и от самого Иного), однако зёмным человечеством, пусть и не всем, так или иначе либо уже гласно или негласно исполняемый, либо рано или поздно

подлежащий исполнению, разумеется, не без опять же иного, чем бывает предусмотрено, конечного эффекта; наконец, в-седьмых, есть оно — Иномирье, есть и нечто иномирное и в этом зёмном мире, в частности, как пример, та же Русь-Россия с ее «странным» русским народом и не менее странной, если не страшной, исторической судьбой (быть иным в этом мире — не в бирюльки по-своему играть, даже и не в лукавый покер, тут, знаете ли, со смертью играть приходится, не исключено, что и не без заинтересованного пригляда Сакрала), да легче ли от этого? А в итоге что тут сказать... э-эх... всё ведь иное в этом во всю ином, чем это кажется просвещенному человечеству, мире!

Рай — то, чего не было и нет у человечества, исключая лишь локальные его подобию в виде лично-семейных, может, и коллективных, и местнических, райков, да и то лишь в малом, если не в иллюзорном приближении к мифологическому Раю.

Ад — не что-то запредельное либо существующее где-то в дальних краях Вселенной, в общем, в каком-то Ином мире, отнюдь, это необходимое приложение к житнотворной экзистенции, всё равно к какой, разумеется, и к земно-человеческой тоже, выдавливающее из последней стремление его — Ад — ослабить, преодолеть и через тот же научно-технический прогресс из него вырваться, конечно же, в итоге непременно безрезультатно, ежели не с окончательным для человека концом, и ежели выше упомянутые райки — всего лишь островки среди безбрежного Ада, то сам-то Ад вполне себе «море-окиян», по которому человеку с надеждой на Рай плыть да плыть надо или уж где-то в его глубинах тихо отсиживаться — от рождения до смерти, вот поэтому-то хозяйство вовсе не райское, а самое что ни на есть адовского пошиба экзистенциальное дело-предприятие.

Преисподняя — абсолютно необходимая принадлежность, она и по преимуществу производительная и вполне заслуживающая признания и уважения часть адовского хозяйства со своим тяжким для человека, немало и рабским, трудом, невыносимым

естественным и искусственным пеклом, изматывающим с небес водяным потоком и едва переносимым со снежной метелью холодом, как и с шумом, лязгом и грохотом машин и механизмов, с нескончаемым риском и с нередко непреодолимым страхом, с травмами, болезнями и смертями, а вообще-то с непрерывным условным и безусловным (как есть!) кровопусканием, что людским, что животным, да и вегетативным тоже. Преисподняя, о которой речь, не образ, тем более, не миф, а вполне себе реальная реальность, как раз та самая — самая что ни на есть необходимая в адово-хозяйственном реестре.

Бездна — вполне себе «тутошняя», имеющая место прямо в Этом, а не в каком-то там Ином, мире, та самая Бездна, из которой всё сеюмировое выходит и в которой оно по истечению срока жизни исчезает, отчего это творящая в плюс и в минус Бездна, следственно, как и Преисподняя, вполне себе не просто нечто хозяйственное, но по-своему и нечто хозяйствующее.

Хаос — вроде бы полное беспорядье, и это может быть так, однако при этом и нечто необходимо неизбежное, вполне и нужное, словно вольный ветер на океанских просторах, гонящий по океанским волнам парусные судёнышки, аккурат нужное и для работы сознания-бессознания, полного сомнений, разрывов, затыжек, порывов, случайностей, полаганий на авось, тревоги, психопатии и т. п. «штучек», исполняющих функцию избирательного сопроводителя любой экзистенции, которая вовсе не часовой механизм, а вполне себе ветрогонное и ветром же гонимое безграничье, отчего и потребное в качестве попутного, промежуточного или же конечного фактора-момента для того же хозяйства-жизнеотправления, что как раз вполне сравнимо с работой безграничного сознания-бессознания, пусть и не везде, и не всегда, но все-таки для нее потребное, как и потребное для повсеместных перемен со сбросом чего-то, по преимуществу уже отжившего, и водружением на его месте чего-то нового, уже и иного, что, конечно, не значит, что непременно лучшего, а уж как получится, зачастую

как раз худшего. Без Хаоса нет ни жизни, ни хозяйства, ни перемен, ни прогресса, в общем-то ничего, ибо Хаос, как и та же Бездна — творящий Хаос, как и, разумеется, гнобящий, разрушающий, поглощающий, а в общем — по-адовски хозяйственная и в том же духе хозяйствующая энерго-мощь.

Хаосмос — воистину присущий человеку, коллективу, институции, сообществу, обществу, тому же хозяйству, даже и государству с армией способ организации (самоорганизации), преодолевающий хаос с вдохновляющей его бездной, демонстрируя жизнеспособный воспроизводственный порядок, однако никак не механический, не часовой, даже и не космический, а подвижный, вариационный, живой, хотя местами, временами и на время переходящий в жёсткий, как раз в сугубо государственный или тот же армейский, почти что и незыблемый, порядок, однако в любом исполненном варианте хаосмос вполне и навсегда никак не порывает с Хаосом, хоть и как бы от него отрывается, а при необходимости или при случае в него — в Хаос — непременно возвращается, хаотически распадаясь и рассеиваясь, чтобы вновь из Хаоса возникнуть по той же выкладке, а более всего уже по иным бытийно-хозяйственным интенциям и схемам, как правило, как раз уже в иной организационно-функциональной конструкции. Хаос — источник жизни, как, собственно, и «ваятель» смерти, хаосмос — способ реального жизнеотправления, а вот механический твёрдый порядок в жизненной, социальной, хозяйственной среде — явный проводник к нежизни, к нежити, к смерти!

Хозяйствующие субъекты — ведущие хозяйство личности (индивиды), семьи, коллективы, предприятия, институции, сообщества, общества, государства и их объединения, нации и их объединения, которых отличает интенционные намерения и решения, жесты и действия. К хозяйствующим субъектам философия хозяйства относит и Господа Бога, ведущего свое собственное хозяйство, оно же и Творение, не исключающее и ему сотворчества (сохозяйствования) со стороны человека.

Хозяйствование — организация хозяйственно-организационной или попросту трудовой, творческой интенции.

Хозяйственные силы — помимо человека с его трудовой силой и силой творчества, силой созидания и силой разрушения, это и сила Природы, Земли, Космоса, Мироздания и всей Вселенной, как и тех же Великой Неизвестности, Иного, той же Тайны, которых к хозяйствующим субъектам прямо не отнесешь, но которые способны, тем не менее, хозяйствовать, пусть и не субъектно-объектно, как это делают хозяйствующие субъекты, а объективно-процессно, так сказать, в ходе вещей, под давлением обстоятельств, ситуаций, состояний, объективных причин, даже и столь же объективных потребностей. Вообще окружающая человека и Землю реальность, даже и принимаемая человеком за неживую, вовсе не нейтральна относительно всего происходящего в мировом и земно-человеческом хозяйствах, всё в мире взаимосвязано и никакая часть мира не является абсолютно независимой от мирового целого и вполне самоопределяющейся, даже и сам Господь Бог!

Человек как человек — живое земно-природное, но при этом и космосо-сакрально-неприродное существо, обладающее в отличие от других живых существ особым духовно-идеально-трансцендентным сознанием, данным человеком свыше (как бы и из ниоткуда), но по уверению самого человека, данного ему Богом Творцом, позволяющим человеку через присущее сознанию слово, словесную речь, словесно-речевое общение с себе подобными иметь уникальную способность абстрагированно от своего физиса метафизически (вообразительно-идеально) мыслить, причем мыслить и ради самой мысли, обословливая (ловя, улавливая), именуюя, узнавая, зная, причем зная и ради самого накапливаемого знания, не только сред у физического обитания, но и мир как безграничное физио-метафизическое (материально-идеально-трансцендентное) целое, включая и самого себя в этом мире, не только доходя до границ Этого мира, но и выходя за его и

самого себя пределы, обнаруживая Иномирье с Великой Неизвестностью, с Иным, с Абсолютной Тайной и Сакралом, подтягивая всё это под своё понимание, чувствуя себя ежели не Богом, то Ему — Богу — партнёром, иной раз и от Бога Творца независимым хозяйствующим не только материально (физически), но и идеально (метафизически), субъектом.

Человек как нечеловек — ничего не поделать, в человеке сидит, таясь и не таясь, обозначаясь и нет, вполне себе и... нечеловек, аккурат с органичным ему рядом, обычно умалчиваемых, ипостасей: животной, что в общем-то понятно, звериной, что тоже в общем-то понятно, но ведь еще и бесовской, что не так, быть может, сходу и понятно, но по размышлении, невольно вызывающим трансцендентную дрожь, тоже становится в итоге понятно. А каким еще быть человеку как живому природно-неприродному существу — феномену и феномену — в адовской среде обитания, еще и живя, действуя и хозяйствуя мало что во взаимном с ней соревновании за своё бытие, так еще и в жёсткой и жестокой борьбе между собой не на жизнь, а на смерть, чему «человече» как раз и триипостасно соответствует, причем вовсе не из-за какого-то там своего «яблокового» грехопадения, а с самого изначалья, может, и в соответствии с иномирным проектом под грифом «ЧЕЛОВЕК», а, может, и «НЕЧЕЛОВЕК» тоже, в общем, человек и нечеловек в одном физисно-метафизисном флаконе, почему нет?

Человек как иное — да, да, что-то и впрямь иное, то бишь вовсе и не это, что есть, ибо уж сам этот-то вроде бы известный человеку «человек-нечеловек» — трансцендентная загадка без разгадки, питаемая Великой Неизвестностью, Великим Иным и Вселенской Тайной, а всего лишь (!) воображаемый вместо него *некто* — НЕКТО!, о котором только и можно сказать — ИНОЕ, а вот что же тогда на самом-то деле, да вот кто ж это знает!

Труд — с верным или случайным созвучием со словами трение, трут, трата, даже и тренер, где всюду торчит это самое «тр», труд означает обычно энерго-затратную реализацию

жизнеотправления человека аки трение в руках человека сухих дровяшек друг о друга или камня о камень ради разжигания огня, вовсе иной раз трение совсем не легкое и по времени вовсе не краткое, то бишь как раз весьма энергично-затратное, что, правда, не означает, что труд не может быть и с машино-технологическим развитием стать куда как менее энерго-затратным, прекращая быть ручным, физическим, становясь механизированным, всё чаще будучи при автоматах просто наладочно-контрольно-наблюдательным. Обычно труд связывается с производством благ, что само по себе верно, однако труд повсюду в делах (!) жизнеотправления — он и в потреблении благ, и в отдыхе и даже в ничегонеделании, мало того, даже во сне (человек-то вроде спит, а организм-то его трудится, восстанавливаясь или, наоборот, от дурных снов неимоверно уставая), как и трудится человек во время прочиток книг, просмотра кино или телепередачи, особенно в ходе той же безудержной болтовни по мобильному телефону. Да, «без труда не вытянешь и рыбку из пруда», как гласит народная пословица, но ведь и самой жизни в ее разнообразных проявлениях от материнского чрева и рождения в материнских муках до смерти, тоже, кстати, не лишенной своеобразного труда, так вот и всей жизни во всех ее проявлениях тоже без труда не вытянешь: «жизнь — труд, а труд — жизнь!», в общем, без жизнелюбительства человеку никуда, причем и без обычно не замечаемого и как бы по виду нетрудового умственно-духовно-идеократического труда, который как раз в жизнеотправлении непрерывен и исключительно важен — вот уж без какого труда несть человека, хоть тут вроде бы ни тяжкого трения, ни производимых на виду благ, ни столь же видимого их потребления, зато иной раз такая колоссальная энерго-затратная и вовсе не безобидная для человека, его здоровья и даже морально-поведенческого состояния вдруг наступающая усталость, иной раз приводимая к такому нервно-физическому истощению, грозящему психопатологическом срывом, что никому из этакое пережившим почему-то мало и не кажется.

Глубокое думание, напряженное мышление, как и сопровождающие их не менее сильные переживания, сомнения, отчаяния, иной раз и буквально родственные изощренным пыткам — не просто труд, а труд в бесконечной трудовой степени! Труд естествен, необходим, не отрицаем и не исчезаем, и как бы ни хотелось его избежать, в особенности трудного (опять это «тр») труда, он всегда тут как тут, и что интересно: да, тяжкий, монотонный, еще и подневольный, не говоря о чисто рабском, труд явно тягостен для человека и вполне естественно, что человек стремится его избежать, но зато увлекающий человека труд, пусть по случаю или нет вовсе и не легкий, явно облагораживает человека, сам становясь в таком разе благом благом, не преминув и самого человека сделать столь же благом благом, вот оно как!

Творчество — изобретательный, выдумковый, инновационный, духовно-умственный труд, имеющий результатом что-то новое, необычное, не бывшее ранее, причем, увы, разное по знаку, можно сказать, что и разношёрстное: от чего-то явно или неявно позитивного до чего-то явно или неявно негативного, хотя что и с каких позиций считать позитивным, а что негативным, далеко не в каждом случае априорно бывает ясно, а иной раз сия смысло-знаковая оценка требует не только каких-то особых позиций или хотя бы опоры на традицию и авторитеты, но и заметного творческого усилия: творчество тут на творчество! Творчество — вовсе не всегда и, как правило, совсем и не всегда, каким бы оно ни было удобоваримым для творителя по ходу реализации и удовлетворительным для него по своему результату, легкий и безопасный в разных отношениях для из ряда вон выходящего творителя феномен-процесс, особенно ежели он бывает направлен на решение какой-нибудь явно экстраординарной, а то и экстравагантной, задачи, а вот самим ли творителем перед собой поставленной или выдвинутой перед ним сгустившимся в болевую сингулярную точку экзистентно-социальным контекстом, а то и вообще неизвестно кем-чем, оставаясь неразгаданной загадкой, причем

нередко и для самого творителя. Экстраординарное гуманитарное творчество — хождение, кстати, вполне и хозяйственное (хож-хоз), по лезвию бритвы, но это не всё — это еще и хождение в Неизвестность, да вовсе не нейтральную для творителя, а способную его не только назидательно без огня изнутри обжечь, но и, причем тоже без огня, испепелить! Сакральный критерий для гуманитарного творчества хоть и есть, но он проявляется и действует не от знания и использования его человеком, а трансцендентным образом, незнамо как, выборочно — кому «да», а кому и «нет», и несмотря на наличие здесь неразгадываемой тайны, философия хозяйства не минует указания на сей важнейший в гуманитарно-творческих деяниях момент, а чтобы мне быть правильно понятым, сошлюсь лишь на один, правда, не ученый, а искусствоведческий, но «оченно» значимый пример — на явление ныне знаменитого и активно внедряемого околотворческими активистами в неискушённое воображение обезумленно-изумленных людских масс в качестве смысло-знакового то ли позитива, то ли негатива, но однозначно безусловного-де шедевра, а именно на ныне знаменитый, чуть ли не «шедевральный», малевический «Чёрный квадрат», случайно явившийся под рукой талантливого художника, прилетев к нему аки «Чёрный лебедь», и им зачем-то оставленный на ярком свете и на белом свете. Ах, эти муки малевического творчества, вполне и действительные, ах, этот и ему — творчеству — конец, может, возвещавший и о Страшном Конце, кто знает: а вот какое этот «квадрат-лебедь» имеет отношение к Божиему Творению, то это уж на Земле не знает никто! Человеческое творчество, особенно гуманитарное, причем не так «научное», как философско-метафизическое — великая тайна, сопряженная с тайной самого Творения, и ничего нам не остается, как с этим могучим фактом попросту смириться.

Хозяйствующий человек в роли демиурга и теурга — долгое время хозяйствование человека было направлено на своё физическое выживание на Земле, в Природе, однако пришло время

не только выйти человеку из тенет Природы, но и, пойдя с опережающим воображением по неприродной хозяйственной дороге, не только приступить к сверхприродному преобразованию Природы и ее себе на Земле подчинению, но и к созиданию на всё более им осваиваемой планете Земля собственного, немало или даже вполне уже и неприродного, мира, что означало хозяйствовать не просто выживательно в лоне Природы, а хозяйствовать демиургически, строя города, дороги, механизмы и машины, речные, морские и воздушные суда, наконец, обеспечить выход человека в Космос, а ныне приступить с энтузиазмом, граничащим с безумием и бессознанием, к замене-дополнению естественного человеческого интеллекта искусственным, то бишь обратиться не к одной лишь «ремесленной» демиургии, а и к «магической» теургии, предполагающей уже не трансформацию природного мира и человека в нём, а их трансгрессию во что-то уже совершенно иномирно-неприродное.

Хозяйственная демиургия — созидание человеком всего неприродного, хотя и во взаимодействии со всё более преодолеваемой и подчиняемой себе Природой.

Хозяйственная теургия — созидательное человеком своего неприродного (или почти неприродного) аналога посредством роботизации себя и обыскуствования своего интеллекта.

Трансформация — целеположенная или стихийная перемена в форме, облике, содержании, конструкции любого мирового феномена-объекта без принципиального изменения его — этого феномена-объекта — сути-сущности, как и имени-обозначения его тоже.

Трансгрессия — целеположенная или же просто стихийная перемена в любом мировом феномене-объекте, затрагивающая и изменяющая его суть-сущность, что заканчивается переходом трансгрессирующего феномена в иное феноменальное нечто, либо уже иначе именуемое, либо сохраняющее прежнее имя, но по преимуществу уже как сугубо симулятивно-бутафорское.

Телеология — стремление Бытие-Истории к какой-то перед ним возникающей как бы само собой с ему неизвестной конечной целью, как и досужие и нет об этом стремлении метафизического порядка размышления.

Пересотворение мира — выйдя в ходе своего хозяйства и собственного развития (хотя бы от неандертальца, как полагает археоантропология, к кроманьонцу, а затем, как полагает тот же Ветхий Завет в Библии — от авелизма к каинизму), хозяйствующий (творящий) человек принялся в рамках продолжавшегося на Свете Творения (то ли в соответствии с ним, то ли ему вопреки) настолько изменять мир-природу как среду своего обитания, что с некоторого времени, а именно с просвещенчески-научного, стал убежденно и с энтузиазмом решать поставленную им самим перед собой задачу не просто быть в земно-природном мире, а его — земно-природный мир — под себя изменять, что означает не что иное, как грандиозное по замыслу трансгрессивное ПЕРЕСОТВОРЕНИЕ МИРА уже по человеческим лекалам, оправдываемое сие мощнейшее деяние самоуверенностью человека в своем подобии Богу Творцу и открывавшимися лавинообразно перед человеком научно-техническими каинского пошиба возможностями, однако не вообще перед человеком, даже и не перед вообще цивилизационным человеком, всё равно каким — древнеегипетским, вавилонским, древнеримским, карфагенским, древнегреческим, древнеиндийским или древнекитайским, как и тем же инкским и ацтекским, а именно перед новоевропейским человеком, да мало того что просвещенческим, но даже формально всё еще христианским, а по сути-то аккурат уже и антихристианским, впрочем, богословское это дело судить, каким это всё было в религиозном плане в Европе на самом-то деле, а не наше, не светское, однако все-таки перед неоевропеоидом, снявшим с себя всякие сакрально-природные запреты посредством сначала католической трансгрессии, а затем и протестантской Реформации, становясь при этом всё более амбициозно-агрессивным (имперо-колониалистским), к тому же и всё

более экономизированным (свободно-грабительско-капитало-предпринимательским), как и, разумеется, всё более онаученно-технизированным. Реальное пересотворение мира — дело, хоть и вспыхивавшие в древние времена, однако гасившееся то ли высшей сакральной волей, то ли самим земно-природным бытием, несмотря на немалые тогда повсюду научно-технические достижения, пусть так во времена оные и не называвшиеся, так вот это пересотворенческое дело — Дело! — в неотмененных (пока не отмененных) реалиях есть по сегодняшнему разумению предприятие как раз европейское, а затем уже и значительной части земного человечества, включая прежде всего европейское «дитяти» США и даже подключенную к сему грандиозному преобразовательному деянию радикально евровестернизированную неистовым Петром Великим Россию. Да, оно состоялось-таки — это хомосотворение мира-природы, пусть еще и не полное, сначала в Европе, а потом и по всему зёмному миру, существенно, а не абы как, его изменив по треку (пусть и кривому, и волнообразному, и прерывному) аккурат от природного мира к миру неприродному, а если сказать кратко, то «От природы к неприроде» или, что то же самое — от естества к искусству, от натуры к арту, от сакральности к профанизму.

Арт-мир — возникший в результате хозяйственного преобразования естественного земно-космического мира в искусственный мир весьма уже обыскусственным человеком, мало того, и самым ставшим объектом научно-технического пересотворения, главным образом, по линии своей роботизации и технонейрочипизации, причем не просто с дополнением, а и с вытеснением, даже и с заменой естественного организма с естественным разумом-когнитивом-сознанием некими их искусственными аналогами, если не с переходом — пока лишь в возможности? — к совершенно иному по сути и по контенту... нет, не существу уже вовсе, а некоему... технонейроагрегату. Тут остается все-таки безответным один важнейший вопрос: сие происходит согласно всевышнему

проекту Бога Творца или же вопреки этому проекту?, но в любом случае сие пересотворенческое деяние идет по треку (тоже кривому, волнообразному и прерывному) от дочеловека через просто человека и как будто бы еще человека, не очень-то хорошо себя самого до сих пор и знающего, к менее знаемому (уже человеком ли?) постчеловеку. Всё тут условно (мифологично), в особенности сам феномен-понятие ЧЕЛОВЕК! Как видим, хозяйство, оно же и ХОЗЯЙСТВО — вовсе не безобидный, да и не слишком-то известный человеку по своим истокам и результатам, вполне себе пересотворенческий феномен-процесс, который надо-де человеку вершить — и всё тут, а вот почему же, кроме обыкновенного природно-физического выживания, пусть и внутри человечества конкурентно-борческого, кто ж из смертных сие знает?!

Бытие-история — как раз то самое бытие, в котором человек пребывает и которое он частично сам и вершит, не вечное (есть ли таковое?), а временное, а для достаточно окультуренного европейски, т. е. ренессансно-просвещенчески, человека сие бытие, есть также с некоторых пор и история, то бишь текущее, изменяющееся, даже и телеологическое (не бесцельное) нечто: от истока («ист» — исток, история) до какой-то, пусть и неизвестной человеку (пока неизвестной) цели — истине (тоже неизвестной и тоже от «ист», однако не от начального «ист», а от уже конечного). Да, человек в меру сил и возможностей творит своё бытие, превращая его в историю, в эту цепь деяний, событий, происшествий, борьбы, побед, поражений, упадков, перемен, обновлений, катастроф, жертв, смертоубийств, — и всё это по треку от Природы (и своей собственной — человеческой — тоже) к Неприроде (и своей собственной, уже и постчеловеческой), и вовсе не на последнем плане тут вырисовывается не что иное, как... хозяйственность, да-да — ХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ!, которая и есть по сути само вершащееся бытие, и сама возделываемая человеком история — творимые, созидаемые, движимые, толкаемые вперед, ну и само собой, разрушаемые, сдерживаемые, прерываемые, отбрасываемые

назад, то бишь аки разнообразно и с противоположными знаками... хозяйственные!

Антимир — таковой тоже есть, причем не где-нибудь, а в самом же этом мире, включая и человеческий, и дело тут не только в земно-космическом аде или в той же трудящейся не на жизнь, а на смерть преисподней, не в войнах, воровстве, бандитизме, мошенстве, тюрьмах и т. п. «штучках», даже и не в смерти — что естественной, что насильственной, нет, тут всё куда как интереснее, страннее и страшнее, ибо сам мир и есть, пусть и не на все сто, антимир, что означает, что антимир субстанциально пронизывает мир, занимая ежели не весь его — мира — объем, то уж распространяя себя повсюду, отчего мира без проникновенно охватывающего его и затрагивающего если не всё, то уж... э-э... о-очень большое число его — мира — фиброчек, просто нет, отчего говоря о мире, мы — философы хозяйства — должны (обязаны!) иметь в виду не просто мир и даже не мир с сопутствующим ему антимиром, а прямо-таки мир-антимир, т. е. мир и антимир мало что в одном флаконе, а и в густо перемешанном между собой внутрифлаконном составе, что-то вроде хорошо перемешанного содержимого в химической реторте, а если добавить к вышеуказанным антимировским «ингредиентам» многое чего не только из повседневности и обыденности вроде скандализма, наркоизма и алкоголизма, но и из большой политики, деклассированного «искусства» и даже авторитетной науки, в особенности гуманитарной, псевдо-лже-, конечно, науки, как и ранее упомянутых политики и искусства, то навязчивое наличие антимира в мире вряд ли вызовет у здравомыслящих людей хоть какие-нибудь на то сомнения, особенно ежели задумаются они над тем, что есть человек, что есть его хозяйствование, что есть и пересотворение им мира, а что есть уже результат сего пересотворения — тут уж антимир не то что факт, а что-то уже чуть ли не доминирующая, похоже, что и чуть ли не окончательно, составляющая земно-космического всё-еще-мира, правда, немало уже, кажется, и постмира.

Апокалиптика — присущая всему во Вселенной, не говоря уже о земно-природно-космическом ареале с человеком, его жизнью и его хозяйством в центре сего ареала, тяга к антимиру, антибытию, антижизни, антихозяйству, античеловеку, ну и, как итоговый результат, к исчезновению мира, бытия, жизни, хозяйства, человека. Апокалиптика — спорая сопроводительница бытия, бдительная агентша и скорая на расправу акторша небытия, она то усиливает своё давление на бытие, то вынужденно под влиянием бытийного, жизненного, хозяйственного сопротивления его — это давление — ослабляет, однако никуда насовсем она не «деется», будучи всегда начеку, повсюду и на стрёме, что кстати, особенно наблюдается сейчас, причем по всему зёмному миру, не исключая и нынешней, будто бы яростно, согласно правящим кругам, процветающей, России.

Бытие-История как творимое и самотворящее творение — человеческое Бытие-История (с больших букв «Б» и «И», то бишь большое земно-природо-космическое Бытие и большая хомо-земно-природо-космическая История) хоть и творится постоянно человеком, однако не только, а может, и не столько им — ЧЕЛОВЕКОМ, сколько самим же Бытием и самой же Историей с участием Природы, Земли, Космоса, конечно же, Сакрала, а может и Мироздания в целом, если не всей Вселенной, ибо Бытие-История человечества есть деяние хозяйственное, в котором при этом кто и что только, помимо человека, не участвует, разумеется, по-своему, причем для человека не столь уж, как видится, и заметно, а ежели все-таки заметно, то более всего либо постфактом относительно де самовозникающих бытийно-исторических, что позитивных для человека, его жизни и хозяйства, что негативных, ситуаций, либо посредством актуально-фактической констатации человеком возникновения и присутствия в Бытии-Истории независимых от человека разнообразных, обычно им квалифицируемых как объективные, обстоятельств, отчего человеку ничего не остается, как бытийствовать, а с некоторых пор по его разумению и

исторически, в лоне, а точнее — во чреве, беспредельного вселенческого Бытия, что понятно, и большой, тоже не испытывающей никаких непременных пределов, Истории, что менее, быть может, понятно, но что является неоспоримым для человека фактом, ибо мало того, что человек не очень-то точно знает свою реальную историю, а в точности-то он ее и в самом деле не знает, да и знать не может и не должен, как и вроде бы творя свою историю, не может не без скорби, а может, и не без удовлетворения, не осознавать, что История во многом, если не в главном, мало что самотворится, так еще и творит самого человека, конечно же, «под ручку» со вселенским и земно-космическим Бытием: трансцендентно-произвольное это дело — творение бытия-истории человечества, причем не избегающее придать трансцендентно-произвольный характер и бытийно-историческому творчеству самого человека, и это несмотря на ставшую доминантной, если не священной, его — сего творчества — чуть ли не тотальную научность (сциентичность) с ее сугубой логичностью (и тем самым с ее де особой истинностью), подкрепляемой обширной фактологией, обильной информационностью и растущей ныне не по дням, а по часам операциональной техно-цифро-технологичностью.

Бытие-История как процесс — Бытие-История не идет линейно, плавно, безмятежно, его движению присущи колебания, подъемы и спады, пусть на какой-то срок и в каких-то локалиях и замерения, сходные иной раз с оцепенением, однако Бытию-Истории более всего доводится переживать рывки, откаты, разносы, стрессы, разрывы и самые что ни на есть взрывы в виде тех же войн, бунтов, восстаний, революций, как и переживать вдруг наступающие кризисы (они же патосостояния), порождаемые как самим течением Бытия-Истории, того же Хозяйства, так и непосредственными действиями человека — социальной, зачастую и подпольной, борьбой за власть, за чьи-то интересы, за чье-то благопревосходство, за кем-то и как-то понимаемую справедливость, нередко вольно или невольно провоцируемую текущей политикой

властей, теми или иными их «возмутительными» действиями, вроде тех же социо-хозяйственных реформ (бытийно-исторических преобразований де), просто административным произволом, бюрократическим бездействием, но также деятельностью помимо властей предержащих различных публичных — легальных и нелегальных — организаций, движений и сил вроде политических партий, профессиональных и иных, тех же этнических (диаспорных) союзов, религиозных, не исключая сектантских, движений, различного рода клубов, кружков, объединений, обществ, конгрессов, тех же масонских лож, а также картелей, концернов, банков, финансовых групп, как и любых иных, включая мафиозные и уголовные, акторов, в общем, Бытие-История — весьма произвольно-беспокойный, хаосно-вихревой и даже не в меру апокалиптико-патологический процесс, причем всю иную раз для человека страдательный, жертвенный, смертоносный, настоятельно требующий от человека стойкости, самоотверженности, но при этом немало и смекалки, хитрости, изворотливости, находчивости, даже и произвола, не обходящегося, конечно, без, как принято говорить в цивилизованном мире, разнообразного криминала, обычно преследуемого законом и так или иначе наказуемого. Философия хозяйства всё это учитывает, придерживаясь не так бытийно-исторической закономерности, якобы открытой гуманитарной наукой-физикой, а трансцендентно-стихийной телеологичности движения Бытия-Истории от некоего неизвестного «От» до некоего и столь же неизвестного «До»!

Хозяйство как многоходовый ход — субъективно-объективный, ведóмо-стихийный, телеогенно-произвольный, линейно-нелинейный, покойно-турбулентный и т. д., что само собой, однако еще и многоходовый, состоящий из разных, между собой органично-противоречиво-противоходно взаимосвязанных, пересекающихся и переплетающихся, частно-особенных ходов, из которых философия хозяйства выделяет для себя четыре: «ход человека», «ход вещей», «ход неизвестности», «ход иного».

«Ход человека» — хозяйствование ради жизни и творцовско-сотворцовского выхода за пределы данного человеку земно-природного мира в мир иной — генетически уже значительно человеческий.

«Ход вещей» — бытийно-исторический самоход, обычно понимаемый как объективный и потому называемый объективным, однако имеющий свои, пусть им самим и не осознаваемые, самоцели, самоинтенции и движущие самосилы, превращающие хозяйственный процесс в некий самопроцесс, отчего и является в сознании и когнитиве философии хозяйства обобщающий образ — «ход вещей», когда «вещь» — всё что угодно, как и не-угодно, из самовозникающего в ходе Бытия-Истории и Хозяйства как такового феноменально-событийного и ноуменально-процессного вроде тех же кажущихся поначалу беспричинными хозяйственных кризисов и бытийно-исторических упадков, как и, наоборот, столь же кажущихся пассионарными бытийно-историческими подъемами и хозяйственными процветаниями. Та же какая-нибудь социо-хозяйственная революция делается вроде бы «ходом человека», да вот готовится она более всего как раз «ходом вещей», как, собственно, фактически во многом и реализуется. «Вещь» в данном случае — «штука» загадочная, замешанная на трансцендентности, как, собственно, и сам «ход вещей» тоже, а что касается причин того или иного «хода вещей», то они и по прошествии времени даже при вполне заметном следе от его «работы» (от той же, к примеру, революции) не становятся особенно яснее, отчего и является в воображении философии хозяйства предпочтение именно «ходу вещей», а не ходу логично-де реализующихся объективных-де закономерностей, — вот оно как!

Ход неизвестности — «ход неизвестности» на то и ход неизвестности, чтобы быть неизвестным человеку бытийствующему и хозяйствующему, однако игнорировать его присутствие в ходе Бытия-Истории и Хозяйства как такового философии хозяйства не приходится. Да, неизвестность бытует в самом Бытии-Истории

и таится в самом Хозяйстве, мало того, влияет на Бытие-Историю и хозяйствует в Хозяйстве, но она ведь и вне Бытия-Истории и Хозяйства, причем не так неизвестность бытует в лоне Бытия-Истории и Хозяйства, хоть это и есть, как эти последние реализуются в лоне неизвестности — Великой Неизвестности. Неизвестность пугает человека, наводит на него страх, но и влечет его, стимулируя его деятельские и творцовские устремления, более того, является абсолютно необходимым фактором-условием бытия человека, его хозяйствования: хочешь быть, хозяйствуй, однако то и другое в лоне Неизвестности и при наличии неизвестного человеку «хода неизвестности» в самих Бытии-Истории и в Хозяйстве, а чтобы лучше это понять, то достаточно хотя бы вообразительно поместить себя на поле боя и представить себе, что же это такое для участника боя неизвестность и ее неизвестный ему ход, хотя всё подобное можно заметить и в самой что ни на есть вроде бы мирно текущей жизни, особенно, когда неизвестность срывает не «против», когда бывает весьма для субъекта прискорбно и чувствительно больно, а «за» человека, его жизнь, его судьбу и, что греха таить, его карьеру, как и за жизнь и судьбу семьи, коллектива, предприятия, сообщества, общества, народа, нации, цивилизации, государства, режима, правительства, вообще всего того, что есть вокруг земно-человеческого, и что как бы и не стоит особой благодарности, а просто идет себе и идет, а вот когда «против», то со стороны проигравшего в адрес неизвестности мало что недоумение, так еще и проклятие, хоть сама по себе неизвестность совсем тут бывает не причем. Достижения, удачи, победы воодушевляют, принимаемые, так уж заведено, за «свои», на крайний случай, за свалившееся откуда ни возьмись чудо, вот а промахи, неудачи, поражения непременно ставятся в вину ни в чём таком не повинной неизвестности: ничего не поделать, такова она — греховная суть человеческая!

«Ход иного» — иное на то и иное, чтобы противостоять, противодействовать, изобличать и отрицать наличную (текущую)

бытийно-историческую и хозяйственную реальность, верша это нескончаемое «злодеяние» как изнутри (из глубины) реальности, ее безжалостно обнажая и разоблачая, так и извне, всего более в таком разе смыкаясь с Великой Неизвестностью, ею же и непрерывно вдохновляясь, и всё это ради поощрения трансцендентно-телеометалогического движения реальности вперед, как раз во всегда поджидающую ее неизвестность. Тут-то начеку как раз и «ход иного», провоцирующий прогрессное обновление реальности, вызывающий в ней радикальные перемены, пусть и через посредство напряжений, волнений, кризисов, взрывов, падений и подъемов, потерь и исчезновений, однако при этом не позволяя реальности, обновляющейся по его и — «хода иного» — инициативе, оставаться в своем витиеватом и даже вихревом движении от себя фактической в нефактическую неизвестность, отчего и никогда не достигая чаемых преображенческих целей, а, наталкиваясь на ею непредусмотренное результатное иное, бывает вынуждена, корбясь и корчась, вновь устремляться к себя обновлению, то бишь опять же к чему-то иному. Так вот и идут Бытие-История и Хозяйство по трансцендентно-телеометалогическому треку: от этой текущей реальности к иной, да не просто к иной, а к уже и иной иной реальности, вполне ранее и не предусмотренной, за которой следует новая реальность, непременно, причем более всего невольно и вслепую ждущая от вездесущего иного уже себя самой отрицания, частенько и кровососного, с новым тяготением реальности к чему-то иному, а по факту своего преображения получая не чаемое ею иное, а опять какое-то иное иное, а далее на очереди... э-э... всё то же самое: от «этого» к «иному» под влиянием обступающей реальность Иного, обретение в реалиях «иного иного», становление чего-то нового и... никак не избавиться бытийно-исторической и хозяйственной реальности от этого порочно-непорочного, изменно-переменно-прогрессно-регрессного, трансформационно-трансгрессивного круга, вполне прямо-таки магического!

* * *

Тут требуется заинтересованно-понимательное обращение к роли в «ходе бытия-истории» и «ходе хозяйства» высшей сакральной силы — Сакрала, однако философия хозяйства предпочитает воздержаться от сего размыслительного акта, ибо ей ничего не остается в таком разе, как вновь выйти на все выше описанные «ходы», разве лишь подразумевая наличие влияния на них и весь их синтезный ход высшей сакральной силы — Сакрала, истинные мотивы которой-которого человеку и, соответственно, философии хозяйства не просто не известны, но никак им и не познаваемы, даже и воображительно. Обойдемся оттого без фантазий, это ведь не детективы с любовными романами писать — тут Тайна, да еще какая!

* * *

Выворачивание Бытия-Истории — Бытию-Истории как хомо-земно-природно-космогенному феномену-процессу или как просто человеческому в окружающем человека экзистенциально-хозяйственном контексте Бытию-Истории, вовсе при этом не райскому, а заметно как раз адовскому, присущи стихийность, произвольность, динамическая нелинейность, волнообразность, колеблемость, прерывность, скачкообразность вверх и вниз, как и смена редких периодов замирения, покоя, затишья и благоденствия, пусть и относительных, периодами вовсе не так уж и относительных расстройств, потрясений, кризисов, невзгод, упадков, масштабных потерь с обычно сопровождающими сии негативные периоды хомо-натуро-земно-космогенными апокалиптическими событиями, акциями и происшествиями, если не прямо катаклизмами и катастрофами, как самовольно-объективного, так и вольно-невольно-субъективного происхождения. Такая сменная периодизация бытийно-исторического процесса вполне ему органична, разумеется, с учетом трансцендентной обусловленности что самого Бытия-Истории, что его движения во времени, реализующихся в «мрачном от неизвестности логове» Вселенной, что никоим образом не предполагает для Бытия-Истории возможности стабильного на века системного упорядочения своего текущего состояния,

а для его движения — сугубо ко благу направленной линейности, отчего и само хозяйство оказывается совсем не в малой степени апокалиптико-патологическим феноменом-процессом, однако при этом все-таки телеологически обновленческим, а по просвещенческому дискурсу — прогрессным, а согласно философско-хозяйственному нарративу — миропересотворенческим. Так или иначе, но Бытие-История, будучи феноменом-процессом содержательно-качественным, становится в итоге периодных пертурбаций иным, однако не просто посредством периодических отрицаний чего-то бытийно-исторически наличного, а затем отрицания отрицания последовавшего уже за отрицанием обнаженного первым отрицанием Бытия-Истории, а в особо переменчивых случаях через прямо-таки выворачивание Бытия-Истории из самого себя, словно выворачивание из себя больного падучей, и не просто обнажения текущего Бытия-Истории, а и вытаскивания наружу и наверх всего того, что хоть всегда и присутствует в текущем Бытии-Истории, но, скажем так, в замкнутом или свёрнутом, а то и в потаённом, виде, причем всякого по сути и знаку — как позитивно-энергийного, так и негативно-энергийного, причем в великом, практически бесконечном разнообразии того и другого. Подмятая текущим Бытием-Историей потенция к перемене получает возможность вырваться из бытийно-исторического плена и заявить о себе в полный голос, однако важно чей и какой голос — человека-творца-демиурга или же человека-животного-зверя-беса, как и каким оказываются разбуженными в переломный момент бытийно-исторические энергии, да и к каким текущим результатам приводит сие выворачивание из себя Бытия-Истории, вовсе не исключаящее торжества квази-, анти- или попросту не-бытия, как и превращения истории в всклокоченный «бурлеск», а также триумфа сопутствующей сему вихревому деградированию особенно услужливой в таком разе хозяйюшки — смерти!

Выворачивание вывернутого в ходе Бытие-Истории — вывернутое на изнанку, утратившее воспроизводственную норму,

изрядно иной раз и расчеловеченное, Бытие-История, продолжая быть в саморазверзии немало и израненным, рано или поздно, осознанно всюду человеком или же не очень, вольно или невольно, как имманентно, так и трансцендентно, преодолевает угрозу полной себя отмены и устремляется к восстановлению своего и ради человека как человека жизнеспособия, для чего Бытию-Истории приходится идти на *выворачивание вывернутого*, а не всего лишь на *отрицание отрицания*, причем, хоть и кому-то кажется иной раз, что на реставрацию всего вывернутого с возвратом к прежнему бытию, но фактически все-таки лишь к частному возврату, да и то относительному, а на самом-то деле уже к новому бытию, устремлённому к чему-то явно ранее не бывалому, а вот к лучшему или худшему в сравнении с прошлым и настоящим имеет значение лишь для каждого из частных случаев выворачивания вывернутого, кстати, не менее нередко драматичного, страдательного и смертоносного, чем преодолеваемое им предшествующее, часто революционное по сути, выворачивание Бытия-Истории: иное тогда наступает Бытие, по-иному тогда и течет История, иными становятся жизнь и хозяйство, иным оказывается, не изменяя в полноте и коренным образом своей всё еще человеческой сути, и человек.

Ноосфера — согласно распространённому ныне восприятию тезиса, вышедшего из теософского учения католика-иезуита П. Тейяра де Шардена и «научно» обоснованного русским ученым-естественником В.И. Вернадским, ноосфера есть идеальная сфера Разума, существующая в земно-природно-космическом мире наряду с геосферой и биосферой, телеологически обогащаемая ментально-содержательно усилиями высшего после Бога разумного существа — ЧЕЛОВЕКА, тем самым идущего, надо полагать, к своей пост-истории и к Золотому Веку своего то ли еще-бытия, то ли уже и пост-бытия. Однако современная философия хозяйства склонна видеть в ноосфере не так сферу Разума, как сферу прежде всего Сознания, хотя и вкупе с Разумом, но при этом

не лишённую, как и те же индсознания с массосознанием, бессознания и того же безумия. Понимаемая философски-хозяйственно, ноосфера — трансцендентный аккумулятор, силовое поле и источник трансцендентно переводимой в человеческие мысли, решения и действия энергии-информации, причем вовсе не обязательно, что, в доброкачественные, а и немало во вполне зловредные, мысли, решения и действия. Да, это глобальное, общечеловеческое, бессубъектное Сознание вкупе с такого же рода Разумом и сопутствующими им бессознанием и безумием, как раз то самое Нечто, без которого, надо-можно полагать не было бы ни индсознаний, ни массосознаний, причем при всём при этом остается открытым вопрос, что же здесь из всего указанного первее, «раннее» и основное?, однако сей вопрос остается и останется для человека безответным, ибо тут уж... Тайна! Да, человек вроде бы всё сам за себя решает, сам и действует, причем, вроде бы даже по своему разумению, но почему-то неотвязно кажется, что на его, пусть и как будто бы вполне осознанные и даже выверенные решения и действия что-то влияет из средово-контекстового, но не из зёмного, не из природного, что само собой, а из чего-то идеального, от человека, однако, неотрывного, но при этом как бы и... нечеловеческого, нет, не Господнего, хоть это и не исключается, а вполне себе своего — ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО! Вот и выходит, что человека как индивида или как той же людской массы нет без этой самой НООСФЕРЫ, как, естественно, и ноосферы нет без ЧЕЛОВЕКА как индивида и как массы! Пришедшее Тейяру и утверждённое Вернадским откровение «за ноосферу» обладает большим, очень большим, еще вполне и не осознанным в ученом мире, смысловым зарядом, — что факт, то факт!

Социум — человек — существо социальное, общественное, совместностное, то самое существо, прошедшее, идя по пути как от собственной, так и от окружающей его природы в сторону неприроды, от стадной проточеловеческой общности через родоплеменную и общинную совместность к народо-нацио-цивилизаци-

ванной общности — к *социуму*, однако сохранившему, пусть в разных локалиях и по-разному, пусть и преобразованные, но все-таки те же или иные близкие к археотипам, не исключая даже и стадности, виды общности, не говоря уж о родоплеменных и, тем более, народо-национальных. Современный социум, несмотря на повсеместно утвердившиеся цивилизационно-государственно-культурно-культовые единения, не избегает и не может избежать не только этнических (по крови) различий между членами самого что ни на есть де развитого и прогрессивного социума, но и, что особенно бросается в глаза, как раз обыденно-культурно-культовых плюралий, не только не исчезающих и, тем более, не искоренимых, но время от времени, там или сям дающих о себе знать этно-культо-культуровыми напряжениями и конфликтами, а то и откровенной между социоплюралиями враждой, не брезгующей и вооруженной борьбой, кровопролитием и смертоубийством. Отсюда схожее в общих чертах, даже и общее, совместное национально-страновое хозяйство, но и его, этого хозяйства, частно-локальные различия.

Этнос — народ (на-род), главным признаком которого является, что бы ни говорили особенно ныне расплодившиеся так называемые денационализировавшиеся «граждане мира», а на близкой памяти называвшиеся в СССР «безродными космополитами», этим-то главным признаком является не что иное, как родство, если уж не совсем по крови, то уж по родовому наследию от этно-предков к этнопотомкам, под чем понимается устойчивая передача генотипических общих физиологических, психических, характерных, поведенческих и даже когнитивных свойств, разумеется, в их индивидуальном (личностном) и локально-массовом разнообразии, и вот мы видим, что пока на планете Земля преобладают все-таки не «безродные космополиты», а связанные так или иначе общим родовым генотипическим наследием народы с соответствующим цивилизационным, прежде всего государственным, обустройством и идейно-культуровым, не без влияния религиозно-культо-

вого фактора, единением.

Цивилизация — неприродная, хоть и не теряющая связи с Природой, учрежденчески-институционально оформленная организация социума с соответствующей ей по преимуществу тоже неприродной культурой, что делает само бытие человека иным, по преимуществу как раз неприродным, аккурат, согласно Библии, не авелевским, а каиновским, то бишь городским, обыскусственным, если и не вполне омертвелым, то уж и не шибко жизненным, хотя и подвижным, туда-сюда мельтешинным, шумным, грохочущим, воющим, что не значит, конечно, что цивилизации лишены человеческой жизни как таковой, но что значит, что она — сия жизнь — какая-то все-таки не совсем жизненная жизнь, а так — некая цивилизованная, весьма и адовская, экзистенция, что особенно характерно для современной тотально индустриально-технотронной эпохи со всё большей ролью захваченного электронно-компьютерно-цифровым угаром постиндустриализма — всё менее человеческого, да и вообще всё менее по сути и витального.

Власть — владетельная сила (власть — от владения!), держащая, скрепляющая, ведущая социум или, наоборот, его цепенящая, причем всё равно какой социум: мини-, макси-, микро-, макро-, мега-, опять же любая по субъективности и имманентному устройству сила: личная, коллективная, общественная, простая, многосложная, структурированная — по горизонтали и вертикали, как правило, управленчески направленная сверху вниз, при этом адекватная или неадекватная, органичная или формально-симулятивная относительно подвластного ей социума, обеспечивающая его жизнеотправление или, наоборот, сему препятствующая, доводя его до омертвело, хоть и внешне даже подвижного, оцепенения, во всяком случае, это безусловно хозяйственная и хозяйствующая сила, что в особенности отчетливо проявляется при явной ее — этой силы — субъектно-управленчески-функциональной выраженности. Власть обычно не избегает и не может избежать того или иного насилия над подвластным ей социумом —

мягкого и жёсткого, щадящего и беспощадного, оправданного и произвольного, а также власть сопровождается и не может не сопровождаться приемлемой (не без выгоды!) для нее идеологией (в широком смысле идеологией — от идейно-духовной традиции и «личной» убеждённости в правоте и непогрешимости властвующего субъекта до бытующих в социуме культуровых и религиозно-культовых, включая тайные, отправлений, но также и от возникающих или же издавна реализуемых различных ментально-психологических, включая непосредственно и оккультные, практик до так или иначе в пользу власти идеократического обоснования проводимой властью политики с формированием подходящего для нее информационного, не очень-то и, как водится, правдивого, поля). Власть амбивалентна: с одной стороны, она ответственна, трудозатратна, тяжка, обременительна, даже с разных сторон и в разных аспектах для ее предержащих небезопасна, а с другой — притягательна, она приносит властителям ни с чем не сравнимое удовлетворение, даже невообразимую сладость (власть — сласть, кто испытал, тот знает!). За власть держатся, за нее борются, неохотно с ней расстаются, за нее или из-за нее и гибнут. Власти в ее текущем субъектно-полит-управленческом выражении обычно так или иначе противостоят, с ней и борются, как ею на тот момент недовольные, тем более ею угнетаемые, так и властью обделённые, однако на нее и несущие ею блага претендующие (прежде всего из этаких социально-политических «бастардов»). Действующая власть, конечно, защищается, проявляя чудеса не так героизма, как изворотливости, лукавства и жестокости. Тут вообще целый клубок противоречий, борческих устремлений и запутанных тайн, а главное — внезапных неожиданностей, включая и кровавые, за которыми стоит Великая Неизвестность и скрывается Великое Иное. Вот уж где бывает вольготно сáмому что ни на есть преисподнему хозяйству, круто замешанному на антихозяйстве — не на жизнь, а на смерть! И никакой тут никому пощады, хоть живым, хоть мёртвым (не без, конечно, счастливых исключений),

никакой априорно твёрдой пожизненной опоры и гарантированной послежизненной имя-славной страховки.

Индивид — человек сам по себе, но не как животный организм, что всегда так и есть, а как выделяющая себя в среде и среди социума, как раз цивилизованного (городского, неприродного, каинского), самостоящая и за себя отвечающая по жизни особа (личность, индивидуальность), что вовсе не обязательно, что относительно социума сия особа есть отшельница, хотя частично может и так, а более всего просто самостоятельная и выделяющаяся в социуме фигура, причем так или иначе сама сидящая в структурированной людской массе и в социуме с той или иной активностью участвующая, становясь и будучи его самостоятельным актором, а не поглощённым социумом, от него всецело зависимым и в нём «по уши» застрявшем его — социума — атомом (вроде икорного ядрышка в консервной банке).

Собственность — индивида отличает в жизнеотправительно-хозяйственном отношении обладание и распоряжение собой и чем-то своим, собственным, только ему принадлежащим, чем он сам по своему усмотрению и своим возможностям и распоряжается: производительно, потребительно, распределительно, наконец, и обменно, что означает, что тот или иной индивид всегда на что-то объектное или чему-то объектному субъектный собственник, а сам феномен собственности выливается в понятие *собственности*, однако вовсе не обязательно чисто и всегда личной, индивидуальной, но и групповой, коллективной, общественной, всегда субъектно обозначенной, то бишь непременно чьей-то!

Собственность на средства производства — одно дело обладание собой или тем же своим жилищем, как и добытыми вручную из природной кладовой потребительными благами, совсем другое — обладание тем, что стало принято в осмыслявшей феномен собственности просвещенческой мысли называть средствами производства, разумеется, не обладание лукошком для сбора ягод и грибов, как и не той же землеройной мотыгой,

не говоря уже о сучковатой палке, а теми средствами, что позволяли вести, пусть и поначалу по-авелевски в чисто природной, а затем и по-каиновски во всё более неприродной, среде, постоянное, пусть и сезонно прерываемое, производство благ: от обладания рабочей лошадью с сохой и повозкой, как и тем же крупным и мелким скотом, домашней дичью, до обладания механизмами вроде мельниц или тех же кузен, а всего круче — машинами, станками, материалами, сырьем, а в итоге — мастерскими, фабриками, заводами, комбинатами, плавсредствами, а со временем и железными дорогами, автотранспортом, электростанциями, аэропортами, самолётами, как и всякой вообще инфраструктурой. Политэкономия уделила много внимания феномену собственности на средства производства, более всего, как она сама и определила, феномену частной (личной, коллективной, институциональной) собственности, как раз и отвечавшей всего более потребностям в веках становившейся и укреплявшейся человеческой индивидуальности вкупе с возрастанием ее роли в жизнеотправлении человека, в реализации хозяйства. Политэкономия, выступая в данном случае по философски-хозяйственному, зафиксировав и всесторонне рассмотрев феномен собственности, выделяя его частную и общественную версии, хотя, заметим, общественная родоплеменная собственность тоже ведь была относительно иных родоплеменных общностей вполне себе частной (хоть, не хоть, а от «частности» в аспекте собственности никуда!), но все-таки не ответила на вопрос, да его и не ставила, а именно: в изначальной ли природе человека или нет это стремление к обладанию собственностью?, предпочтя исходить более из внешних мотивов и обстоятельств жизнеотправления, чем из природы самого человека, а ведь не отсюда ли невообразимая живучесть того, что принято в политэкономии называть *капитализмом*, как и на глазах современников подтвержденная неживучесть (точнее, невозможность!) того, что в политэкономии, пусть и не во всей, с предыханием называлось и до сих пор называется неукротимыми адептами того, чего нет и

быть не может, а именно... *социализмом*?! Не научность ведь тут никакая, а самая обыкновенная вера — вера в социализм! А вот философия хозяйства, которая не «наука» и не «вера», отвечает на сей сакраментальный вопрос так: собственность в природе вообще-то всего вокруг, ибо везде есть чего-то производство и чего-то потребление, необходимые для жизнеотправления всего экзистенцирующего во Вселенной феноменального разнообразия в его любом экзистентном выражении. Она — собственность — присуща отродясь и человеку, хотя бы в ярком проявлении как достигающееся что-либо поболее из той же пищи более сильной особи, причем вовсе не в цивилизациях, что само собой, а и в самой что ни на есть простейшей общности — в проточеловеческом стаде. Любая общность — необходимость для выживания всех ее членов, а основанием сей необходимости является не любовь человек к человеку, хоть это и не исключается, а самая что ни на есть естественная потребность жизнеотправления всех вместе, совместно, скопом, ну а когда можно без этой совместности обойтись, как в тех же цивилизациях, то... э-эх... тут-то и вылезает ее Величество Собственность, причем лезет всего более как частная, как раз такая, какую любит одна и какую ненавидит другая из вечно борющихся между собой версий политэкономии.

Эксплуатация — осознанное человекообразным субъектом, не слишком осознанное, а то и вообще бессознательное, пользование им чем-либо или кем-либо для достижения той или иной хозяйственной цели: природой, землёй, орудиями труда, рабочим скотом, механизмами, машинами, конструкциями, зданиями, дорогами, инфраструктурой, ну и, разумеется, другим человекообразным тоже, причем пользование не с одним лишь прямым потреблением, сопровождаемым убыванием, изнашиванием, исчезновением, но и с восстановлением, поддержанием, возрождением, ремонтом, реконструкцией, дополнением если не всего эксплуатируемого, то уж необходимой в тот или иной момент его части.

Эксплуатация человека человеком — помимо людоедства

как действительного, так и метафорического — человеку хозяйствующему присуще пользование другим человеком, его трудом, способностями, талантами в своих хозяйственных, пусть и высокомотивированных, высококультурных, высокоинтеллектуальных и даже высокодуховнокультовых, не говоря уж о примитивно-потребительских, чисто производственных, как и тех же войновских, целях, то бишь человеку как земно-космическому существу, наделенному физическим организмом, требующим постоянного физического же воссоздания, ухода, обслуживания, так и наделённым сознанием, тоже требующим себя поддержания посредством уже метафизического потребительства, но и дающему человеку возможность находчиво и даже изворотливо решать сии физио-метафизио-проблемы, однако не только своими собственными индивидуальными усилиями, но и усилиями другого человека, им в данном случае как раз и эксплуатируемого. О-о, эксплуатация человека человеком мало что постоянно и всюду есть, причем не может не быть и не быть постоянно и всюду — от рождения до смерти человека, не говоря о бытии человечества в целом, как и любого социума, но она — сия эксплуатация — настолько разнообразна, нюансна и хитра, зачастую очень ловко закамуфлирована, причем вовсе не обязательно, что вершится она всегда вполне осознанно, и не будет никаким преувеличением заявить: «Хозяйство человека-человечества и есть эксплуатация человека человеком, а иного тут и быть не может, но что самое поразительное — и не должно!», а чтобы не быть тут голословным, приведём только одну по сему поводу восточку: разве та же мать семейства, она же так или иначе полная или частичная домохозяйка, не эксплуатируемое ли своими же родными ей человечками и человеками, животное существо, пусть и ее любящими, хоть это далеко не всегда и так, как и, наоборот, не эксплуатирует ли мать-домохозяйка своих семейных, пусть ею и любимых, хоть это тоже не всегда так, а-а? И столь же «ужасных» примеровых восточек можно привести сколько угодно, аккуратно на целую спецэнцикло-

педию хватит: не только в семейно-родственных или тех же родоплеменных отношениях, но и в трудо-работных, служебных, милитарных, всё равно и всё одно где и как проявляет себя этот неизбежный и неизживаемый эксплуатационный механизм-эффект, не обходящий стороной и человека самого по себе, тоже ведь способного себя самого изрядно эксплуатировать, исключая разве что патологических ленивцев, бездельников и паразитов, этих в общем-то недо-, не-, а то уже и пост-человеков. Что поделаться, так уж устроен это наш — человеческий, и не только, увы, человеческий — мир: эксплуатация, эксплуатация, эксплуатация!

Рабство — вовсе не только хорошо известное, издревле вносимое в фактически античеловеческий, скотоработный и псевдосоциальный разряд, в лучшем случае возводимое в цивилизационный квази- или недо-хомо-социальный ранг, есть не что иное, как вполне и откровенное, без всякого на то цинизма, полное владение и распоряжение трудовой силой, что само собой, но даже и творческой силой, что было, может, и исключением, но не таким уж и кое-где редким, в общем, владение и распоряжение силой одних людей другими людьми, мало того, и самой жизнью, аккурат рабов со стороны их хозяев-собственников. Однако наряду с тоже известным и тоже откровенным полурабством вроде крепостнического крестьянского и домохозяйственного («челяднинского») в той же петрокатерининской и далее романовской России, в Бытии-Истории-Хозяйстве имеются и другие, более или менее замуфлированные, проявления по своей сути всё того же бессмертного рабства, из которых наиболее бросается в глаза феномен не явно подневольного лично-собственнического, а всего лишь экономического, более известного как феномен буржуазно-капиталистический, рабства — наёмно-трудового, якобы даже «хому-труд-свободного», хотя момент свободы здесь все-таки был и есть, той же личной свободы и будто бы личного выбора (идти в трудовой наём или не идти), однако есть тут еще момент-моментике явной, вполне себе и рабообразной, эксплуатации человека

человеком, пусть и через свободную-де куплю-продажу рабочей (и творческой тоже) силы с выплатой денежного за труд вознаграждения, иной раз и вполне себе сносного, даже и с оказанием кое-каких доступных для наёмных трудяг услуг — жилищных, простых образовательных, медицинских. Да, конечно, это не те же египетско-вавилонское или греко-римское рабства, в которое попадали, как правило, захваченные в завоевательных войнах иноземцы и иноземки, но все-таки не что иное, как рабство, с которым генетически в русском языке, кстати, связано и слово «работа», а вот в просвещенной Европе, замечу особо, до сих пор слово «раб», произносимое «по-аглицки» slave (слейв), а по-французски esclave (эскляв), что означает, увы, не более, не менее, как славянин (да-а, было время-времечко!), но что нам по этому поводу волноваться, ежели в самой России собственный славянский народ попал по воле собственного европеизированного самодержавного правления в «крепость», то бишь во вполне себе рабство. А разве не в новой «крепости» оказался всё тот же российский (прежде всего, русский) народ, освобождённый-де от рабской феодально-буржуазно-государственной эксплуатации Октябрьской революцией, да вдруг оказавшийся на родной земле без паспортов и возможности покидать родные окоёмы, без удержу трудясь на родной земле на общегосударственные нужды и, до нитки обобранный, еле содержа себя и свои семьи своим же собственным на скромных приусадебных участках трудом, да еще с уплатой натурального оброка с домашнего хозяйства вплоть до «дохода» от фруктового дерева, а уж о ГУЛАГовской «крепости» с учеными «шарашками» и говорить не приходится. Чем тут был не Древний Египет с Вавилоном или Антика с ее величественным Римом: этатизированное рабство, прикрытое кривозеркальной пропагандой о свободном-де социалистическом труде и небывало светлом общежитии трудового народа. А ведь в бытийно-историческом «Зазеркалье» всё это было весьма оправдано железной необходимостью, что в значительной мере так и было — сие «большевистское» рабство

служило всё той же, уже на новом уровне, индустриально-социалистической европеизации страны, ее обороне от внешнего, прежде всего, как раз от европейского, врага, ведению страшной небывалой войны с фашистской Европой, а в искрящийся славой бытийно-исторический, он же по сути и хозяйственный, момент — достижению Великой Победы в этой Великой Войне. Факт! Как и всё вышесказанное о рабстве тоже ведь факт! Политэкономия, во всяком случае, марксистская, выделяет такой феномен-понятие, как «способ производства», хоть к реальному производству он не имеет никакого отношения, зато имея по очищенной от собственно производства социально-философской версии всё той же политэкономии отношение к социуму и реализующимся в нём социально-собственническим, включая эксплуатационные, отношениям: первобытно-общинным, рабовладельческим, феодальным, капиталистическим, ну и надуманным социалистическим. Заменяя понятие «способ производства» более точным «способ бытия-хозяйства» и приняв во внимание вышеприведённые рассуждения об историческом бытовании рабства, заметим ничтоже сумняшеся, что любой (!) такой способ есть не что иное, как способ того или иного... э-э... *рабства*, а вот жёсткого, принудительного, умеренного или даже мягкого, то это зависит от эпохи и места его — рабства — реализации, от господствующей тогда и там идеологии, включая и религию, от различных иных объективно-субъективных обстоятельств. А что же сейчас, в текущую высоко-де-интеллект-эпоху? В разных местах по-разному, да везде всё одно... э-э... опять это вездесущее и бессмертное аки Кощей рабство, включая и нынешнюю РФ, где, конечно, если не жёсткое, как при царях и большевиках-сталинцах, но все-таки оно самое, пусть и умеренное, даже местами и мягкое, а главное, незаметное, ловко камуфлируемое официальным умолчанием, спецпропагандой, ловкой игрой в демократию, даже и прикрытое поп-рок-анти-искусством с вездесущим и тоже бессмертным мошенством, но все-таки... *рабство*, включая и бурно развивающееся высоко-де-интеллекту-

альное цифровое, а чтобы не кипятиться по поводу сего «ужасного» утверждения, то было бы полезно понять и усвоить одну о-чень простую вещь (весть): рабство не просто разнообразно, а и многолико, да так при этом лицедейно, что образованным просвещенчески умам никаким рабством и не кажется, а уж властным правлениям и не должно казаться, однако... э-э... хватит, и так всё ясно, да и каждому уму-разуму ведь не потрафить ни своим утлогрюмым заключением, ни даже как таковой, вдруг открыто представшей перед изумлённым когнитивом, реальной истиной!

Государство как государство — величайшее изобретение каиновской цивилизации — совершенно идеально-виртуальный, однако располагающий реальной, да еще какой!, властью и силой феномен-призрак, понимание которого столь же далеко от фактически реального, как и вообще понимание чего угодно из земночеловекообразного, когда определений и трактовок чего-либо уйма, а вот ясность всё там же — в нави: неуловимая она — хомосоциальная реальность-ирреальность, что эта, что та, что и совсем иная. Да, конечно, государство — это всегда институция, структура, система, аппарат, механизм, правление и управление, а главное — *власть*, да вот что же это такое на самом-то деле, ежели не попросту трансцендентная доминационная сила — организующая, сцепляющая, упорядочивающая, спланивающая, охраняющая, ведущая, контролирующая, господствующая, для чего бывает оснащена учреждёнными под себя же законами, правилами, инструкциями, надзорно-силовыми ведомствами, тюрьмами, каторгами, ну и само собой, армией, а главное — оснащена исключительными правами, дающими ей возможность судить, отстранять, наказывать, казнить, но и поддерживать, миловать, поощрять любых находящихся в ее ведении и под ней, даже вроде бы и составляющих само государство в его людском контенте, граждан, хотя со стороны государства возможны в сторону людского контента и произвол, и беззаконие, и посильное его разложение, и анархия, и людская кровавая жатва, и антижизнь, и погибель, и смерть, ну и,

само собой, разнообразная эксплуатация, как и то же рабство. В общем, сокрытый и таинственный это феномен — ГОСУДАРСТВО, такой он и сякой, однако абсолютно необходимый — НЕОБХОДИМЫЙ!, — и ничего тут не поделать и даже выступающие против государства его истые и не истые отрицатели вроде тех же анархистов или отутюженных лукавой истиной марксистов-политэкономов, в любом из случаев по возможности и революционеров, придя в результате революции к власти вдруг оказываются еще большими госнасильниками, чем вдруг-невдруг ими беспардонно сброшенное де в небытие «плохое»-де по своей исходной природе государство. Сами государства по своему устройству, характеру, текущему состоянию-поведению и эффективности бывают разные: монархические, олигархические, демократические, диктатурные; национальные, унитарные, федеративные, лоскутные, имперские, метропольные, колониальные, вассальные; агрессивные, нейтральные (мирные); устойчивые, шатающиеся, прогрессивные, регрессивные, разлагающиеся, в общем — любые, однако тот или иной их или про них номинал не всегда и не везде соответствует обозначаемой им явно-неявной реальности, к тому же государства не только переменчиво многолики, но и изобретательно лицедейны, тут уж всякое бывает: вроде бы это, однако вовсе не это, а вроде бы то, да вовсе не то, а какое-то иное, да не просто иное, а какое-то иное иное, а в итоге и сам чёрт не разберет что же, не то что человек, даже будучи верховным в государстве правителем, мало того, его иной раз и учредителем. Где тут мифы, а где правда? Однако все они — мифы и правда — всю работу, причем мифам принадлежит ведущая, нередко и очень зычная, всю и блистательная, роль, а правде... нет, не потаённое и тихое закулирье, а... потаённо и негромко, но неукротимо вершащееся пусть и не подмостковое, но и не совсем уж закулисное действо, как раз и готовящее неукротимые и неизбежные перемены, нередко с участием войн, революций, реформ, иных хомо-социо-хозяйственных коллизий, отчего и самому Бытию-

Истории бывает изрядно не по себе, а что говорить о людском контингенте: разочарование, страх, страдания, кровопускания, гибель, но и, коли уж «свезёт», возрождение государства, а вот какого, для чего и для кого — всегда безответный вопрос!

Государство и социум — возникая (поднимаясь) из хомосоцио-хозяйственной бездны усилиями преисподней, проходя сквозь первичный хомо-социо-хозяйственный хаос, упорядоченно оформляясь, структурируясь и системообразуясь, государство, будучи частью социума, само оказывается особенным относительно хомо-социо-хозяйственной среды социумом, выделяющимся из общего социума, над ним нависающим, его со своей стороны и своими усилиями и определяющим, иной раз и тотально, чуть ли не вбирая в себя социум, его собою обрамляя, делая социум этатическим, а плохо это или хорошо зависит от конкретной бытийно-исторической и хозяйственно-экзистентной ситуации, от практического эффекта, исходящего от тотальной этатизации социума, и тут, разумеется, всякое бывает: от спасения социума и общехозяйственно-экзистентного в нём подъема до его омертвления, разложения и упадка, а то и полного исчезновения. Государство с его до безграничности властью и управленческими возможностями — плюровалентное орудие Бытия-Истории и Хозяйства, а что может быть от государственного энтузиазма или, наоборот, этатического бессилия, это уж знает разве лишь Великая Неизвестность!

Социум и государство — порождаемое социумом государство при всей своей особости и мощи не свободно и не может быть свободным от мало что его порождающего, но и являющегося для него — государства — жизнеотправительной, как и попросту питательной, средой. Социум как социум, завися иной раз чуть ли не всецело от государства, в нём — государстве — мало что физически, а более всего метафизически, присутствует, но и немало так или иначе его определяет, делая его качественно, структурно и функционально таким, каким оно — государство — в текущем Бытии-Истории и непрерывно вершащемся Хозяйстве оказывается:

монархическим, олигархическим, демократическим, диктаторским, агрессивным, пиратским, имперским, вассальным, метропольным, колониальным и т. д., а главное, так или иначе зависимым от стратифицированной, классовой, партикуляризированной, разлокализованной согласно местнически или масштабно бытующим в социуме частным идеократизмам и интересам: этническим, культовым, культуровым, партийным, а главное — собственнически-хозяйственным (владельечно-производительно-доходо-потребительским), то бишь базисным, если воспользоваться марксистской терминологией, параметрам-интересам. И ничего поразительного нет в том, что государство, будучи вроде бы явлением общецелостным и образованием обобщительным в социальном отношении, в то же время может склоняться к чему-то социально особенному, да что склоняться, еще и ему — этому особенному — служить, демонстрируя свою обратную, в общем-то обычно и решающую, зависимость от социума, точнее, от действующих в обществе тех или иных социально-политических, прежде всего владельечно-хозяйственных, сил.

Управление — сочетаясь с такими словами, как править, правитель, правление, право, правда, праведный, управление означает воздействовать на себя лично, на кого-то или чего-то в *направлении* какой-то субъективно поставленной или объективно самовозникшей цели, причем воздействовать на сознание, поведение, действия себя лично или субъектов — индивидов, групп, масс, но и на состояние социальной, природной, даже и космической, среды, на происходящие в этих средах процессы, что-то иницируя, что-то поощряя, или, наоборот, заглушая, а также изменяя, преобразуя, пересотворяя. Творение — дело управленческое, как, собственно, и всё вообще хозяйство, в поле которого непременно реализуются различного рода хозяйствования — абсолютно управленческие деяния. Хозяйство не отделимо от управления, а управление не отрывно от хозяйства! Хочешь хозяйствовать — управляй, хочешь управлять — хозяйствуй! Это о субъектно-

субъективном управлении, однако есть и объектно-объективное управление, не столь бросающееся в глаза и воспринимаемое как нечто стихийное, как бы и не управляемое, однако это не так: камень, летящий под гору и задевающий другие камни, увлекая их за собой и образуя массовый камнепад — вполне себе управляющий... э-э... нет, конечно, не субъект, но явно управляющая сила, то же самое можно сказать об облаках, тучах, дожде, грозе, молниях, потоках воды, реках, даже и болотах, не говоря о всей живой природе, том же возрастании из зернышка растения или из яйцеклетки животного организма, наконец, о Земле, небесных телах, Космосе, в общем, можно сказать обо всём — везде есть то или иное управление, когда что-то воздействует на что-то, его перемещает, изменяет, мертвит, уничтожает. Даже хаос внутри себя как-то мириадно управляем, не говоря об управлении чем-либо со стороны и усилиями самого хаоса; есть и управление чем-либо через посредство хаоса, как и есть то, что ныне особенно отмечается политикумом и той же наукой — управление хаосом. В общем, управление многообразно, причем наличие в слове управление буквосочетания «прав» вовсе не означает, что управление, будучи для самого себя всегда правильным, ежели достигает своей цели, является ли правильным при его оценках со стороны управляемого субъекта-объекта или наблюдающего за ходом и результатом управления оценивающего ока, не говоря уж о сакральном «всевидающем око», отчего управлять не значит быть правым для управляемого субъекта-объекта, как и для возмущаемой управлением среды. Отсюда есть управление со знаком плюс и есть управление со знаком минус, это уж для кого и чего как!

Управление и тайна — да, есть вполне себе открытое управление, не представляющее секрета для управляемого субъекта-объекта, как и внешнего наблюдателя-оценщика, однако, если обратиться к управлению в социуме, не говоря уж о сакральном, полном неизвестности, управлении, то на первый план выходит не что иное, как... *тайна* — ТАЙНА, когда истинные цели,

способы и результаты управления остаются за семью печатями, но что интересно, тут вовсе не одно действительное или кажущееся таковым коварство со стороны управителя, а и настоящая необходимость не так скрывать, как не разглашать, по крайней мере, априорно или в ходе реализации управления, всё управленчески происходящее, чтобы не вызвать априорного — спонтанного или подготовленного — противления реализуемому управлению, вовсе не обязательно, что борческого противления, а вполне себе и мирного, тихого, даже и не слишком заметного, хотя бы посредством заготовленного игнорирования управленческих интенций, ловкого ухода от них в сторону, выпуска какой-нибудь «дымовой завесы», в общем, того или иного априорно продуманного избежания воздействия на объект управленческого акционизма, да и сам управитель часто не знает, правильно ли он задумывает, эффективно ли реализует и достигает ли поставленных целей, ибо сам процесс управления в социуме и социумом достаточно неопределён, в меру и не в меру стихийен, даже и трансцендентен. Так что, нравится ли это кому-то или нет, управление сопряжено с наличествующей в нём *тайной*, без которой, собственно, управление и невозможно: здесь ведь управляющее сознание-бессознание идет иной раз чуть ли не, а то и впрямь, войной на управляемое сознание-бессознание и между ними завязывается своеобразная игра, если не борьба, а то и война, за искомый результат для управителя и приемлемый результат для управляемого, которые могут позитивно совпасть, а могут и, расходясь, негативно между собой столкнуться и посоперничать вроде тореадора с быком на арене. Управление сопровождается антиуправлением (неспособностью эффективно управлять) и контруправлением (способностью противостоять и противодействовать, в том числе и эффективно, управлению), и как тут обойтись без тайны в управлении, как, собственно, и без тайны в ему сопротивлении, а-а?

Тайна и управление — одно дело — тайна в управлении, вполне как раз неизбежная и необходимая, отчего управления

в социуме без такой вот ему имманентной тайны просто нет, совсем другое — управление от предшествующей ему *тайны как тайны* или *тайны в степени*, но не от изобилующих в жизни, хозяйстве, личностях, коллективах, судьбах, биографиях, вообще в Бытии-Истории, тайн, а специально ради управления создаваемых тайным образом тайн, чем пробавляются лидеры, политики, спецслужбы, правительства, партии, движения, но в особенности заведомо тайные силы, они же и общества, организации, клубы, конгрессы, да мало ли еще кто, главное, тайно разрабатывающие и тайно же исполняющие идеократические, культуровые, просвещенческие, ну и, конечно же, вполне себе политические, программы, обращаясь при этом к своей собственной потаённой идеократической и практической традиции, к своим истокам, к неким своим проверенным временем и тайной деятельностью секретным установкам, как раз нередко связанными с вышеозначенными, вполне формально и легализованными, бытийно-историческими акторами, к этим тайным силам частенько в той или иной мере, тем или иным образом и относящимися. Да, на ум сразу приходят жрецы, оккультисты, даже те же древнегреческие философы, вообще мудрецы, как и, разумеется, какие-нибудь альбигойцы, мальтийцы, розенкрейцеры, ну и, конечно же, разные масонские ложи. Эта предшествующая управлению внешняя очаговая тайна, конечно же, корреспондирует с внутренней управленческой, точнее бы сказать наоборот, что внутренняя тайна корреспондирует с внешней, но не в том дело, а кое в чём другом, а именно в том, что многое из того, что происходит как в легализованном субъектно-субъективном управлении реальностью, так и во вроде бы самоуправляющейся объективно реальности, оказывается инициированным как раз этими тайными силами — очагами идей, разработчиками намерений и программ, инициаторами и немало исполнителями через расставляемую повсюду свою адептуру-агентуру конкретных действий. Хошь, не хошь, а всё это есть, да еще как есть! Вот думаешь, что сам себе хозяин, да еще и умный, как и сам

вроде бы по-своему по жизни хозяйствуешь и действуешь, ан-нет, не сам вовсе и не по-своему, пусть и не как примитивный болванчик, зато уж как вполне себе умная, иной раз и словоохотливая, и деятельная, кукла! Э-эх, управление вкупе с немалой, частенько и решающей, частью хозяйства, как и самого жизнеуправления, — дело, как и Восток, увы, тонкое, вот оно как!

Призрак — не что-то якобы реально не существующее, а всего лишь кажущееся, по преимуществу в больном человеческом воображении, не исключая и творческого, и гениального, а вполне себе трансцендентно-духо-идеальное *нечто*, которое есть, действует, влияет, определяет, а в философско-хозяйственном нарративе — хозяйствует аки заправский хозяйствующий субъект, однако такое *нечто*, которое не то что зрительно, не говоря что тактильно, но даже и идеоопределительно, не поддаётся любопытствующему человеку, оставаясь обычно на этот счет где-то за пределами даже самого бойкого когнитива и самого глубоко-мысленного нарратива. Что делать: государство — призрак, но и любой правитель призрак: царь, император, вождь, президент, фюрер, тут всё одно, хоть за всеми этими призраками и люди, и людские институты, и людские деяния, однако, сие призраковое явление — факт, вовсе и не прискорбный, как совсем не прискорбным фактом является и то, что Александр Македонский, Цезарь, Пётр Великий, Ленин, Сталин, Гитлер, Рузвельт, Черчилль, де Голль, Тетчер, Горбачев, Ельцин, как были при жизни и деятельности в немалой степени призраками, так таковыми и остаются в исторической людской памяти самыми что ни на есть отменными призраками, и несть им числа, таким вот призракам от живших, мысливших, действовавших людей, причем сие касается не одних госправителей, но и мыслителей, литераторов, деятелей искусства, духовных персонажей, кого угодно, по обыкновению называемых легендарными или попросту легендой, как касается не только бывших и уже ушедших из жизни персонажей, но и мало что живущих, так еще и вполне себе действующих, да еще и как действующих,

немало вовсе и на «Ура»! Ничего особенно несуразного во всем этом нет, ибо такова природа человеческого мира с его сознанием, подсознанием, сверхсознанием и бессознанием, ну и воображением, как раз и активно насилуемых. Тот же Сталин, к примеру, которого мне самому доводилось неоднократно лицезреть, пусть и детскими глазами, при жизни был для современников, не говоря уж о потомках, совершенной идеей, символом, мифом, божеством в конце концов, но никак не человеком, которым был как раз не Сталин, а Иосиф Джугашвили, и недаром будто бы человек по имени Иосиф Джугашвили говаривал иной раз что-то подобное: «Сталин этого не поймет» или же «Сталину это не нужно», отделяя Сталина от себя, от Иосифа Джугашвили, что, кстати, и правильно делал, разве не так?

* * *

Я и сам, замечу, не таясь, со всем своим устным и письменным текстуальным ученым и литературным наследием в некоторой степени тоже ведь призрак: некое «Я», которое вроде бы есмь, но этого некоего «Я» как бы и нетъ по на этот счет сознательно-бессознательной воле окружающего этого некоего «Я» ученого-неученого гуманитарного контекста, однако, хотя сего некоего «Я» вроде бы для сторонних обозревателей нетъ, а «Оно», это самое некое «Я», все-таки есмь!

* * *

Признаюсь как на духу, что буквально балдею в телячьем восторге от давно или даже еще недавно явившихся из-под моей руки текстов, как правило, бессылочных и бесцитатных при любом их объеме, хоть статейном, хоть крупном монографическом, разумеется, вчистую мною забываемых и предстающих нередко мною вновь, как уже принадлежащие непосредственно самим себе, во всяком случае, как бы и не моими, хоть мне вовсе и не чужими. Такова она — потаённая особенность моего, в частности, творческого усердия: даже собственные вчистую забытые тексты являются вдруг передо мной аки говорящие мне что-то новое и очень важное... э-э... призраки.

* * *

Вообще призрак — вещь, она же и весть, экстраординарная, она вовсе не дочь наваждения, а вполне себе самостоящий, конечно же, идеально трансцендентный, актер земно-человеческой экзистенции, как и того же хозяйства.

* * *

Симулякр — доброе изобретение западного постмодернизма, означающее не призрак вовсе, а симулятивное, лишённое содержания, призрачное подобие чего-либо, попросту сознательная или нет обманка, аккурат конгениальная тому же напёрсточному шулерству.

Иллюзия — обычно понимаемая, исключая болезненно-патогенный аспект, как ошибочное (кривое) относительно реальности заблуждение, нередко верифицируемое и подкрепляемое несбывшимися намерениями, ожиданиями и надеждами, на самом же деле иллюзия и кое-что иное, а именно, пусть не всегда, может быть, и обоснованный логически и фактологически, повод к рождению и исполнению стремления в неизведанное, неизвестное, новое, что означает, что без иллюзий нет ни обновления бытия, ни развития, ни достижений иного, даже и самого что ни на есть обыденного бытийно-хозяйственного. Иллюзия — стимулятор, ежели не движитель, субъектно-субъективного творческого начала, причем толкатель не просто куда-то вперед, а в самую что ни на есть неизвестность, отчего это не только глупо-случайностно-искажительный, но и вполне себе расчетно-целеположенно-действенный, фактор земно-человеческого Бытия-Истории, Хозяйства, самой Жизни, равно и Смерти.

Инициатива — нередко ведомое Призраками и поощряемое Иллюзиями, хотя по преимуществу вроде бы, если не вполне себе, логически и фактологически обоснованное, стремление субъектно-субъективного земно-человеческого начала (в любом реальном воплощении) к какому-то действию, значительному деянию, чему-то новому, зачастую и небывалому, иному, причем

стремление как в созидательном, так и в разрушительном аспектах, однако без сей амбивалентной инициативы нет ни хозяйства, ни науки с техникой, ни культуры, ни вообще бытия-истории, ни самой жизни, да и смерти зачастую тоже нет.

Империя — большое, иной раз и очень большое, либо гомогенно в геопространстве локализованное, либо гетерогенно по геопространству распространённое, чуть ли бывает, не на полмира, а то и на земный мир в целом, государственно-хозяйственное геообразование с доминирующим управляющим центром и наличием управляемой им периферией, что в реалиях происходит по-разному: либо вследствие естественного роста какой-нибудь моно- или плюро-этно-локалии, ее внутренней себя гибко-прочной самоинтеграции и органичного себе пространственного расширения, чему примерами служат Китай, Индия, даже и Иран, ну и, разумеется, Россия; либо путем завоеваний сильным агрессивным геоцентром соседних или отдалённых как государственно оформленных территорий, становящихся по отношению к центру-метрополии вассальными, так и не- или не очень оцивилизованных территорий, оказывающимися тогда попросту колониальными владениями имперского центра-метрополии; либо путем силового, как и, наоборот, более или менее мирно-проникательного и даже добровольного, сложения большого государственно-хозяйственного образования вокруг и под эгидой сильного локального геополитического центра; либо путем чисто геохозяйственного (экономического) с деловым и технологическим превосходством целеположенного влияния какого-либо сильного мирового или локального центра на мировую или локальную периферию с проникновением в нее и вольным или невольным с ее стороны частичным или целостно системным ею управлением. По обыкновению любой имперский центр стремится к эксплуатации им либо силой захваченных, либо благонамеренно присоединенных или же экономически (финансово-капитало-инвестиционно-торгово-промышленно-прогрессно-знаниево) освоенных и зачастую им

прямо-таки, не будем миндальничать, порабощённых стран и территорий, однако в ответ на имперское господство, доминирование и эксплуатацию в этих подневольных странах и территориях стихийно или осознанно, вольно или невольно происходит эконом-техно-индустриальное развитие управляемых из имперского центра ему подопечных и вообще к нему так или иначе приобщённых стран-территорий вплоть до их интеграции в свою центр-имперскую лингво-культ-культуровую стихию, причем настолько эффективно, что это продолжает сказываться и после формально-фактического развала колониальных империй с сохранением во времени на бывших формально-фактических колониях и бывших зависимых территориях метропольной экзистентной печати и даже с неформальным сохранением самой бывшей империи, пусть и в виде не исчезающего, но таки действенного, ее призрака. Да, империи, хоть недавно формально бывшие, хоть ныне всего лишь призраковые, хоть сегодня и формально не значащиеся как империи, а фактически-то по-имперски и реализующиеся, по преимуществу образования метропольно-захватнически-ухватнические: хоть военно-силовые международного масштаба и конструкции, какими были и частично призраково остающиеся бывшие европейские колониальные империи (об империях Древнего мира и Средневековья мы тут не говорим); хоть монолитные или унитарные, ярким примером чему стали поочередно три германских Рейха XIX—XX вв. с их неудачными попытками захвата и себе подчинения прежде всего еврососедей, не исключая и евразийской России, а также японские милитарные имперопотуги стать мощной азиатской моноимперией; хоть и более номинальные, чем фактические имперские образования типа бывшей лоскутной Австро-Венгерской квазиимперии; хоть, наконец, вполне реальная в своем нынешнем виртуальном выражении экономическая глобоимперия с мировым центром в США с Великобританией в придачу или, наоборот, центром в Великобритании с США в придачу, тут, что называется, всё одно: доллар ли под ручку с фунтом стерлингов

или же фунт стерлингов в обнимку с долларом, кому сие как видится и как знается, причем всё это в тесном функциональном единении с подконтрольными глобоцентру и им немало управляемыми, повсюду на планете проникшими и воспроизводящимися финансово-банковским, капитало-инвестиционным, торгово-промышленным и высокотехнологическим, при этом вполне себе и системно-целостными, хоть в меру и не в меру хаотичными, мирами.

Имперское хозяйство — не только собственно метропольно-колониальное (центро-периферийное) вполне себе эксплуататорское, зачастую и весьма рабского кроя, хозяйство, реализующееся в несомненную пользу метрополии, хотя и развивающее и преобразующее колонии в среде метропольного в них и в самой метрополии хозяйства, что как раз обычно и бросается в глаза, однако, здесь есть и кое-что иное, не столь заметное, но крайне важное, а именно ведение в метрополии и за ее пределами исключительного по качеству, разнообразию, объему и новизне хозяйства, которое доступно вести только мощному, амбициозному, сконцентрированному на решении крупных инициативных задач, хозяйственному субъектно-спейс-актору, каким является и каким может себя реализовать лишь империя, хоть это и не строго по факту свойственно всем без исключения имперским акторам. Величайшие достижения в производстве, науке и технике, в той же культуре, в искусстве, как и вообще так называемый материальный, идеократический, культуровый, вообще экзистентный, земно-человеческий прогресс, во многом и даже по преимуществу обязаны именно империям, разумеется, не по номиналу империям, а по сути. Много на свете геополитхозяйственных (государственных) субъектов, да вот субъектов, заметим, существенно изменяющих Бытие-Историю, Хозяйство, Земную жизнь, само Человечество и даже самого Человека не так уж много, можно сказать, что и совсем немного, и все почти они, эти субъекты, увы или не увы, *Империи*, вот оно как!

* * *

Читатель сего «развязного» опуса уже сталкивается с весьма обширным, может, для кого-то и сумбурно-неряшливым, имя-понятийным текстуальным материалом, но ему придется далее встретиться с еще более обширными и еще более путанными статейными материалами, растущими в объеме от статьи к статье прямо-таки по экспоненте, но, вчитавшись, дай Бог, читатель непременно поймёт, что автор сего неординарного опуса иначе поступить и не мог, излагая сложные по его собственному замыслу вещи-вести, причем излагая их в собственной же, вовсе не в простой, а не в какой-то общепринятой или усреднённой, к тому же еще и упрощённо популярной, интерпретации, отчего у него получается так, как вольно или невольно получается, а в утешение читателю уместно сообщить, что таких монструозных материалов тут ожидается не бесконечное количество, так что терпение, друг наш, и еще раз терпение, что при самом чтении сих текстуальных гигантов, что уже при глубоких, смею надеяться, по их поводу размышлениях, — такова она, учено-гуманитарная «селяви», ничего тут не поделать!

* * *

Война — 1) Очень хорошо известный всему человечеству на протяжении всего его Бытия-Истории феномен-понятие, обаянный ожесточенному соперничеству за жизнь или лучшую жизнь, причем всё равно кого с кем: от отдельно противостоящих друг другу индивидов до борющихся между собой не на жизнь, а на смерть семей, родов, племён, народов, сообществ, политических и уголовных группировок, стран, государств, аккурат тому самому соперничеству, заслуженно отличающемуся меж- и все-сторонним насилием вплоть до отдельных и массовых смертоубийств, хотя и не без вкрапления проявленной вдруг-невдруг гуманности, и также соперничеству, отличающемуся наличием особой солидарности меж войновскими акторами в рамках каждой из борющихся сторон, в основе и по преимуществу добровольной, хотя и не без момента-эффекта принуждения, как это обычно в массовых случаях и бывает, как и опять же не без наличия вкраплений в солидарной-де среде всё того же межлюдского соперниче-

ства, а также измен, предательств, лжи, обмана, халатности, грабительства, вообще всякой корысти и подлости. На войне как на войне — факт!, причем аккурат как и в самой мирно-де текущей жизни, что тоже ведь факт: в жизни всё как в жизни, то бишь немало и как на войне — вот где взаимная адекватность, так уж адекватность, хоть и не без немалых там и сям исключений.

2) Зачем тут говорить о войне? Да всё потому, что война — дело-то воистину хозяйственное, да еще какое в реалиях хозяйственное! — мало что по экзистентной горизонтали стопроцентно хозяйственное, так еще и, знаете ли, по вертикали тоже — от низкого, обиденного, тривиального, даже и дурного, зверского, до высокоморального, экзистентно возвышенного, героического, а что считать тем или другим — дело, увы, опять же хозяйское: кто, почему, для чего, с какой целью, как, с какой нравственной и поведенческой мерою, реально или мифически, о-о!, тут возможны любые подходы, оценки и ответы, разумеется, и прямо по одному и тому же поводу противоположные.

3) Трактовка войн, их причин, целей, характера, справедливости, даже и их простой надобности, не говоря о судьбоносной целесообразности, как и, разумеется, хода самих войн, их результатов, бывает самой разной в зависимости от позиции ведущих войны и в них участвующих акторов, а главное, мало что, осознанно или нет, весьма часто в общем-то не слишком соответствуя реальности, но зато будучи удобной по обыкновению чьим-то субъектно-субъективным интересам, однако случается, особенно с большими войнами, теми же мировыми, не очень-то и вообще реалистично возможная, как не то чтобы истинная, но хотя бы более или менее приближенная к бытийно-исторической правде. Тут надо учитывать один любопытный сугубый момент: войны, как и те же, к примеру, революции, имеют немалую трансцендентную составляющую, что в подоплёках, что в характере, что в делах, что в итогах, как раз и не позволяющую давать на все оценочно-трактовочные вопросы адекватные самой реальности,

а не чьим-то интересам, ответы, а ежели принять во внимание, что многие, как раз и особенно судьбоносные, войны, как и, опять же, те же революции, бунты, кризисы, катастрофы, в какой-то трансцендентной мере возникают, происходят и ведутся... э-э... *сами*, да-да, *са-а-ми!*, и как бы ни определялись гуманитарными умами те же войны, как и опять же те же революции, бунты, кризисы, катастрофы, как бы они не назывались и не характеризовались политико-идеократическими когнитивами, они всё равно остаются в решающей мере как в Бытии-Истории, так и в умах человеческих *terra incognita*, продолжая разворачиваться перед познающим ее субъектом то одним, то другим, то третьим и т. д. зазеркальным ликом, так и оставаясь по сути не разгадываемой и не разгаданной загадкой, в общем, чем-то всегда, как нарочно, *иным*, а то и *иным иным* до бесконечности.

4) Философия хозяйства не обязана заниматься историей войн как таковой, но она не может пройти мимо того несомненного для философии хозяйства факта, что война, как было замечено выше — деяние-событие-происшествие вполне себе хозяйственное, причем не только из-за финансовых на ту или иную войну расходов, производства и снабжения тех же воюющих армий всем для них необходимым, не только и по причине их — войн вкупе с военными действиями и передислокациями войск — штабного проектирования, а и в силу, на что философия хозяйства вынуждена обратить особое внимание, того обстоятельства, что сами-то боевые действия, включая не только крупные сражения, но и любой локальный бой, есть не что иное, как самое что ни есть хозяйственное деяние-событие-происшествие, вполне жизнеотправительное, хотя и в переплетении, конечно же, на тот роковой момент и с серой нежизнью, и, увы, самой что ни на есть белой смертью.

* * *

Таково оно — хозяйство зёмного человека-человечества, разумеется, ведомого в единении и со смертоносным милитарным хозяйством-

антихозяйством, и лучше всё это хозяйственное иметь в виду, чем закрывать на это глаза: если уж стремиться что-то из реального понимать, то понимать его надо целостно, мало того, стойко, мужественно, даже и безжалостно, что то же самое — полилектически!, а в итоге хозяйство-то, знаете ли, вовсе не только жизнь свою светлую отправлять, производя и потребляя жизненные блага, даже не бороться за своё здоровье и с надвигающейся вдруг на тебя смертью, а и, увы... воевать, разоряя, полоняя, эксплуатируя, как и убивая и убивая себе подобных, вот оно как!

* * *

Империя Россия — 1) Не сразу, согласно народной пословице, Москва строилась, вот и Русь-Россия строилась тоже не сразу, тем более как мощное восточноевропейское государство, а еще тем более как вполне себе великая евразийская империя — Великая Империя! Первые попытки построения в восточно-европейском геоареале государства-империи, в чём-то схожем тогда с Византийской империей, но и немало от нее отличным, более того, ей активно противостоящем, были предприняты первыми Рюриковичами, а более всего киевским князем Святославом Игоревичем, язычником и чуть ли не волхвом, для начала разгромившим Хазарское царство, метропольно-даннически донимавшее Русь, затем победившим прикамских не то болгар, не то болгар, утихомиривавшим враждебную Руси дикую степь, как и ходившим войной на Северный Кавказ, ну и предпринявшим яростный поход на Константинополь, правда, катастрофически неудачный, и, по-видимому, ранее и в тот момент преданный своими же соотечественниками-адептами-агентами Византии, погибший от рук коварно напавших на его ограниченный конвойный отряд численно его превосходивших печенегов. Да, то было первое протоимперское на Руси грандиозное предприятие, но однако не последнее, повторенное уже в русское средневековье после освобождения Руси от татаро-монгольского ига всё теми же Рюриковичами, а уж при царе Иване IV Грозном фактически, хоть пока еще и не номинально, Русь была уже империей, во всяком случае, ее явно

ближайшим прообразом, причем немало ответствовавшим вполне себе имперскому достижению воинственного монгольского хана Чингиза и его славных потомков, начав вполне имперское освождение и освоение их — Чингиза и славных чингизидов — этнотерриториального наследия, распространяясь, вполне и милитарно, то бишь завоевательно, на европейский (волжско-заволжский) Восток — Юго-Восток и на азиатский (сибирский) Восток. Печально известная Смута на пределе Святой Руси конца XVI и начала XVII вв. помешала имперскому самоопределению Руси, но не остановило, — усилиями послесмутовских Романовых и в особенности царя Петра I, Русь, став Россией, обрела не только фактический образ империи, но и номинальный имперский статус, превратившись из Русского царства в Российскую империю, а сам царь Пётр I, оставаясь Царём Всея Руси, принял еще и титул Императора.

2) Далее уже бытийно-историческое пребывание России на сем свете продолжалось как имперское, не избегшее ни мирного своего расширения, ни новых для себя завоеваний. Да, то было особенное, поначалу протоимперское, потом и воистину имперское... э-э... хозяйство-хозяйствование с лихорадочными усилиями неистового Петра I, державного свидетеля, поклонника и подражателя передовой протестантской Европы, а потом всесторонне европеизированное, однако обретшее и свои, так сказать, местнические, черты, а именно русские, как раз и отличившие Российскую империю от западно-европейских, в основе и по преимуществу метропольно-колониальных, при этом «неча» глубокомысленно утверждать, что у Руси-России не было де имперских войн и завоеваний, нет, таковые вполне себе были, как раз и такие, которые смогла себе позволить как еще шедшая к имперскому образу и номиналу, так и уже ставшая фактически и номинально империей, страна, однако особенность Российской империи состояла в присоединении к себе исключительно соседских этнотерриторий, кстати, и в добровольном порядке тоже, а не только в завое-

вательном, более того, немало и по обращении народов и квазигосударств к России за защитой и покровительством, еще и с нижайшими просьбами о вхождении в состав империи. В итоге в Евразии образовалось громадное, разнообразное по этносоставу, языкам, религиям и культовым отправлениям, местным традициям и культурам, даже и специфическим социосистемам, но пространственно и этатически единое, включая и право, и гражданство, как и единый, вполне и имперский, язык общения — русский, имперское образование — *Российская империя!*

3) С хозяйственной точки зрения то был единый полиэтнический общий дом — ДОМ!, вполне себе оправдывавший аристотелево домохозяйство, правда, не жилищное вовсе, а всего лишь... э-э... континентное, когда империя не разбросанный по зёмному миру метропольно-колониальный конгломерат, а целостная, центробежно сконцентрированная, домо-подобная машина, оказавшаяся, кстати, и достаточно жизнестойкой несмотря на все свои пороки, изъяны и червоточины, вроде направленного на собственный коренной трудовой народ, по преимуществу как раз русский, крепостничества; произвола абсолютистской власти; засилия самодовольных иностранцев, как раз из Европы; наличия в стране всё более избалованного, освобождённого от обязательной военно-государственной службы и в значительной своей части разлагавшегося от безделья и роскоши паразитарного дворянства, говорившего более всего на французском, а не русском, языке, с восхищением преклонявшегося перед Европой и постыдно презиравшего всё русское, отечественное; сопутствовавшие череде значимых блестящих военных побед, включая и великую победу над Наполеоном Бонапартом, стыдобразные, весьма иной раз и мнимые, позорные поражения, случавшиеся по причине уже хронически кризисной и наобум инертной управленческой госсистемы в так называемой Крымской и Русско-японской войнах. Так вот, несмотря на всё это, сия машина была все-таки достаточно жизнеспособной и дававшей жизнь растущему многомиллион-

ному полиэтническому населению, немало индустриально, инфраструктурно, железнодорожно и культурово (в мирового уровня литературе, музыке, живописи, науке, философии, образовании), пусть и не без скрипа, промахов и прогалин, развивавшейся.

4) Однако... однако не пережившей столкновения сначала с медленным и неполноценным собственным реформизмом, а потом и с занавиравшем темп противным ей революционным движением, поощрявшимся своими диссидентскими кругами и не своими оппонентами из-за рубежа, в основном, конечно, из Европы, а в первую очередь, из постоянно гадившей России оголтелой Англии, и, не перестроившись вовремя и на необходимую глубину посредством отказа от доминирования давненько волево выхолощенного и уже отжившего свой век, некогда деятельного и даже героического, но всё более становившегося никчёмным, дворянства — этой уже гниlostной «опоры» тоже, правда, не по дням, а по часам загнивавшего романовского, а фактически-то немецко-«романовского», самодержавия, результатом чего стало крушение под ударами стимулировавшейся осознанно и неосознанно изнутри и вполне умышленно из-за рубежа *Революции*, таки настигшей великую имперскую евразийскую данность. Но, но, но! Да, с октябрьским переворотом 1917 г., имевшим явную антиимперскую, да что антиимперскую, и антироссийскую, если не прямо антирусскую, идейно-политическую направленность, причем вновь проевропейскую, однако уже совсем иную, что было во времена петровской XVIII в. революции, а именно социал-коммунистическую, в какой-то мере, кстати, и антиевропейскую, точнее, антиевроконтинентальную (ах, эта заклятая проказница Англия!), то бишь прямо-таки новомировскую, но не об этом здесь речь, а о Российской империи, как будто бы Революцией отменённой, ухнувшей в темную Навь и ежели как-то продолжавшейся всё ещё быть в идео-социо-реальности, то не более чем реального образа призраком. Однако, почему же у нас в связи с империей это «но, но, но?»»

5) Разумеется, не из-за этого самого по себе призрака, может, правда, и из-за него тоже, но, но, но... из-за вдруг нелегально-безымянно вернувшейся в Явь посредством выворачивания вывернутого исторической империи, причем вернувшейся вместе и тоже через посредство выворачивания вывернутого с другим потаённого образа призраком — исконной Россией, причем тоже всплывшей из Нави поначалу нелегально-безымянно: новые, как раз вроде бы совершенно прономировские властители, поиграв умственно-безумственно короткое время в антиИмперию и антиРоссию были-таки вынуждены сначала восстановить в ожесточенной борьбе с интервентами, как раз более всего европейскими, и с внутренними региональными «самостийцами», узурпаторами и сепаратистами, пусть и не саму по сути и номиналу Российскую империю, но все-таки всё её... э-э... имперское, скажем так, геонаследие, а затем, правда, уже через годы, обратить придуманный ими СССР в самую что ни есть фактическую, хоть и опять по номиналу призрачно-безымянную, империю, как и в фактическую Россию, убедительно подтвердив имперский статус СССР его участием в коалиционной победе во Второй мировой войне 1939—1945 гг., а для СССР и стоявшей за ним, если не бившейся настойчиво в его сердце, призрачно-безымянной на тот момент исконной России, подтвердив мучительной, но блистательной победой в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., как, само собой, и её — этой войны — геостратегическими итогами в виде образования вокруг и под эгидой СССР поначалу межстранового соцлагеря, а затем и мировой по масштабам Соцсистемы. Итак, Российская империя, вроде бы канувшая в Лету, однако образно и образцово возрождённая под негласным позывным «СССР-империя» с русским прежде всего в своей основе народом, как раз по бытийно-историческому канону вполне себе имперским, хоть при этом и не метропольным относительно других народов СССР, вовсе и не колониальных, а по тогдашнему идео-пропагандо-политическому статусу — братских!

6) Но здесь еще не конец нашему росо-империальному повествованию, ибо подорванный не в меру бестолковым и не адекватным стоявшим перед впадавшей, а затем таки и впавшей, в системный кризис великой страной срочным преобразовательным задачам, ее — великой страны — властным, аккурат послесталинским, судорожным хрущёвским и апатичным брежневским, хоть и там и там авторитарными, но всё менее по духу и делам собственно имперскими, политическим руководством и всё более снедаемым всё более поднимавшими голову во всё более ослабевавшем «СССР-империи» его, этого «СССР-империи», внутренними противниками, весьма и поддерживаемыми попервах скрытно, а затем и всё более открыто из всё того же европейского имперского «сада» вкупе с цветущим заокеанским, тоже ведь по сути и генезису европейским «оазисом», и таковых вот противников СССР оказалось более чем предостаточно, отчего СССР, заведомо псевдо-перестроечно направленный в сторону Запада, то бишь всё той же ненасытной метропольно-колониальной ЕвроАмерики, рухнул, да так, что и вдребезги распался, точнее, был волево́ разорван на вдруг образовавшийся ряд-рядок «независимых государств», что означало вроде бы и конец империальному бытию-истории евразийской государственной данности, мало того, оставшаяся от СССР формальная Россия-неРоссия под именем Российской Федерации стала быстро превращаться под лавиной вестернизации в евроамериканский, точнее, в америкоевропейский, чуть ли не колониальный, но весьма себе вассальный, придаток. Отвергнутая имперскость великой евразийской данности как будто бы снова канула, опять же в купе с исконным русо-российским ее основанием, в Лету, вновь ухнув в тёмную Навь, опять превратившись в лучшем случае в мерцающий где-то в антиимперской и антироссийской теми закоченевший призрак.

7) Ан, нет! Призрак оказался живучим и весьма действенным, ибо либо Россия — империя, либо России просто нет и быть не может, не исключая в таком разе и де номинально антиимпер-

ской и совсем новенькой Российской Федерации. Призрак сей не просто давал о себе знать патриотическим кругам РФ, но и по-вязал РФ так, что она не только не смогла отказаться от своего внутреннего имперского обустройства, но и была вынуждена, не без усилий со стороны граждан-«имперцев» и империально очнувшейся РФ-власти, сначала как бы исподтишка, а затем и всё более явно, заявить о себе, пусть иной раз и иносказательно, хотя, надо особо заметить, и кое-какими, конечно же, никак имперскими не называвшимися, реальными действиями, о чём сказать походя нельзя, а вот, подумав, о чём догадаться-таки при желании можно, аккуратно назло русофобствующему Западу, своим домашним оголтелым западникам и русофобам, в общем, любым клеветникам России, отсюда и великий бытийно-исторический, он же и хозяйственный, а в нашем случае философско-хозяйственный, вполне себе уроковый вывод: Бытие-Историю можно вроде бы вершить, однако оно, это Бытие-История, вершит и само себя, будучи для самого себя нестигаемым творцом, как и вершит оно и самого человека-творца, хоть он этого не всегда и замечает, как правило, не хочет замечать, а вот пример с баснословной, туда-сюда пошаговой с вывертами и выворачиванием вывернутого метаисторией Империи России тут о-очень показателен, настолько, что дух захватывает!

Закон Бумеранга — любопытнейший закон, вполне и мистический, никого в общем-то не минующий, состоящий в том, что к совершившему не благое, а частенько как раз и благое, дело, поступок, как и, наоборот, ничего не совершивший, но долженствовавший совершить, не то что злодеяние, а и воистину благое деяние, непременно приходит через какое-то время, может, весьма и длительное, что о деле-деянии и забыть незазорно, некая «ответка», разумеется, столь же, если не более, выразительная, острая и жалящая его — ответки — восприемника, что не стоит рассматривать как непременную месть, нет, скорее, как заслуженное *воздаяние*, может, и *возмездие*, причем, восприемник часто и

не замечает, что сам стал причиной такой вот «ответки», нередко рассматривая последнюю всего лишь как случайно свалившуюся на него проблему, а то и беду, может, просто возрастную болезнь, немощь, вообще недееспособность. Однако, однако... не так всё просто: сделав какое-то неблагое, а то и благое, дело, а поводов для всего этого хватает, актер его запускает в пространство особогоро рода информацию-бумеранг, а бумеранг, как известно, имеет способность возвращаться, а вот как, когда и с какими последствиями тут уж не от Бумеранга зависит, а много от чего, и хотя всё в руцех Божиих, но ведь и дьявола тоже. Не делай гадостей другому или обществу, делай благое, что понятно, а делая то или иное благое дело, знай, что и тут немало рискуешь, однако, рискуй, человече, рискуй, иначе что за жизнь без такого вот риска, так себе — прозябание!

Политика — целенаправленное идеально-практическое действие (как и бездействие тоже), влияющее на людское сознание, настроение и поведение, на образ жизни, на реализацию трудотворческого, немало и борческого, включая войновское, потенциала, при этом не исключая уголовщины и разнообразного мошенства. Действие сие может исходить от любого актора, проявляя себя в жизни кого угодно: индивидов, коллективов, сообществ, обществ, государств, наций, всего зёмного человечества, разумеется, ежели актер обладает на то способностью и возможностью, а главное, достигать при этом своих целей. Да, политика может быть открытой, доступной для людского понимания и даже на вид вполне добропорядочной, но, но... ах, это но!.. она куда более склонна к закрытости, недоступности для людского понимания, да и попросту к особогоро рода высшего разряда и высокой культуры (и антикультуры тоже, которая, кстати, тоже может быть, хоть и по-своему, вполне себе «высокой»!) не к чему-нибудь, а ко всё тому же... э-э... мошенству, ну, ежели уж не к мошенству как таковому, хоть от него тут никуда, то уж к обману, введению в заблуждение, в усыпление, к неисполнению обещанного, наоборот, к реализации

того, что как раз для людей (масс) нежелательно, для них попросту и убийственно вредно. Всякое тут бывает, ибо политика — любительница вранья, осознанного или нет, пусть и мечтательного, да всё равно, иначе политика не была бы и политикой — ПОЛИТИКОЙ! Обычно политика связывается в широком людском сознании с государством, властей предержажими, управлением, межгосударственными организациями, с той же дипломатией, что вовсе не лишено оснований, но политики вообще-то хватает повсюду: в тех же коллективах, группировках, сообществах, в тех или иных общественных сферах, в обществе в целом, в учреждениях и на тех же предприятиях, на фирмах, в банках, на рынках и т. д., и т. п. Да, есть сферы, скажем так, профессиональной политики, как, повторим, та же дипломатия, причем с акторами, какие бы они посты ни занимали и чем бы конкретно ни были заняты, которых можно отнести к профессиональным политикам, хотя должностей и трудовых мест в госаппаратах и межгосударственных организациях сугубо политических в общем-то нет. Есть, правда, в демократических, псевдодемократических и недодемократических обществах, как и в международном сообществе, различного рода политические организации вроде тех же партий, клубов, обществ, кружков, даже и сект, нередко подпольных, потаенных, да и попросту заведомо тайных вроде тех же масонских, не говоря уж о таком суперзасекреченном политическом гиганте, как Мировое правительство, которые и впрямь только и делают, что занимаются политикой, что внутригосударственной, что международной, что мировой, где главными и ведущими акторами как раз и оказываются частенько практически профессиональные политики, а то еще и в придачу профессиональные революционеры, террористы, авантюристы, шулера. Политика, как нетрудно догадаться, которая, кстати, может быть и всюду бывает и экономической, и финансовой, и торговой, и промышленной, и той же имперо-колониальной, какой там еще, имеет прямое отношение к *хозяйству* —

ХОЗЯЙСТВУ!, будучи не каким-то там соседствующим с хозяйством феноменом-процессом, а самым что ни на есть органичным хозяйству важнейшим его компонентом, а потому не может избежать, какой бы по замыслу, сути, целям и скрытности она ни была, внимания, вполне и пристального, со стороны философии хозяйства. А вообще-то, хозяйство — это во многом как раз политика, а политика — не что иное, как, разумеется, хозяйство, как немало и антихозяйство тоже, что совсем не вредно философии хозяйства иметь в виду, — и в таких вот философско-хозяйственных утверждениях нет ни грана надуманного преувеличения!

Империализм — отнюдь не новое ни для Нового, ни для Новейшего времен явление: это издревле реализуемая возможность сильного государства покорять более слабых — государств, народов, племен, вообще любых населенчески-территориальных образований, полуобразований, да и просто незащищенных земных пространств, ну а далее получать ту или иную империальную мзду, имея свой импергешефт — ресурсами, драгоценностями, но особенно напрямую рабами, либо же доходом от рабского труда. Империализм многолик: от жесткого, беспощадного, грабительского, кровожадного до мягкого, участливого, культуртрегерского, цивилизаторского, даже и просвещенческого. Однако в той или иной форме это всегда принуждение, насилие, диктат, верховенство. Империализм не надо путать с империей как таковой, которая не то что может быть не сильно империалистической в выше описанном плане, ибо империализмом в выше означенном плане могут заниматься и в формальном отношении не империи, даже не государства, а те же разного рода частные компании, банки, торговые фирмы, какие-нибудь фонды, международные организации и т. д., как раз блестяще и с заслуженной ненавистью характеризованные тем же В.И. Лениным в своей необесцениваемой работе *«Империализм, как высшая стадия капитализма»* (1917). Главное, что империализм, то бишь право сильного, более ловкого, бесстыжего, в общем-то, «разноли-

кого бандита», не говоря уж о «многорожих пиратах», был, есть и, увы, будет, опираясь в том числе и на много чего обещающий ИИ.

Новый империализм — империализм суперсовременного пошиба, который мало что имеет своего личного именного движителя — Трампа, но и может быть безо всякого преувеличения назван его именем, то бишь *трампизмом*. Да, после Великой войны 1939—1945 гг. страны-победительницы, не устранив насосем феномен империализма, будучи и сами в той или иной мере империальными или даже вполне империалистическими, смогли придать сему феномену куда более, чем прежде, приличный вид, сделав его как бы «империализмом с человеческим, а не совсем уж бандитским, как у А. Гитлера, лицом», однако Трамп, этот милый якобы всего лишь бизнесмен, совсем даже вроде бы не Гитлер, взял да и решился не просто на возрождение империализма, каким он был и не был, а придал ему... э-э... отсутствие лица... ну прямо как у смерти, мало что вызвав к новой жизни сам империализм, но и, подтянув к нему смерть вместо даже пиратской англосаксонской рожи, вытолкнул и саму зёмную жизнь на империалистическую стычку-бойню со смертью. Да-а, пока лишь Панама, Венесуэла, Куба, Иран, еще не Канада с Гренландией, но... хоть и поглядывает на всё это трамповское зёмный мир со стороны, надеясь, что это его не касается и не коснется, однако... э-эх... это однако!.. придется-таки, придется, несмотря даже на все доверительно-тихие анкориджские перешептывания... э-эх... не будем об этом, и так всё ясно, рот бы нам всем не раззявить да на себя побольше надеяться, да не так с ядерной стороны, как с внутрискотландской, населенческой, как и, разумеется, русской, да-да, именно так — *русской* — РУССКОЙ!, а не какой-нибудь еще.

Глобализм — давнее идеократическое устремление к одному-единственному народцу на Земле — неким землянам, разумеется, из достойных, то бишь белых, высокоцивилизованных, европеистых, хоть... э-э... оставим это, в общем без всяких там племен, народов, народов и наций, ну и государств иже с ними.

Немало в этом намерении поусердствовал и марксизм: «у пролетариата, мол, нет своего отечества!», — глупость из глупостей, да что поделать, ибо все привлекательные для масс учения на благоглупостях и жиждутся, впрочем, не только для масс, но и для ма-сонски-просвещенчески-образованных тоже, особенно для кабинетных преобразователей человечества, вроде того же В.И. Ленина. А на практике глобализм есть не что иное, как всё тот же империализм, пусть и социал-империализм, — какая разница!, распространенный, по возможности, на весь зёмный мир, более всего, в чем Ленин как раз не шибко и ошибался, как раз поначалу *монетарно-финансовый* во всех своих проявлениях. Однако не только: неутомимый Трамп доказывает, что глобализм может быть и политическим, и геоспейсным, и классическим метро-польно-колониальным. Что ему — Трампу — бывшая Британская империя, так, пустяки, вот господство надо всем миром — вот это *Да-а!*

Дело тут, конечно, не в самом по себе Трампе, а стоящим над ним, сидящем в нем и в себя его — Трампа — включающим так называемом *Мировом правительстве*, которое как раз более всего сейчас там, за океаном, хоть и на Британских островах тоже, ну а Трамп выбран в качестве нового «фюрера», а у нас с ним, как и у Сталина было с настоящим фюрером, по сути-то никому не известный договорчик, главное, чтоб он — этот самый договорчик — нам боком не вышел, как тогда случилось у Сталина. Так что есть нам не только о чем думать, но и к чему готовиться! Оставив Иран один на один с США-Трампом (или с Трампом-США), мы, как и весь мир, о-очень рискуем, о-очень. Ах, это Бытие-История, как ты повторяешься, и как человеке не извлекает из твоего прошлого уроки, даже из самых кровавых! Ах, эта самоуверенность вдруг оказавшихся... нет, не у власти как таковой, а... на верхних ступеньках более по видимости властной, а на самом-то деле *под-властной*, «лестницы»... о-очень, знаете ли, при этом шаткой «лестницы», на которой многие в прошлом не удержались,

разве лишь хитроумный Сталин удержался... до почти полного разочарования во всем им содеянном в перспективном-то плане! Дай-то нам Бог разобраться в закручивающемся на наших глазах бытийно-историческом узелке и не промахнуться, его разрубая! Если Иран падет, то следующей может стать, увы, РФ-Россия!

Фальшизм — очень хорошее понятие, он же и вполне себе точный термин, характеризующий расплывшуюся в самодовольстве современность, разумеется, не всю, но уж властно идеократическую — точно! Автором термина стался великий нижегородец В.Н. Кутырёв — философ, мыслитель, патриот. Надо ли комментировать? Где и как, скажите, не торчат «уши» этого самого фальшизма, разве только в трудах сошедшегося в размыслительном единении вокруг *философии хозяйства* (может, и еще где, кто знает?) гуманитарного сообщества, среди членов которого вовсе не обязательно последовательные философы хозяйства, стать и быть которыми не так уж и просто, но во всяком случае признающие и чувствующие ее — *философии хозяйства* — оздоравливающую, как раз антифальшиствующую, мощь! Ах, как хорошо быть заедино с *философией хозяйства*, ах, как совсем и не плохо знать, что наряду с ней бытует и не умирает квази-прокси-псевдо-гуманитарный, вовсе и не увядаемый ее враг — *фальшизм*!

Миф — 1) Многозначное слово-термин-понятие, указывающее на что-то информационное ли, смысловое ли, редко встречающееся или, наоборот, общепринятое ли, иной раз и претендующее на отображение самой реальности, но в сути своей возникающее и существующее ради и для себя самого, что-то в общем-то ирреальное, может, и отображающее как-то реальность, нередко даже претендуя быть чуть ли не самой реальностью, немало вводя ум-разум-сознание человека, его знание и понимание в заблуждение, а иной раз, наоборот, обогащая человека, раскрывая ему, как правило, иносказательно, образно, картиночно, к примеру, посредством буквальных мифов-сказок, какие-то нужные человеку житейские истины, включая неведомо откуда

издалёка генетически и явившиеся, те же мирозданческие, природные, бытийные, доисторические, исторические, нравственные, поведенческие, а в целом — мировоззренческие и необходимые для человека в миру (природе, неприроде) его жизнеотправлении, следовательно, и в хозяйстве, важные истины, правила, принципы.

2) Миф мифу, что сплошь и рядом бывает — рознь! Среди мифов полно не просто вводящих человека в заблуждение, но и для него воззренчески, экзистенциально и морально вредных, мало что его запутывающих, но и способных пустить человека, группы людей, сообщество или целое общество не просто по несправедливой, но и по роковой, судьбинной дорожке, и вовсе не обязательно той же уголовной (в широком смысле) или хотя бы «обломовской», как и, к примеру, пиратской, нацистской, агрессивно-имперской, но и по вполне себе внешне респектабельной, но, увы, несмотря на затраченные время и энергию, приводящей особенно к концу «творческой» жизни всюду вроде бы образованного человека... э-э... к беспощадно щемящей и давящей душу пустоте, а иначе — к фиаско!

3) Вообще мифы, а среди них несущие в себе не только невольные заблуждения, а и вполне себе вольную ложь, часто людьми то и другое и не замечаемое (не так даже создателями мифов, как этих мифов воспринимателями) — необходимая принадлежность людской экзистенции, противопоказанной вольно или не вольно не чему-нибудь, а самой обыкновенной... э-э... *правде*, да-да, именно так — *правде* — ПРАВДЕ!, и тут же напрашивается коварный вопросец: «А что такое, эта самая правда, если сама она не миф?», и как же на сей коварный вопросец ответить, если не... *мифотворчески*? Тут интересно то, что правдишку-то, если она есть и осознаётся как именно правда, положено (слышите, положено!) по большей, ну пусть только по немалой, части... э-э... скрывать, да-да, *скрывать* — СКРЫВАТЬ!, а при необходимости, коли надо что-то правдивое выказать, то ее-то как раз и *мифологизуя* — МИФОЛОГИЗИРУЯ, то бишь за мифом и скрывать, вовсе

при этом не насупившись, бормоча что-то из-под лобья, а что-то все-таки говоря, иной раз и много-премного говоря, лишь бы скрыть ее, становящуюся проклятой, правду!

4) Недаром же в Церкви, самой изрядно переполненной идеократическим мифотворчеством, принято говорить священнослужителю или хотя бы перед иконой именно правду — исповедываясь, то бишь — *ис-правд-ываясь* (не путать с оправдыванием!), хотя, к примеру, за сказанную прилежным учеником учителю правду, ему полагается от соклассников не что иное, как «тёмная»! А тот же Христос разве не за правду был распят, еще и под видом разбойника? Да-а, правда глаза колет, да и угрожает властвующему человеку если не потерей самой власти, но уж утратой ее авторитета, а самому правдолюбцу если уж не аналогом Христовой расправы, хотя почему же и нет, то уж любой другой расправой, это уж точно, ибо чего-чего, а на расправу с правдолюбцем человек ох-как скор, причем независимо от этноса, культуры и вероисповедания!

5) Так вот и живем, господа, с мифами, хоть и не только с ними, но с ними-то в особенности! Что мы знаем о коллегах, сотрудниках, учениках, даже и о сомыслителях, как и, что особенно важно, о тех же друзьях, даже и о многолетних, и вроде бы проверенных жизнью, — так вот, мой дорогой читатель-нечитатель, и ты с этим непременно согласишься, что *ничего* — НИЧЕГО!, разумеется, по части чего-то более всего сокровенного, а потом поражаемся их, тех же друзей, не говоря о коллегах, внезапно от тебя отходу, а то и тебя предательству. Что ж, друг-миф, может, и миф-друг, хоть, надеюсь, и не без друг-друга, но ведь бывает, бывает, а повод для измены всегда найдется, включая, знаете ли, самую обыкновенную зависть. Ах, эти друзья — сукины сыны и дщери, ах эти мифы от них, да и об чём угодно, эта неоднозначная «жисть», она же и жизнь, она же и *миф* — МИФ! Что-о, не нравится? А ведь иначе ни жизни, ни тебя, ни меня — НИКОГО и НИЧЕГО! Разве одна лишь *смерть* — СМЕРТЬ! — не миф, а сущая

правда — ПРАВДА!, да вот как таковая она вовсе и не жизнь!

Мифотворчество — созидание мифов: единоличное, коллективное (разноличностное), массовое, народное, властное, отсюда соответственно — сказочное, философическое, богословное, научное, литературное, сценическое, пропагандистское; близкое ли реальности (к правде), пусть и вынужденно вообразительное, удалённое ли от реальности (правды), это уж, как говорится, «зависит»! Нас, людей вузовских, университетских, еще в основе гуманитариев, должно весьма интересовать и в меру даже волновать вузовско-университетское о реальности и ирреальности мифотворчество, особенно, конечно, гуманитарное. И что же? А от мифотворчества и мифов тут, знаете ли, никуда — НИКУДА!, да мало что оно и они есть — ЕСТЬ!, да от них вузовско-университетских людям никак или почти никак, если совсем никак, и не избавиться, почти что и как в художественной литературе, в тех же ведущихся на лучших сценах страны спектаклях, в «кинах», только ежели там, там и там само по себе мифотворчество и сами мифы особенно и не скрываются, хоть об этом особенно не говорят, ибо и потребности такой почти что и нет, заранее зная, что это, пусть вроде и местами вполне реалистичные, но все-таки откровенно-сокровенные выдумки авторов, даже в таких произведениях, как великий роман-эпопея «Война и мир» великого Л.Н. Толстого, то о большинстве вузовско-университетских гуманитарно-когнитивных плодах как раз не то чтобы не принято, да и не стоит говорить, причем без почтительного предыхания, как не просто об отображающих экзистенциальную реальность (то бишь правду), а прямо-таки ей — реальности, то бишь правде — вроде как и соответствующих, мало того говорить и о как о самих по себе вполне *реальной реальности* (как там, в них самих, так вроде бы и в реальности, еще и ими, знаете ли, обоснованно, а не как-нибудь, и создаемой!). Так это или не так, пусть каждый судит по-своему, но нам как-то после более чем полувекового занятия сим делом-деянием с полусотней разнообразных по жанрам

и, заметим особо, в большинстве своем бессмысленных и бесцитатных монографических работ (книг и брошюр), не считая бесчисленного числа такого же, в основном, пошиба статей, почему-то кажется, что в обширной вузовско-университетской библиотеке самое почетное и незыблемое место занимает как раз самое что ни на есть *мифотворчество* со своими научными-де (то бишь бесспорными-де) истинами, служащими образованным людям благоносным ментальным прикрытием, а вообще людям, помимо не обнаруживаемого ими всамдельного вранья, оборачивается и сонмом страданий, обильно иной разполитыми, знаете ли, и кровью. Хороший политик, лидер, глава государства, вождь, наконец, всё это должен знать и понимать, ибо там, в вузовско-гуманитарных знаниях-незнаниях, все-таки хоть и немало встречается позолоченных зёрен истины, но он никогда всерьез и в целом не должен наобум всему гуманитарному следовать! Собственно, и мыслитель, погружающийся в реальную реальность как она есть, то бишь глубокий самостоятельный мыслитель, должен руководствоваться правилом, какой-никакой, но истины, хоть мало кому из «настоящих образованцев» такой подход приемлем, что для вовлеченных в образовательный слайдизм преподавателей, что равным образом для словоохотливых пропагандистов (всё равно, кстати, чего), ну и само собой для отменных (чуть было не сказал: отъявленных) политиканов. Мифология — нужная вещь, она же и весть, ограниченно хорошая, однако во многом и воистину страшная, прямо-таки невыносимая, правда, лишь для отдельных гуманитариев с невыдубленной университетским образованием кожей и открытым миру сердцем!

Мифоживотворение — творение человеком понимания жизненной и прочей реальности, включая Мироздание и всю Вселенную, не говоря уж о Земле, Природе, животном мире, однако творение с позиции изнутри, из сути, от самой реальности посредством вслушивания в ее непрестанную речь и ее расшифровку в целях обращения ее в речь человеческую, что происходит

с неперенным смысловым взаимодействием с Софией Премудростью Божией, что только и позволяет выказать что-нибудь адекватное реальности и ценное для размышляющего человека, превращая в его — человека — суждение. Здесь важен не так механизм реальности, ее видимые и оттого познаваемые узлы и детали, равным образом видимые и формулируемые причины и следствия разных частных взаимодействий меж узлами и деталями, как рефлексивно-объяснительное толкование зафиксированного из реальности, разумеется, для человека лишь мифотворно, как ему и доступно, однако, что очень важно, не так фактологически-функциональное трактование, как именно смысловое, да не частное, а общее, как раз всё существующее и объемлющее, а потому и большое — БОЛЬШОЕ!, отчего тут и *мифоживотворение* — МИФОЖИВОТВОРЕНИЕ!, к чему можно добавить и «мета», то бишь МЕТАМИФОЖИВОТВОРЕНИЕ! От такого рода мышления размышляющему человеку не уйти, но зато, обратим внимание, *какого* — КАКОГО! — мыслетворения, которому и сам Господь Бог может не только подивиться, но и позавидовать, а то и рассердиться, ибо сие мифотворение как-то близко (может, слишком близко!) приближается... нет, не к Замыслу Божиему, но к позиции его — этого Замысла — смыслового сопровождения, да что поделать, по подобию ведь, да еще и озабоченного «вечными вопросами», на которые нет у человека точного ответа, но на которые через посредство Софии, пусть и мифометалогически, но как-то для себя — *человека* — ЧЕЛОВЕКА!, человек и способен ответить!

Мифология — 1) Область гуманитарного знания и осмысления, обращенная к доисторическим и историческим мифам как мифам (сказкам как сказкам), мифотворческим преданиям, песнопениям, для которой миф это миф и ничего более, иной раз и обращенный к реальным событиям и персонажам, даже подтверждаемым какими-то реальными фактами, но в целом, конечно, это не реальная фактологичность, а более всего — ее образное

представление и толкование; восприятие мифов не отделимо от верования и религиозности, включая и хорошо известные мировые религии, содержание которых изобилует самыми настоящими мифами, но дело здесь не в мифах как таковых, а в *вере* — коли веруешь, то всему в религиозном контенте и веришь. 2) С учетом вольного или невольного сопровождения любого, кроме точного-де, знания, прежде всего гуманитарного, хотя и естественного тоже, мифотворчеством, возникающая в связи с этим верифицирующая сие знание, хотя особенно в ученых кругах и не принятая, мифология, призванная либо отделить мифы от реального знания, либо трактовать выдаваемое за реальное, особенно строго-де научное, знание, включая и якобы научно, то бишь вроде бы вполне реалистично, обоснованные прожекты, оказывающиеся не более чем мифами, пусть и добросовестно разработанными. 3) Изобличение любой лжи, выказываемой как бы ради чего-то позитивного — цели, впечатления, «во спасение», в том числе аки дурного, не очень дурного, иной раз и забавного, но все-таки мифа; не принято в человеческом общежитии прибегать в данном случае к собственно мифологии, отводя ей более возвышенное значение, но от реальности не уйдешь, ибо люди, их поступки, деяния, словеса, что там еще, сплошь пронизаны мифами (не будем это упорно называть ложью), а ведь это так, — и надо очень иной раз постараться, чтобы что-либо или кого-либо демифизировать, не говоря уж о том, чтобы разоблачить, — что, разве не так?

Софиасофия — сие слово, термин, понятие авторского, то бишь моего, происхождения, и кроме меня самого и поддержавшего меня и профессионально его достойно оценившего Н.Б. Шулевского (Н.Б.Ш. — профессиональный философ, мало того, историк философии, давно уже мой сомыслитель и один из совсем немногих вполне себе философ хозяйства, немедленно откликнувшийся на появление *софиасофии* большой одноименной книгой, вышедшей в свет даже ранее моей книги *«Софиасофские тетради»*, 2018), так вот никто, насколько мне известно, кроме меня

самого и Н.Б.Ш., сие слово, термин, понятие не использует. Однако... однако родилась-то *софиасофия* — СОФИАСОФИЯ! — вовсе не ради красного словца, ибо это словечко отражает кое-что явно очень серьёзное, а именно не что иное, как *мудрость мудрости* — МУДРОСТЬ МУДРОСТИ!, ибо в первой и предшествующей части слова стоит *София* (что Божественная, что тварная), то бишь Премудрость Божия, а во второй, последующей, части размещается всего лишь *софия*, то бишь ежели и мудрость, то уже всего лишь человеческая. Обращаю внимание на среднюю в слове софиасофия букву «а», которая здесь вовсе не случайна, ибо введена ради отличия от другого софийного словца — *софиологии*, что вкуче означает, что в софиологии речь идет все-таки о логосном восприятии и даже трактовании Софии, а в софиасофии, что исключительно важно, лишь о предшествующем человеческой софии творческом контакте с Софией. Согласись, читатель-нечитатель, что там и там отношение к Софии Премудрости Божией совсем не одно и то же, даже очень не одно и то же! Если софиология более направлена на целеположенное восприятие Софии и тем самым на изрядное обогащение философской мысли, то софиасофия, не отрицая софиологии, идет дальше, открывая возможность *иного* — ИНОГО!, да не чего-нибудь, а *мировоззрения* — МИРОВОЗЗРЕНИЯ!, а по традиции — *иной человеческой софии*, пожалуй что, уже и за рамками поднабившей оскомину университетской философии, не говоря уж о гуманитарной науке вообще. Иное всего на свете понимание — дело не простое, тут не так новые знания о Мироздании потребны, как, уж извини, читатель-нечитатель, потребны откровения, аккурат сродни библейским, а как их заполучить, ежели сие не от тебя зависит, а самому бывает, чего греха таить, не просто страшно даже, а воистину *страшно* — СТРАШНО! Почему? А как бывает мало что от хлеба насущного отказаться, а от, уж извини, читатель-нечитатель, от... о-о Боже!.. себя самого — образованного и вроде бы всезнающего, коли всезнание сие вдруг оказывается мало что фантазийным,

так еще и немало фальшивым, а-а?!

Наука — сфера знания, претендующего на точность, достоверность, подтвержденность фактами, скрупулёзными исследованиями, бесконечными опытами, бесспорными доказательствами, настойчивой верификацией, неопровержимой логикой, наконец, та самая сфера, получившая особенное развитие, став и главной университетской принадлежностью, со времени Ренессанса и особенно в эпоху Европейского Просвещения, заняв даже высшее место среди иных больших знаниевых сфер, причем мало что тех же мифологии и богословия, но и той же философии, правда, превратив эту последнюю, пусть и номинально, в научную-де. Да, есть в окружающем человека мире, да и в самом человеке, нечто, что можно точно или весьма точно зафиксировать, пусть и в изменениях, тоже подлежащих более или менее достоверной фиксации, и это нечто, представляющее собою совокупность той или иной информации о мире и о том же человеке, причем не застылой во все, а, во-первых, дополняющейся и обогащающейся, а главное, операциональной, то бишь практически применительной, причем со вполне высокой степенью в сем применении уверенности, точности и эффективности, пусть и с некоторыми в ряде случаев вероятностными допущениями. Наука, о которой речь, широко применима в жизнеотправлении человека, его хозяйстве. Весь созданный человеком неприродный, то бишь не данный ему мир — очень немалое деяние-достояние именно *науки* — НАУКИ!, включая не одно «твёрдое» градо-инфраструктурное-строительство, но и созидание своей био-зоо-сферы, не говоря о сфере бытия человека, да и о самом, знаете ли, изменяющемся человеке. Не было бы науки, не было бы того же существующего ныне на Земле рукотворного (лучше бы сказать — умотворного) мира, да и жизни такой, какая она сегодня есть, не было бы, и человека такого вот, что сегодня, не было бы. Что ни говори, а науке здесь и в самом деле принадлежит первенствующая роль: что факт, то *факт* — ФАКТ!

Математика — вряд ли кто сомневается, что это наука, мало того, наука наук, хоть и чисто когнитивная (головная) наука, даже и когда ей — Математике — приходится решать так называемые прикладные задачи. Однако не видеть особость математики как науки нельзя, ибо ее «материал» не более, чем сами по себе абстрактные цифры и числа, которые она сама производит из хорошо известных десяти пальцев и которыми сама и оперирует. Расчеты, расчеты, расчеты! Без них как бы и никуда, что так во многом и есть, однако все-таки не везде, во всяком случае не со всякой математикой. Чтобы не быть голословными, возьмем за пример ту же экономику, в которой полно цифр, расчетов, математики, да вот не везде и не всякой математики, во всяком случае не той, что походя называется наукой МАТЕМАТИКОЙ. Да, есть мнение, что если знание не математизировано, то это и не наука, вполне, может, и так, но ведь не всякое знание нуждается либо вообще в математике, либо в какой-то особой математике. Бытие хоть и полно цифр и расчетов, но далеко не всё оно *научно* — НАУЧНО! и... э-э... математизировано, да и вообще оно — БЫТИЕ! — немало обходится и без математики, правда, об этом возможно лишь пока уверенно говорить — до полного взлёта математизированного ИИ, а уж что потом... э-э... и сам Господь Бог вряд ли знает! Нет, мы не против ни обыденной, ни научной, ни совсем уж высоколобой математики, мы лишь не за ее — *математики* — МАТЕМАТИКИ! — обожествление, хотя Господь Бог, может, и превосходный математик, но Он ведь и замечательный, ежели не поболее, гуманитарий-метафизик, а что, дорогой читатель-нечитатель, значимее для Бытия, точнее, для человека в Бытии, как и уже самого по себе человека, либо, с одной стороны, Слово-Сущность-Смысл-Образ, или, с другой — Цифра-Число-Расчет-Маталгоритм, а-а? Не простой вопрос в веке-то тотальной якобы «цифровизации» (тут ведь прозорливая, как известно, бабушка надвое сказала: то ли и в самом деле «цифровизация», то ли еще что, над чем что математикам, что гуманитариям и поразмышлять вообще-то

незасорно, к тому же и *вместе* — ВМЕСТЕ!, пример чему подавали многие великие математики, уходившие в гуманитарную сторонушку, да и великие гуманитарии, гуманитарно (!) обращаясь к математике, обогащая общее видение реальности, так что ничего тут зазорного, одна лишь правда, да вот какая?).

Экономика — всем, так сказать, миром, в особенности образованным, не говоря уж о специально образованной его части, это широко и походя употребляемое слово, термин, понятие, однако... о-о!.. тут даже не заковыка внезапно выходит, а выходит, совсем и не внезапно, прямо-таки смысло-понятийная... э-э... катастрофа, ибо кто из профессиональных теоретиков, преподавателей или даже вовсю практикующих экономистов во всем зёмном мире без запинки ответит, а что же *это* — ЭТО! — *такое* — ЭКОНОМИКА? Немало и подивится такому к нему вопросу, может, и покрутит пальцем у виска, намекая на сумасшествие вопрошающего, ибо *это* вроде бы и так всем ясно. Не разбираясь в англоевротерминологии, для которой на всё хватает одного словца *Economie*, все-таки задумаемся, читатель-нечитатель, а что же это и в самом деле — ЭКОНОМИКА, однако не прибегая к словарям и энциклопедиям, включая и специальные экономические, ибо ответа там нет, точнее, ответ-то есть, да вот о чем, об экономике ли? Я уже давненько в этом скверном вопросе разобрался и ответ свой на него еще раз ниже дам, но что интересно, не менее давненько я, собственно, и прошу дать сей ответ специально образованных, причем по-университетски (следственно, и по-масонски) экономистов, особливо политэкономов, дополняя свой вопрос одним простым пояснительным вопросом: «Что есть экономического в экономике?», получая вместо ответа или, можно сказать, в ответ не что иное, как гробовое молчание. В самом деле, что есть экономического в экономике, да и что есть она сама — ЭКОНОМИКА! Чтобы не увлекаться излишне словопрением, скажу сразу, причем скажу как на духу, что поначалу в жизнеотправительной реальности экономика возникает там, где возникает обмен благами с их

обменными оценками в тех же благах, их количествах и качестве, разумеется, это еще неразвитая экономика, некая предэкономика, а уж настоящая экономика появляется с возникновением... чего?.. да-да, читатель-нечитатель, именно их — оцененных денег и денежных цен, как раз участвующих в регулярном обмене благами, становящимися товарами, и даже его — товарообмен — ведущими. А ежели обратиться к коварному вопросу «Что есть экономического в экономике?», то помятуя о деньгах и ценах, лучше всего обратиться к их единой субстанции — к *стоимости* — СТОИМОСТИ, причем субстанции, по нашему мнению, идеальной, сидящей, как и деньги с ценами, тоже, разумеется, в идеальном выражении, не где-нибудь, а в людских головах, в сознании, включая сверхсознание, подсознание и даже бессознание, откуда, то бишь из голов и сознания, знаете ли, они и выскакивают, разумеется, опять же, в идеальном выражении, на Свет Божий, и которые при этом этих голов и сознаний никогда не покидают. Что за чепуха такая, когда всем вокруг известно, что за деньгами... правда, в несколько раньшее времена, стояло не что иное, как *само* — САМО! — золото, а сами цены устанавливаются-де рынком (на крайний случай — случаем, договором, согласием продавца и покупателя, как и, разумеется, не без доминирующего влияния на рынке сговоров, наличия крупных игроков, тех же монополий, в общем — регуляторов), однако, однако... ах, это однако!.. где же он — этот пресловутый рынок как рынок, который всё и решает?, не базарное же это место взаимной торговли, а тогда где?... э-э... ответим — там же, где и долго было денежное, то бишь оценённое и даже заштемпелёванное монетарное (ну пусть весовое) золото... где, где?.. а как раз там, где и деньги, и цены, и пресловутый рынок, что еще из экономического, кроме всего этого, а-а, кредиты, займы, проценты, прибыли, инвестиции, банковские вклады, акции, облигации... пожалуй что, хватит, аккурат для простейшего заключения — всё это в головах и сознаниях людских, хоть и будучи начертанными для памяти, порядка и доверия

на бумаге, а так... цифры, числа, суммы цифр и чисел... и никакого тебе ни золота, ни рынка, зато сплошное мошенство, ибо, во-первых, кто чего в этой самой экономике достоверно знает, как и умеет что-либо, кроме вполне себе достоверного мошенства, причем вовсе не сугубо мошеннического, а попросту вынужденного — дело-то идет с мирозданной неизвестностью, а как с ней иметь дело, не по часовому же принципу?! Однако ведь всё *это* работает, да, работает, эта экономика-мошенница, потому что она не жестко упорядочена и не может быть жестко упорядочена, она более всего неизвестна и трансцендентна, мало того, всюю и хаосна, да не где-то по окоёмам себя, а в основе, в ядре, а ядро сие, которое может быть в известной хаосной мере, разумеется, не без мошенства, управляться и таки управляется, а ныне прямо-таки и в мировом масштабе, выдавая, сама того вполне и не ведая, один воспроизводственный *хаосмос* — ХАОСМОС! — за другим, не забывая оправлять отживший (отработавший) хаосмос обратно в *хаос* — ХАОС!, что и дает возможность... нет, не экономике, а... хозяйству вкупе с жизнью быть и развиваться, а уж ежели «у мировом масштабе», то не без эффективных для кого-то имперо-колониальных интенций. И уж коли мы коснулись *хозяйства* — ХОЗЯЙСТВА!, то в рамках теории хозяйства (учения о хозяйстве) экономика есть хозяйство, опосредованное участием *стоимости* — СТОИМОСТИ! — с ее оцененными человеком деньгами и однеженными тем же человеком ценами, ну и, конечно же, с вовсе и не таким уж эквивалентным товарообменом, в котором мыслимо-немысленные деньги с такими же ценами непосредственно и участвуют. Отвечаю и на вопрос: «Что есть экономического в экономике?». А что кроме трансцендентной стоимости с ее такими же деньгами и ценами, причем мало что участвующая в хозяйстве, так еще во времена оные начавшая и пока продолжающая в нем — хозяйстве — господствовать: нет денег и ничего в общем-то нет, есть деньги и всё есть, и хозяйство, и «жисть», пусть это господство не в стопроцентном объеме, но все-

таки в большом, очень в большом, где-то рядышком как раз со ста процентами (оставим не опосредованному экономикой хозяйству каких-нибудь 1—2 процента, а вообще-то какая тут разница — все знают, что без денег давно уже никуда, даже в школу не сходить!). Важно иметь в виду, что хозяйство и экономика — не одно и то же, причем, а я тут ни в чем себе не противоречу, бо́льшая часть хозяйства — что дома, что во дворе, что в школе, что в вузе, что в клинике, что в учреждении, что на предприятии, что в поле, что в театре, что на стадионе вообще никакая не экономика! А что же это? Какой-то жизнеотправительный, во многом чисто производственный и потребительский, обычно трудозатратный, частично даже релаксовый, процесс, даже сама работа в самом что ни на есть гнёздышке экономики вроде банка, финотдела или бухгалтерии вовсе никакая не экономика, а по-нашему, еще и по-русски — *хозяйство*! Правда, у немцев есть слово-понятие, близкое к нашему «хозяйству», но философия хозяйства с противопоставлением «хозяйства» «экономике» возникла именно в России, хотя, кажется, зарождалась и в Германии, причем не потому, что в России явился вдруг С.Н. Булгаков, знавший, кстати, хорошо и немецкий язык, и Германию, и немецкую мысль, а потому что у нас в России издавна говаривали и до сих пор говорят «домашнее хозяйство», «сельское хозяйство», «мировое хозяйство» и т. д., то бишь инстинктивно не довольствуются «экономикой», так что С.Н. Булгакову было где и отчего возникнуть со своей философией хозяйства, а вовсе не философией экономики, если еще и учесть, что у экономики особой, кроме как вокруг трансцендентной стоимости с ее денежно-ценовой хаосно-мошеннической реализацией, никакой философии-то и нет, ибо политэкономия хоть и философична (кстати, немало и метафизична), все-таки так и не разобралась ни с предметной для себя «экономией», ни с прилипшим к сему предмету предикатом «политическая», повиснув в университетской атмосфере таким неясным облачком-призраком, а что касается все-таки философии экономики, то, на наш взгляд, она вполне

возможна, но лишь на основе и в среде философии хозяйства, мало что признающей идеальное, метафизику и ту же трансцендентность, но еще и видящей экономику как именно экономику, никак не путаясь в ней как в объекте предметного внимания, ни как в весьма потаённом феномене реальности. Выход С.Н. Булгакова, а затем и мой, причем независимо от Булгакова, сначала за пределы марксизма, затем политэкономии, а потом и вузовской философии, и выход на философию хозяйства, причем у С.Н. Булгакова еще и с ясно выраженной софийностью, а у меня с тем же самым, но уже под влиянием учения С.Н. Булгакова, вовсе не так случаен, тем более, произволен, как может кому-то показаться, ибо за этим стоит не скрупулезное исследование со своими экспертными заключениями, чего, собственно, в данном случае и быть не может, а, помимо глубоких раздумий, и самое что ни на есть *откровение* — ОТКРОВЕНИЕ!, а уж соглашаться с этим или нет, это уж личное дело каждого, тем более, что цели назойливого убеждения в правильности-де открывшегося и содеянного ни у С.Н. Булгакова, ни у меня не было и нет!

Гуманитарная наука — в некоторых локалиях гуманитарности, да и то, как правило, в ограниченных масштабах, применение научного подхода, вероятно, возможно, если не принимать за науку не более чем технологию (навыки) того или иного гуманитарного ремесла, к примеру, вроде бухучета или банковского дела в экономической сфере. Да, всё подобное можно не без придыхания называть наукой, однако наука и научение чему-либо — не одно и то же, а уж тем более гуманитарная практика. Те же следственные органы пользуются естественно-научными экспертизами и даже опытами, но сказать, что они работают строго по науке, причем какой-то науке, кроме, конечно, Конан-Дойлевской, никак нельзя: тут более всего ремесла, рабочего и жизненного опыта, интуиции, разной информации, особенно от осведомителей, включая совсем недавно и лавочных бабушек, а теперь вот и распределённых повсеместно электронно-оптических

надзирателей, или еще сказано, что прокуроры, адвокаты, судьи работают исключительно по науке юриспруденции, как строго по той же науке пишутся, а уж тем более трактуются, законы, а еще сказано, что вообще мало и достоверно известная, постоянно переменчивая в угоду чьим-то интересам, история сиречь наука, как и та же психология с филологией, а уж о философии вообще лучше на эту тему не заикаться. В общем, гуманитарная наука, может, и есть, но в целом ее как бы и нет, хоть существует и гуманитарное знание, и гуманитарная мысль, и какие-то гуманитарные о чём-либо теории, концепции, взгляды, версии, школы, ну и мифы, мифы, мифы, — все это так, но, увы, у гуманитарности нет или почти нет критерия полной достоверности, как и нет единого по сути в каждой из гуманитарных областей контента знаний: сколько гуманитариев, столько и всего остального — теорий, концепций, взглядов, версий, школ, ну и мифов, мифов, мифов. А виновата во всём этом безобразии сама гуманитарная реальность, которая, увы, не только *не научна* — НЕ НАУЧНА!, но и со страшной силой *мифотворна* — МИФОТВОРНА! — и всё тут, и ничего с этим не поделать, разве лишь что-нибудь можно ожидать от тотальной «цифровизации» и полного доминирования ИИ, так ведь это уже постгуманитарность будет, если не тотальный погост! А пока с гуманитарной наукой сплошной, еще и жирный, оксюморон — попытка соединения несовместимого: ненаучной науки с ненаучной реальностью! Так вот и живем, и ничего: говорим, говорим, говорим, в общем, мифуем, ежели не блефуем!

Экономическая наука — да, есть в сфере экономизированного хозяйства экономические ремесла, навыки, технологии, что хоть и можно называть наукой, но с той важной оговоркой, что это не более чем прикладная наука, в чем нет ничего плохого, но нет и ничего особенно в научном аспекте значимого. То же преподавательское обобщение предмета — дело хоть и по-своему творческое, но это не сама по себе наука. А в чем же тогда тут наука? Да кто же это знает, ежели сами прикладники вряд ли сие знают,

отчего остается лишь соглашаться на включение в научный кодекс попросту научно-де преподносимых в аудиториях и в учебниках прикладных, то бишь технологических по сути, дисциплин.

Экономическая теория — в актуальном выражении некая математизированная версия представлений математиков об экономике, однако не более, чем «игра в бисер» самих математиков, вдруг решивших осчастливить неточную-де теоретическую экономию, с некоторого времени представленную в основном неопределенной политической экономией, научно-математической точностью в виде двух разделов — 1) *микроэкономики*, сводящейся в основе к игре цен, спроса и предложения и якобы объясняющей либо динамику цен к росту или понижению в результате колебаний то спроса, то предложения оцениваемого товара, либо стабилизацию цен на товар в некой мифической точке равновесия между спросом и предложением, что-де и происходит и должно происходить на товарообменном рынке, аккурат по итогам свободной конкуренции, которой нет и никогда не было, как и не будет; 2) *макроэкономики*, восходящей к так называемому «межотраслевому балансу», с сообразованными в целое объемами отраслевых товарных предложений и спросов, а самое главное, с необходимыми для поддержания сего межотраслевого баланса ценами, рассчитываемыми как предельные величины (как бы в соответствии с некой «предельной полезностью» каждого из товаров). Да-а, там и там, как я уже выразился, гессеева «игра в бисер», не имеющая *никакого* — НИКАКОГО! — отношения не то что к реальной, но даже к воображаемой экономике, но если б это было лишь мое мнение, а то ведь это и мнение, знаете кого?.. о-о... самих же эконометриков, как они себя называли и называют до сих пор, нашедших мужество еще полвека назад, а среди них были и мирового уровня нобелевские знаменитости, признать крах эконометрики (да-а, как говорится, было гладко на бумаге, да забыли про овраги!), тем более какая еще эконометрика в нынешнем особенно хаотичном, как бы уже и перманентно кризисном, ибо какие

уж тут кризисы посреди тотального мирового экономического хаоса, а что говорить о балансах, равновесиях, какой-то там предельной полезности. Некая обновленная теоретическая экономия — ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ!, а не «экономическая теория» (!) была, замечу, предложена мною в созданном мною же трехтомном учебнике *«Теория хозяйства: 1995—1997»*, однако была не то что не принята коллегами, но и никак ими не прокомментирована, как, собственно, и весь учебник (!), даже и словечком, сказанном на ходу, причем *никем* — НИКЕМ! И о какой-то экономической теории вообще может в таком разе идти речь?! Только лишь о прославленной политической экономии, разумеется, марксистской, той самой, которой коллеги разных возрастов были каждый в свое время обучены, по которой ими были сданы экзамены кандидатского минимума и защищены одна-две диссертации, и которую они, понимаешь ли, преподают, правда, во все меньших объемах, но это уже совсем другая тема — пошагового скукоживания и утишения (если не удушения) политической экономии, как, впрочем, и всего учено-гуманитарного философического наследия, причем не одной вовсе эпохи Просвещения, а и всех эпох з́араз. Такое уж нынче особенное времечко!

Политическая экономия — недаром, совсем недаром С.Н. Булгаков, отошедший от политэкономии, точнее, ее преодолевший, назвал политэкономию, став философом хозяйства, первой версией этой самой, правда, не совсем уж этой самой, философии хозяйства, видя в политэкономии, особливо в марксистской, более собственно философии, чем науки, к которой она сама-то настойчиво стремилась. Да, с этим булгаковским мнением можно вполне солидаризироваться: если что значимого было и есть в той же марксистской политэкономии, так это как раз ее философичность, пусть и «материалистическая», даже и «научная». А все-таки, что же она есть на самом-то деле, эта политэкономия, которая так и не определила строго научно, что же подразумевается ею под «экономией», а что под «политической», хотя разных мнений

на этот счет хоть отбавляй! Нет, мы не будем давать никакого, тем более научного, определения политэкономии, которая значит в головах людей примерно то же, что «экономика», «политика», «государство», даже и «человек», — знаем, мол, говорим себе и говорим, ну и ладно, что тут мудрствовать, коли *это* — ЭТО! — всем и так ясно! И мы тоже не будем мудрствовать, а просто отнесем политэкономия к неплохо сбитому научно-философическому, как и идейно-мировоззренческому, не считая и немалого мифотворческого, как и совсем не малого политического, в ней начал... э-э... *учению* — УЧЕНИЮ!, в контенте которого было выказано немало вполне реалистических, даже и бесспорных, вещей-вестей, хоть и в сочетании с явными выдумками тоже, для кого-то в совокупности вещей-вестей вполне привлекательных, а для кого-то наоборот, отталкивающих, однако при всем при этом очень разная по смыслам и ориентациям политэкономия сыграла, прямо скажем, о-очень большую историческую роль, а в силу своей внутренней смысло-идейной разности, позволявшей как оправдывать экономику с ее деньгами и финансами, а главное, «работающими деньгами» — *капиталом* — КАПИТАЛОМ! («капитал» — центральная, так сказать, несущая, оплотная, ядерная категория «политэка»), и, соответственно, экономическое (капиталистическое) предпринимательство, приносившее на рынок несметное количество благ-товаров, как раз и делая при этом деньги из денег, породив феномен «самовозрастающих денег», особенно для банковского предпринимательства, разумеется, свободно в неограниченном количестве привлекая по найму и за денежную плату необходимый, и тоже формально свободный, труд рабочих и спецов, а что касается колониального и практически рабского труда на тех же плантациях и в рудниках, то, естественно, этим совсем не брезгуя, так и, а мы здесь обращаемся к другой, как раз марксистской, версии политэкономии, позволяющей без удержу осуждать экономику, деньги, капитал, финанси́зм, эксплуатацию наемного труда, колониализм и т. д., но это не все, ибо дело тут не сводилось, да и

не сводится, лишь к ментально-идейному аспекту: политэкономия в силу лишь оправдания экономики-капитализма-колониализма, либо всего этого осуждения в пользу «научно»-де обоснованного ею «социализма-коммунизма», заметно или не очень для активной общественности поспособствовала и практическим действиям в ходе ею же обоснованной классовой борьбы, как и борьбы за рынки, ресурсы, жизненное пространство, как «буржуазно-демократическим» (в пользу «капитала») борческим движениям, включая террор, революции и войны, так и со временем всему этому подобному, но уже вроде бы в угоду интересам угнетавшегося «капиталом» (и теми же остававшимися феодалами старого пошиба вкупе с их королями, царями и императорами тоже) «труда». В общем, политэкономия, что очень важно, неотделима от «классовой борьбы» то в одну, то в другую, то в третью сторону-пользу — и это вовсе не кабинетное в социо-хозяйственных реалиях, хоть и кабинетное по когнитивному генезису, учение, а вполне себе действенное *послание-пособие* — ПОСОБИЕ!, многому чему поспособствовавшее, как раз борческому, страдательному, кровавому, о чем обычно политэкономы помалкивают, хотя им давно бы надо задаться вопросом об (Sic!) исторической ответственности политической экономии как руководства к действию (кстати, мы незаметно раскрыли-таки суть что объекта политэкономии — «экономии», что ее предиката — «политическая», на что любой «грамотный» политэконом тут же скажет, что так оно и есть, забыв про многие мифотворческие конструкции своей любимой «науки», — да вот не о науке тут речь, даже не о философии, а о реальной борьбе не на жизнь, а на смерть, хотя не одна сама по себе политэкономия в том виновата, а, увы, и само реальное социо-хозяйственное бытие человека, да и само это существо — человек!) И, наконец, последнее: да, С.Н. Булгаков отошел от марксизма, «политэка» и вообще «гумнауки» аккурат перед Первой мировой войной и той же Русской революцией 1917 г., продолжая дрейфовать в сторону и по пути софийной философии

и христианского богословия; ваш же покорный слуга начал с того же, что небезынтересно, но уже на рубеже 1970—1980-х гг., однако аккурат перед крахом того, что называлось в СССР социализмом и крахом самого СССР, разумеется, видя созревающий кризис того и другого, но ни о каком их крахе тогда и не думая, рассчитывая как раз на преодоление кризиса посредством преобразований, как это примерно состоялось позже в КНР с приходом Ден Сяо Пина. Да и как было думать о крахе всего того, что вроде бы было убедительно утверждено как раз марксистской, пусть и в сталинской интерпретации, политэкономией, однако вместо неожиданного хрущевского «коммунизма» с 1980 г., внезапно-де получившего на рубеже 1980—1990-х гг. оборот, что называется, на все... э-э... 720°, аккурат... нет, не так к уже ненужному собственно капитализму вовсе, а... к самому что ни на есть «финансовому феодализму» с бывшими правоверными-де коммунистами, избранными мошеннической судьбой на роль финфеодалов, а также с восстоящим над сим о-очень своеобразным *феодализмом* — ФИНФЕОДОМ! — заокеанским «*финансовым абсолютизмом*». Вот вам, «робята», и вечноживые-де учения, вот и объяснение что булгаковского рывка в сторону от сих учений, что уже и моего от них же отхода. Если кто заметит в моих словах не сильно и скрываемую иронию, то уж «извиняйте», господа-товарищи, ибо это ирония не моя, а самой экзистенциально-хозяйственной, жизне-миродельческой реальности: так было, так есть и так, увы, будет!

Финансомика — категория сия — моя, как и объяснение ей мое: это экономика в высшей стадии своего развития и бытия, как раз и объединяющая то, что я только что выше обозначил как «финансовый феодализм» с «финансовым абсолютизмом», на практике эффективно слившиеся с властью — что мироправительственной, что с пока еще номинально национально-государственной, что с некой международной, кстати, всё это вовсе не сильно и афишируется, более всего оставаясь в тени хаосного бытия, в тщательно прикрываемой тайне. Вот бы современной

политэкономии как раз этим и заняться, разобрать бы сие безобразия по косточкам, ан-нет, она все продолжает бурчать, исходя из марксизма-ленинизма, про капитал, капиталократию, олигархат, империализм, а кто тут и впрямь во главе финансовического владения: банки, корпорации, финансовые группы, неизвестные персоны или известные семьи... э-э... нынче вам и не обнаружить, господа политэкономы, при всем своем желании, ибо это вовсе не дряхлый капитализм и даже уже не отживающая свой длинный век экономика, а это, знаете ли, как раз *финансомика* — ФИНАНСОМИКА-НЕВИДИМКА!, а вот капитализм с его давно уже не свободным предпринимательством, как и вполне себе хаосная экономика с ее тотальным производством цен, спроса и предложения, они-то как раз все где-то в низах, на подхвате, в услужении у вполне себе организованного феодального финансизма, — что ж, такова она — нынешняя «селяви»!

Власть и экономика — как бы ни зарождалась сама по себе и ни развивалась экономика, поначалу и подпольно, рано или поздно она смыкается с неэкономической властью, ибо мало того что сама нуждается в насильственной организации (мягкой или жесткой, фрагментарной или тотальной — иное дело!), ибо стихия стихией, рынок рынком, конкуренция конкуренцией, хаос хаосом, произвол произволом, а порядок все-таки порядком, опять же разный — от армейского типа до хаосмосного, но... *порядок* — ПОРЯДОК!, и какая бы конкретно власть его ни задавала бы, он — *порядок!* — должен-таки быть, а лучше всего, ежели его устанавливает и поддерживает государство, имеющее согласно Божией воле право на насилие, наказание, даже и на смертную казнь. Мы ранее уже отмечали, что в государственном упорядочении нуждается прежде всего сама основа, оплот и ядро экономики, какой бы она ни была, а именно *деньги* — ДЕНЬГИ!, как и в той или иной властной регламентации и даже властном покровительстве нуждается товарообмен (купля-продажа), банковское дело, внешний обмен товарами и валютой, внутренний валютный обмен, даже и

ценообразование, не говоря о каком-нибудь санитарном контроле. Короче, экономики без участвующей в ее реализации неэкономической власти нет и быть не может — тут *закон* — ЗАКОН!, аккурат закон экзистенциально-хозяйственного бытия, принимающий и необходимую юридическую облатку. В общем, как без экономики никуда, так и без властной, прежде всего государственной, ее неэкономической организации (регламентации) тоже никуда! Не впадая в детали, отметим лишь разного рода нормативку, надзору, разбору неурядиц и споров, суды, наказания, да не только штрафами и лишением возможности быть эконом-хозяйственным актором, но и публичные экзекуции, и тюремные заключения, а то и смертные казни. *Экономическая свобода*, которая несомненный с некоторых пор бытийно-исторический факт, вполне для себя естественно сочетается с *неэкономической несвободой*, как раз властной, бытующей в зависимости от разных бытийно-исторических обстоятельств как в пользу экономики, так и в противление ей — тут уж ничего не поделать, ибо таково оно — разнообразие земно-человеческого бытия! А ведь повсюду здесь не что иное, как *хозяйство* — ХОЗЯЙСТВО! И *экономика* — ЭКОНОМИКА!, и *государство* — ГОСУДАРСТВО!, и *деловая свобода* — СВОБОДА!, и не менее *деловое принуждение* — ПРИНУЖДЕНИЕ!, причем принуждение в адрес государства считаться с экономикой, ее, пусть и частичной, но свободой, как и принуждение к экономике считаться с принужденческой волей государства, отчего, пусть и со скрипом, воем и какофонией, но из всего этого вкупе так или иначе выходит дееспособная *экзистенциально-хозяйственная симфония* — СИМФОНИЯ!

Экономика и власть — здесь уже речь о власти, исходящей непосредственно от экономики, как об ее власти над фрагментами хозяйства, так и над хозяйством в целом, что вовсе не сводится лишь к экономизации хозяйства, как и его ориентации на потребности экономики, но и о сущем подчинении экономике хозяйства, то бишь всего или многого жизнеотправления человека, семьи,

коллектива, сообщества, общества в целом вкупе с нацией и государством, более того, буквальной эксплуатации хозяйства экономикой. Вот тут-то и разворачивается дисгармоническая тяжба между экономикой и неэкономикой, в которой верх может взять любая из борющихся сторон. *Власть тут на власть!* И бытийно-исторический опыт демонстрирует разные в локалиях и временах итоги сей борьбы властей между собой, не исключаящей и настоящих боестолкновений, не говоря уж о кризисах и нередко бессрочных неурядицах, как и разные для жизнеотправления человека, семьи, коллектива, сообщества и общества в целом долговременные последствия. Достаточно припомнить опыт России тех же XX—XXI вв.: чего только не пришлось испытать и не приходится испытывать уже в эпоху финансовики нашей не обойденной хозяйственными напряжениями, падениями, взлетами, революциями, войнами, мобилизациями, разорениями, а теперь вот и лукавым потребительским процветанием, сочетающимся с не менее лукавым энерго-сырьевым «специалитетом», мало того, еще и воюющей чуть ли не со всем благословенным финансовическим Западом, а в целом никак не обиженной вниманием со стороны страдательной борьбы между экономикой и хозяйством, нашей загадочно-удивительной, странной, несеюмирной стране. Чтобы не быть голословными, назовем лишь «военный коммунизм» с намерением вообще искоренить экономику; тот же возникший под давлением восстаний и суровых обстоятельств НЭП; сталинское подчинение экономики жесткому госадминистрированию вкупе со всесторонним директивным планизмом; то же сталинское хозяйство армейского образца военного и послевоенного времени 1941—1945 и последующих годов; затем пошаговое расшатывание рвавшейся из подполья экономикой тотально-планового хозяйства в брежневские и последующие времена; крах совсогсхозхозяйства в начале 1990-х с псевдорывком страны на Запад, что по сути и не удалось, но зато удалось пришествие Запада в Россию; разграбление и разбазаривание нацбогатства, частное,

свое и заграничное, присвоение «лакомых кусков» нацхозяйства, его итоговое разорение и превращение в колониальный придаток Запада с экономическим обнищанием масс и нечеловеческим жи-рованием «успешных»-де «новых русских» в 1990-е и последую-щие годы; экзистенциально-хозяйственное оживление страны в 2000-е гг. с виртуальным по преимуществу, но реально эффек-тивным воссозданием в ней, несмотря на кажущуюся войну с За-падом, как и на все против РФ западные санкции, на все тот же имперского разряда западный финансовый абсолютизм, — и это все в мистическую параллель ушедшей в Историю сталинской ускоренной индустриализации с превращением страны в одну из ведущих в мире хозяйственных и экономических держав, с про-рывом СССР в Космос, с невероятными образовательными и научно-техническими достижениями, включая создание ядерного оружия и атомно-энергетической отрасли, нынешнее, пусть и не слишком решительное, державное возрождение страны. Фанта-стика! Тяжкая, затратная, страдательная, победная и при этом паразитерная *фантастика* — ФАНТАСТИКА!

Технонейроцифровизация — чем уж действительно успел наградить Россию, ее сплошь уже экономизированное в финансо-мическом образе хозяйство только что начавшийся XXI век, так это *технонейроцифровизацией* — ТЕХНОНЕЙРОЦИФРОВИЗА-ЦИЕЙ!, быстро превратившуюся в самую что ни на есть *техно-нейроцифроманию* — ТЕХНОНЕЙРОЦИФРОМАНИЮ!, причем, как и в финансомике, с погружением по уши в Западную земно-космическую *технонейроцифросферу* и в зависимом от нее поло-жении и состоянии. Ничего не поделать: куда теперь без поро-жденных Западом массовых мобильных миниатюрных телефонов с актуальной связью, гаджетов и смартфонов с актуальной инфор-мацией-дезинформацией, индивидуально-компьютерных сетей, вроде бы эффективно дополняющих человека и социум, но ведь уже и весьма изменяющих их в своем вкусе и в своем проективном направлении, делая человека и социум то ли на четверть, то ли

на половину или уже и на все три четверти не то что зависимыми от себя, да и не то что другими, а о-очень другими, пожалуй что уже и... *иными* — ИНЫМИ!, аккурат кибернеальными, причем не так даже еще киборгами и киборгиумом, как некими «За» — за-человеками, за-социумом, что вроде бы с точки зрения каиновского урбо-техно-прогресса есть и хорошо, а вот с гуманитарного, то бишь все-еще-человеческого, зрения есть не то чтобы нехорошо или даже плохо, а крайне в стратегическом плане эсхатологически опасно, ежели напрямую не апокалиптично, причем не в аспекте лишь надвигающегося трансгрессивного перелома-перемены в человеке и в социуме, а и в аспекте неумолимо приближающегося *конца* — КОНЦА!, аккурат того самого, как раз конгениального КОНЦУ СВЕТА, во всяком случае для земно-космического сознания, включая и уже киборнизированную «НООСФЕРУ». Бац, и нет сознания, а вкупе с ним и никакой легендированной «ноосферы»! Что-о, внезапное отключение? Почему бы нет, может, и так! А пока лишь игра в темную, то бишь с Неизвестностью и Иным, а с ними играть, может, поначалу и забавно, и весело, даже и научно обоснованно, а потом вдруг... что с голодным тигром в клетке в прятки играть! Разве не так?

Искусственный интеллект (ИИ) — главное достижение и главный функциональный компонент технейроцифровизации, способный собирать воедино разнообразную технейроцифровую информацию, ее обрабатывать и принимать собственные решения, не свойственные человеку как человеку и делать это как самостоятельно, так и в диалоге с человеком, отчего является не просто искусственным заменителем человеческого разума, а в чем-то и превышающим возможности естественного разума (ЕР), его — этого ЕР — неестественным аналогом, однако не вполне конгениальным ЕР, а все-таки особенным, так сказать, ему параллельным и даже противостоящим. И хотя ИИ пока еще воспринимается лишь как производный от ЕР, его заменитель и ему подспорье, — и это в значительной мере так, — но он —

ИИ — как бы и вполне себе самостоятельный «разум», повторяем, способный превышать, пока и не всегда и не в полной мере, возможности ЕР. И тут самое главное! Немалая вероятность возникновения зависимости ЕР от ИИ и превращения самого ЕР в сильно обыскуственный разум, не способный к собственной полноценной реализации мало что не без постоянного взаимодействия (диалога) с ИИ, а и попросту вне этого последнего. Эйфорически настроенные адепты развивающегося ИИ, его неуклонного совершенствования, исходят не просто из продолжения существования ЕР, а из ожидания, что он, обогащенный ИИ, будет способен в своих интересах мало что вести диалог с ИИ, оставаясь от него независимым, но и его, этот ИИ, непременно превосходить. Вот тут-то и главная, она же и судьбоносная, стратегическая экзистент-интеллект-заковыка: отчего это вдруг в человеке сохранится при постоянном, практически с рождения, вполне и для него зависимом, общении, а точнее бы сказать, непрерывной погруженности не так даже в общение, как в само искусственное экзистент-интеллект-инфо-пространство, способность мыслить и говорить не просто по-естественному, а и независимо от все того же ИИ. Короче, возникает вопрос о возможности передачи интеллект-эстафеты от ЕР к ИИ, а вместе с этим о *конце человека как человека*, поначалу и не о физическом конце, а как раз экзистент-интеллект-ментальном, то бишь о переходе человека (или того существа, которого мы еще считаем и называем «человеком») к какому-то *постчеловеку* — ПОСТЧЕЛОВЕКУ!, ну а потом (и весьма скоро!) к неестественному *завершению человека как человека* вкупе с завершением земно-космического проекта под кодовым названием «ЧЕЛОВЕК»! Почему нет? Недаром ИИ уже успел отличиться, ответив на вопрос «Что делать с человеком?» — УБИТЬ! Да, тут много всего неизвестного, неопределенного, вовсе и не выверенного, и пока ИИ используется в локальных технологических целях, то он, будучи весьма эффективным, не кажется опасным для человека как человека, аккуратно, заметим, еще не вполне воспитанным

и образованным (в аспекте образования, обретения знания и сознания) этим самым ИИ, хотя, как мы выше отмечали, уже успевшим стать заметно другим, и как раз под влиянием технейроцифровизации и сопутствующих ей информационно-образовательно-ментальных интенций. Одно дело — трудовое обретение *знания* — ЗНАНИЯ! — с его насыщенным проникновением в ум и душу человека, в его сознание, причем когда знание живет в человеке, а человек — в знании, совсем другое — беструдовое пользование информацией, легко влетающей чуть ли не в лишенного собственного сознания — этой внутренней фабрики мысли! — человекоподобия и с той же легкостью из сего хомоподобия вылетающей, не задерживаясь в фабрике мысли, которой фактически уже просто и нет. Да, сейчас вокруг человека-ИИ, превращающегося в ИИ-постчеловека, много разных разговоров и спекуляций, не исключая и подобных нашим, и что интересно — НИКТО НИЧЕГО толком обо всем этом не знает, как раз того, ЧТО из всего этого в итоге может выйти, — и ежели даже в XX в., не то что в XVIII или XIX вв., сохранялась и вела вперед уверенность завязтых научно-технических, а теперь вот технейроцифровизированных каинцев в будущем — БУДУЩЕМ!, причем каком-то еще и замечательном будущем, то сегодня не то что нет сей уверенности, а и самого будущего — БУДУЩЕГО!, в которое можно было бы верить, попросту нет — НЕТ! — и все тут! Может, так вот именно все и надо, а-а?

Сатанианство — нет, не широко известный в богословии и через него сектантского пошиба антибожеский и античеловеческий сатанизм, хоть и имеющий к этому последнему косвенное отношение, нет, это весьма иного порядка феномен, а именно вовлечения и вовлеченности нынешнего постмодернового человека (ЧЕЛОВЕКА ли уже?!), причем все равно какого ранга, положения, значения и функциональной роли, круто владетельного ли и правящего, среднего ли и повсеместно управляемого, как и чем-то управляющего, низшего ли, трудящегося и потребляющего

(хавающего), ибо, как-никак, а ведь есть ныне, что потреблять и для низших, а уж для кое-кого из средних и высших слоев так в изобилии и излишестве, разумеется, все это не поголовно, но все-таки в каждом из людских (вроде бы еще ЛЮДСКИХ!) разрядов весьма, даже слишком весьма, массово, во всяком случае, весьма принято, да не что-нибудь, а именно вовлечение и вовлеченность в самый что ни на есть антимир с его нежизнью-антижизнью и античеловеком-античеловечностью, с теми же безрассудным феминизмом и агрессивной феминократией, как и с не менее безрассудным инфантилизмом, в особенности «мужеского» люда, с ходовыми, всепроникающими, не осуждаемыми и даже непререкаемыми лживостью, мошенством, коррупцией, а наиболее ярко — антикультурой, массовой необразованностью, постдушевной и бездуховной пустотой, завлекательной физиологичностью, даже и с обнаруживающей себя звероживотностью, причем с «фиговым» прикрытием всего этого словесами, улыбками, яркостью, разноцветием, многоголосием, шумом, гамом, развлекухой, туда-сюда мельтешением, псевдотуризмом, тотальной, высокотехничной, комфортной, скоростной автомобильностью, а главное — глобальной и мгновенной меж «людьми» технической связью, интернетом с сопутствующими ему гаджетами, смартфонами, ну и со всеобщей компьютеризацией с ее тотально обесмысленной информатизацией. Тут дело уже не в религиях, как и не в какой-либо идеократии, вообще не в знаниях, не в той же обиходной и высокой культуре, вообще не в гуманизме и гуманитаризме, тут как раз дело в вольной или невольной, а более всего в не очень-то и осознаваемой (до поры!) *сатанофилии* — САТАНОФИЛИИ!, ибо все вокруг настолько вроде бы хорошо, причем прямо-таки небывало «по-человечески» — один, знаете ли, восторг, только вот почему-то все меньше человеческих глаз, излучающих людскость, доброту, правду, смысловость, а все как-то больше глаз, в которые заскочили и где засели неоправданная возбужденность, обыденное безумие, неизбывная тоска, не говоря уже о замершей в глазах

проклятой «mortido»! Что-о, круто неверно и о-очень несправедливо? Возможно, но тогда докажи, любезный несогласный читатель-нечитатель, обратное, не возрази наотмашь с кривой усмешкой, а именно докажи, что все вовсе не так, что вокруг не что иное, как самое что ни на есть «светлое настоящее»!

II

РУССКИЙ СЮР-РЕАЛИЗМ:

Россия как есть и как не есть

(из сокровенного)

Потерпи, читатель-нечитатель, обращаясь к нижеследующему уныло-обширному тексту, чуть ли не в целую, хоть, может, и не толстую, книжицу, ну и несмотря на свои неслабые познания бытия-истории родной страны, найдешь в ней для себя и кое-что новенькое, не так, может быть, фактологическое, как сужденческое, не исключено, что глубокомысленно и возразишь, да не только про себя что-то буркнув, а, надеюсь, обоснованно, да и не слишком уж и колюче, во всяком случае, прочтя-непрочтя сие нижеследующее, обретишь повод для собственных, крутых или не очень, но уже иных по сути размышлений, а там, глядишь, вдруг и сам станешь немало и иным россиянином, а то и прямо-таки иным русским, кто ж сие знает, всё ведь, как говорится, в руцех Божьих!

Страна Россия

1. 1) Своими истоками Россия уходит в седую, можно сказать, что и доисторическую, древность, во всяком случае, задолго до собственно исторической фиксации Руси-Роси, что связано сначала с отсутствием достоверных письменных свидетельств о проторусах, как и вообще малоизвестной миграцией истоковых проторусских народов, да и с их многообразием, причем с самыми разными очаговыми местами пребывания и как с разной

миграцией сих протопроторусов вовсе не только в восточноевропейском по нынешнему пониманию геоареале, но и в общем-то бывавших всюду по весьма обширному евразийскому кругу и отовсюду приходивших на синтезное место-очаг будущей Руси-Роси-России, не исключая ни западной и центральной Европы, ни южноевропейской степи, ни предкавказья, ни волжья с заволжьем, ни даже Малой Азии с Индией, чьи следы мало что обнаруживаются в проторусских артефактах, преданиях, сказаниях и тех же сказках, но где обнаруживаются такого же рода следы и самих проторусов.

2) Великий М.В. Ломоносов в своей дохристианской и даже дорюриковской истории, а лучше бы сказать, протоистории Руси, ссылаясь и на латинские, и на греческие источники, находил возможность обрисовывать генезис Руси вовсе не только как моноэтнославянский, но и как полиэтнический, не отбрасывая в сторону ни венедов, ни скифов, ни даже сарматов, не говоря уж об угрофиннах, что кстати, и объясняет, по-видимому, сохраняющуюся до сих пор этнорелигиокультурную терпимость ко всему иному русов-русичей-русских, как и их способность уживаться с иноэтнами у себя дома и самим русам-русичам-русским, удачно вписываться в иные этноландшафты, не теряя при этом своей глубинной этноспецифики. Да, славянское начало во вполне себе исторических русах-русичах-русских явно преобладает за счет притока в восточно-европейский ареал славянских племен из западно-центральной Европы, тех же вятичей, нашедших возможность существовать, насколько известно или можно предположить, в мире и согласии, рядом с угро-финнами или прямо в их среде.

3) Так или иначе, но за счет, я бы сказал, стока, стекания или стечения разных, возможно, и родственных, этносов в одном ареальном, весьма и обширном по седым временам, месте-этнокотле, где и выварилось то, что стало со временем называться Русью, которая нам известна, но о которой мы знаем все-таки не то что немного, а в значительной мере лишь предположительно, чему мы

обязаны, надо полагать, сначала рюриковской пришлой (захватнической) деисторизации в свою пользу протоРуси, как будто до Рюриковичей ничего и не было, кроме какого-то там дикарски-племенного не то славянского, не то еще какого, лесного и лесостепного населения, а потом с небольшим по историческому времени лагом Рюриковской же византизации Руси с насаждением греко-христианской, церковно на Руси институализированной, идеологии, что, может, и было благодатным делом по приобщению «языческих-де» русов-россов к цивилизованному-де миру, но что сыграло основную роль не просто в забвении, а в самом что ни на есть стирании аки с магнитной ленты всего ведо-культу-культурового прото-русо-росского наследия с аннигиляцией, если не физической ликвидацией, главных его носителей — *волхвов*!

4) Да, почти что метропольно-колониальная, пусть и вроде бы на добровольной основе со стороны стольного града Киева, уже и рюриковического, читай варяжско-византийского, вроде того же торгово-купеческого Новгорода, из которого рюриковщина, собственно, и пошла по Руси, и вроде бы не военно-силовая со стороны Константинополя византо-христианизация Руси была на деле в немалой степени борческой и драматичной, если не трагедийной, однако выворачивание ли, переворот ли, революция ли в том или ином образе-виде, но что-то подобное таки состоялось, и Русь вошла в новое для себя бытие, либо же это новое бытие само вошло в Русь, это уж кому как нравится, а главное для нас здесь то, что как раз в реальности, так и в сопровождающих сию реальность исторических нарративах, обнаруживается одно трансцендентальное обстоятельство, оно и явление, оно же и призрак, а именно — наличие в бытии-истории Руси, если не царствование в нём, нет, не судьбоносных Рюриковичей, а чуть ли не роковой... Неизвестности, отчего в наше сознание пробивается первый трансцендентно-метафизический, весьма и транспарентный, сигнал о какой-то, знаете ли... *иномирности Руси*: что она, откуда, зачем, куда?

5) А тогда у Руси был лишь один выход — вперед, аккуратно по навязанному захватнической властью новому экзистенциально-хозяйственному пути, во всяком случае, с новой господствующей идеологией, новым доминирующим культом и новыми зримыми и незримыми, то бишь физическими и метафизическими, одеждами, может, и с новыми, пусть и не самыми стойкими, может, и иллюзорными, надеждами на объятые Неизвестностью будущее. Так оно и случилось, однако, опять же с неизбежными отрицаниями бывшего и столь же неизбежными отрицаниями отрицания, по-нашему, с неизбежными выворачиваниями текущего и столь же неизбежными новыми выворачиваниями старательно и, как правило, безумно вывернутого бытия.

* * *

Я не пишу никакого исторического трактата в общепринятом понимании, меня интересует лишь обций трансцендентно-метафизический каркас бытия-истории Руси-Росси, хоть реального бытия-истории, хоть даже и призракового, воспринимая предмет интереса по преимуществу тоже в смысло-трансцендентно-метафизическом ключе и лишь частично феномено-фактологически, не говоря уж о чисто научном (сциентическом) подходе к предмету, который тут попросту невозможен, да и неуместен.

* * *

6) Да, подрюриковическая Русь приняла, пусть была вынуждена принять, византо-христианизм, привнесенный на Русь, помимо домашней адептуры-агентуры, еще и, как тогда говаривали, греческим черным (по одежде) поповским контингентом, как раз и занявшимся идеократической обработкой «диких языческих» русов-россов-русичей. Так или иначе, с насилием и без оного Русь стала если и не колонией Византии, то уж явно отходно-запасным для гаснувшей греко-романской империи плацдармом, что впоследствии фактически и подтвердилось. Не так Русь при этом приняла в себя Византию, как Византия пришла и стала под себя осваивать Русь, что надо было бы словоохотливым адептам тогдашней

византизации Руси почаше бы иметь в виду.

7) Однако великое преобразовательное деяние состоялось: гетерогенно раздробленная населенчески и лишь квазигосударственно и более или менее гомогенно контролируемая рюриковической властью, тоже весьма не единой, не то что монолитной, а, скажем так, фракционной, разделенной на отдельные, хоть и рюриковские, удельные княжества, между собой совсем и немало враждовавшие, Русь таки стала посредством отрицания дорюриковского русского бытия-истории, хоть и слабой, но все-таки кое-какой копией христианизированной Византии, и бытие-история Руси продолжалось уже под новой личиной, однако, благодаря своей глубинной экзистенциально-метафизической закваске, не расставшись вполне ни с самою собою, ни со своей «языческой», а на самом-то деле вполне себе ведической, пусть и потрепанной, подмятой и уже более всего навской, корневой идеотрадицией.

8) В конце концов византо-христианизм, не сдавая буквально им завоеванных на Руси позиций, был вынужден-таки пойти на уступки русо-русской самобытности и, тут уж кому как нравится, либо сам он стал к ней приспосабливаться, либо же сама русская идеотрадиция стала его к себе приспосабливать, и в итоге на Руси пошла формироваться своя версия византо-христианизма, не совсем уж и греческая, не совсем и ортодоксальная, как и совсем, конечно, не западноевропейская — типа латинской католической или несколько позже англогерманской протестантской, а именно как своя, аккурат вполне себе русская, *православная версия*, называемая обычно почему-то ортодоксальной, что, надо полагать, не совсем и верно, если совсем не верно (смыслы и понятия христианской ортодоксии и христианского православия хоть и близкие, но все-таки не одинаковые), в общем, случился, посредством, кстати, гегелевского отрицания отрицания, как и нашего выворачивания вывернутого, пусть и не совсем определенный, но все-таки некий синтез русо-русского идеонаследия с новым

идеократическим то ли обретением, то ли привнесением, то ли пришествием.

9) Итак, Русь, возымев новое идеократическое обличье, никуда от этого не исчезла, даже не превратилась во всего лишь русоподобный потаённый призрак, она просто стала... *другой*, причем никак нельзя сказать, что она попросту претворилась другой, нет, она именно превратилась в другую, что особенно подтвердилось во времена, как было принято на Руси и принято до сих пор в России говорить, несмотря на вдруг внезапно появившиеся в среде новых историков-хронометристов утверждение, что ничего подобного не было, а именно во время сокрушительного монголо-татарского нашествия на Русь и последовавшего за этим нашествием двухсотлетнего монголо-татарского ига, и подтвердилось тогда в горизонтах интересующего нас бытийно-исторического контура не что иное, как наличие в протекавшей тогдашней реальности как раз исконной Руси, причем во многом в ее коренном, идущем из глубины веков, может, и из самой Вечности, пусть уж в целом и не ведическом, образе, как и наличие именно христианской, как раз православной, Руси тоже.

10) Монголо-татары во главе с потомками-наследниками великого Чингиза не навязывали, в отличие от Византии, никакой новой идеократии, их интересовала более всего лишь материальная дань, разумеется, и людьми тоже, а что касается людской на этот кабальный счет составляющей, то нечто подобное было свойственно и цивилизованной-де Византии, пусть и через ту же корсуньскую куплю-продажу русичей в византийское рабство, а этой торговлишкой, увы, совсем не брезговали и властвовавшие на Руси Рюриковичи (небезынтересно, что Великий князь Владимир Святославович, сам долгое время бывший отпетым дикарем, циничным насильником и отъявленным гаремщиком, принял греческое крещение к концу своей бурно-необузданной жизни, уже к тому моменту сам постаревший, физически ослабевший и вроде бы изрядно подслепший, аккурат в хорошо знакомой византий-

цам по работоторговле портовой черноморской (крымской) Корсуни, что в общем-то более чем занимательно для сообразительных умов, не правда ли?).

11) Рюриковичам и Руси, так и не ставшей, несмотря на неоднократные попытки отдельных выдающихся Рюриковичей вроде Владимира Мономаха и Юрия Долгорукого, единым централизованным, а потому и сильным, государством, оставаясь территориально, властно-управленчески и народо-населенчески раздробленной и силовó ослабленной, хотя и ведшей с агрессивными соседями (прибалтийскими, польскими, половецкими) небезуспешные локальные войны, так вот Рюриковичам и вообще русичам, как и всей Руси, пришлось-таки, несмотря на первоначальное и последующее сопротивление Орде, признать господство над собой более тогда сильных, кстати, и жёстко авторитарно внутри себя обустроенных, восточных агрессоров, выплачивать им дань, включая и людской ресурс.

12) Однако сие иго сыграло вопреки себе и неожиданно позитивную роль в судьбе Руси, что проявилось в усилении центростремительной тяги, пусть и не всегда и не во всём добровольной, наоборот, немало и военно-силовой, русо-росских земель к единению, что в конце концов пошло вокруг взявшей на себя роль центра-объединителя вовсе поначалу никакого не стольного града Москвы, так и к продуктивному единению Руси исконной с Русью византо-христианско-православной, с появлением в бытии-истории страны и великих в пользу такой вот экзистенциально-метафизически, а не только центрo-государственно, единой Руси, деятелей, таких, как князья-воители, но и отменные хозяйствующие субъекты, Александр Невский и Дмитрий Донской, а также неофициальный духовный лидер Руси преподобный Сергей Радонежский, а затем уже и тот же царь московский Иван IV, обеспечившие выживание, укрепление и подъем Руси, а затем и полное освобождение ее от монголо-татарского ига. В итоге Русь вышла из двухсотлетнего монголо-татарского пленения не чем иным,

а Московским царством и, что особенно примечательно, Святой Русью, что дает нам второй сигнал — не только об иномирности Руси, но и о глубоко в ней запрятанной, но все-таки так или иначе в той или иной момент проявляющейся... сакральности! Но, но, но!

13) Опять это «но, но, но», да что поделывать, ежели Бытие-История идет не по прямой, а по кривой, да мало что колеблясь из стороны в сторону и вверх-вниз волнообразно, с откатами и возвратами, а то и с непременными вывертами, отрицаниями себя и отрицаниями своих же себя отрицаний, с выворачиванием себя и выворачиванием себя же вывернутого, в общем, Бог знает и не знает как! Да, мы не можем миновать вдруг трансцендентно-метафизически то ли изнутри возникшей в Московском царстве, то ли выпавшей на Святую Русь неизвестно откуда величайшей по степени безрассудства, трагедийности и проклятости Великой Смуты конца XVI — начала XVII вв. В том-то и было дело, как и была загадка, бац!, и взбаламучены социум и государство, причем как-то вдруг и вроде бы всё это само по себе, разумеется, не без обострения внутренних противоречий, уймы неурядиц и нелепостей, как и не без западно-латинского, прежде всего польско-литовского, влияния, однако тут ведь просматривается и кое-что иное, а именно осознанно-неосознанное стремление части свято-де-росской публики из верхних, в основе торгово-предпринимательских, но и из властных тоже, уже не к почившей в бозе Византии, а к более на тот момент развитой и, опять же, цивилизованной-де Западной Европе, отчего внутреннее отрицание многого своего сомкнулось с внешним к сему побуждением.

14) Во времена новгородско-киевские всё шло в растяг: на север — к варягам, и на юг — к Византии. Удалось сначала одно, потом другое, Русь оказалась дважды извне оплодотворенной, изменилась, стала другой, а вот в сторону Азии, к монголо-татарам, даже и во времена ига, не кинулась, отбилась от них, хотя при этом вновь изменившись, оплодотворенная жестко

авторитарной Ордой, стала Московским царством, и, обретя силу, принялась покорять остатки своего восточного обидчика, сначала Казанское и Астраханское ханства, а затем и сибирское наследие могучего и славного Чингиза.

15) А тут, видишь ли, Руси и русичам захотелось вдруг нового себя зарубежного оплодотворения — западноевролатинского, а ведь это творилось ладно бы просто в Московии, а то ведь в самой Святой, то бишь византо-христианской, вполне уже и православной, Руси. В общем, новое себя отрицание, как и себя выворачивание до «не могу», с таки случившейся страшной междоусобицей — гражданской-де войной, и аккурат европейской (пусть более всего польско-литовской) интервенцией, да с грабительскими походами на Московию тех же братских-де запорожцев, а потом с тяжким выздоровительным отрицанием отрицания, как и мучительным выворачиванием вывернутого. Однако... ах, опять это «но, но, но»!

16) Хоть отрицание отрицания, как и выворачивание вывернутого, были вроде бы в пользу исконной, уже давненько ставшей Святой, Руси, однако не без той же ее... э-э... европеизации, в связи с чем для начала была затеяна новой царственной династией Романовых, избранной на правление Русью всеобщим-де Земским Собором, та же церковная реформа, получившая прозвание по имени проводившего ее патриарха Никона — никоновской, приведшая к новому, почти что как и при Смуте, расколу православных-де русичей на староверов и нововерцев, и пошло-поехало: гонения на первых, оказавшихся сторонниками истинной-де православной веры, а заодно и исконной Святой Руси, и властная поддержка вторых — обновленцев-западников, бившихся за Новую-де Русь, аккурат немало и европеизированную, что, приведя к кровавой династической с участием части народа разборке, закончилось самодержавным воцарением на русском престоле законченного евролюба и не менее законченного на тот момент русофоба Петра I, молодцеватого, жестокосердного и патологически

фанатичного, как и на всё европерестроечное вполне падкого, хотя и действовавшего аккуратно во властно-абсолютистском евроазиатском стиле.

17) Пётр немедля завершил никоновское церковное преобразование отменой святорусского патриаршества и подчинением Церкви правящему ею Синоду, полностью подконтрольному государству, точнее, самому самодержавному царю, а заодно неистовый Пётр отменил и саму Святую Русь, не то, чтобы им нелюбимую, а пожалуй что, и в самом деле им ненавидимую. Так вдруг-невдруг закончилось бытие-история византо-, а частично и монголо-татаро-, подобной Руси, и началась новая бытийно-историческая эра на Руси, ставшей вдруг-невдруг Россией с русским, а не русо-росским, в ней населением, не считая, конечно, генетически не русоросские народы, хоть для заграницы это не имело никакого значения, ибо все люди в и из России там всегда принимались за русских, как, собственно, происходит, к неудовольствию некоторых внутрироссийских националов, и до сих пор, а именно началась на Руси эра как бы проевропейская, а лучше бы сказать, не кривя душой, хоть по ориентации и проевропейская, а вот по исполнению все-таки куда как более азийская, еще и с евроколониальным, подтекстом.

2. 1) Что ж, Пётр I, надо отдать ему неизбежно-вынужденное должное, все-таки осуществил проевропейское с азиатской деловой методикой и евроколониальным подтекстом, вполне и революционное по сути, манере и действиям, преобразование Руси, идя с невиданным размахом, упорством и, прямо скажем, палачеством, сразу по всем системным путям-дорогам, разумеется, в нашем понимании хозяйственным: военно-державно-стратегической; эконом-производственной; социо-народонаселенческой; культуровой, да и просто обыденной, радикально избавляясь от всякого святорусского наследия и радикально же внедряя всё ново-, да вот не так русское и даже не так, как стало при Петре, российское, как, лучше сказать, ново-цивилизационное, да-да, именно так, ибо

сознавал ли это сам Пётр или нет, но он действительно приступил к сооружению на месте Руси новой цивилизации и много, очень много в этом неслыханном бытийно-историческом деянии-происшествии преуспел, может, и не до конца и не во всех частностях, но в основах уж точно!

2) Да, недаром, приведя Россию к имперскому лику-статусу и сам став уже действительным императором, был назван в связи со всем им совершённым Петром Великим, совсем недаром! Вдумаемся: один человек, он же и точка на карте не то что Вселенной, а самой тогдашней Москвы, пусть и царского звания и положения, становится преобразовательским сингуляром-точкой, откуда исходят колоссальный переустроительный замысел, огромная воля и непрестанные, пусть и немало лихорадочные, иной раз и провальные, но всегда мощные импульсы и гигантские усилия, и вот этот сингуляр-точка, он же и аттрактор, не просто выворачивает всё страновое бытие, но одновременно с этим его переделывает, выворачивая им же самым вывернутое! Уникальный, прямо скажем, бытийно-исторический разрушительно-созидательный... э-э... нет, не случай, как и не эксперимент, даже и не деяние, тут что-то другое, может быть, полная драматизма экзистенциальная трансгрессия, в общем, нет подходящего определения сему грандиозному событию-происшествию, однако сие таки было, а последствия от него не то что долго давали о себе знать, нет, они и ныне здесь, в нас, среди нас, во всей нынешней XX—XXI вв. России.

3) Итак, драматически возникавшая и таки возникшая под сильной, волевой и беспощадной дланью Петра Великого столь же великая (не только по размерам, а и по силе, и по делам) новая европоазийская империя — Российская! Факт! Какая же? Отметим главное: а) Всеобще, всесторонне, тотально, целостно для всего коренного населения, причем независимо от сословия, положения, занятости, тягловая империя, да мало что тягловая — крепостная (этатически прежде всего и в основном), разумеется, по-разному для социальных страт и групп: для низших из них, хоть

и не объявленное, как в том же древнем Риме, но фактическое рабство, что для крестьян, что для промышленных, промысловых и строительных работников, что для нижних армейских (солдатских) и флотских (матросских) чинов; а для среднего слоя, а именно, для созданного Петром дворянства — беспрекословное служение государству (офицерство, чиновничество), а взамен дарованные поместья с лично зависимыми крепостными людьми; ну а для высшего слоя — пребывание в высших кругах власти со столь же самоотверженным служением империи (военачальство, высшее чиновничество), включая и славных «птенцов гнезда Петрова», а взамен дарование огромных частных владений с крепостным населением; для духовенства — отправление культа в никоновском обряде и душевно-психологическая обработка населения в угоду властям и империи, для монастырей с их внутренним доховно-дисциплинарным крепостничеством еще и наделы с крепостными крестьянами; относительной деловой свободой пользовались лишь частные предприниматели и купцы, ну и кое-какие русо-российского происхождения интеллектуалы. Это всё касательно «своих», русских-де, россиян, так сказать. В оправдание Петру нужно, конечно, поиметь непременно в виду характер решаемый им и под его твердой рукой всей страной грандиозной переустроительной задачи, ну и тот неоспоримый факт, что и сам Пётр, неистово трудясь, вникая во всё, бросаясь туда-сюда, непрестанно воюя, тоже был, пусть и с золотым венцом на имперском челе, не только первым лицом по счету и по положению в создававшейся им империи, но и первым же ее и в ней... *рабом* — РАБОМ! б) Хотя и считается, что Пётр I, овладев Ливонской Прибалтикой и отвоевав у викингов-шведов невиско-балтийский край, где и стал строить новую, уже имперско-европеизированную столицу Санкт-Петербург с морской гаванью и флотом, заметим особо, столицу вовсе не святорусскую, каковой еще оставалась Москва, а как раз Москве противоположную, и тем самым пробил-де «окно в Европу», что, может, в некотором роде и так, но

мне представляется, что Европа, никогда и не стремившаяся наглухо закрываться от Руси, правда, не допуская при этом Русь в себя, а стремясь к собственному проникновению в Русь, разумеется, проникновению колониального пошиба, а потому, по-моему, не так Пётр пробил «окно в Европу», как, открыв для нее широкие врата, позволил Европе пробиться в Россию, вливаясь в нее широким потоком, чем Европа сразу же и воспользовалась, пытаясь посредством торговли, а главное, пришествия в Россию разного рода спецов, прежде всего, конечно, военных и инженерных, как и проводников европейской культуры и европросвещения, а Сему пришествию была открыта подстать вратам и широкая дорога, мало что позволившая Европе европеизировать под себя Россию, конечно, попервах не завладев ею, не напрямую колонизовав, что явно было невозможно, а вот как бы квази- или, выражаясь по-современному, прокси-колонизовать с возможной в перспективе и ее действительной колонизацией, так вот это-то явно было — *Да-а!*

в) В связи с этим в России стало всё более чувствоваться то примечательное, что в какой-то момент было окончательно прочувствовано как «засилие иностранцев», конечно же, европейцев (крестный сын Петра, выходец из Абиссинии, А. Ганнибал, предок А.С. Пушкина, дослужившийся с честью и по-честному до генерала, тут, разумеется, не в счет, хотя тоже, как и все заслуженные службисты, не избежал участи крепостника). При Петре, может, сего засилия иностранщины и не было или же оно было не так сильно выражено, а вот после Петра, о-о!, привело и к нешуточному участию евроинородцев в самом правлении Россией (достаточно упомянуть достославную «бироновщину»), даже и к хоть как-то прикрытому, но все-таки овладению иностранцией престолом, ну и, как повелось издавна на Руси и стало водиться в послепетровской России, к борьбе русского властолюбивого начала с иноземным, вылившейся, в частности, в те же гвардейские «дворцовые перевороты». Так что вольно или невольно, ожидаемо или нет, но Пётр, неистово европеизируя Русь, ее — Русь —

под Европу и подставил, если не посредством прямого насилия иностранцев, то уж посредством постоянного, с одной стороны, тяготения россиян, в особенности, знати, к Европе, а с другой, посредством не менее постоянного влияния на Россию Европы и ее — Европы — зримо-незримого, но столь же постоянного присутствия в России, включая и высшую власть. г) Был ли Пётр явным параноиком или не был, на этот счет бытуют разные мнения, но то, что он имел параноидального характера личную природу и образ поведения, пожалуй все-таки, факт, что, правда, не слишком ему мешало, а может, и способствовало решительно напролом действовать и добиваться во что бы то ни стало преследуемых им целей. Однако есть три важных момента из личной жизни-судьбы Петра, мимо которых пройти нельзя, вроде бы в распространенном понимании и не хозяйственных, но вполне себе жизнеотправительных, ежели не жизнеотравительных (антихозяйственных, стало быть), причем с последствиями не только для самого Петра, но и для взлелеянной им империи тоже. Во-первых, сначала нелады с не понимавшим и не поддерживавшим Петра сыном от первого брака с Лопухиной (заточённой Петром в монастырь) и наследником престола царевичем Алексеем, затем серьезные идео-политические с ним разногласия, потом неправый суд над сбежавшим было за границу и ложными обещаниями и посулами возвращенным оттуда в качестве уже государственного изменника Алексеем, ужасные пытки Алексея, на которых присутствовал и сам император, его отец, чаявший раскрытия заговора против него, которого, судя по новым данным, и не было, наконец, смертный ему приговор и позорная казнь удушением, да не где-нибудь, а в церковном подвале в построенной Петром и, разумеется, в ненавидимой Алексеем Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, что, конечно, изрядно переживалось Петром, сказываясь на его здоровье, но и, что особенно важно, стало очередным со стороны Петра приговором, в общем-то и бессильной, так и не исчезавшей насовсем Святой, а попросту исконной,

коренной Руси, как раз приговорённой неистовым Петром к исчезновению, может, затаившейся где-то в Москве и окоёмах бывшей Московии, а может, да так, собственно, и было, ушедшей от антихристовой петровской России в северо-урало-сибирские дали, но, повторяем, никак не исчезающей под ударами антихристовой европеизации, что было для умного Петра не чем иным, как, пусть прилюдно не признаваемым, но снедавшим не одну его царственную гордыню, но и некогда могучий, но уже изрядно подызоженный, организм. Ах, эти стратегические идео-экзистенциальные поражения: тихие, негромкие, потаённые, но какие же болезненные! Нет, не великий Пётр победил Алексея ради сохранения великого и громкого дела всей своей жизни, хоть так кому-то и казалось, да и кажется до сих пор, а вовсе никакой не великий, тихий и негромкий, однако явно стойкий, мужественный, непреклонный Алексей победил Петра, вот оно как бывает, как нередко было и как еще будет!

* * *

Здесь уместно обратить внимание читателя-нечитателя к известной картине великого, хоть таковым и не величаемого в России, может, из-за его увлечения толстовством, русского художника Н. Ге «Пётр I допрашивает царевича Алексея», на которой вроде бы победительный, правый и гневный Пётр вроде бы и в самом деле вершит правый суд над явно провинившимся Алексеем, однако, ежели повнимательнее ко всей изображенной на картине драматичной сцене присмотреться и поглубже подумать, то можно увидеть и понять кое-что... иное, а именно, что Пётр не знает, что сказать убедительного Алексею не так даже в его — Алексея — обвинение, как... в свое оправдание, а Алексей, пусть и несколько скукожившись под грозным взглядом неистового отца, молчит, не сдаваясь и не падая на колени с мольбой о прощении, хоть уже и предчувствует, а может, уже и знает, свою мученическую судьбу. Так что не так вопрос тут, а признание Петром правоты Алексея, разумеется, его — Алексея — правоты, вполне, знаете ли, Христовой, может, и ошибочной, на взгляд того же Петра и его соратников, но все-таки правоты. А что касается сановничьего суда

над Алексеем, приговорившем его к смерти, то какие же сановники решатся на такое дело без не то что согласия, а заведомого решения, может, и требования, самодержавного властителя, по совместительству и отца несчастного Алексея, а-а?

* * *

Во-вторых, хоть и умён был Пётр, да не избежал роковой глупости, взяв из-под генерал-фельдмаршала Б. Шереметева подтележную военно-полевую маркитантку-куртизанку из Лифляндии Марту Скавронскую сначала, видно, в свои наложницы, а потом и в жены, но это не всё, сделав ее в конце концов и императрицей всероссийской Екатериной Алексеевной, вошедшей в историю как Екатерина I. Да, возможно, а так, видно, и было, что Марта устраивала Петра и как женщина, и как заботливая жена, и как мать двоих его детей. Известно, что только Марта могла, обняв лежащую на ее груди голову переживающего какой-то патоприступ Петра, облегчить его страдания и успокоить. Всё это так, однако, однако... не всё так просто, ибо уже умиравший Пётр оказался в предсмертный миг наедине как раз с Мартой и, по ее словам, успел лишь, выполняя свой же указ о престолонаследии, произнести: «Отдайте всё...», так и не назвав имени наследника, да вот так ли всё было на самом деле, может, и назвал какое-то имя, но, но, но... явились под окнами царского дворца гвардейские полки с криком «Виват императрице Екатерине» и... дело было сделано: императрицей вся Русь непосредственно на престоле оказалась Марта Скавронская, кстати, вполне могшая ранее и сынтриговать против царевича Алексея, желав его устранения ради своих детей-наследников престола, вряд ли тогда мыслив себя будущей реальной императрицей, да кто ж всё это точно знает, да и чего, увы, на царственном свете не бывает. В-третьих, вокруг престола, на театре высшей власти, сразу же развернулась не без участия прилипших к властному очагу-пирогу иноземцев, как раз из тех самых, из «засильников», прямо-таки незаурядная, вполне и ожесточённая, закулисная и вырывавшаяся наружу

борьба с явлением на троне каких-то державно невразумительных, но кому-то из стоявших за ними вельможных интриганов потребными, псевдо-прокси императрицами и императорами, следовательно, и с гвардейскими дворцовыми переворотами, тоже кем-то умело направлявшимися, пока престол не достался на десятилетие дщери Петровой Елизавете, правившей не слишком глубокомысленно, но, к счастью, не без помощи эффективных вельможных менеджеров. В-четвертых, вновь последовал переворот и на троне российском не кто-нибудь, а вывезенная из Европы на роль послушной елисаветинской невестки сначала миниатюрная Фредерика (Фике), а затем, уже после захвата ею с вельможного-гвардейской помощью, сопроводившейся «случайным» убийством ее мужа, законного императора Петра III, нелегитимной, но о-очень сообразительной, очередной странной, уже и в теле, императрицей Екатериной Алексеевной, вошедшей в историю Екатериной II, вполне себе державной, когда надо и очень решительной, при этом и потрясающе любвеобильной, в то же время и всячески, знаете ли, русской... э-э... немки, правившей огромной империей, умно опираясь на русских прежде всего политиков, полководцев, первопроходцев, интеллектуалов, ну и на любовь своего тайного мужа и своих легитимных постельных фаворитов. Однако, сознавая свое при восшествии на трон узурпаторство, Екатерина, она же и Фредерика-Фике, и опасаясь против нее переворота, даровала волю дворянству, к тому же во многом уже европеизированному и немало иноземного происхождения, освободив дворян от обязательной, читай и крепостнической, хоть и государственной, а в особенности тяжелой военной, службы с возможностью свободной по России и Европе миграцией, чем весьма дворянство в итоге и развратила, зато крепостническую неволю для трудового люда не только не ослабила, а еще и усилила (чего их жалеть — русских-то славян), щедро при этом раздавая заслужившим сие удовлетворение подвижникам империи и попросту своим любимчикам поместья с крепостными крестьянами, на что подневольный

люди и ответил кровавым Пугачёвским бунтом, заставившим царскую власть пойти на кое-какие послабления по части трудового крепостничества. Характерно, что Екатерина, хоть была не на шутку озабочена Пугачёвским бунтом (дворян-то восставшие без разбору вешали и рубили им головы!), но более всего ее интересовало, не было ли в разжигании бунта еврозаграничного следа: Емелька-то Пугачёв ведь бывал там — в еврозаграничье! В-пятых, да, Пётр I был как будто из династии Романовых, хоть это фамильное имечко ему явно не шло, а потому и не говорилось Пётр Алексеевич Романов, смысла в том никакого не было, Пётр был просто Пётр I и таковым, пусть и с добавлением предиката Великий, остается в истории, однако, однако... ах, это «Однако», за которым, как за почти что сакральным «Но», всегда скрывается Великая Неизвестность и прячется Иное, так вот, ежели не совсем при Петре, то уж после него, аккуратно по его несмываемым просто так бытийно-историческим следам, с династией Романовых случилось, в особенности после Екатерины II, тоже ведь ставшей Великой, странно-нестранное дело — династия... перестала быть не просто по крови русской, а именно перестала быть и династией собственно Романовых, став династией, значительно благодаря европонемецким женам российских императоров и, соответственно, матушкам престолонаследников, этакой псевдо-квази-прокси-романовской династией: имя-то фамильное вроде бы сохранилось, да вот по своей европонемецкой сути престол российский занимала, несмотря на всю свою показную, как и вполне иной раз искреннюю, русо-православность, в частности, последних императоров, все-таки уже не русская династия. Предполагал ли сие Пётр Великий или нет, кто знает, а вот казус сей династический таки возымел свое историческое место. Вот они, перипетии Бытия-Истории, вершащиеся хоть и при участии великих, не очень великих и попросту совсем не великих исторических субъектов, но все-таки более всего самим Бытием-Историей, наполненным Неизвестностью и ведомым не очень-то предугадываемым Иным.

3. Что ж, Россия и Европа, Европа и Россия, но и Европа в России, что как раз и особенно для нас важно. Проевропейская Смута, проевропейские Романовы, Никон со своей антисвяторусской реформой, проевропейский и русофобствующий Пётр I, в итоге... нет, не просто проевропейская Россия, а Россия с Европой во чреве своем, перевариваемой, отрыгиваемой, вновь снедаемой и вновь перевариваемой, вновь и отрыгиваемой, а всё почему?, да из-за упрямой исконной Руси, так и не исчезнувшей из Бытия-Истории, а бывшей, бывшей, бывшей, пусть иной раз и в призраковом образе, однако почему-то действенной, не только не дававшей России стать полноценной в европейском понимании Европой, не то что столь же полноценной европейской колонией, но и заставлявшей засевающую в России Европу и ее — Россию — европеизировавшей, приспосабливаться к России, в некотором роде и обрусевать, в результате чего возникла как итог петровских преобразований некая синтезная Россия, существовавшая аккуратно между Сциллой-Европой и Харибдой-Русью, однако то был вовсе не такой уж покойный синтез, а вполне себе борческий, переменчивый, с успехами и неудачами то одной, то другой из борющихся между собой и окончательно непримиримых сторон.

4. Вот и они — доказательства!

1) Ликвидация унаследовавшего российский трон после ухода из жизни нелюбимой матери Екатерины II, ее и ею не любимого, сына — императора Павла I, разумеется, ярого еврофила, причем в основе пруссаческого кроя. Бац, и нет императора, доигрался! Хошь, не хошь, а прорусская, условно говоря, партия во власти всегда была, пусть при Петре I и не столь выразительная, но зато потом... ах, это засилие иностранщины, да ладно бы вокруг трона и даже на нём, а то ведь и в той же Академии наук, в образовании, что как раз и заставило европросвещенца М.В. Ломоносова занять пророссийскую позицию, да не просто занять, а бороться по-русски размашисто с учеными-де засильниками, благо, имея поддержку в высших елисаветинских кругах. Вот и опять,

после умной и гибкой немки-русофилки-де Екатерины II, опять голову подняла еврофилия через посредство, видно, не совсем здоровой головы и неуравновешенной натуры Павла I, чуть ли не коренного «русака» Павла Петровича Романова, ну и соответствующая реакция прорусской-де партии, поддержанной, прямо скажем, из-за еврорубежа, из той же Англии в первую очередь, партии, вовсе уже не такой прикрытой, как это было при Петре I.

2) Может, Павел и сделал бы что-нибудь хорошее для России, чуть ли не намереваясь отменить крепостное право, но, но, но... задействовалась прорусская-де провластная партия, на тот момент вполне по духу своему и крепостническая, в общем — разгоралась борьба, разумеется, по преимуществу скрытая, глухая, закулисная, причем не значит, что хорошая или плохая по целям и действиям с обеих борющихся сторон, но все-таки *борьба* — БОРЬБА!, ознаменовавшая вообще-то всю послепетровскую историю Руси-России, что не значит, конечно, что в истории еще глубоко до Петра I ничего такого вовсе и не было, нет, было, конечно, даже при Иване IV Грозном было, не таком уж и русофиле, не только бодро продвигавшем Русь на Восток, но и зорко поглядывавшим на Запад, курьёзно даже сватаясь к английской королеве Елизавете, разумеется, провально, и затеяв ту же Ливонскую войну, правда, кончившуюся для Руси тоже неудачно, да не в том дело, а в устойчивом стремлении Руси к бурно развивавшейся мануфактурно, технологически, торгово-экономически, культурово Европе, что, кстати, и породило после смерти грозного владыки нами выше рассмотренную Смуту.

5. 1) Удрученному скоропалительной физической ликвидацией отца Павла I, его сыну Александру Павловичу, любимому внуку Екатерины II, давшему вроде бы согласие лишь на принудительное отречение отца от престола, но не на его убийство, ставшему, тем не менее, очередным российским императором Александром I, ничего не оставалось, как, смирившись с налетевшей на него участью отцеубийцы, стремиться к новому позитивному

синтезу двух России — евроориентированной и, скажем так, тутошней, восходившей трансцендентно-сакрально к исконной, коренной Руси, пусть уже и византо-христианизированной, православной, святорусской, но в практическом плане настолько сильно и масштабно, чтобы в протекавшей реальности стать «всамделишной» Русью.

2) Однако, тут опять вмешалась беспокойная Европа, уже, кроме Англии и Испании с Португалией, поверженная новым евроимперским субъектом — постреволюционной Францией, ведомой ее новым амбициозным императором, вознёсшимся на гребне Великой французской революции, ей благополучно изменившим и ее же не менее благополучно задушившим, а именно новоисторическим Цезарем-Карлом Великим, недавно еще «маленьким победоносным капралом», а теперь вот уже великим победоносным императором Франции, выходцем с Корсики, Наполеоном Бонапартом.

3) Александр I, союзнически поддерживая страны с родственными ему, Романову, европейскими династиями Гогенцоллернов и Габсбургов — Пруссию и Австрию, вступил на их стороне в войну с Бонапартом аккурат на европейской территории, как то уже происходило в Семилетней войне при Елизавете Петровне, хоть Россия тогда победоносно билась как раз с Пруссией, и при италийско-швейцарском антифранцузском походе славного А.В. Суворова при его — Александра — отце Павле Петровиче, но союзные войска на этот раз потерпели поражение от Бонапарта при Аустерлице в 1807 г., и Александр был вынужден даже заключить невыгодный союз с Бонапартом, направленный против Англии. В общем, от Европы было никуда ни Александру I, ни России не деться.

4) Тем временем, возмущенный не слишком усердным поведением Александра I относительно противоанглийской Континентальной блокады, Бонапарт решил-таки наказать Россию и, явно подталкиваемый своими же сановниками вроде бессменного

Талейрана, пошел в 1812 г. на нее войной во главе огромной плюроевропейской армии. Ужасное, по словам Л. Толстого, событие таки свершилось: наполеоновская армия перешла р. Неман и вторглась в Россию. Пошла Отечественная война русо-российского, весьма уже в высших и средних слоях европеизированного, да и немало этногенетически вовсе и не русского, а как раз весьма европейского, народа, его армии и его партизан, с агрессором-супостатом, все перипетии которой хорошо известны (Смоленское сражение, Бородинское сражение, сдача Москвы с ее тотальным пожаром, русская партизанщина, отступление Бонапарта, сражение под Малоярославцем, битва на р. Березине, Лейпцигское сражение, наконец, вхождение русской армии в Париж, примерно так, каким было вхождение русской армии в Берлин во время Семилетней войны). Но дело тут не в рассмотрении самой этой войны и ее последствий для Франции и Бонапарта, а в рассмотрении, во-первых, чем была тогда в бытийно-исторических реалиях для России вожденная ею Европа; во-вторых, какие смысло-экзистенциальные и феномено-деятельные последствия от сей войны вызывались для самой России.

5) Да, Европа, весьма прочно засевшая в России, в сознании, прежде всего, конечно, дворянства, как и высших правящих кругов, причем засела по преимуществу как образец для культурного, просветительского, экономического, вообще хозяйственного, подражания, вновь показала свою волчью метропольно-колониальную натуру по отношению к России, что, правда, было, безусловно, замечено российским обществом и эффективно воспринято русским народом, отбившимся заедино от агрессивного врага: русский, выработанный и проверенный веками, генотип и на этот раз сработал в нужном для России ключе — несмотря на существенную европеизацию общества и властных кругов, как и немалое их разбавление поначалу пришлыми, а затем и укоренившимися, весьма уже и обрусевшими, евроиноземцами, а также несмотря на крепостническую неволю крепостного коренного

народа. На первый план вырвалась исконная, коренная, глубинная Русь, вроде бы уже и отпрянувшая в навские дали, ан-нет, она вновь, как бывало в иные лихие времена, заставила всех россиян, даже и заядлых любителей (любителей) Европы, уже говоривших более на французском языке, чем на русском, стать действенными патриотами России, как и, нет, не стать злыми врагами Европы, а безусловными ее на поле боя жёсткими противниками. Да, зарвалась в метропольно-колониальном раже Европа, да не туда сунулась! И никакой, знаете ли, масштабной ненависти со стороны русских что к этим сунувшимся в Россию, ее и пограбившим, как и к застигнутым на своих житейских местах, европейцам, как и, разумеется, ответного ограбления Европы: о-о, русский дух, о-о, как Русью пахнет!

б) Да, россияне, что русские по происхождению, что тем более генетически еврорусские, не стали мстительными врагами ни Франции, ни вообще Европы, более того, побывав в роли «оккупантов» в Европе, во Франции, не согласились с этой ролью и по воле Александра I ушли спокойно из Европы, из Франции, поощрив и мирное, пусть и на время, как обычно с Европой и бывает, бытие Европы аккуратно по итогам Венского конгресса, на котором Александр I был в явном приоритете, если не подлинным главрежем. Уйдя из Европы и вернувшись в Россию, россияне из дворяно-офицерских кругов, не только не отвергли ее, наоборот, прихватили ее как идею и образец с собой, однако не бонапартовскую Европу и не прусскую, а... либерально-демократическую, восходившую, пусть, что называется, вскользь, по косо, странно и страшно подумать, к идеям, а то и к практике, Великой Французской революции! И это для России новоевропейский идейно-деятельный поток, влившийся в уже существующий в России аналогичный идейно-духовный, пусть и не очень-то горевший, скорее, подспудно тлевший, очажок, стимулировавшийся идеей отмены крепостного права и конституционно-парламентского ограничения самодержавной власти (ах, эта Англия!), дал свои неожидан-

ные, как всегда, а может, и весьма ожидаемые, но зато вполне себе уже разгоравшиеся, а в какой-то момент, и воистину пламенные, пусть и всего лишь в виде неуверенной в самой себе вспышки, результаты. Правильно, речь идет о сначала потаённом, а затем и более явном дворяно-офицерском движении, вошедшем в историю после его неудачного, но не обошедшегося без огня декабрьского 1825 г. всполоха, как декабрьское.

6. 1) Что ж, что-то подобное должно было произойти, несмотря на попытки Александра I мирно и продуктивно обеспечить синтез уже ставшего общественным явлением российского европеизма, православного христианства, российской, хоть уже не очень-то собственно русской, властной самодержавности, даже и исконного, уходящего в вековые глубины и оттуда о себе заявлявшего, а то и вдруг поднимавшегося на бытийно-историческую стремнину, неистребимого русизма, причем не без искреннего намерения Александра I отменить крепостное право, это-то восстание, как именно движение, а не всего лишь площадная демонстрация, пусть и в себе самом и неуверенное, даже по-русски и несуразное, в общем-то в итоге легко и проигравшее, было все-таки неизбежно, и не только из-за внутренних российских проблем и как такового прямого иноземного на тот момент влияния, тут дело посложнее и запутаннее, вообще говоря, потаинственнее, ибо как само оппозиционное движение, ставшее затем называться декабрьским, было не просто потаённым, а именно тайным — **ТАЙНЫМ!**, восходившим к вообще и целиком тайным еврогенезным движениям с их тайными идеологемами, намерениями и программами, как и глубоко законспирированными или же толково прятавшимися за каким-нибудь вполне безобидным прикрытием организациями вроде клубов, конгрессов, собраний, тех же университетов, даже, не удивляйтесь, и театров. Тайные движения и организации, тайные знания, намерения и программы, тайные интенции и инициативы, тайные действия, как правило, и с немалым, если не решающим, участием, как сейчас стало модно говорить,

прокси-исполнителей, а фактически-то профанов! Это всё как раз было и в России, да не только в России, сие было еще и в Святой Руси, было, укоренялось, действовало, и сбрасывать это всё с бытийно-исторических счетов — верх наивности, близорукости и попросту глупости!

2) Какие-то иноземцы-европеиды давно фигурировали на Руси, особенно, при Иване IV Грозном, не без влияния европеоидов не обошлась и Смута, а при Романовых (еще Романовых, а не квази-псевдо-Романовых) присутствие «немцев», ибо всех евроиноземцев, не говоривших по-русски и бывших оттого для русских «немыми», на Руси называли немцами, хоть приклеилось это пресловутое «немец» исключительно к германцам (аллеманам), может, из-за их особенно массового присутствия на Руси, а в той же Москве, в Заречье, где, как известно, образовалась даже Немецкая слобода, куда и нырял молодой Пётр I, он же еще Петруша, впитывая в себя аки губка не без старательства немецкого друга-наставника Лефорта заманчивое евробытие с евроидеократией. Доподлинно неизвестно, стал ли Пётр там, в слободе, или пребывая в Европе в Нидерландах и в Англии членом какой-нибудь тайной закулисной ложи, следственно, и ложа, так сказать, лежбища, а вот то, что ему пришлось непременно общаться и иметь дело с представителями и деятелями сего лóжевого закулисья, думаю, факт, еще и непреложный. Кем в таком разе был тот же незабвенный вследствие переименования Немецкой слободы, не знаю, право, официально или просто стихийно, в Лефортovo, высоченный, как и сам Пётр, Лефорт, — кто знает!, а уж ежели кем-то таким был, то уж Пётр... э-э... не будем гадать: тайна, она и есть тайна!

3) Чего-чего, а уж масонерии на Руси хватало, что до Петра I, что при нём — Петре Великом, что после него, при его уже последышах. Не знаю, сподобился ли сего тайного обретения наш великий европросвещенец Михайло Ломоносов, ибо образовывался-то он там, прямо в гнездах еврамасонства, да и принес в Рос-

сию не что иное, а прямо-таки масонское европросвещенчество, что, правда, не помешало ему оставаться истинно русским и быть истинным патриотом России, «здоровски» проявляя себя в вовсе не бархатной борьбе с как раз вполне себе еврамасонскими академическими евросасильниками. Сию принадлежность Михайлы Васильевича к ученому еврозакулисью вполне можно предположить, как и принадлежность очень многих героев тогдашнего времени уже непосредственно к евророссийскому масонскому закулисью, ежели к нему даже принадлежал не кто-нибудь, а сам прославленный генералиссимус Александр Васильевич Суворов, уж насколько русский из русских, росимперец из росимперцев, ярый противник пруссáковщины, любимец русской армии, победитель из победителей. Всякое тогда бывало, всякое случилось и потом, противоречиво, быть может, но всё как-то в русском человеке ловко сочетаясь: «Ах, какая победа, я — русский, какой восторг!» — воскликнул как-то Суворов после очередной под его началом победы русского оружия, чем всё одним махом и выразил, на что никак и не возразить даже тем, кому стыдно вообще быть или бывает быть в тот или иной момент русским.

4) Отец Александра I император Павел I, судя по всему, не терпел масонства, хоть и не мог от него избавить ни себя, ни Россию, его мистическая натура склонялась к куда более значимым древним таинствам, что и сказалось на его внезапном согласии-решении стать во главе Мальтийского ордена, давно и убедительно, как видно, казалось Павлу, зарекомендовавшего себя не просто источником глубокого тайного знания, но и особого животворящего, вполне и таинственного, духа, и Павел, будучи Великим магистром сего Ордена, его имперским покровителем, построил под Петербургом в знак своего почетного приобщения к Ордену небольшой, но выразительный так называемый Приоратский замок, в котором и разместил мальтийскую резиденцию. Какую же роль это всё сыграло в судьбе Павла I, кто знает!, одно ясно, что это не спасло его от коварного конца, а может, сему

концу даже невольно и поспособствовало, ибо среди его ликвидаторов, не обязательно, что и участников самого тяжкого смертоносного происшествия, были как раз и нелюбимые Павлом масоны.

5) Так или иначе, но Россия, точнее, высшее общество в ней — по-европейски образованное и по-масонски просвещенное, не говоря о многих его представителях, бывших действительными масонами, была достаточно заражена и освоена всякого рода идео-политическим закулисем, причем не просто каким-то оппозиционным власти и существовавшим в стране порядкам течением, тем более, какой-то протестной-де фрондой, нет, Россия же давненько содержала в себе... э-э... *иную Россию*, даже не просто европеизированную, а как раз ультраевропотайненную, что не значило, что сплошь плохую, вредную, антироссийскую, хоть и не без этого, однако не сидевшую в глубоком подполье, а и всюю, хоть и тихо, без шума, незаметненько действовавшую, и жизнеотправление империи не шло лишь по-своему, хотя бы по феодально-самодержавному, а и «по-ихнему», по тайно-масонскому, тоже что не просто чувствовал, а и хорошо знал внешне вроде бы либеральный, но на деле вполне себе авторитарный, император Александр I, получивший не более не менее как титул Благословенного, за освобождение Европы от владычества Бонапарта и создание миролюбивого, но в то же время консервативно направленного против нараставшей в Европе Революции межгосударственного Священного Союза, так вот он хорошо всё это знал, но поделаться с этим ничего не мог или не хотел, ожидая неминуемой бытийно-исторической развязки, да вдруг... испарился, не то умерев в Таганроге, не то, имитируя смерть, исчезнув с глаз долой где-то в просторах российских, кажется, тобольских. Да, доставили гроб с телом императора в Санкт-Петербург, да и схоронили сей гроб в Петропавловске, будто бы его не раскрывая. Родилась легенда, что Александр Павлович жив и скрывается где-то в Сибири в виде не очень вроде бы на него похожего, но какого-то все-

таки чересчур аристократичного и не в меру осведомлённого старца Фёдора Кузьмича (но что любопытно, когда при уже советской власти вскрывались царские в Петропавловке захоронения, то гроб Александра I Благословенного оказался-де и в самом деле пустым). Так ли всё это было и в итоге случилось или нет, кто ж из мирян российских достоверно знал или знает — никто!

7. 1) Смерть ли, исчезновение ли императора послужило скоропостижным поводом для решающего столкновения, пусть и весьма уже европеизированной, большой России вкупе с ее имперо-самодержавным режимом «как есть» с *иной Россией*, совсем параметрово ничтожной, даже пока еще вполне и призраковой, но зато куда более по собственной интенции европейской, которая желала в целом другой большой России, как раз той, которая была «не есть», но которая должна-таки стать не этой, как есть, а другой. И вот эта-то оппозиционная иная Россия, воспользовавшись уходом Александра I и некоторой заминкой в наследовании престола то ли старшим за Александром братом Константином, то ли при вдруг последовавшем от него отказе следующим братом ушедшего царя Николаем, решила действовать, выведя на сенатскую площадь в Санкт-Петербурге и потребовав на престол Константина, дав ему, а не Николаю присягу, а вообще-то не слишком-то и понимая, что надо делать в такой хрупко-переломный момент, будучи, во-первых, не единой ни идейно-программно, ни организационно, а во-вторых, оставшись без диктатора не то восстания, не то воинственной демонстрации, всего лишь не явившегося на площадь к восставшим князя С. Трубецкого, вроде бы даже наблюдавшего откуда-то из-за угла за разворачивающимся на площади действием, сопровождаемого сначала убийством метким выстрелом Каховского выехавшего на коне заслуженного военачальника и на тот момент генерал-губернатора Санкт-Петербурга М. Милорадовича, а затем и куда более трагической для всего этого действа развязкой — расстрелом из царских пушек по команде нового императора Николая самих уже восставших.

Любопытно, что неудавшийся диктатор Трубецкой спрятался в английском посольстве, откуда был скоротечно вызволен и немедленно арестован.

2) Последствия от всего этого скоропалительного, а по некоторым дореволюционистским оценкам чуть ли не революционного, хоть и не совсем, а то и совсем, не такого, хорошо известны: следствие, экзекуции над солдатами, казнь пятерых «главарей», ссылка многих из высокородных или иных дворяно-офицерских заговорщиков в Сибирь, на каторгу, наконец, и подвиг некоторых из декабристских жен, отправившихся за своими мужьями в Сибирь. Начало царствования Николая, ставшего Николаем I, ознаменовалось мало что таинственной смертью Александра I, еще и далеко от Санкт-Петербурга, как и неожиданным отказом от занятия престола его первым наследником Константином, так еще и каким-то нелепым восстанием недовольных имперосамодержавием тайноборищных высокого положения в обществе лиц, даже будто бы замышлявших физическую ликвидацию царственной семьи, а главное, сие царственное начало ознаменовалось пролитием крови, пусть для пятерых мучеников и через их бескровное удушение петлём на виселице. Недобрый то был знак, да что знак — приговор!

3) Николай I постарался подморозить подрасплывшую ситуацию в стране, укрепить самодержавие и феодализм, подтянуть дисциплинарно-палочно армию, совсем еще недавно вполне себе европобедительную, триумфально торжествующую, для чего опёрся на жандармерию, на тайный сыск, на тотальный надзор, в общем — на этакую госевроазиатчину, пытаясь законсервировать страну, не допуская существенных в ней либеральных перемен, в общем, превращая ее в большую такую «консерву». Однако, будучи человеком умным, сообразительным, европейски образованным, он позволял себе, нет, не либеральные, конечно, а, полагая себя Отцом Отечества и всех своих подданных, позволял себе отеческие жесты в отношении не только верноподданных и,

скажем так, строптивых персон, примером чего служат его взаимоотношения с А. Пушкиным, которого он, вскоре по восшествии на престол и после подавления декабристской оппозиции, вызвал, прекрасно понимая, что значит для России и ее культуры Пушкин, из ссылочного по воле Александра I сидения в родовом Михайловском (для, так сказать, раздумчивого исправления) непосредственно на встречу с собой, да не куда-нибудь, а прямо в Москву, где тогда Николай I находился по случаю своей коронации, получив от поэта на свой вопрос, где бы Пушкин оказался во время декабрьских событий, правдивый ответ: «Там, на Сенатской, ведь там были мои друзья», что надо заметить, Николай оценил по достоинству, а после разговора с Пушкиным заметил кому-то из царедворцев: «Я сейчас говорил с умнейшим человеком Европы»!

4) Факт, конечно, как и фактом при этом является неусыпный надзор за Пушкиным, его жизнью и творчеством уже там, в Санкт-Петербурге, правда, с высочайшим разрешением, если не повелением, работать в Архиве в надежде, что Пушкин может создать что-либо величественное из и для истории России, да и его — Николая I — царствования. Однако, Пушкин работал в Архиве, по преимуществу интересуясь Пугачёвским бунтом, создавая свою историю сего более чем знаменательного события-происшествия. Да, Николай высоко оценивал гений Пушкина, хоть и не давал сему гению полной свободы, не выпускал за границу, правда, позволял Пушкину разъезжать по стране, даже посетить места Пугачёвского бунта и проехать по Закавказью в период там войны с Турцией, понимая при этом, что приручить масштабного европейца и глубоко русского гения ему не удастся, а потому и вполне обоснованно его — Пушкина, точнее, пушкинского слова — потаённо побаивался. Да, Николай мог бы, наверное, предупредительно не допустить дуэли Пушкина с Дантесом, но этого не сделал, хотя после смерти поэта оплатил все его долги и не бросил на произвол судьбы его семью с очаровательной Натали, но

при этом направил после смерти поэта-историка верного Пушкину и ему — Николаю — В. Жуковского с высокопоставленным сановником В. Адлербергом разбираться с бумажным архивом поэта-историка, а вдруг! Но в одном все-таки весьма пронизательный Николай круто ошибся, заявив, что со смертью русского гения умерло-де не прошедшее, а... будущее (!), нет, ничего из такого не умерло, ни прошедшее, ни по тогдашнему моменту будущее, что всем россиянам хорошо известно, не умерло даже при попытке некоторых талантливых «доброхотов» из XX в. скинуть Пушкина с «корабля современности». Слово на то и было даровано Господом Творцом человеку, чтобы быть сильнее много чего, ежели не всего на свете, включая и саму смерть, не исключая при этом и смерти того — Великое Слово! — произнесшего!

8. 1) Да, Пушкину довелось жить и творить не только в борьбе с разными обстоятельствами, что само собой, но и в гуще разных идеократически и деятельски экзистенциальный миров, в своем идейно-смысловом ядре разделенных, но тесно переплетавшихся между собой, взаимодействовавших и между собой немало враждовавших, благосклонно или не очень, а то и враждебно его — Пушкина — воспринимавших и по-разному к нему относившихся, но и довелось поэту пребывать не только в гуще тогдашних миров, но и бытовать среди разных людей, особенно литераторов, тоже по-разному его воспринимавших и по-разному к нему относившихся, что в общем-то не удивительно и вполне себе объяснимо. Однако стоит взглянуть на пушкинскую экзистенцию с более близкого расстояния, включив в наше обозрение не только его — Пушкина — полуофициальные взаимоотношения с императором и царедворцами, а как раз с близкими ему по духу и ему даже дружественными людьми. Нет, речь пойдет не о лицейских товарищах, хотя бы о тех же Пущине или Кюхельбекере, или тех же обитателях, точнее, обитательницах, с. Тригорского, что было близ Михайловского и частенько посещалось опальным поэтом, нет, не в том тут наш интерес, а всё опять же в незабвенном

иноевророссийстве, причем аккурат в его потаённом, так сказать, призраковом образе.

2) Да, Пушкин не входил в ставшие декабристскими тайные общества, скорее всего, и оказался бы там, однако, друзья-будущие декабристы оберегли уникального русского гения от этого рокового для него шага, но Пушкин оказался-таки... э-э... масоном, правда, быстро разобравшись, постарался отойти от масонства, и тут надо поймечь в виду, что масонерия таких вот отходоков не признаёт и не прощает. Есть мнение, что драматичный спектакль с якобы изменой Натали с Дантесом был ежели не изначально разыгран масонарией, то уж умело разожжён до ужасной трагедии — точно! Да, доподлинно сие, конечно, неизвестно, но, как ни крути, а мимо некоторых фактов не пройдешь: Геккерен — масон высокого ранга, Дантес — тоже масон, хоть и куда более скромного положения, а оба они — главные участники разразившейся драмы. Далее, доброжелательный к Пушкину Жуковский с официозным Адлербергом — масоны, причем Василий Андреевич Жуковский, в свое время признавший превосходство Пушкина как поэта и подаривший ему свою фотографию с исторической прямо-таки надписью: «Победителю ученику от побеждённого учителя», чем снял с себя возможную завистническую корысть и остался навсегда верным Пушкину старшим другом-попечителем, — масон высокого градуса, а отвезший тело убиенного Пушкина в Святые Горы, что опять же вблизи Михайловского и там его, сначала по ошибке заехав при этом в Тригорское(!), безлюдно по приказу царя и схоронивший, а ведь когда-то отрока Сашу рекомендовавший в Царскосельский лицей, Александр Иванович Тургенев тоже масон и тоже высокого ранга, еще и международного (всеевропейского) значения. Как видим, окружение-то у Пушкина, что дружественное, что официальное, что вражеское, было в немалой, прямо скажем, степени именно масонское, аккурат евророссийского пошиба, а масоны как умели незаметно служить тайным своим идеям и тайному своему обществу,

так и хранить в тайне всё масонское и немасонское тоже, что идейное, что деятельное, что, наоборот, и бездеятельное.

3) Не знаю, был ли масоном его старший друг-наставник, тоже поэт, писавший мудрые, слишком умные, какие-то «скрипучие» стихи, князь П. Вяземский, скорее всего, был... да пока не в том дело, а в том, что он так и не смог найти в себе силы, как это сделал мудрый Жуковский, признать несомненное первенство Пушкина как поэта и вообще как литератора, как подлинного мастера русского слова, да и мудреца, и, судя по некоторым признакам, ему все-таки завидовал, о чём пронизательный Пушкин, конечно же, догадывался и немало по этому поводу про себя печалился. Жена Петра Вяземского княгиня Вера просила неоднократно мужа пойти к Пушкину во время интенсивно разгоравшейся у и вокруг Пушкина лично-семейной драмы, но князь, игнорируя просьбы жены, к другу не пошел, не попытался вмешаться в грозное событие, может, и предотвратить неизбежную в таком разе страшную развязку. Что им тогда руководило, кто ж знает, да вот у постели умиравшего друга сострадательно часами сидел, а когда гроб с телом Пушкина вынесли после отпевания усопшего и прощания с ним из Конюшенной церкви, князь Пётр, рыдая, повалился наземь и валялся в снегу среди бредущей за гробом толпы. Да, тогда он не пошел к другу, а теперь вот, рыдая, валялся в снегу, оплакивая смерть друга, может, себя при этом и проклиная. Не о нём ли все-таки в первую очередь думал Пушкин, сочиняя своего «Моцарта и Сальери», не о Булгарине же Фиглярине, даже вряд ли, как принято считать, не о талантливом поэте Е. Боратынском, может, и впрямь завидовавшем Пушкину, да что с того, это-то Пушкина вряд ли как-то задевало (цену себе он хорошо знал!), а вот о близком друге, с ним — Пушкиным — дружки-де взаимно пикировавшемся по поводу их — обоих — стихотворчества, кое в чём и Пушкина осуждая, но и сам получая от друга взамен острые колкости в адрес своего поэтического творчества, Пушкин вполне мог думать о князе Петре, на что-то

этакое намекая своим загадочным произведением. Да-а, недаром Пушкин заметил что-то подобное: «С дальними врагами мы как-нибудь разберёмся, да вот как быть с ближними друзьями?». Впрочем оговорюсь, что тут главенствуют не более чем догадки, может, имеющие под собой почву, но никак не служащие князю Петру обвинением, которого, естественно, и быть не может... но, но, но... ты — поэт, и я — поэт; ты — композитор, и я — композитор; ты — ученый, и я — ученый; ты — правитель, и я — правитель; а главное — я тебе друг и ты мне друг... э-эх, вечная тут торжествует едкая межлюдская, особенно острая меж друзьями, коллизия!

* * *

Здесь уместно заметить, что Пушкин, прекрасно видя все порочные изъяны — злые и смешные — в своих соотечественниках, даже одарив его боготворившего «весёлого» малоросса Н.В. Гоголя, с которым не сильно, но все-таки приятельствовал, сюжетами «Мёртвых душ» и «Ревизора», сам ничего подобного гоголевским сатирическим откровениям о русских людях не писал, держа перед-над собой, можно сказать, нравственно-сыновнюю литературную планку, которую не заметил и не соблюл, может, в силу своего блестящего сатиро-комедийного таланта, Николай Васильевич, хоть и был при этом автором героико-патриотического «Тараса Бульбы», а потому, надо особо подчеркнуть, к концу жизни искренне раскаивался за свою едкую, пусть и оправданную самой русской обыденностью, сатиру и, не понарошку страдая, умер в одиночестве даже не в постели, в которой уже не мог быть, а в сидрливо его тогда приютившем кресле.

* * *

Ах, этот судьбоносный вершающий суд, выносящий приговоры и их исполняющий, таинственно-экзистентный бумеранг, никого не щадящий, в особенности, самодовольных и самодостаточных идеократических творцов!

* * *

4) Пушкин родился, слава Богу, в Москве, причем не где-нибудь, а в... Немецкой слободе(!), правда, в галлофильской семье,

где даже в обиходе, исключая служанок, царствовал французский язык, и юный Сашенька, не очень-то любимый родителями, может, за свою увалистую толстость и не самую красивую физиономию, тоже осваивал и бегло говорил до 7—8 лет только на французском, пока его воспитанием не занялась бабушка по матери, вышедшая замуж за прямого потомка петровского любимца Ганнибала и бывшая по мужу Ганнибал, которая, полюбив внука, наняла для него учителей русского языка, приставила к нему сначала исконно русского дядьку Никиту Козлова, бывшего с Пушкиным до конца его дней и проводившего его в последний путь, лёжа на погребальных саях и обнявши гроб с покойным любимцем до самых Святых Гор, там его с А.И. Тургеневым и предавшим земле, а еще приставила к Сашеньке и столь же исключительно исконно русскую няньку Арину Родионовну, и так случилось, что оба они, Никита и Арина, бывшие из народа, хорошо знали русские предания и сказки, которые быстро овладевший русским языком Сашенька с упоением слушал и в себя впитывал (кстати, по некоторым сведениям Арина Родионовна была из волхвического рода, возможно, знавшая или имевшая под рукой древние источники волхвической мудрости, что, разумеется, архиважно для понимания как феномена личности повзрослевшего Александра, так и феномена его исключительного творчества, включая и им пересказанные не без, видно, и авторской фантазии, старинные русские сказки, а то и попросту им самим же полностью и сочиненные, как и ту же немало загадочную поэму «Руслан и Людмила» с ее зашифровкой будущего России, как и вообще почти всего его остального творчества, отчего напрашивается вывод, не был ли сам Пушкин возродившимся на тот исторический момент... *волхвом*, почему нет?).

5) Итак, при поступлении в Царскосельский лицей, всё еще отрок Саша предстал таким законченным русским французом, за что вскоре и получил от лицеистов прозвище «француз». Да, Пушкин не просто блестяще знал французский язык, глубоко

освоил французскую литературу и обвился французской культурой, но и, уже будучи известным поэтом и литератором, высоко ценил всё это французское, органично вошедшее в его кровь и плоть, и не только учась от всего французского, но и (Sic!) трудясь над своими русскими текстами, понимая выразительное совершенство того же литературного французского языка, признавал еще только шествие к подобному совершенству русского языка, кстати, им — Пушкиным — до сего совершенства и доведённым.

Посошков, к примеру, требует перевода, Ломоносова мы понимаем, а вот думаем, говорим и пишем до сих пор как раз на пушкинском русском! Как бы то ни было, но в Пушкине счастливо сошлись культурно-лингвистически Европа и Россия, и с момента явления сингулярного Пушкина-творца Россия вполне органично и без колониального для себя ущерба предстала в культурово-лингвистическом плане вполне уже, по сути, европейской, но при этом оставаясь все-таки самобытной, пусть и с немалой азиатской примесью, страной.

9. 1) Однако в социо-политическом плане противостояние и даже противоборство как внутри России, так и вовне, Европы и России или России и Европы, всюду продолжалось, то вспыхивая, то угасая, обретая и переживая весьма острые формы, события и происшествия, в частности, между не только шедшей из Европы традиционно-экзистенциальной вражды, но и феноменально открытой и даже заметно вновь и безостановочно надвигавшейся на Россию евротрофной, при этом и как-то трансцендентно-метафизически облекавшейся Неизвестностью и подстёгивавшейся Иным, **ЕвроРеволюцией**, как раз на имперо-самодержавную Россию с ее этно-не-русской, но все-таки русофильской и, конечно же, православной, по примеру Екатерины Великой, царской династией квази-прокси-Романовых. Европа извне, а образованная по-европейски, немало и омасоненная, европофильская и антиимперосамодержавская, пусть и внешне мимикрирующая, *иная Россия*, не оставляли в покое страну, ведя ее настойчиво к мифотворной, но для каждого из оппозиционных течений устойчиво и веропо-

добно привлекательной либо светлой европейской, либо сумрачной уже и постевропейской (той же марксистской) цели, а на самом-то деле (ах, эта влекомая Неизвестностью и ведомая Иным трансцендентно-метафизическая игра людострановыми фигурами, фигурантами и фигурками на «шахматной доске» Бытия-Истории!) не к чему-нибудь, а, как уже нам хорошо известно, к... катастрофе, да еще увы, и не одной!

2) Как ни старался Николай I подморозить Россию и образованную, естественно, по-европейски и, читай, по-масонски, часть населения страны, относившуюся так или иначе к «обществу», а не к «черни», но вскорости после декабрьских событий 1825 г. в Польше разгорелось восстание, разумеется, хорошо подогретое из «благословенной» Европы, конечно же, подавленное русскими войсками под водительством И. Паскевича, в связи с чем А.С. Пушкин создал известное стихотворение-манифест *«Клеветникам России»*, вовсе не восхваляя самодержавие, а указывая вроде бы на вечный спор западных и восточных славян между собою, а на самом-то деле на коварную роль Европы и бестолковую ее поддержку внутри страны, за что был весьма осуждён «еврорусичами» и, в частности, своим другом П. Вяземским, хоть уже изрядно к тому моменту оправевшим и приблизившемуся к «системе», если в нее с головой не увязшим, ставши и камергером, в отличие от Пушкина, оставшегося камер-юнкером. Да и с внутренним свободомыслием у Николая I не всё было гладко, ибо идейно-политическое брожение в умах никуда не делось, к тому же явился А.И. Герцен со своим «Колоколом», антикрепостническими и антисамодержавными, звавшим к какой-то революции, идеями, как и тот же М.А. Бакунин со своим антигосударственным анархизмом, правда, в отличие от Герцена, долгоночко пребывавшего не в России, где подвергался преследованиям и ссылке, а потому более сидевшего в Европе, не преминув и р-революционно там побузотёрить, оттуда и вещавшего, заодно, кстати, расправляясь и с марксизмом. Да, в Европе (!) был Бакунин, но ведь там

оказался в конце концов и Герцен, да где-нибудь, а в гадливой Англии (!), где, кстати, оказался и К. Маркс, где оба и свели счеты с жизнью, где и похоронены. Вот так: ах, эта Англия!

3) Дождался Николай I и военной схватки с Европой, да не где-нибудь, а на территории своей же империи, в Крыму, и, несмотря на мужество и героизм севастопольского гарнизона, сию войну проигравший, причем настолько с политической точки зрения позорно, что слёг под своей серой шинелью и умер. Дело было даже не в собственно ведущихся в Крыму боевых действиях, не таких уж и неудачных, не в затоплении парусного, уже и отжившего свой век, флота, а в весьма глубокой деградации всего имперского правления, не державшего уже не то что первоклассного хотя бы парусно-парового флота и современной артиллерии, а даже в необходимом количестве военно-топографических карт, то бишь не имевшего ни по-настоящему сильной и мобильной армии, ни транспорта для ее переброски, ни достаточного военного снаряжения, ни, самое главное, имперской воли к борьбе. Как в свое время к Петру I бумерангом от казнённого им сына царевича Алексея прилетела бесславная смерть под присмотром безродной Марты, так она же прилетела к Николаю I за невинно пролитую декабрьскую кровь, обогрившую начало его царствования, как и за жуткую по своей палаческой бездарности казнь пятерых декабристов, трое из которых сорвались полузадушенные с гнилых веревок и были вновь, нарушая все в данном случае традиции немедленного отстранения от казни, вновь повешенными. Недаром Пушкин всё рисовал и рисовал на своих рукописных листах эту жуткую сцену, пытаясь угадать из противоречивых показаний свидетелей, кто же из пятерых обречённых был повешен дважды, а главное, поэт тогда, видно, никак не покидало мистико-провидческое предчувствие какой-то будущей беды. Да, Николай I, остро переживая постигшую его лично, его правление и его страну трагедийную военно-политическую неудачу, не без натуги дарованную ему не кем-нибудь, а Европой, пусть всего лишь

двумя странами — Францией, якобы отомстившей России за поражение в 1812—1814 гг., а также давней «подругой» России — лицедейно-коварной Англией, мстившей России только за то, что она есть и есть не под английским владычеством, и вот переживая сие поражение Николай I заплатил за всё сразу своей преждевременной смертью под серой императорской шинелью, чем в некотором роде себя и извинительно оправдал в глазах соотечественников, вообще не склонных держать подолгу зла, в особенности, на незадачливых правителей.

10. Преемник Николая I на царском посту его сын Александр, ставший Александром II, заключив в Париже не выгодный, но все-таки приемлемый для России мир, пусть и не с самыми убедительными, но, тем не менее, странами-победительницами из Европы, занявшись внутренними делами, отменил-таки в 1861 г. казавшееся незыблемым крепостное право, считаясь с непрекращавшимися в стране евронастроениями у социо-политически активной части общества и бунташными интенциями среди недовольной своим положением черни, правда, осуществив сие предприятие совершенно по-азиатски, облагодетельствовав свою опору — дворян-помещиков и обобрав крестьянскую трудовую чернь, сделав крестьян вроде бы лично свободными, но при этом свободными и от земли, то бишь от самой возможности самостоятельного на земле полноценного (непременно товарного) хозяйствования, однако заслужив почётное прозвание Александра Освободителя. В общем, Европа и Азия по-прежнему сидели в одном российском по прозванию не то флаконе, не то в окопе. Но Россия всегда была и оставалась еще и собственно Россией, что так или иначе подтвердилось и при Александре II, мало что ведшей победоносные войны на окраинах империи, ее расширяя, освободив себя и страну от унизительно стеснявших его и страну условий парижского договора, что ознаменовалось крылатой фразой сменившего на посту министра иностранных дел англомана К. Нессельроде пророссийски настроенного князя А.М. Горчакова

(выпускника Царскосельского лицея и друга Пушкина): «Россия не сердится, Россия сосредоточивается!», приступив к восстановлению Черноморского флота, проведя в 1877—1878 гг. вполне себе победоносную, но так и не закончившуюся по инициативе всё той же Англии взятием Константинополя, войну с Турцией за освобождение от турецкого ига братской по весьма, правда, номинальному славянству Болгарии, так для самой России ничего особенного и не принесшей, опять же по инициативе Европы.

11. Как ни крути, а всё одно: Европа и Россия, Россия и Европа, либо Европа как внешний геополитический противник России, то как сидящий внутри России... э-э... тоже ее противник, причем всё равно какой конкретно и чьими умами и руками, своими ли, российскими ли, да всё опять же одно — непременно в той или иной мере подрывными, да ладно бы реформистскими, а то ведь... р-революционными!, прямо по геополитическому вектору «РЕВОЛЮЦИЯ И РОССИЯ»! Декабристами, Герценом с Бакуниным ведь дело не обошлось, явились и новые герои-адепты радикальных перемен, не сильно-то отдававшие себе отчёт в возможных последствиях от ими жаждавших перемен для матушки-России, как, собственно, не сильно отдавали себе отчёт в судьбе России и правившие ею псевдо-Романовы, а на тот момент и сам император Александр де Освободитель, ну и его клеветы, включая и самого знаменитого канцлера Горчакова. Путаница была та еще: тут тебе Н.Г. Чернышевский с Н.А. Добролюбовым, В.Г. Белинский и Н.А. Некрасов, с их евроумным и евроопозиционным «Современником», поездками в Европу, контактами с еврамасонией, если не в нее с головой погружением, вроде бы обосновано критиковавшими и приговаривавшим бытующую кое-как современную им Россию, таща ее, что есть сил, к Европе, точнее, затаскивая, как было и прежде, Европу, но уже с ее беспощадной Революцией и совсем не ясной Демократией, во всяком случае, для еще по преимуществу аграрной, вовсе не капиталистической, с неграмотным в массе своей населением, в Россию; славянофилы

с А.С. Хомяковым, бр. Киреевскими, бр. Аксаковыми, В.Ф. Самариным, упиравшие, во-первых, на традиционную для славян общинность, которая Россию де и выручит, — и это утверждалось несмотря на то, что и два человека, не говоря уж о троих, без водительства одного из них никогда ни о чём конструктивно-судьбоносном не договорятся, кроме разве совместного распития бутылки чего-нибудь горячительного, не то что целые общины (ах, это всех выручающее единоначалие!), во-вторых, упирали они почему-то не на русскость, которая, кстати, оставаясь русскостью, вбирая в себя и совсем не малое этнокультурное многообразие, а на вообще славянство, в котором издавна были разные славяне, не брезговавшие и повоевать друг с другом, а уж тогда-то и онемеченные, и обретаненные, и отуреченные, да мало еще какие, к тому же с разными вероисповеданиями и культурами, что значило ежели у р-революционных демократов растворить экзистенциально-типологически Россию в евробульоне, то у славянофилов в некоем панславянском месиве. Ох, уж эти для Руси ее вовсе не русские идейно-духовные благодетели-проектанты, хотя дело было вовсе не в их добродетельных проектах, а в ликвидации имперо-самодержавия, а уж что же будет затем реально с Россией, кто из них мог, кроме своих фантазий, об этом не то что знать, а даже и сколько-нибудь реалистично предполагать.

12. Но вот на арену вышло уже не журнально-литературные словотворцы-просветители, а действенные акционисты — народники, образовав нелегальные организации «Земля и воля», «Народная воля», «Чёрный передел», часть из которых пошла в народ его просвещать на местах, естественно, без особого успеха, а другая избрала путь насильственной борьбы, став, если не в полном смысле слова революционерами, то уж явно бунтарями со своей навязчивой целью начать р-революцию, если не с р-революционной ликвидации российского имперо-самодержавия, то уж для начала с ликвидации главного носителя-выразителя имперо-самодержавия — самого российского императора лично, что и

было сделано — Александр I Освободитель и вообще-то кое-какой в европейском духе реформатор был в 1881 г. отчаянными заговорщиками-бомбистами среди бела дня посреди Санкт-Петербурга и убит. Образованное общество, хорошо уже подготовленное печатным масонским словом, было на стороне р-революционных бунтарей, народ, как всегда, безмолвствовал, точнее, бездействовал, а что ему было делать — бунтовать, да вот за что, за кого, за себя? Однако революционное-де дело было сделано, ничего не изменилось, кроме усиления сыска и репрессий, а на престол пришел очередной псевдо-Романов, он же и очередной Александр — Александр III.

13. Последний не стал церемониться, а, казнив бомбистов, занялся новой подморозкой страны, что ему немало и удалось, заметно уняв Революцию внутри страны, загнав ее в подполье и выгнав за границу, опять же в Европу, ну и несколько отодвинув ее от России, хотя то и другое не навсегда, даже и ненадолго. Сам от природы большой, могучий, вполне и русско-православный, хоть и, как и все Романовы-наследники Петра I, Екатерины I, и, конечно же, Екатерины II, по крови-то более немец, чем русский, император, правивший Россией в состоянии мира, без войны, пережив случайную или нет катастрофу царского поезда, удерживая тогда на своих могучих плечах потолочную часть вагона, чем спасший свою августейшую семью, как-то вдруг занемог и неожиданно умер, а на престол вместо тоже вдруг ранее умершего старшего сына Константина, готовившегося к царственной миссии, вдруг взошел его брат Николай, к сей ответственной миссии не готовившийся, однако взваливший на себя тяжкий властно-самодержавный груз, став императором всероссийским Николаем II, правда, ничего общего не имевший со своим прадедом-тёзкой Николаем I — мягкий, поведенчески анемичный, набожный, чуть ли в сложных ситуациях не безвольный. Да, сам он ничего экстраординарного не затевал, не совершил как глава имперского государства ничего лично выдающегося, полагаясь на естествен-

ное, как ему, видно, казалось, движение бытийно-исторических вещей и сноровистость лично ему преданных высших в империи управленцев, которые и в самом деле были сноровиты, да вот самим императором и сдерживаемыми, поскольку окончательные «да» или «нет» оставались в делах империи за императором, а сам он то ли боялся чего-либо эдакого совершить со стороны властей, то ли не совсем понимал своих энергичных сановников, то ли их же самих и побаивался. В общем, вроде бы был император-самодержец и вроде бы его и не было — эдакой император-призрак, для кого-то какая-то иллюзия, а для кого-то и просто дыра в имперском пространстве. В итоге император-призрак таки проиграл как свою личную правленческую игровую партию, так в конце концов и свою империю, хоть и не ставил на ее судьбу в коварной и беспощадной бытийно-исторической игре, да вот Бытие-История, включая и Революцию, в которых, судя по всему, император мало что понимал, полагаясь на Бога и свою искреннюю в Бога веру, да вот они-то — реальное Бытие-История и реальная Революция — не только ставили на Россию в той игре, но хладнокровно для Бытия-Истории и азартно для Революции, всю игру играли, опираясь, как Бытие-История, на Великую Неизвестность и Иное или, как Революция, на вполне себе трезвый деятельский расчет.

14. Не вдаваясь в детали, обратимся сразу к очередному внешнему удару со стороны «развитого» мира, на этот раз еврояпонского — к поражению от него кризисно-инертной России в Русско-японской, а лучше бы сказать — евро-японо-российской, войне 1904—1905 гг., весьма схожей с Крымской войной 1854 г., что по смешанной с героизмом русских воинов и вялости, даже и начальствовавшей бездарности ее ведения со стороны России, что по заключённом по итогам войны миру, естественно, с территориальными и демилитарными уступками со стороны России, а главное, по разнёсшемуся по стране эху позорного поражения, обернувшегося реальной, пусть в конце концов и неудавшейся,

революцией, точнее, ее, весьма при этом и боевой, попыткой. Но это еще не всё: на волне нараставшей революции состоялось хорошо, хоть и печально, известное 9 января 1905 г. — с расстрелом(!) мирно шедшего с хоругвями и иконами православного народа на встречу с православным же царём, пусть, как принято считать, и нагло спровоцированное шествие, но зато как умело, как ловко спровоцированное, пусть и безжалостно-коварно, а что в Бытии-Истории в критические его моменты не беспощадно и не коварно, скорее, наоборот, и коварно, и беспощадно, а-а? А что царь, якобы наблюдавший украдкой из Зимнего дворца за происходившей перед дворцом трагедией, он — царь, как для него стало обычным, проиграл, да так, что от сего проигрыша уже и не оправился, как когда-то не оправились один за одним от чувствительных судьбоносных ударов его августейшие предки, хоть и процарствовал еще дюжину лет, жестко подавляя недюжинным умом и окровавленными руками преданного ему и самодержавию выдающегося государственного деятеля Петра Аркадьевича Столыпина, в конце концов от рук Революции, направлявшейся из-за еврурубежа и подогревавшейся изнутри революционным подпольем, и погибшего, как и побывавший, что касается Николая II, в роли главнокомандующего русской армией в новой, куда более обширной, значимой и кровопролитной так называемой Первой мировой войне 1914—1918 гг., однако тоже, как и Александр II со Столыпиным, не избежавший смертельного для себя столкновения с Революцией.

15. Мало было Русско-японской войны, так явилась еще и первая-де в XX в. мировая война, названная тогда и называемая до сих пор Первой мировой войной, затеянная выросшей при знаменитом германском канцлере О. Бисмарке в еще не вполне колониальную, но уж во внутриевропейскую, империю — точно, Германией с союзной ей империальной Австро-Венгрией, поведя войну сначала с ранее, еще при Бисмарке, поверженной во времена правившей ею императора Наполеона III Францией, а затем, после

объявления Германии и Австро-Венгрии войны со стороны России, заступившейся за балканские славянские народы, и с Россией, хотя против войны с Россией, о чем германцев предупреждал коварный, но умный Бисмарк, но однако война-таки пошла-поехала, причем, заметим особо, аккуратно России с Европой, пусть и с последовавшим при ней союзом России с Францией и Англией в виде так называемой Антанты, но, но, но... именно с Европой, да не меж славянами, как когда-то утверждал Пушкин в своем «Клеветникам России», а аккуратно с германским племенем, давненько теснившим, уничтожавшим, приспособливавшим под себя славян, когда-то занимавших чуть ли не всю Европу (ах, это любовное со стороны России, ее образованного общества, того же дворянства, отношение к Европе и хищно-присвоенчески-колониальное отношение Европы, в особенности, германских, да и тех же британских, племён не только в незамятные времена к славянам-«рабам», а и во вполне исторические времена уже к Руси-России!). Как всё в Бытии-Истории не то, что повторяется, что само собой, а крутится-вертится вокруг какого-то извивающегося аки змея трансцендентно-экзистенциального стержня, и никакая эпоха, никакие договоры, никакое мирное сожительство этносов-народонаций никак сей металогии Бытия-Истории не отменяет. В России война вызвала, с одной стороны, очередное негодование в сторону Европы, а с другой — очередной же приступ отечественного, вполне и русофильского, патриотизма, за исключением, конечно, рвавшихся к новому миру без этносов, народов, наций, государств, империй, экономики, капитализма омарксистенных фанатов-р-революционеров, включая и такого р-революционера, сидевшего в это время в Европе, как В.И. Ленин, выступавших «за превращение империалистической войны в гражданскую», разумеется, ради немедленного уничтожения адептов устаревшего, по их мнению, мира и немедленного перехода к благословенному новому миру. Думаете, я тут утрирую — отнюдь! Дурь человеческая, заблуждения и фантазии, как и звериная порочность людского

племени — безграничны, что, кстати, не зависит напрямую ни от социального положения, ни от воспитания, ни от образования, ни от вероисповедания, ни от атеизма, ни от чего более или менее явного — сие, знаете ли, идет либо от личной природы (так сказать, личного генома), либо от социо-бастардного неудовлетворения своим личным бытием, либо от сидящего в человеке и вдруг раскрывающегося особо рода безумия, либо от столь же скрытого, но непременно вдруг активно проявляющегося, бессознания, либо вообще неизвестно от чего!

16. Мы не будем говорить о семейной драме Николая II в связи с загадочной болезнью наследника престола царевича Алексея, о появлении вблизи императора пресловутого то ли всамделишного старца, то ли всего лишь «старца»-авантюриста (подика, разберись!) Григория Распутина (Новых) и возникшего вследствие значительного влияния Распутина на царя феномена «распутинщины», о жутком конце Распутина по инициативе членов царской семьи, как и не будем говорить об этнонемецкой императрице Александре Фёдоровне, ее роли в жизни царя и всей империи, тем более, что всё это густо переплетается с тайнами, слухами, домыслами, легендами и попросту ложью, в чём копаться совсем нам не пристало, даже не будем говорить о ходе военных действий в Первой мировой войне, состоянии армии, качестве ее снабжения, состоянии имперского на тот момент хозяйства, да и о народных настроениях тоже, нас более интересует состоявшаяся-таки в 1917 г. вполне себе всамделишная, пусть и шедшая, ковыляя из стороны в сторону, от этапа к этапу, сначала вроде бы как внутриимперская — как прелюдия, затем явно антиимперосомодержавная, как принято говорить, либерально-буржуазная — февральская, затем, как было принято совсем недавно говорить, социалистическая, а теперь всё более как просто большевистская — октябрьская, а в целом — Великая российская революция (ВРР), пусть и в итоге с мощным проевроантироссийским, даже с антирусским, зарядом, прямо-таки почти как у первого на Руси

революционера Нового времени — Петра Великого! Нет, не «профессиональные революционеры» всех мастей, не сидевший за границей В.И. Ульянов-Ленин, не тот же Б. Савинков со своим научно-де обоснованном террором, не Львов с Керенским, возглавивших революционное Временное правительство (до созыва Учредительного собрания), совершили, во всяком случае, начали ВРР, нет, а сделали это... э-э... русской армии ведущие военачальники, большие генералы, командующие в 1917 г. фронтами и флотами во главе с начальником Генерального штаба генералом М.В. Алексеевым, предъявившие Николаю II ультимативное требование отречься от престола в пользу вроде бы толкового, решительного и вообще воинственного брата Михаила Александровича, успевшего отменно повоевать, стать генералом, побыв даже командиром знаменитой «Дикой дивизии», состоявшей во многом из северокавказцев и среднеазиатов, ну а царь, что царь, так он и сделал, как того хотели генералы, услышав от присутствовавшего при подписании отречения молодого тогда монархиста В. Шульгина: «Эх, поздно, Ваше Величество, поздно!»

17. А что дальше? Михаил, протоптавшись в раздумиях всю ночь по своему кабинету, так и не решился принять престол, хоть на его решительность и боевитость и рассчитывали генералы, стремившиеся освободиться от безвольного и им изрядно надоевшего Николая, но при этом сохранить самодержавие, даже и саму династию Романовых, разумеется с жёсткими в отношении ведущейся войны и особенно так или иначе вновь после 1905 г. подступавшей Революции мерами. Однако сорвалось, причем по вине самих же Романовых! Остается загадкой, почему Михаил, противник, кстати, Распутина, не принял престола, наверное, уже не верил в силу и перспективу, даже и надобность, российского имперо-самодержавия, хоть при этом и хорошо видел надвигающуюся Революцию. Правда, нельзя не принимать во внимание и возможного влияния на него шнырявшей тогда в высших петроградских взбаламученных кругах иностранной, прежде всего, конечно,

английской, агентуры. Кто же знает, остаётся лишь глубокомысленно, хоть и сдавленно произнести сакраментальное — «Всякое бывает»! А всякое как раз и не замедлило стать: инициативу взяли в свои руки думцы, отменив самодержавие и учредив в марте 1917 г. Временное правительство до созыва Учредительного собрания. Сначала во главе сего правительства был консервативный князь Г.Е. Львов, затем прогрессивный-де эсэр А.Ф. Керенский, аккурат до октября того же 1917 г., когда власть была перехвачена не без возможного содействия «кореша» В. Ульянова по Симбирску Керенского, удравшего за границу, во всё ту же Европу, яростными большевиками под непосредственным водительством Л.Д. Троцкого, расчетливо передавшим пальму первенства в большевистском перевороте и в новом правительстве В.И. Ленину, вполне себе проморгавшему, сидя в Европе, внезапное наступление долгожданной революции в России, однако поспешившем ей навстречу со товарищами в plombированном германском вагоне, а затем оказавшись во власти, отблагодарил-таки облагодетельствовавших его немцев кабально-колониальным для России Брестским миром, вроде бы как раз и покончившим с мировой межимпериалистической бойней.

18. А что Николай с семьей и другими Романовыми? Да, хорошо известна его ссылка с семьей и некоторыми домочадцами в Тобольск, затем перевод в Екатеринбург и расстрел всех сразу в Ипатьевском доме с тайным погребением в Ганиной яме. Вот так аукнулись 9 января 1905 г. и столыпинские «галстуки» для бунтовщиков царю и его семье. Зверски был казнён и великий князь Михаил Александрович, отказавшийся занять в общем-то окровавленный российский престол, а заодно была зверски казнена и великая княгиня немецкого происхождения, сестра императрицы, набожно-благодетельная Елизавета Фёдоровна. Да, вряд ли Екатеринбургский совет мог без согласования с большевистской Москвой, а именно с Лениным и Я. Свердловым, принять решение о казни Романовых с домочадцами, скорее всего именно так оно

и было, то бишь имелось на то указание-повеление из Москвы, может, и просто согласительный намёк, но всё это вот так и свершилось. Однако уместно отметить тут два обстоятельства: во-первых, неоднократный отказ английского королевского дома принять к себе в Англию двоюродного брата английского короля отстранённого от власти русского царя Николая II с семьей, вполне добровольно сию депортацию Романовых предлагавшейся что Львовым, что Керенским, что даже большевиками, то бишь самим Лениным; во-вторых, по последним сведениям, в 1916 г. Николай II отправил в Англию на трех крейсерах половину золотого запаса Российской империи, а что в Англию попало, то там и пропало, отчего стоило ли Николаю II городить огород, рассчитывая на безбедное существование в Англии — наивный то был расчет, да и к чему, собственно, готовился царь в самой России — к поражению ли в войне, к революции ли, но в любом случае, выходит, к отъезду или даже к бегству из России. За достоверность этих сведений о переброске золота в Англию, что было открыто передано по нынешнему ТВ, мы, конечно, не отвечаем, но если это было именно так, то чему же тут вообще удивляться: реальность плетет такие кружева, что в них и сам хитроумный чёрт не разберется, в том числе и в достоверности всего тогда в 1916 г. происшедшего! Не будем давать никаких строго приговорных оценок поступку царя-неудачника, даже ежели так всё и было, а подчеркнём, что сам неоднократный отказ английского августейшего дома принять в Англию свергнутого русского царя — факт, вполне и достоверный! Вот вам и Европа, и ее взаимоотношения с Россией — здóрово, ничего не скажешь!

19. Да, у новомировских р-революционеров-преобразователей была своя социо-экзистенциальная правда, ибо они стояли против и, наконец-то обретя власть, выступили-таки реально против, выражаясь обобщённо, всякого рабства, в защиту всех угнетенных и обездоленных, — что факт, то факт!, и вот они стали по-своему действовать, экспроприруя, конфискуя, отбирая,

национализируя, обобществляя, а также арестовывая, выгоняя отъездом и бегством негодных сограждан за пределы России, расстреливая, спровоцировав мало что ожесточённую гражданскую войну между р-революционными «красными» и контр-р-революционными «белыми», немедленно получавших иностранную поддержку финансами и оружием «белых», а также военную интервенцию всё той же Европы вкупе с Японией, но так же и введя грабительскую по сути политику «военного коммунизма», вызвав расстройство всего отечественного хозяйства, и, оставшись по сути у разбитого корыта, кое-как жертвенно отбившись от своих «белых» и чужих иностранных интервентов, жестоко подавив Кронштадтский матросский и Тамбовский крестьянский, как и другие, мятежи, наконец-то поняли под водительством быстрого разумом и интуицией «вождя мирового пролетариата» В.И. Ленина, что без старорежимных образованных специалистов нельзя обойтись не только, как это было понятно ранее, в армии, но и в хозяйстве, в экономике, в политике, в дипломатии, в образовании, в науке, ни в чём, и, забыв про свой совершенно безумный тезис о «диктатуре пролетариата», были вынуждены как привлекать к работе на Родину патриотически настроенных и не сбежавших за границу «старорежимников», так и, отменив практику поборного «военного коммунизма» и несмотря на свой не менее безумный «социалистический проект», ввести так называемую, при этом совершенно пробуржуазно-капиталистическую, Новую экономическую политику (НЭП), обеспечив с помощью ожившей частной инициативы восстановление и подъем национального хозяйства, как и с участием «старорежимников» заняться восстановлением жизненно-необходимого ж/д сообщения.

* * *

Назвав тезис о «диктатуре пролетариата» и сам большевистский «социалистический проект» безумным, я имел в виду их явную надуманность, вредность и попросту обманную невозможность какой-либо

конструктивной реализации в перспективно-бытийно-историческом ракурсе. Да, для разгрома «старой России» тезис о «диктатуре пролетариата», практически подтверждённый рабочими карательными отрядами, может, и был хорош, а вот для грамотного ведения хозяйственно-экономической деятельности... э-э... тут уж был полный с ним провал, как и такой же провал постиг уже прямо тогда, в жаркие р-революционные годы, и весь научно-де-разработанный еврамасонерией «социалистический проект», внедрявшийся по евранаущению аккурат в стране, которую «не жалко», хотя окончательная точка в сём провале сего замечательно придуманного проекта была поставлена несколько позже, о чём и будет сказано ниже.

* * *

20. А теперь о Ленине, тоже ведь «императоре». Да, умный был человек, образованный, однако книжный, немало и авторски компиляционный, отличный политлитератор и политпропагандист, но, увы, не самодостаточный творец — ни своей идеологии, ни какой-нибудь своей же практики. Однако Бытие-История распоряжается так, что на высшие управленческие роли нередко, особенно в путано-жаркие р-революционные годы, попадают люди не то, что совсем для этого не подходящие, а, во-первых, не имеющие для этого необходимого опыта, во-вторых, обуреваемые какой-либо оторванной от реальной жизни преображенческой фантазией, которая вошла в них не более, чем из книг и жаркой кружково-подпольной протестно-проективной болтовни, но которую, как им казалось, необходимо и возможно внедрить в бытийно-историческую реальность, вовсе ничего подобного не ожидающую и, естественно, всячески этому сопротивляющуюся, да вовсе не так в лице явных противников фантазийных экспериментов (вроде тех же, в нашем случае, «белых»), а и в ходе безличной метасмыслологии самой бытийно-исторической реальности, если хотите, в ходе вещей, ходе Неизвестности, ходе Иного, а несколько иначе — переплетенных между собой Прошлого, Настоящего и Будущего. И Ленин тут не так творец новой реальности,

как жертва обрётённой им из книг и горячих дискуссий с едино-разно-мысленниками, разумеется, как и он сам, фанатичными фантазерами, выдуманной преображенческой фантазии.

21. Ленин — воистину трагическая историческая фигура! Взявшись за фантазийный новомировский, причем немало анти-российский и проновеоевропейский гуж, он, изрядно потрудившись, окровавившись и во многом им со товарищи содеянном явно разочаровавшись, вдруг ощутил жуткое и безысходное столкновение с реальностью, в данном случае всё равно с какой — российской, европейской, азиатской, как и человеческой и нечеловеческой, имманентной и трансцендентной, видимой и невидимой, в общем, совсем ему, его и их — революционеров-преобразователей — фантазии никак не подотчетной, как и ему и им — революционерам-преобразователям — вовсе и не покорной, и это несмотря на все вроде бы победы его и их — революционеров-преобразователей — над «белыми», «зелёными», махновцами, петлюровцами, эсерами, какими и кем там еще, над теми же интервентами, даже и над вынужденным и позорным Брестским миром, то бишь и над германскими оккупантами, а итогом сего жуткого кровососного столкновения с реальностью было то, что и проект-то «социалистический» не шел, и пролетариат-то оказался не столь сознательным и управленчески деловым, и многие «большевички», если и были на высоте, но либо прихвизаторской, либо бюрократичекой, либо по-деловому бездарностной, в общем, и вся реальность была не та, и работа его и их — революционеров-преобразователей — была не та, не с тем результатом, да и люди вокруг были не те, а уж народные массы... о-о!.. как массой были, так ею и остались!

* * *

«Ежели хочешь осчастливить человечество, — бросил как-то что-то этакое А. Франс, — то половину его надо для начала попросить уничтожить!»

* * *

Ильич на такое, конечно, не пошел, да и не мог, понятно, пойти, хоть и был беспощадным к «классовому противнику» и врагам р-революции, а вот с личным острым кризисом ему пришлось таки сойтись, который, аккурат, к нему сам и пришел. Заболел таки Ильич, да так, что из болезни, вдруг его настигшей еще вовсе не старым, таки и не вышел. Его, вдруг всерьез занемогшего, поместили в 1922 г. в подмосковную усадьбу бывшего московского градоначальника под названием Горки, что по Павелецкой ж/д, откуда он заботами товарищей по партии и советской-де власти практически уже и не вышел, хоть и порывался явиться в Кремль, как и написал, яростно озабоченный, достославное «Письмо к съезду», ну и где — в Горках — он, смертельно больной и, судя по его глазам с последних прижизненных фотографий, весьма и обезумевший, и умер, а тело его было помещено экспериментально забальзамированным в зиккуратовского стиля Мавзолей на Красной площади в открытом стеклянном саркофаге для долгосрочного, чуть ли не вечного, его обозрения.

* * *

Я не пишу никакой ленинианы, как и не писал до сих пор ничего подобного ни о ком, даже о Пушкине, а касаюсь некоторых аспектов ленинской жизни и его деятельности на посту главы что революции, что ... э-э... квазироссийского государства, а более всего касаюсь крайне противоречивого соотношения правящего властного Субъекта-преобразователя и управляемого и преобразуемого им, вроде бы ему — Субъекту — и подвластного, большого такого Объекта, который, как было отмечено, не очень-то становится по велению Субъекта иным, как того как раз хочет Субъект, а оказывается под властью и действиями Субъекта каким-то не таким, а именно — иным-иным, то бишь не просто, как было задумано Субъектом, иным, а уже по-своему иным, а в ленинском случае — совсем иным, и хоть когда-то казалось и кому-то кажется до сих пор, что Ленин со своей р-революцией, пожертвовав в итоге хоть и не половинной, но все-таки весьма значительной, до сего дня численно в точности и неизвестной, частью российского населения,

одержал над взбаламученной реальностью победу, то отнюдь это не так — это реальность одержала над Ильичом со товарищи победу, хоть она — реальность — и стала под воздействием Ильича со товарищи в общем-то совершенно другой. Ах, эта нудная Великая Неизвестность, ах, это непокорное Иное, ах, это немало по-своему самодвижущееся Бытие-История!

* * *

22. Завершая ленинскую тему, нельзя не затронуть одного любопытнейшего обстоятельства, которое можно культурненько обозначить так: «Масонство и Ленин». Дело не в том, что всё Просвещение с его гуманизмом и гуманитарной де наукой, как и социалистический проект с его Великой планетарной революцией, восходят к, или лучше сказать, исходят из масонства, включая и полюбившийся В. Ульянову, ставшему профессиональным-де р-революционером Лениным, марксизм, в этом нет никакого секрета, как это давно уже принято в таких случаях говорить, «общее место». Был ли сам Ильич масоном или нет, нам не известно, как и насколько в этом вопросе он был осведомлён, подолгу живя в омасоненной Европе и непосредственно общаясь с непосредственными масонами. Однако, в 1922 г. Ленину доложили бдительные люди из Коминтерна, что комдвижение и сам Коминтерн изрядно заражены масонством, на что «вождь мирового пролетариата» Ленин заметил: «Надо с этим вопросом разобраться!». При Коминтерне была вроде бы образована специальная по данному вопросу комиссия, а сам Ленин как-то вдруг захворал и, не могши выполнять текущие обязанности главы государства, загребел в Горки, оставив квази-России по итогам своей бурной предсовнаркомовской деятельности одну явную реальность — НЭП, никак не соответствующую ни его собственным взглядам, ни «исповедавшемуся им вечно живому», научно-де-обоснованному, марксизму. В 1924 г. Ильича не стало, не стало и, правда, уже к 1930 г. и коминтерновской комиссии, однако, осталось от Ильича одно прелюбопытнейшее свидетельство, за подлин-

ность которого ручаюсь: последней книгой, которую читал в Горках Ильич, делая в ней карандашные пометки, была выписанная им наряду с другими книгами из Румянцевского музея, будущей Библиотеки имени В.И. Ленина, а ныне Российской национальной библиотеки, толстенная... Sic!.. «История масонства», причем, кстати, единственная из румянцевских книг не возвращённая обратно, а оставленная в Горках. Да-а, неисповедимы пути Господни, как неисповедимы они и для зёмного мира, и для любой цивилизации, и для любой страны, как и для любого человека, не исключая и великих мира сего, хоть набожных, хоть атеистов, тут уж всё одно — господство твердынной Неизвестности да лукавого Иного!

23. Российская-нероссийская-антироссийская р-революция как государственный переворот прошла в несколько (три!) этапа в 1917 г., а вот как социо-хозяйственное эпохальное деяние она, проходя «скрозь» нескончаемую гражданскую войну, закончилась... э-э... пожалуй что, и не закончилась, а продолжалась себе и продолжалась, даже и ныне продолжается, разве лишь прерываясь на те или иные временно-временные, немало и полосатые, многослойные и «дырчатые», сроки-прорехи, да и вообще закончится ли она когда-нибудь?!

* * *

Что-о, неожиданный тут оценочно-выводной бытийно-исторический разворот, чуть ли не фантазийный, как и сама вовсю трансцендентная р-революция? Ан-нет, вполне себе реалистичный, в чём далее вкупе с теми, кому всё это небезынтересно, мы и попробуем убедиться.

* * *

Да, р-революция не закончилась, как, собственно, и гражданская война, ни в 1917, ни в 1918, ни в 1920, ни в 1922 гг., ни в любом другом последующем до самого, что ни на есть, ныне году, правда, может, она таки попыталась закончиться вкупе с гражданской войной, практически непрерывно ведшейся, конечно, уже не армиями, а просто «людьми», группировками,

кланами, партиями, политическими течениями, да и вообще во многом неизвестно кем и за что, кроме, конечно, как за обладание властью, положением, политикой, благами, а именно закончилась-де она в 1936 г., когда было во всеуслышание объявлено новым безапелляционным после В.И. Ленина большевистским вождём — великим вождём народов И.В. Сталиным, под водительством которого в бывшей-де России, ставшей в 1922 г. Союзом Советских Социалистических Республик (СССР), а фактически-то не-Союзом, не-Советских, не-Социалистических и не-Республик (не-С, не-С, не-С, не-Р), а ставшей бурлившей внутри себя борьбой, деяниями и свершениями на территории бывшей Российской империи уже новой империей, аккурат не марксистской, не ленинской, не еще какой-нибудь, а... *сталинской* (не путать реально Иосифа Джугашвили с идеально-призраковым Иосифом Сталиным!), причем сталинской не просто по позывному имени нового вождя, а по самой своей сути, когда реальный феодализм, реальный капитализм, как и тот же выдуманный социализм оказываются в ментальном плане в одном ряду с невыдуманным, вполне себе и реальным, социо-хозяйственным, как было долго принято говорить, строем, а именно, — *сталинизмом!*

24. А сей феномен по-другому и не назовешь, разве лишь тотальным *социализированным этатизмом*, при котором доминирует фактически-то военизированный, гражданский, управленческий, трудовой, научно-творческий и даже культуровый государственный порядок, при котором нет помещиков, капиталистов, кулаков-мироедов, тех же частных банков, но зато при котором есть бесплатные и доступные для масс здравоохранение, образование, предоставление жилья, но так же и библиотеки, недорогие книги, недорогие же театры, музеи, художественные выставки, бесплатный спорт и т. д., в общем — доступные народным массам культура с досугом, а тот же труд оказывается либо по преимуществу денежно или благово оплачиваемым наёмным у государства трудом, либо встроенным в кооперативные

образования социализированным (общинным) трудом (крестьянским в колхозах, ремесленным в артелях, торговым в потребительской кооперации), либо в гораздо меньшем для страны объеме индивидуально предпринимательским, ремесленным, сервисным, либо же уже в весьма значительном объеме, трудом служилым (госаппаратным, армейским для командного и обслуживающего армию состава) с денежным и иным вознаграждением (жалованьем), либо, никак тут нельзя обойти стороной печально-знаменитое явление, попросту рабским трудом — как тех же загнанных насильственно добровольно в колхозы миллионов беспаспортных крестьян, так и, тоже миллионных, разного рода заключенных (зеков), причем менее всего уголовников, а либо не ликвидированных физически ранее по приговору ревсовтрибуналов так называемых политических зеков, либо физическим трудом де перевоспитываемых «несознательных», либо попадавших в лагеря по доносам бдительных и благожелательных соотечественников и каким-то работо-служебным провинностям и наговорам сотрудников и сослуживцев, что тогда начальствовавших, что бывших подчиненными, как и за бывшую ту или иную «классовую принадлежность», за неосторожное слово, за тот же под пьяную лавочку рассказанный политический анекдот в присутствии какого-либо завзято бдительного дружка-доносителя, да мало ли еще за что, в том числе и за доношительство (!), да и вообще режиму был нужен большой и в нужном ему месте даровой труд (включая, кстати и такое место, как Воробьевы горы, в связи со строительством высотного здания МГУ!), вот этот массовый труд и старательно режимом формировался, и использовался.

25. Таким вот он и стался — *сталинизм*, — **СТАЛИНИЗМ!**, аккуратно, как предрекал упрямо и бойко полемизировавший с Марксом Бакунин, а именно «казарменным», до поры до времени, хоть и экзистенциально тяжело-затратным, но в деле-то оказавшимся весьма результативным, чьим главным продуктом стала, конечно же, ускоренная, вполне по тому времени и модерна́вая,

Индустриализация страны с соответствующей ей индустриализации Инфраструктуризацией, а также с освоением ранее необжитых и промышленно не эксплуатировавшихся регионов страны, и это всё, заметим особо, было проделано с участием зарубежных — евроамериканских — капиталов, специалистов, техники, оборудования, технологий, а ЕвроАмерика как раз тогда попала в острейший экономический кризис 1929—1933 гг. и была о-чень заинтересована в экспорте не одних лишь товаров, но и производительного капитала в виде предприятий, сооружений, техники и всего остального подобного, и выходило в итоге, что СССР, оплачивая валютой, золотом, природными ресурсами, хлебом, обирая загнанное в колхозы крестьянство, а в итоге и голодом, и лишениями, и страданием, и куда более сильной эксплуатацией, чем это было до той же р-революции, любого вообще производительного труда, участием в строительстве де социализма не кого-чего-нибудь, а самого настоящего, с одной стороны, рабства, а с другой — проклятого тем же марксизмом-ленинизмом монополистического капитализма, его — социализм-де — эти самые звериные-де «штучки» и выручали! Вот они, реальные зигзаги, кульбиты и казусы Бытия-Истории, а ведь от них никуда!

* * *

Оговорюсь особо, что я не преследую цель ни осуждать, ни оправдывать, ни тем более эмоционально чернить или обелять что Революцию, что Сталинизм, как и выступать в роли какого-то бытийно-исторического правдолюбца-фактолога из неизвестности, нет, я говорю лишь, опираясь на известные мне факты, о самореализующейся и в общем-то неодолимой, как принято говорить, объективной, метасмысложии реального Бытия-Истории, разумеется, какой она мне видится, открывается и как я ее понимаю, может, и весьма не в той бытийно-исторической трактовке, которая гнездится в головах подавляющего большинства гумспециалистов, впрочем, и при присутствующем в этих головах собственного метасмысложийного подхода в силу их — этих голов — преимущественной склонности к уже давно инспирированным и аксиоматизированным масонско-просвещенческим методологиям, фактологиям и идеократиям.

26. Иосиф Виссарионович Сталин, когда-то бывший Иосифом (Сосо) Джугашвили из грузинского городка Гори, сыном сапожника и батрачки, познавшим бедность и лишения, не признававшимся отцом за своего, то бишь фактически оказавшимся в роли бастарда, побывавшим учеником духовной семинарии, из нее исключённым за вольнодумство, затем ставшим участником боевой р-революционной группы, занимавшейся эксами (грабежами банков в пользу Революции), неоднократно арестовывавшимся царской охранкой, сидевшим в тюрьмах, неоднократно ссылавшимся, как и столь же неоднократно бежавшим из ссылок, пережившим последнюю перед 1917 г. революцией ссылку в приполярный Туруханск, наконец, став и будучи «профессиональным революционером», вошедшим в число лидеров российской сначала просто социал-демократии, а затем и большевизма, а со времени Октябрьской революции — чуть ли не самым верным сподвижником В.И. Ленина. Джугашвили-Сталин отличался не только жёстким, вполне и р-революционным характером, но и стремлением к знанию, да не одного лишь марксизма, но и кое-чего другого — вообще истории, философии, литературы, христианской и ведической мудрости, а главное — к знанию практического опыта власти, государственности, имперскости, вообще управления, и, имея явно магнетическую натуру, не только сумел много тогда — при Ленине — добиться в качестве одного из вождей партии и руководителей нового государства, но и обеспечить после Ленина в яростной и беспощадной борьбе не на жизнь, а на смерть с приленинцами, постленинцами и антиленинцами, свой приход к фактически единоличной власти, подкрепляемой изрядно ему подотчётной, очищенной от «врагов» и преобразованной в «орден меченосцев» компартией, как и подчиненными ему охранительно-карательными органами. Тогда-то из реального Иосифа Джугашвили и возник реально-призраковый или, лучше сказать, призраково-реальный вождь народов Иосиф Сталин!

Придя практически к абсолютной власти, Сталин поставил перед собой, перед партией и государством грандиозную задачу не просто построения в одной стране, не дожидаясь мировой социреволюции, идеократически-де обоснованного, но никем до него реально не исполненного нового социо-хозяйственного строя — **социализма**, однако в сочетании с реальным преобразованием страны на передовой научно-индустриальной основе, причем сделать это за короткий десятилетний срок, отчего Сталин хоть вроде бы и строил социализм, да вот при этом он строил прежде всего новую страну, причем делал это во всех, вполне и реалистичных, аспектах: промышленном, аграрном, научно-техническом, образовательном, культуровом, спортивном, досуговом. В целом оставаясь на словах идеократическим марксистом-ленинцем, Сталин не оказался при этом ни в делах, ни в той же идеологии компилятивным приверженцем марксистско-ленинской догматики, а сумел повернуть идейно-практическое ветрило так, что не Сталин безоговорочно служил кабинетно-книжному марксизму-ленинизму, хоть много идейное в нём его и устраивало, а марксизм-ленинизм своей фразеологией стал служить Сталину, причем изрядно-таки Сталиным преобразованный в идеократический... э-э... **сталинизм!** Хошь не хошь, а революция настигла-таки и само де вечное р-революционное учение, причем без всяких разговоров о его нарочитом пересмотре, тотальной ревизии, от него отказе, а так — посредством всего лишь... «развития», разумеется, в нужном Сталину ключе и в потребном ему направлении, вот и всё! Сталин взял из учения, что ему надо было, а что не надо он отставил в сторону, а что ему было уже внове надо, то он в учение и привнёс. Коварный или нет, но ход гениальный!

27. Далее, Сталин не ослабил, а усилил порицавшуюся классиками государственность, даже и имперскость, что и обеспечило ему победу сначала в тяжелой преобразовательной бытийно-исторической эпопее, а затем, забегаем вперед, и в новой огненной вспышке кровопролитной мировой XX века войне. Но это не всё,

Сталин, свернув распоясавшийся было НЭП, однако не свернул, а оставил, не мучаясь никакими ультрасоциалистическими проектами и понимая весь вред от практики того же «военного коммунизма», характерную для капитализма и того же НЭП'а... *экономику* — ЭКОНОМИКУ!, аккurate с ее деньгами, товарообменом, ценами, банками, кредитами, денежными доходами, капиталовложениями, однако оставил ее в подчиненном огосударствлению национального хозяйства и его плановой организации виде (как бы капитализм без капитализма, НЭП без НЭП'а, а один лишь победивший в отдельно взятой стране давно ожидавшейся мировой социреволюции вполне себе национальный де *социализм*, — круто, ничего не скажешь!). Творя Бытие-Историю, Сталин прагматично опирался на оставшихся в стране старорежимных специалистов (спецов), причем повсюду: от того же шахтного дела до тонких индустриальных технологий, от образования и науки до культуры и массового досуга, мало того, он, обеспечив весьма эффективное образование, включая для избранных и заграничное, и вывел на передовой план вполне уже преданных сталинизму новорежимных спецов и управленцев, опять же во всех экзистенциально-хозяйственных отраслях, секторах и областях, не говоря уж, что по всей стране, а что касается всего этого «новорежимного», то из его среды вышли настоящие гиганты, выдающиеся деловые и творческие способности которых и сыграли основную и просто так не оценимую никакими деньгами и благами созидательную роль.

28. Да, всё хозяйство, как и все хозяйствования, шли под строгим и неусыпным функционально-исполнительским и идейно-воодушевленным контролем со стороны неустанного действовавших партийных и государственных органов, включая и напрямую надзорно-репрессивные, кстати, и сами находившиеся под строгим и неусыпным контролем со стороны высшей власти, но ведь делалось оно — дело строительства и утверждение социализма вкупе с научно-техно-индустриальным развитием страны, хоть и не называвшейся и не обзывавшейся Империей, а по сути-

то вполне себе *имперской* — ИМПЕРСКОЙ! Тут поражает, что Сталину со своим вроде бы внушавшим людям несомненный страх — ошибиться, плохо сделать, не выполнить госзадание, то бишь со своим тотально охватившим страну *сталинизмом* — СТАЛИНИЗМОМ!, удалось вызвать, благодаря и пропаганде, и экзистенциально-хозяйственным достижениям, и кое-каким потребительным благодеяниям, как и победам в кратких, но достаточно ожесточенных, войнах и военных столкновениях 1930-х гг. по периметру страны от Балтики до Дальнего Востока, вызвать не один подспудный страх, но и самый что ни на есть экзистенциально-трудовой энтузиазм, вовсе и неподдельный, вполне даже и искренний. Был вождь, сам много трудившийся, была партия, тоже вовсе не инертная, были контроль, наказания и репрессии, из которых массовые репрессии не без изрядного цинизма, именовались «чистками», причем самым репрессивным оказался почему-то 1937 год, как раз следовавший непосредственно за 1936 годом — годом провозглашения построения в стране социализма и принятия по этому поводу новой Конституции СССР, так сказать, советско-социалистической. Да, вот такой он был — сталинизм: угрюмо-репрессивный, массо-энтузиазменный, победно-феерический! И всё это при том, что вместо «диктатуры пролетариата» пришла «диктатура над пролетариатом», да что над пролетариатом, надо всем народом-народцем, включая и его образованную, ведущую, управляющую часть, может, испытывавшую сию диктатуру не как-то вообще, аки некий витающий в воздухе злой дух, а как чуть ли не физически ощущаемую на своих плечах «лохматую лапу», способную не только направить под нее попавшего в нужную верхам сторону, но и круто повлиять на всю его судьбу: либо сюда — в новое и важное жизненное дело, либо туда — в тяжкую арестантскую нежизнь, а то и напрямиком в небытие. Однако..!

29. Однако умный, знающий, начитанный, хваткий и изворотливый Сталин, этот выходец из инородной кавказской среды,

хорошо осознавал, что без опоры на коренную русскость, на русский, прежде всего великоросский, народ, как и на классическую русскую, пусть и еврославянскую, точнее, русоевропейскую, культуру, соответственно, и ее творцов, ни денационализированному марксистско-ленинскому евросоцпроекту, которого он формально на словах придерживался, ни его собственному, уже национальному, соцпроекту, ни ему самому попросту ни состояться и не выжить без опоры на богатую живительными соками этнокультурную почву, на которой и должен был вырасти и которой должен был питаться не просто новый социал-экзистенциальный строй, а новая... э-э... **Россия!**, вполне и плюроэтническая («*братство народов*», а он — *вождь народов!*), вполне и **имперская**. И Сталин сделал ставку на было ушедшую в тень Великую русскую культуру эпохи Просвещения, совершенно, знаете ли, имперскую, мало того, еще и... дворянскую, хоть частью и разночинскую, причем в основе своей вовсе и не марксистскую, да и вообще не очень-то по сути и европейскую, скорее, адекватную европейскости, даже вошедшую огромной своеобразной частью в европейскую культуру, но никак не собственно «из-европскую», хоть и испытавшую непреходящее на себя влияние культурного европейства. Сталин тогда сделал безошибочный выбор-ход, акцентировав свое, прямо скажем, тоталитарно-диктаторское внимание именно на *русскости* — РУССКОСТИ!, хоть об этом до поры до времени не распространялся, зато, тоже не сильно сам лично распространяясь, ввёл в полный культурно-экзистенциальный обиход, как и в образование, выразимся кратко, русскую просвещенческую классику, сворачивая не без жёсткого репрессивного натиска всякий раздражавший вождя «модернизм», включая и «р-ре-революционный». А событийной кульминацией сталинской этнокультурной политики стало празднование в печально знаменитом репрессивном 1937 г. столетия со дня смерти (нет, не рождения!) великого русского поэта и мыслителя А.С. Пушкина с выходом в свет его, как и других великих классиков русской литературы, таких, как

М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Гончаров, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, ну и, конечно же, А.М. Горький, сочинений («акромья», конечно, Ф.М. Достоевского, которого Сталин хорошо знал, но предусмотрительно не читал хотя бы за его «Идиота» и за его «Бесов», за лояльность к самодержавию, религиозность, как некоторых других классиков вроде тех же Н.С. Лескова и Ф.И. Тютчева). Да-а, парадоксально всё это, однако — факт! Преобразования коснулись и театра, и изобразительного искусства, и архитектуры, ну само собой и преподававшейся в школах и вузах истории Отечества. Особо отметим, что в школах большое внимание стало уделяться изучению русского языка и русской классической литературы. В общем, настоящая то была *культурная революция*, хоть и с явным консервативным уклоном, даже и с возвратом к было уже отверженной «старине», но, тем не менее, именно *Революция* — РЕВОЛЮЦИЯ!, пусть и с душком не контрреволюции, конечно, но уж антиреволюции — точно!

30. Однако дело с этим возвратом к прошлому, разумеется, в идеологическом плане, весьма и препарированному, вовсе не завершилось: за сим последовало и созидание новой, уже по номиналу советско-социалистической, но по смысло-образу все-таки корреспондентной отмеченной выше русской классике XIX в., культуры. Дело шло, конечно, в авторитарно-имперо-армейском стиле: инициативное образование общестрановых, вроде бы общественных, творческих союзов (писателей, композиторов, художников, театральных деятелей, архитекторов) с фактически добровольно де принудительным в них членством, причем для каждого из «добровольцев» было хорошо усвоено, что вне соответствующего профессионального союза (не путать с профсоюзами трудящихся) ты — сам вроде бы творец! — практически никто, а вот будучи в нём ты — даже и псевдотворец — уже некая величина; проведение первых учредительных и последующих «наставительных» съездов этих самых творческих союзов с соответствующим

нужному идеологическому аспекту речами (докладами и прениями), выборами руководящих органов (президиумов, правлений), а потом и «выборы» подобранных партий и правительством групп персональных руководителей с председателями (секретарями) во главе союзов; закрытое партийно-правительственное руководство деятельностью союзов, включая одобрение, порицание или осуждение творческой деятельности членов союзов, не дай бог, еще и с исключением из союза, то бишь бессрочным приговором к фактическому небытию. Да, создавались и функционировали союзы по типу самой ВКП(б), хоть и не как, конечно, «орденов меченосцев», хотя... почему нет, и такое ведь вполне было возможно! Однако, как в случае со старо- и ново-режимными научно-техно-индустриальными спецами и новорежимными управленческими кадрами, как и с учеными и изобретателями, подотчётными министерствам, включая и НКВД, новой, уже советской, Академии наук, государственным вузам (об учено-инженерных «шарашках» мы уж помолчим), из среды таких вот сверху организованных научно-культуровых работников вышли плеяды замечательных творцов, не только продолживших великую русскую культуру, но и обогативших ее своим собственным потоком вовсе и не компилятивных, а вполне себе содержательно оригинальных и исторически значимых творческих достижений. Да-а, вот так: с одной стороны, сверхний, не афишируемый, вполне и потаённый, диктат с неусыпным контролем, а с другой — самоотверженная работа и ее выдающиеся результаты! Ничего не скажешь — **феномен!**, вполне и грандиозный, при этом и красноречивый пример, правда, вовсе не для чьего-либо подражания, да такое, пожалуй, уже и не повторишь!

* * *

Замечу, что разворот к русской культуровой классике наметился у Сталина давненько, еще в середине второй половины 1920-х гг., когда он, к примеру, не только поддержал Московский художественный театр (МХТ) во главе со старорежимными К.С. Станиславским и

В.И. Немировичем-Данченко, но и дозволил, а, может, и предложил, на что есть кое-какие сведения, для постановки в МХТ не чего-нибудь, а написанную по мотивам романа М.А. Булгакова и самим же автором инсценированную пьесу «Дни Турбиных», показанную на сцене МХТ в 1926 г. и вызвавшую гневный переполох в левых пролеткультовских кругах из-за появления на сцене мало того, что «золотопогонников», так еще и совершенно привлекательных по-человечески «беляков»! Да-а, уже тогда Сталин, выведенный, кстати, в булгаковском «Собачьем сердце» в виде усатого человека в длиннополой шинели и сапогах, защитившего тогда профессора Преображенского, понимал, что с р-революционными замашками Россия далеко не уйдёт, как не уйдёт ни ее армия, ни ее культура, ни ее наука. Сам Сталин регулярно посещал МХТ, побывав чуть ли не полтора десятка раз на «Днях Турбиных», нередко появляясь аккурат в середине пьесы, когда на сцене как раз и возникали эти самые «золотопогонники». Нет, Сталин не симпатизировал «белым», он оставался, конечно же, «красным», но всё более становясь при этом, скажем так, «иным красным», трезво оценивавшим всё происходящее ранее и тогда, как и предшествовавшее в будущем, и достаточно ясно понимавшим, что имперскость России вовсе не случайна, а без нее, без имперскости, России просто и быть не может: развалится и пойдет на съедение империяльным и не очень геостратегическим хищникам. Любопытно, что, бывая в МХТ, встречаясь и беседуя с его руководителями, Сталин ни разу не встретился там и не говорил с автором предпочитавшейся им пьесы — Булгаковым! Да, закрытым и потаённым человеком был Иосиф Виссарионович, мало того, он кого надо держал при себе близко, кого-то на расстоянии — вождь, диктатор, самодержавец, а что касается Михаила Булгакова, кстати, побывавшем на I Съезде писателей, но в Союз так и не вступившем, мало что не дав его на растерзание «братьям» по ремеслу и при этом не отпустив за границу, не только его сохранил, но и дал возможность безбедно жить и работать... э-э... над своим бессмертным романом «Мастер и Маргарита», — вот так!

* * *

31. Да, Сталин строил новый, но вовсе не буквально марксистско-ленинский мир, пусть и называвшийся социалистическим, и что-то социалистическое в себе и в самом деле содержащий:

культ труда, общественности, социального единения, товарищества, наличие тех же бесплатных образовательных, культурных, досуговых услуг и возможностей, как и имели место, что мы уже отмечали, и мощный идейно-политический пресс, и культивировавшийся им и им же прикрывавшийся террор, и тотальная в обществе армейщина с ее культом дисциплины, ответственности и самопожертвования, сопровождавшаяся и высокой эксплуатацией труда, но и, что мы тоже отмечали, массовый трудо-творческий подъем, энтузиазм, героизм, жертвенность, — феномен тут был фантастический, ничего не скажешь!, как и возникавшая под тяжелой дланью вождя, под неустанным водительством ВКП(б) — этого «ордена меченосцев», как и под контрольно-карательным бдением вездесущего НКВД, как раз уже и реального меченосца, новая, невиданная, бесклассовая, хоть еще пока и с классовыми пережитками, во всяком случае, никак не кастовая, *цивилизация* — ЦИВИЛИЗАЦИЯ!, точнее, ее, пока еще в муках зарождавшийся, остов, призванный послужить появлению какой-то уже не столь мобилизационной, но жизнестойкой, народно-трудовой цивилизации, а в неопределенном будущем, может, и не цивилизации вовсе, а просто какого-то, пусть и пока мифотворного, чуть ли не «Злато-вековой формы» бытия.

32. Говорим обо всем этом не случайно, всё это нам еще пригодится, а чтобы не быть голословными, обратим свое внимание на сталинскую Москву, точнее, на сталинское отношение к Москве — столице вновь возникавшей цивилизации, а отношение к Москве было как к должествующему возникнуть в московской среде некому образцовому «Солнечному граду», причем явно иному, чем образцово-серо-холодный петровский Санкт-Петербург, пусть и ставший при большевиках, побывав краткое время Петроградом, Ленинградом, а тут... э-э... некий, пусть уж меня извинят бескомпромиссные критики Сталина и сталинизма, «Сталинград», для чего возник весьма продуманный, не портивший наследную Москву, а ее преобразовывавший, Генеральный план

реконструкции Москвы, в чём-то продолжавший архитектурную московско-имперскую классику, в чём-то шедший на современную, аккурат и корбюзьевского стиля, новизну, в чём-то сохранявший старую Москву, а в чём-то с ней расстававшийся. И реконструкция Москвы тогда началась, и пошла, аккуратно со всё теми же славными трудо-творческими победами, репрессиями и вполне себе трудовым рабством. Да, так вот всё оно и было! Не будем всего тут касаться, а обратим внимание, на наш взгляд, на главное и к тому же особенно красноречиво показательное — на строительство того же московского метро. Да, это делалось вослед уже бывших в крупных евроамериканских городах электротранспортных подземок — метрополитенов, даже делалось с участием зарубежных специалистов, однако... однако делалось сильно иначе — аки подземный... э-э... «Солнечный град», что напогляд в общем-то хорошо известно и не требует далее особых пояснений, разве лишь усиления акцента на его — метровском — прообразе как раз и нового, уже наземного, града.

33. Да, таким было оно — сталинское время, странным, непонятным, безумным, однако, пусть и не без ошибок и неудач, строго расчётно-проективным! А что было тогда наверху, среди наземной Москвы? Сносы старых и строительство новых зданий в чём-то в классическом стиле с колоннами и портиками, а в чём-то и в новом, получившем до сих пор произносимым не без удовлетворения, так называемом, «сталинском стиле», в чём-то современном, в том же корбюзьевском; расширение улиц, той же, к примеру, Тверской, переименованной в улицу М. Горького, с удивительным передвижением, а не разрушением целых огромных зданий; создание новых проспектов и, конечно же, великолепного по красоте и удобному по нему движению транспорта, очень эффективного Садового кольца; начало строительства, можно сказать, что и шикарной, Сельхозвыставки, ставшей впоследствии ВДНХ; строительство новых жилых микрорайонов для трудящихся при наличии, правда, и вполне себе барачных, прямо как

на «зонах», поселений для бывших зеков или завербованных на московские стройки и того же метро бывших сельчан, в общем, всякое тогда было: удивляющее, потрясающее, поражающее, может, кого-то никак не удовлетворяющее и даже возмущающее, но духзахватывающее!

* * *

Михаил Булгаков, кстати, живший рядом с новой станцией метро «Дворец Советов» (ныне «Кропоткинская»), как говорят источники, в метро так и не был, а ежели и был, то не более, чем разок. Да-а, автор «Мастера и Маргариты», сам, вообще-то говоря, Мастер, всё это новомировско-социалистическое на дух не переносил, если не... но не будем об этом, ибо культурово и даже обывательски старорежимным был наш великий гений и до конца жизни таким вот «замшелым» и оставался.

* * *

И вот тут уместно обратить свой пытливейший взгляд на одно выразительное обстоятельство: на тогда осуществленное разрушение стоявшего неподалеку от Кремля, набережной реки-Москвы и звездообразного скрещения трех улиц Волхонки, Пречистенки и Остоженки величественного Храма Христа Спасителя с целью сооружения на его месте не менее, а, пожалуй что, вызывающе даже более величественного, «коммунистического храма», а именно, высоченного Дворца Советов со столь же высоченной статуей В.И. Ленина наверху! Храм Христа Спасителя был не без труда, но разрушен, на его месте был возведён новый бетонно-металлический фундамент для нового «храма», однако война 1941—1945 г. строительству сего нового «храма» помешала, может и не только война, кто знает, всё ведь в руцех Господних, Провидение ведь тоже работает себе и работает, да и Великая Неизвестность всегда, пусть в глухом, но в наличии, а Иное всегда ведь на чеку! Понятно, что тут вершилось явное святотатство, чего бывший семинарист Сталин не мог не сознавать, однако, оставаясь еще, как и ранее Ленин и иные большевики, на антирелигиозной, а более всего,

пожалуй, на антицерковной, идейно-практической позиции, всю преследуя священников и разрушая храмы, делая это в том числе и согласно Генеральному плану реконструкции Москвы, Сталин все-таки пошел на это — на разрушение главного в России православного Храма! Почему же мы здесь об этом? Да всё потому что то был плохой сакральный знак-вестник что для Сталина, что для сталинизма, зато вполне приемлемый для вдохновляемого сакральным же возмездием сакрального же бумеранга, чего в нужных местах мы далее и коснемся.

34. Мы только что вскользь упомянули войну, как раз ту, которую принято во всём мире называть Второй мировой войной 1939—1945 гг. (второй де в XX в.), а, по моему мнению, всего лишь новую фазу единой в XX в. мировой войны, а для Отчизны тогда ставшей более всего Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. В аспекте Страны России, как и Империи России, а в особенности, на данный момент нашего повествования в аспекте сталинского режима и самого вождя товарища Сталина, их тогдашнего бытия и последующей судьбы, сие, хоть и воистину великое по бытийно-историческому значению, но особенно страшное, страдательное, жертвенное, кровососное событие, имело в указанных выше аспектах абсолютное экстраординарное значение, подвергнув совсем не шуточному, а крайне и тотально рискованному исполнению под девизом «Быть или не быть!» всё как есть и как есть всему сразу: страну-стране, народ-народу, строй-строю, режим-режиму, власть-власти, вождя-вождю, а потому и подвергнув бескомпромиссной, жесточайшей, даже по-своему и коварнейшей, экзистенциально-хозяйственной (да-да, уж простите, именно хозяйственной!) проверке этого всего и сразу с ходу на стойкость, гибкость, решимость, умение, изворотливость, манёвренность, в общем, на всю и сразу разноплановую народо-нацио-властно-государственную экзистенцию, равным образом и ее трансцендентно-метафизическую, то бишь по сути сакральную, обусловленность, на успешность-неуспешность захода сей экзистенции

в Неизвестность, на ожиданность-неожиданность встречи с Иным и на способность-неспособность к сим, не зависимым от человека Ничто-началам, выворачиваясь и выворачивая вывернутое, приемлемо для себя приспособиться и уцелеть. О-о, о-очень тут не простая, мало что головоломная, но и требующая мужества, упорства, ловкости, в чём-то и неразрешимая, задача, вызывавшая не один смертоносный риск, но и самый что ни на есть страх, пронизывавший все фибры тела и души, в особенности, за всё сразу ответственного абсолютного вождя-диктатора, нет, конечно, не животный страх обречённого на смерть животного, а страх по-своему даже и сакральный, возникающий аккуратно на краю завораживающей сознание и угнетающий бессознание и останавливающий сверхсознание неизвестности-пропасти, когда перед тобой не только разверзшаяся вдруг бездна, но и возможность в ней полного пропадания (про́пасть — пропа́сть!). И непреклонный вождь народов не избежал сего тяжкого сакраментального момента-состояния, когда, вроде бы готовая к войне, но оказывавшаяся не готовой к немедленному, еще и победоносному, сражению с вторгшимся в страну агрессивным противником, армия не просто проиграла на поле боя, а, пусть и с отдельными оборонительными боями, мало что отступала, так еще и ... э-э... массово сдавалась в плен! Вот это был шок — ШОК! Никто, кроме погранзастав, гарнизона Брестской крепости и отдельных разрозненных между собой частей, не оказался на высоте — ни командование, ни комсостав, ни рядовая солдатская масса!

35. Однако мы не об этом, не о конкретном ходе войны в ее начальной стадии, не о неудачах Красной армии как таковых, даже не о случившемся неожиданно-негаданно величайшем в российской истории военном провале. Что было, то было, и что тут изгаляться в поиске конечной истины, однако, хоть это всё и было, да вот быльём-то не поросло! Что касается нас, то мы здесь более о Сталине и сталинизме, ведь это был прежде всего *его* — ЕГО! — *и его же* — ЕГО! — режима провал, что факт, то факт, и не потому,

даже не столько потому, что *он* — ОН! и *его* — ЕГО! — режим за всё в стране в принципе тогда отвечали, нет, конечно, это и так ясно. Тогда в чём же, разумеется, на основе и в русле культивируемого нами философско-хозяйственного, а лучше сказать, трансцендентно-метафизического подхода к Бытию-Истории и ко всему в нём происходящему? А чтобы сие уразуметь, надо вновь обратиться к нашему мнению-тезису о том, что ни Русская Революция, имевшая в качестве идейно-практического фона-подосновы Мировую Революцию, как и Гражданская война, спровоцированная Октябрьской революцией-переворотом, не завершилась в стране России, пусть и ставшей СССР, ни тогда, в формально объявленные завершительные-де годы, ни потом, ни, конечно же, к началу новой фазы XX в. Великой Войны, ни, как это нетрудно увидеть, ежели не закрывать глаза на объективность, и уже в ходе сей второфазной войны. Тут надо поиметь в виду не что иное, как пусть и не линейную, и прерывную, не бросающуюся в мутно-инертные от одолевающих их познавательно-запечатлённых чрез усталые от напряжённого чтения печатных и электронных текстов научно-гуманитарные глаза, причинно-беспричинно-следственную, как и бытийно-историческую, цепь процессов, событий и происшествий, уходящую глубокими корнями в прошлое, причем и в весьма далекое, с уже не столь таящимися в прошлом ее физио-метафизическими звеньями, аккуратно современниками последних двух-трех веков, как раз эти самые Революция, гражданские смуты и войны, наконец, и XX века Великая мировая, двухфазная пока что, война. Сталин (не Джугашвили, подобных которому вообще-то видимо-невидимо, а именно Сталин — этот уникальный имперо-властный феномен-призрак), как и взращенный им сталинизм — порождение всего многозвонного набора сразу: Революции, российской смуты XX в., первой фазы Великой Войны, той же спровоцированной Октябрьской революцией гражданской войны, причем вовсе не только порождение Великого трансгрессивного бытийно-исторического

мирового процесса — сложного, разнообразного, многоходового, крученного и перекрученного, противоречивого, вовсе не мирного, а борческого, борческого, борческого, причем временами и местами с вдруг выскакивавшими в реальность моментами борьбы не на жизнь, а на смерть, что в схватках с контекстом, что внутри себя, — так вот не Сталин с его сталинизмом только порождение сего мирового, а более всего, конечно, российского, глобально-трансгрессивного процесса, но и куча совсем не последних, наоборот, из первых, акторов, инспираторов, организаторов и вершителей, отчего Сталин шел со своим сталинизмом по Бытию-Истории, хотел он того или нет, вполне осознавая или нет, значения не имеет, как вполне обусловленный этим глобальным трансгрессивным процессом с его Революцией, неустанной борьбой, войнами, включая гражданские и самой Великой XX в. войной 1939—1945 гг., мало того, от него — сего Процесса — и немало, если не с головой, опять же неважно, как и насколько он сам осознавал, зависимым. Это-то всё надо прежде всего иметь в виду, подходя к рассмотрению заманчиво-привлекательной, но курьёзной, каверзной проблеме: «Сталин и Великая война в 1939—1945 гг.». Учитывая прежде всего внутреннее перестроечное в условиях так называемой «классовой», а лучше сказать, всесторонней, борьбы, вполне и ожесточенной, как и сложное внешнее международное положение с его последовательным отрицанием *некоего* старого мира и утверждением *некоего* нового мира.

36. СССР в 1939—1940 гг. был явно не готов к масштабной войне, и Сталин явно не желал никакой большой войны, хоть и провёл не без труда и проблем успешную по итогам войну с Финляндией, победные военные операции на Дальнем Востоке страны при столкновениях с милитаристской Японией, занял перед самой Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. западные области Белоруссии и Украины, то бишь не стеснялся проявлять себя в качестве лидера имперской державы, тем более, Сталин не собирался милитарно идти в Европу, чтобы делать там

соцкомреволюции, хоть и поддерживал действовавшие в мире соцкомдвижения, используя по преимуществу Коминтерн. Да, не хотел, не собирался, однако большая война, причем направленная и против СССР-России, назревала, и мало кто из думающих и более или менее осведомлённых людей из высших управленческих кругов сомневался в этом, как и в том, что сей войны удастся избежать. Так или иначе, но страна таки готовилась к войне: идейно-психологически, хозяйственно, милитарно. И вот тут самое оно обратить свои аналитические взгляды на Запад, на ту же Европу. Что было там?

37. А там шла активнейшая всесторонняя подготовка к большой войне, но вот что интересно, может, даже и подозрительно, ставка была сделана мировыми заправилами войны из среды, как бы сейчас сказали, дипстейтов, питаемых агрессивной евроимпероколониальной традицией и поддерживаемых не менее импероколониально-агрессивным крупным промышленно-финансовым капиталом, не говоря о соответствовавших всему этому настроению немалой части евронародов, что из доминировавших верхов, что из ведомых ими низов, так вот ставка сия была сделана... э-э... на всё тех же (*Sic!*) *революционеров-социалистов*, пусть и не или не совсем марксистского толка, да какая тут была разница, главное... на «выходцев из народа», чуть ли не самого пролетариата, во всяком случае, из народных де масс, а за первично-стартовую идеологему была взята идея всенародного единения, включая, помимо рабочего класса, и буржуазный класс, и сельскохозяйственный, даже и потомственную аристократию, ну и, разумеется, образованный класс, а по-русийски, интеллигенцию, а в качестве символа сего всенародного единения была взята из древне-римского, еще и дохристианского, имперо-милитарного наследия, применявшаяся, в частности, в римской пехоте наряду с мечом, копьем, луком со стрелами и прочей военной атрибутикой составленная из древесных прутьев и крепко увязанная в пучок так называемая «фашина», служившая legionерам защитно-осадно-

опорным средством, в особенности, будучи сложенной с себе подобными «фашинами» в ту или иную «солидарную» внутри себя кучу, и возник сей символ, естественно, в как бы имперской наследнице древней Римской империи Италии, где и родилась в противовес тому же соцкоммунизму новая, уже социал-имперская, идеология с программой прихода к власти новых социал-народных сил и реализации радикальных перемен в обществе, как раз и получившая наименование *«фашизма»* — **ФАШИЗМА!**, а само социал-имперское всенародное-де движение и стало именоваться *«фашистским»*, как, собственно, для краткости просто *«фашизмом»*. Что ж, всё это звучало совсем и не плохо, что на словах, что в символике, что в пропаганде! И на эту неплохость клюнули, да не одни якобы отнародные идейно-политические витии, но и, помимо низовых народных масс, весьма уставших от демократии, неопределенности, бедности, безработицы, «сознательная» часть мелкой и средней буржуазии, чиновничества, того же фермерства, как и не кто иные, как представители, ладно бы еще традиционно властных, как из тех же дворяно-феодало-милитарных слоёв, не исключая и королевских кругов, а то ведь и из образованной, даже и интеллектуально-культуро-творческой, части евроамериканского социума. Ключнул ли на это товарищ Сталин, признавая за всем этим, каким-то вдруг явившимся на социал-революционном поле иным что-то... Э-э... не то чтобы лично родное, не говоря уж о вообще родственном, но все-таки как-то приемлемое, причем не так даже в роли возможной в реалиях общемирового революционно-трансгрессивного, пусть и враждебной, альтернативы его социализму-сталинизму, а как нечто такое, с чем можно все-таки иметь дело и чуть ли не решать сообща актуальные мирообусловленные перестроечные проблемы. Да, мы этого всего в точности не знаем и знать не можем, а вот предполагать кое-что этакое все-таки можем, на что есть-таки основания, к которым и будет обращено наше внимание несколько ниже.

38. Фашизм родился в Италии, но только достоянием Италии

он не стал, привлекая сторонников и за границей, прежде всего, конечно, в Германии, где возростал совершенно адекватный фашизму национал-социализм, пришедший в конце концов к власти в 1933 г., как раз через десяток лет после прихода в 1922 г. к власти итальянского фашизма. Сталин прекрасно понимал антикоммунистическую, при этом и диктато-тоталитарную, суть фашистских режимов, как и видел выросший на базе фашизма и подкреплявшийся отношением к имперской Римской традиции в Италии и дохристианской протогерманской, хищнической относительно негерманских народов, прежде всего славян, традицию в Германии, как понимал Сталин и стремление этих режимов к экспансии в Европе и за ее пределами, а главное, их, в особенности, германского национал-фашизма с его имперо-агрессивно-колониальным устремлением на Восток, на всё тех же, как в древние времена, славян, когда-то германцами (пусть протогерманцами) покорявшихся, истреблявшихся, вытиснявшихся на Восток, ассимилировавшихся на месте, а главное, обращавшихся в рабство. Во всяком случае, Сталин этого всего не мог не понимать, как и не понимать, что война с еврофашизмом, если и не неизбежна, то о-очень вероятна. Да, Сталин готовился к этой весьма возможной войне, стараясь ее предотвратить или уж, во всяком случае, оттянуть, даже после соглашения с пришедшим к власти в Германии национал-фашистом Адольфом Гитлером (Шикльгруббером), о, скажем так, мирном сосуществовании своих западноевропейской и восточноевропейской стран, пусть немало и разных, но подозрительно-убедительно схожих между собой по диктато-тоталитарным замашкам властных в них режимов, разделив при этом между собой по экзистенциально-хозяйственным интересам и геополитическим, включая и милитарные, устремления большую Европу на Западную для фашизма и Восточную для коммунизма, на такие две полуЕвропы. Да, возвращенный германским и англо-саксонским имперо-финансизмом Адольф Гитлер, пренебрегая своим европеизмом, внезапно сошелся, устанавливая III Германский Рейх, уже и по его задумке

тысячелетний, с аристократо-военно-интеллектуальной элитой, ему весьма симпатизировавшей по всей Западной Европе, как с элитой, давненько подумывавшей об учреждении чего-то подобного, если и не прямо фашистского, то уж чего-то прото-Римского, и захватил-таки почти всю эту Западную Европу за исключением на время-де недостижимой островной Англии, но зато уже присягнувшими ему континентальными союзниками — Италией во главе с Б. Муссолини и Испанией во главе с Ф. Франко («французом», видишь ли!), чем Гитлер вроде бы свидетельствовал о своем намерении соблюдать мирное сосуществование с СССР, который, тоже не сидел, сложа руки, а присоединил к себе не без активной роли военной составляющей кое-что из западного в Восточной Европе — Западную Белоруссию и Западную Украину, как раз ранее входившие в Российскую Империю.

39. А теперь о страннейшем поведении Сталина перед самым началом войны СССР с Западной Европой во главе с фашистской Германией, выразившемся в настойчивом игнорировании Сталиным сведений разведки о готовившейся интенсивно в фашистской Германии войны с СССР, как и сведений той же разведки и перебежчиков оттуда — из Германии и Польши — в СССР о сосредоточивании в той же Польше германских войск вдоль границы с СССР с намерением напасть на СССР и, соответственно, без своевременного при таком игнорировании приведения советских войск в необходимую в такой тревожной ситуации боевую готовность. Можно как угодно оправдывать или искать приемлемого для здравого рассудка объяснения столь своеобразного поведения вождя, но факт остается фактом — сие поведение стоило стране, ее народу и ее армии не чего-нибудь, а самой настоящей катастрофы в самом начале войны и огромных затем трудностей, лишений и потерь в ее — этой Великой Войне — тяжелейшем ходе. Мы не будем здесь заниматься обширнейшей, в общем-то достаточно хорошо известной, бытийно-исторической фактологией: от предвоенной чистки армии до расстрелов разведчиков и

перебежчиков, а затем, уже в ходе войны, о миллионах советский пленных, массовой потере самолётов, танков и артиллерии, заметно превосходивших до войны по численности и мощи вражеских аналогов, захвате врагом обширнейших территорий, его выходе на Москву и Ленинград, и т. д. и т. п., как и ожесточенном сопротивлении разрозненных между собой отдельных частей Красной Армии врагу-агрессору, в той или иной мере замедлявшем его викториальное продвижение вглубь страны. Да-а, на такое странное поведение вождя перед самой войной нет окончательного факториального ответа: да, не хотел войны, да, пытался ее оттянуть, да, боялся спровоцировать противника, дать ему коварный шанс для как бы оправданного с его стороны начала военных действий, наконец, и в самом деле надеялся на взаимную договорённость, на делёж сфер влияния, на «Пакт о ненападении», но, но, но... ничто из этого все-таки не объясняет до конца и самого каверзного вопроса не снимает, если... если не поискать ответа в самом феномене с позывным «Сталин».

40. Инородец с кавказских низов: фактический «расстрига», сначала революционер-уголовник, затем так называемый «профессиональный» революционер, достигший благодаря незаурядному уму, деловой хватке и поведенческой изворотливости, не говоря уж о явном магизме потаённой личности, больших высот поначалу в ревсоцдвижении, а затем и в постреволюционной власти в России-СССР: скрытный, подозрительный, коварный, мстительный, беспощадный, кровавый. Конечно, не мог не увидеть в «фюрере», пусть и иного, но все-таки «своего», как и не мог ему слепо доверять, как зная самого себя, так и кое-что смысла в мировом р-революционном движении-процессе, то бишь не мог не видеть в нём и кое-кого явно «чужого». Поначалу, может, и рассчитывал переиграть «бесноватого фюрера», но не мог не учесть, что мало, что игра шла с обеих сторон краплёными картами, но и, что сам «бесноватый фюрер», как и он сам — Сталин, были заложниками куда более масштабной игры мало что за имперо-колониальный

перedel мира, так еще и за новый, вовсе и не его — фюрера — и не его — вождя — мир, что над ними обоими есть еще куда более могущественная и ловкая властная сила, а они оба лишь хоть и не пешки, но все-таки лишь подчиненные фигуры-фигурки в этой издавна ведущейся и на их момент не ими ведущейся «*Большой игре*» — БОЛЬШОЙ ИГРЕ! Сталин не мог не видеть и не понимать, что их обоих и их страны готовили к великой смертоносной схватке, а занимались этим самые что ни на есть высшие, вполне, кстати, и зёмные силы, хоть и давно уже вдохновлявшиеся какой-то явно более сильной из высшей, или же, наоборот, из низшей, тёмной силищей. Даже сам выход «вождя» и того же «фюрера» на высшие в своих странах властные позиции, это что, заслуга их самих вкупе с потоком собственно мирового редвижения, а может, это и не совсем так, ежели совсем не так, а-а? Короче, сия война, можно-таки сие предположить, была нужна кому-то еще и нужна именно в том самом ее начальном варианте, который реально и случился, причем война в Европе по направлению с Запада на Восток, ну и, уже в другом планетарном месте — тихоокеанском — с Востока на Запад, причем далеко не только тем, кто эту войну реально развязывал и вёл, а нужная кое-кому... э-э... *иному* — ИНОМУ! Тогда хоть какое-то объяснение всему этому «интересному» у нас с горем пополам как-то выходит, причем не только странному сталинскому поведению, но и, в общем-то, многому еще чему другому тоже!

41. Да, сии тайные и могущественные — как раз «иные» — кукловоды планетарного масштаба, возможно, даже наверняка, предполагали, что всё будет идти как-то иначе, хотя бы без атаки на Англию или на тот же Пёрл-Харбор, как и без столь крупного разгрома Красной Армии с самого первого дня войны, на что, кстати, не рассчитывали ни Сталин, ни даже Гитлер, уверенные, что Красная Армия куда-как сильнее и подготовленнее, чем это оказалось на самом деле, как, опять же, вряд ли рассчитывали на хоть и разрозненное, но яростное сопротивление боеспособных

красноармейских частей, достаточно измотавших агрессора, что он не смог сходу взять ни Москвы, ни Ленинграда. Ах, эта Неизвестность с Иным, да и вообще этот мир с неизвестной ему Вселенской Тайной, с тем же Господом Вседержителем и тем же бесчисленное число раз заклеймённым и проклятым, однако бессмертно не увядающим, аки Кощей, никак не истребимым дьяволом (чуть было не прописал сего субъекта с заглавной буквы!)! Да, самому Гитлеру можно было поначалу несказанно радоваться, а затем и всерьёз озаботиться, теряя действовавшую армию и вынужденно пополняя ее вовсе не бесконечными резервами, не взяв при этом ни Москвы, ни Ленинграда, а вот Сталину, наоборот, пришлось сначала пережить несказанный по страшному негативу шок от поражений Красной Армии, на которую он так надеялся, что даже пренебрёг из-за каких-то, так до конца и не ясных, мотивов приведением ее в полную боевую готовность, а затем, отправив правительство в г. Куйбышев (Самару) и сам, собравшись было из оголённой в оборонительном плане Москвы туда же, вдруг по какому-то, видно, посланному свыше, наитию, походив туда-сюда по платформе Казанского вокзала перед стоявшим под парами правительственным поездом, взял, да и вернулся в Кремль, так Москву-столицу и не покинув, продемонстрировав тем самым всей стране, что вождь, несмотря на тяжкое положение Москвы-столицы, ее не покинул и готов за нее и за СССР сражаться на почти что безнадёжном в военном отношении переднем крае. То был, конечно, *поступок* — *поступок* ВОЖДЯ!

42. С этого момента прозорливцам всех мастей стало ясно, что слова В.М. Молотова: «Враг будет разбит, победа будет за нами!», вовсе не фигуральная дань вынужденной речи, как и столь же знаменитое обращение Сталина к народу «Братья и сёстры» тоже! Рассказывать далее о ходе битвы за Москву, в которой «непобедимый враг» потерпел-таки первое крупное поражение в войне, как и о не взятом врагом трагически блокадном Ленинграде, от которого враг в конце концов и откатился

под ударами Красной Армии, да и вообще говорить здесь о ходе всей войны вплоть до взятия Красной Армией столицы III Рейха Берлина, не входит в нашу задачу, тем более, что всё это хорошо известно. Укажем лишь, пользуясь случаем, на тот знаменательный факт, что экономический факультет МГУ, с которым у меня связана практически вся профессиональная на гуманитарном фронте жизнь, был открыт в последней декаде декабря (Sic!) 1941 г., когда «немец», как тогда и многие годы спустя говорилось, еще стоял, изрядно замерзая, правда, уже отогнанный от Москвы, под Можайском (не немцы там были, не гитлеровцы, ни даже фашисты, а именно «немец», как и было в победном 1945 г. с постоянно употреблявшемся нашими людьми восторженным словосочетанием «немца победили» вкупе с не менее постоянно употреблявшемся касательно Красной Армии теплым и родным словечком «наши!»: «Наши немца победили!»). Обратим внимание в связи с Великой Войной и на кое-что иное, не менее значимое для истории и судеб человеческих, чем сам по себе ход тяжелой, изнурительной, кровопролитнейшей войны.

43. Великая Отечественная война (ВОВ) началась, как хорошо известно, 22 июня 1941 г. («Киев бомбили, нам объявили, что началась война»). Началась она, как уже было отмечено выше, для Сталина и СССР крайне неудачно. Но здесь не об этом, а о том, что СССР вошел в войну с непрекращавшейся с 1917—1918 гг., как тоже выше отмечалось, гражданской войной, пусть и без воюющих друг с другом армий, фронтов, занятых или отвоеванных территорий, однако реально-таки бывшей, причем, согласен ли кто с таким заключением или нет, гражданской войной, ведшейся всё еще р-революционной по духу и деяниям властью, выворачивавшей и переворачивавшей экзистенциально-хозяйственную реальность, без удержу эксплуатировавшей, пусть и под вдохновляющими лозунгами и с активной, звавшей в светлое будущее пропагандой, и насильно пересотворявшей согласно сначала выдуманному в еврамасонских кабинетах, затем подправленному

согласно реальной реальности, Великому пересотворительному проекту страну, ее хозяйство, ее народ, причем сначала вроде бы ленинско-большевистской, а затем и попросту сталинской, властью, да-да, гражданской войной, ведшейся именно властью и именно с подвластным ей народом, а более всего со всякого рода, как стало принято нынче говорить элитой, что властной, что невластной — тут уж было всё равно! И эта своеобразная гражданская война, конечно, не первая в российской и вообще в мировой истории, как и не единственная в протекавшей тогда современности (взять хоть бы те же фашистские примеры), не могла не сказаться на поведении как отдельных людей, социальных групп и слоёв, так и, уж извините, не тысячных, а миллионных, людских масс в условиях начавшейся победно для врага большой, с далеко не известным ни народу, ни самому товарищу И. Сталину окончательным итогом, а во-вторых, войне как бы не с Россией как таковой, а со всего лишь тяжким и страдательным для народа, для тех же, прежде всего, крестьянских масс, сталинским, впрочем, всё равно каким по определению и квалификации, немало воспринимавшимся в среде трудящихся масс и элитарной надстройкой как антинародный, режимом, что обусловилось, как это бывало, к примеру, в ту же Смуту, переходом на сторону врага, казавшегося к случаю в 1941 г. чуть ли не освободительной от сталинизма силой.

44. Нет, мы здесь не пытаемся ни прямолинейно осуждать, ни безрассудно обелять кого бы то ни было из сдававшихся сознательно в плен «немцу» красноармейцев, ни горожан и селян, приветствовавших входивших в города и селения победоносных противников, ни ставших при оккупационном режиме теми же полициями, боровшимися с партизанами и подпольщиками, ни добровольно уезжавших в Европу на работу, ни даже генерала Власова с его «власовцами», не говоря уж о двух казачьих корпусах Краснова и Шкуро, сражавшихся на стороне противника и дошедших до родного Дона, ни вспыхнувших в связи с войной

и на оккупированной территории вполне себе коллаборантно-военских проявлений антисталинизма у некоторых нацменьшинств, ибо всё это было либо прямым продолжением провоцировавшейся мировым и отечественным трансгрессивным соцкомревдвижением гражданской войны, либо ее непосредственным следствием, что сказалось на том печальном факте, что ВОВ имела не только хорошо известную патриотическую направленность, что как раз и обеспечило в итоге Великую Победу в Великой Войне, но, увы, и иную, вовсе не патриотическую, правда, для кого как, составляющую, став в итоге как бы смешанной войной — патриотической против внешнего врага и в то же время внутренней, в данном случае и неизбежно коллаборационистской в отношении к внешнему противнику, гражданской войной. Да, тогда, в обстановке ужасной с неизвестным концом войны, тем более, с действовавшими чрезвычайными законами военного времени, все эти внутренне-враждебные проявления легко клеймились, от чего тоже не отречься, как предательские, заслуживавшие и соответствующих карающих последствий, которые при случае не замедляли и реализоваться. Кровь и пот людо-отечественные как лились ранее, до Великой Войны, так и продолжали литься с еще большим усердием во время войны, причем любые кровь и пот, что вроде бы праведные, что как будто бы и неправедные, — такова она — высокая цена человеческого Бытия-Истории в моменты его больших из себя выворачиваний и переворачиваний, что вроде бы осознанно провоцируемых, что как бы и самовозникающих, тут уж, пожалуй, всё одно — что для живых, что для мертвых!

45. Великая Война, быстро превратившись для СССР-России и его (ее) народа сначала просто в отечественную, а со временем и в Великую Отечественную войну, жертвенными усилиями оставшегося верным действовавшему в стране властному режиму подавляющего большинства населения, в первую очередь, конечно, русского, как и непреклонными стараниями самого

властного режима во главе с его вождём И. Сталиным и главными социальными опорами, идейными проводниками и исполнительными акторами режима, помимо ударной Красной Армии, высокоуникально-дееспособным госаппаратом и ВКП(б), а также вездесущим и тоже экстраординарно дееспособным НКВД, закончилась полной и безоговорочной победой над сильным и коварным противником, как и столь же полной и безоговорочной его капитуляцией перед СССР и его по этой войне англосаксонскими союзниками — США, Великобританией и Францией. Мы говорим обо всём этом не ради того, чтобы лишний раз напомнить о в высшей степени знаменательном победном завершении войны, а исключительно для того, чтобы указать на метафизически обусловленные выворачивания и переворачивания Бытия-Истории, что его собственные, так сказать, объективные, вынуждавшие к тому или иному действию субъектно-субъективный земно-человеческий фактор, что непосредственно, инициативно, зачастую и вынужденно, предпринимаемые самим субъектно-субъективным фактором, а в данном случае заблаговременным разворотом Сталина со своим сталинизмом к отечественно бытийно-исторической традиции и непосредственно к русскому, даже и русско-православному, началу, не говоря уж о прямом обращении в тяжкий для страны, режима и самого Сталина момент к сему началу, знаете ли, вовсе при этом не вождистском, а прямо-таки сыновьем!

46. В общем, несмотря на, выражаясь по-современному, в целом глобалический характер мирового соцкомредвижения, включая и его марксистскую ветвь, к чему Сталин со товарищи по партии так или иначе принадлежали, Сталину хватило интуиции и мудрости поставить всего более на «свое» и на «своих», на свое Отечество и на своих соотечественников, да так, что вернул золотопогонников не только на МХТ-овскую сцену, но и в действующую уже победно, хоть и по-прежнему жертвенно, Красную Армию, обратившись тем самым к традициям имперской российской армии царских времён, пусть и без дворянства, но зато немало его

и заменившим российскими по сути, а не какими-либо еще, офицерством и генералитетом. А чего стоило его в связи с Победой признание о метафизическом величии русского народа, не составшего против совкомтирании, на что имел-таки достаточно оснований, а вставшего под водительством как бы и не «своего» режима на защиту Отечества и одержавшего крайне жертвенную, но все-таки Победу, — о-о, великое по честности и благородству *признание из признаний* — ПРИЗНАНИЕ! — тотально и жёстко переустроительного, вовсе не сентиментального, даже и жестокосердечного, вождя! Ну, а следом чего стоил и широко известный тост Сталина, внезапно произнесённый им на кремлёвском пире победителей: «За русский народ!», тост признание, тост-поклон, тост-просьба о прощении! Можно подумать, что всё это были ловкие происки хитроумного вождя, так сказать, привычная для него игра, пусть и на всякий пожарный случай, что, может, это и так, но... вождь мог бы ведь ничего *такого* — ТАКОГО! — публично и не говорить, тем более со словами «чтобы нас снести», поскольку хорошо понимал, что был сам, как и его прессующе-карательный режим, на роковом краю, на том самом, который он сам, как никто, в критический момент вполне себе реально и прочувствовал (когда одни лишь мурашки по всему телу, да не так от страха или отчаяния, как от вдруг открывшейся беспощадной истины!).

47. Мы упомянули англо-саксонских союзников по сей Великой Войне — США и Англию, которая в первую фазу сей войны в 1914—1918 гг. была союзницей Российской империи, составляя с Францией и Россией широко известную Антанту («Сердечное согласие»), что, может, и было между двумя евросоюзниками — Англией и Францией — делом «сердечным», ну уж никак не сердечным в полном смысле слова, что возможно и имело место, против воевавших с ними Германией и Австро-Венгрией, но уж никак не с Россией — принципиальным историческим и геостратегическим противником, заслуживавшим с их — Англии и Германии — давно устоявшейся точки зрения лишь одного — деимпериализа-

ции, разгосударствления, раздела и колониального порабощения, на крайний случай — полуколониального в их пользу вассалитета. И вот этот-то, как бы и не-совсем-европейский, но зато глубоко антироссийский и на тот момент принципиально анти-СССР-овский англосаксонский геополитический актор вдруг снова стал, теперь уже вкупе с родственными Англии США, союзником России-СССР по разыгравшейся вовсю новой фазе Великой XX в. Войны. Да, во всём прежде всего виноват, конечно, Адольф Гитлер со своей навязчивой идеей новогерманского тысячелетнего Рейха, мало что завоевал и подчинил себе всю континентальную Европу вкупе с Францией, что, может, так и надо было согласно англосаксонским проискам, но вдруг замахнувшегося... о-о, ужас!... на вскормивших его — Гитлера — вместе с его Новой Германией, мало того, тщательно готовивших его с его же Германией как раз к войне... с европейским Востоком, то бишь с Россией-СССР в первую очередь... э-э... так вот он замахнулся мало что на давно уже раздражавшую англосаксов континентальную Европу, а еще и позволил себе напасть на глобально интрижную, имперо-колониалистскую Англию. Ничего себе Гитлер, ничего себе Новая Германия, ничего себе III Рейх!

48. А у Сталина с Гитлером «Пакт о ненападении», ну и взаимный раздел Европы на сферы влияния, да что влияние — и обладания тоже! Да, Гитлер заставил англосаксов поначалу отвернуться от Германии и стать ее противниками, а затем, когда война Гитлера с СССР пошла слишком для Гитлера удачно, встать и на сторону СССР, немедленно превратившись из геостратегических противников, нет, не в друзья, конечно, но все-таки в союзников СССР по шибко разворачивавшейся не в ту сторону войне. Ах, эти бытийно-исторические повороты, развороты и кульбиты! Ведь англосаксы, во всяком случае США, готовили не одного Гитлера с его Германией к новой, как им казалось, внутриевропейской континентальной войне, но и... Сталина с его СССР, помогая Сталину, разумеется, как это у за океанцев принято, не безвозмездно,

скоротечно индустриализовывать страну, поднимая ее «оборонку» с армией. Что ж, мировые воротилы, они и есть мировые воротилы, как раз согласно геополитическому учению, ведшие свою игру со стороны «Воды» против «Суши»! Да, поднимавшийся после р-революционного раздвоя СССР, как тогда и поднимавшаяся из послевоенных руин Германия, способствовали США преодоления острый экономический кризис 1929—1933 гг., но, но, но... выходило так, что в Западной и Восточной Европе поднимались так или иначе противостоявшие друг другу, несмотря на всякие взаимные договоры и заверения в дружбе, две вполне себе объективно, субъективно и даже метафизически-трансцендентно, не говоря, что исторически и геостратегически, враждебные силы, которые рано или поздно, непременно должны были между собой столкнуться в жаркой, кровавой схватке не на жизнь, а на смерть. Оставалось лишь англосаксам подвигнуть Гитлера к этому столкновению, ибо Сталин, сознавая неизбежность войны с «Адиком», первым бы на это всё равно никак бы не пошел, более того, явно такой войны не хотел, она ему была тогда чужда и не нужна, ибо он уже перестал на тот момент быть актором мировой соц-комреволюции, подавив ее сторонников у себя в СССР и сосредоточившись на внутристрановой, правда, уже не марксистско-ленинской, и уж, тем более, не троцкистской, а его — Сталина со сталинизмом — преображенческой революции.

49. Да-а, осталось тайной, зачем преданный лично фюреру его верный заместитель по гитлеровской Национал-социалистической рабочей партии «партайгеноссе» Р. Гесс внезапно прилетел в Англию, разумеется, не для того, чтобы сдаться англосаксам и уж тем более не стать там заключённым, как это и произошло, но как бы то ни было, нетрудно предположить, что спустился с неба он, чтобы «переговорить» с англосаксами (с У. Чёрчиллем) на предмет либо английского нейтралитета в случае войны Германии с СССР, либо чуть ли не совместно с англосаксами ведения таковой войны, во всяком случае, возможной поддержки этой

войны Англией и США с их развитой промышленностью и «оборонкой», совершенным флотом и колониальными ресурсами. Недаром же тут в итоге случился большой-большой молчок, даже и тогда, когда Гесс был переведен на пожизненное заключение в послевоенную (побеждённую) Германию, где, состарившись и продолжая хранить молчание, благополучно и умер. Разумеется, всё это так или иначе домыслы, но почему же им не быть с учётом прямолинейной многовековой враждебности к славянам, европейскому Востоку, неевропейской Евразии и России-СССР германцев с их уже в Новое Время Рейхами и изворотливой и столь же многовековой враждебности в том же направлении гадливой англичанки (А.В. Суворов). Однако на тогдашний раз Англии вместе с США было не по пути с Германией, они предпочли войну с самой вдруг столь усилившейся и им нешуточно угрожавшей Германией, подмявшей под себя всю континентальную Западную Европу, то есть на тот момент оказалось, что англосаксонской «Воде» не по пути с германо-прогерманской «Сушей», да вот вдруг стало пойти по пути как раз с восточно-европейской «Сушей», представленной в основном тогда ненавистным «Воде», но вдруг ей оказавшимся нужным, сталинским СССР. Ах, эта незыблемая Великая Неизвестность, ах, это неукротимое Иное, а, пожалуй что, и Провидение Господне! Хотели поначалу англосаксонские воротилы, в общем-то, одного, а именно смертоубийственного столкновения двух... э-э... «социализмов», то бишь одной европейской «Суши» с другой европейской (пусть и евразийской) «Сушей», что, кстати, в итоге им и удалось добиться, а затем уж и самим встрянуть в дело по их, этих двух «Суш», взаимном истощении, для чего, собственно, этих «Суш», того не афишируя, не без усердия и готовили. Да дело тут пошло не совсем так, ежели совсем не так, отчего вдруг и родилась «Новая Атланта» между, с одной стороны, Англией и США, а с другой — СССР.

50. Осознавал ли Сталин всю суть сей англосаксонской игры — что довоенной (межвойновской), что уже непосред-

ственно времени войны? Не мог, конечно, не осознавать, но долгое время не имел возможности вести собственной эффективной для себя и СССР геополитической игры на выигрыш, хоть в самой замысловатой игре сильных мира сего и участвовал, точнее... Sic!.. не мог не участвовать, как скрытно противостоя всем игрокам сразу, так и ища с ними по отдельности тех или иных приемлемых для себя компромиссных разрешений. И вот тут особенно важно это самое «не мог не участвовать», да вот если бы только по причине той или иной враждебной игры против себя и его СССР, что со стороны «Воды», что со стороны западноевропейской «Суши», а то ведь... э-э... в силу своей собственной принадлежности к составу сильных мира сего, разыгрывавших не просто игру друг против или же за друга, преследуя при этом свои собственные для каждого интересы, а и воистину «Большую игру»... аккуратно за весь земно-человеческий мир, как в аспекте какого-то глобального образа его — мира — дальнейшего бытования, так и в аспекте им — этим миром — властного из субъектно-субъективного центра владения. Однако это еще не всё относительно мотивов участия Сталина с его СССР в этой «Большой игре», ибо игра сия велась давно, и следствием ее было не только формирование на «Воде» и на «Суше» взаимно противостоявших и борющихся так или иначе друг с другом нововременских, уже и «капиталистических» (буржуазно-капиталистических империй, включая колониальные империи, с чем долгое время запаздывали по разным причинам на «Воде» США, а на «Суше» те же Германия с Италией), нет, не только, следствием здесь стало не только мировой имперо-капитализм с его межимперскими войнами, тех же наполеоновских, но, знаете ли... Sic!.. само формально антиимперокапиталистическое мирреволюционное движение, восходившее к идеалам Великой Французской революции со всеми ее идеократическими и функциональными (включая и печально знаменитую *гильотину*, превратившуюся в идеальный рев- и контррев-феномен-символ — «ГИЛЬОТИНУ»!), а в XIX в. ставшее уже весьма пёстрым аки

калейдоскоп движением с составлявшими его разными по идеофункциональному цвету «стёклышками», в разноцветье которых попали и хорошо известные нам — россиянам — петровизм, бироновщина, паулизм, декабризм, анархизм, марксизм, герценизм, чернышевизм, даже славянофильство с толстовством, не говоря о русском терроризме нечаевско-савинковского образца или тех же р-революционных «эксах» с участием самого Иосифа Джугашвили. Что ж, тогда у нас выходит кое-что любопытное: всё вроде бы такое разное, прямо или криво противоположное, более того, между собой ожесточённо боровшееся... э-э... так ведь из одного экзистенциально-хозяйственного котла — КОТЛА! Да, именно так, так вот оно и было, так продолжалось, так оно есть и сейчас! А-а, понятно, всё, видно, оттуда — из масонско-просвещенческой капитало-экономической, имперо-колониальной, научно-технической, антихристианско-просветительской, миро-р-революционной, *социал*-... э-э... *всякой*, вечно молодящейся старушки Европы, из той же неугомонной Англии, а в XX в. уже и из империально окрепших США, по сути-то ведь тоже как раз явно помолодевшей, Европы, да-да, всё этакое оттуда, из Европы, причем не только из Англии, но и из Франции, из Германии, из Италии, из какого-то там еще центрика, из той же, к примеру, Швейцарии, а теперь вот всего заметнее, кроме США и Англии, из того же Брюсселя.

51. Так вот оно, видно, из века в век было и есть — действующее *нововременское евромировое правительство*, провоцирующее реальные тенденции, процессы, движения, события, как те же войны, революции, восстания, перевороты, реформы, беспорядки, локальный и всеобщий хаос, хаосмосы, новые порядки, а в результате качественные превращения итогового неуклонным европересотворением земно-человеческого мира, как раз то самое Правительство, оно же и Правление, которому и чему всю обязан нововременская Россия своим азартным, пусть и с прерыванием на устойчиво хладнокровные времена, евромутированием, причем

всё равно каким, а уж проектогенных для сего еврообразцов всегда хватало, ну а в гуще всего мутационного с революционно-милитарными скачками Большого русского (и антирусского тоже) преобразительного процесса досталось места и для вышедший из евромирредвижения, а может, и... Sic!.. какого-то метавромирредвижения Великой Русской революции 1917 и последующих годов, включая и вроде бы уже не зависевший от внешнего правления... Sic!.. сталинизм? Что сказать, отвечая на сей сакраментальный вопрос, разве невразумительно пробурчать себе под нос лишь одно: думай, читатель-нечитатель, сам, чем, возможно, сам себя и удовольствуешь, зацепившись хотя бы за такие известные факты, что К. Маркс жил, творил и умер в Лондоне; там же пребывал и протестный А. Герцен со своим набатным «Колоколом»; там же усилиями масона-друга В.Г. Чертова был на чьи-то денежки переведён на английский язык и впервые широко издан не менее протестный, чем Герцен, Л.Н. Толстой, став евромироизвестным классиком — противником русского самодержавия, там же бывал и В.И. Ленин, хоть и предпочитал «Воде» западноевропейскую «Сушу», с территории которой как раз и перебрался с подозрительными товарищами в plombированном германском вагоне в восточноевропейскую «Сушу» на захват заставшей его врасплох «Русской революции»; да и «великий пролетарский» писатель-«босьяк» М. Горький как-то не избежал ни комфортной, сытой, прямо-таки барской, еврожизни, ни обильной откуда-то взявшейся европоддержки в издательско-гонорарных делах; в общем, главные фигуры русского р-ревпроцесса как-то все оттуда, из Европы, из всё того же интрижного Лондона.

* * *

Что же касается меня, то я свой ответ на всё это знаю, ничего крайнего при этом не говоря, ничего не доказывая и никого ни в чём не убеждая, ибо тут лучшие каждому, что называется, иметь свое мнение, а ведь какой же тут классный повод для собственных размышлений!

* * *

Ах, эти тайные Общества и полутайные Клубы, ах, эти дипломаты, эта скрытая дипломатия, ах, эти неофициальные вояжёры, ах, эти официальные визитёры, ах, эти спецслужбы со своими легалами и нелегалами, в общем, ах, ах и ах, а очаг-то мироправленческий всё там же, на Евро-Платформе, среди Атлантико-Воды и Евро-Суши, и, знаете ли, горит себе и горит сей очаг, вовсе даже и не тлея, не то, что угасая!

* * *

Есть версия о наличии воспроизводящегося в историческом времени «Комитете 300-х», действующем под эгидой британского королевского дома и состоящем из разного рода мировлиятельных особ, среди которых якобы были и посещавший СССР Г. Уэллс женой которого была, кстати, одна из бывших жён М. Горького, знаменитая баронесса Будберг, чуть ли не агентиша сразу кучи разведок, включая английскую и советскую, и поработавший в СССР, изучая первые попытки хозяйственного планирования 1920-х гг. сам нобелевец Дж. М. Кейнс. Так это или не так, кто ж знает, однако, почему и не так: тут ведь ни доказать, ни опровергнуть, как и во многих других потаённых феноменах, делах, событиях, когда остаётся лишь думать, воображая, а воображая, думать!

* * *

52. Итак, Сталин медлил с приведением в боевую готовность Красной Армии, стоявшей супротив сосредотачивавшейся и явно готовившейся к броску на Восток германской армии. И вот снова задаёмся вопросом: «Почему?». И опять на фактах ни доказать, ни опровергнуть, однако есть еще металоги́я как самого Бытия-Истории, так и металоги́ка действующей в земно-человеческом мире, метауправляющей сим миром *силы* — СИЛЫ!, о чём мы как раз поведали выше. Вдумаемся! Не ведать о реальном положении, протекавшей в приграничье реальности, как и простофильно доверять А. Гитлеру, как, собственно, и тем же англосаксам, да, собственно, в тот острый момент и самому себе, причем не то что своему рассудку, но даже и своей интуиции, Сталин, конечно, не мог, а исходил из чего-то другого, как-никак, но стоявшего все-таки

над ним, как раз чему, может, он сам с Русской-де р-революцией 1917 г. и со всем своим сталинизмом был таки... Sic!.. обязан, с чем не мог не считаться, и чьим замыслом так или иначе, пусть и вынужденно... Sic!.. следовать... э-э... поощряя в тот момент врага к нападению, надеясь, по всей вероятности, на эффективный отпор врагу со стороны тогда вроде бы способной к сему отпору, мало того, и к разгрому вторгнувшегося врага и перенесению войны за пределы СССР, в профашистскую Европу. Короче, тут, видно, срабатывала дьявольская формула: «Не мог, не...!». Не мог тогда не вести себя иначе, чем реально себя тогда и вёл! Жуткая вещь, она же и весть — ВЕСТЬ!

* * *

Разумеется, всё это, с моей стороны, лишь гипотетическое предположение, к чему так и следует здравомыслящему читателю-нечитателю относиться, однако гипотеза то гипотезой, а ведь с нею как-то всё это загадочное с планом и ходом ВОВ поведение Сталина значительно, если не в решающей степени, как-то вдруг и объясняется, как и многое из послесталинского и даже нынешнего поведения высшего правления страны, не так ли? Запомним это сакраментальное «Не мог, не...!», это нам еще пригодится.

* * *

53. Для англосаксов, тогда заправлявших, и ныне, пожалуй, всё еще заправляющих в мировом правлении, преследовавших тогда многоканальную, многоходовую, пучковую или системную цель избавиться, во-первых, от шибко конкурентно-воинственного III Рейха и стоявшего за ним континентального еврофашизма, разумеется, после выполнения им задачи освобождения Европы от коммунизма, ревсоцкомдвижения, а заодно и от еврейства, подчинив затем себе — англосаксам — евро-западную «Сушу», во-вторых, избавиться заодно и от восточноевропейского, приравненного ими к фашизму, коммунизма вкупе с формально и частично на деле представлявшим его сталинизмом, превратив освобождённое от СССР евразийское пространство в свою колонию, ну,

а самим англосаксам в этой схватке «тоталитарных» евро-Волка с русо-Медведем не участвовать. Однако сие хорошо задуманное дело, как это вообще принято в Бытии-Истории, пошло не по первичному плану и выходило согласно имевшемуся в 1941—1942 гг. ходу войны, что евро-Волк может-таки одолеть русо-Медведя и сам стать вместе со своими сателлитами имперо-колониалистским хозяином Восточно-Северной Евразии, а также укрепить свое положение в качестве хозяина Западной Европы, а затем... у-ух... вновь заняться и самими англосаксами, а это всё вовсе не входило в англосаксонские расчеты. Продав некоторое время в ожидании, наблюдая ход евро-советской войны, убедившись, что СССР, несмотря на поражения и благодаря стойкому сопротивлению и даже некоторым победам, опять же несмотря на откат в 1942 г. к Волге и Северному Кавказу, как и несмотря на наличие и действие на стороне вторгшейся евроармии и евроокупантов значительной массы коллаборационистов-антисовкомсталинцев, этот самый СССР, оказавшийся достаточно устойчивым, дее- и бое-способным, не только выдерживал все жуткие войновские испытания, но и в перспективе явно был способен развернуть войну в свою пользу и, ежели не одержать самостоятельно над евроагрессами безоговорочную победу, то, не дав евроагрессору себя победить, вытеснить его со своей территории, а со временем, может, и вступить с ним в решающую схватку уже непосредственно на евротерритории с весьма неудовлетворительными не так для еврофашизма, как для англосаксов последствиями. Взвесив все «за» и «против», англосаксы, то бишь Великобритания, во главе с У. Чёрчиллем и США во главе с Ф.Д. Рузвельтом сочли за благо так прервать свой напускной нейтралитет перед лицом разыгравшейся евро-советской войны и выступить на стороне... э-э...! как раз СССР, сначала оказывая ему всяческую оружейную, ресурсную, продовольственную помощь, а затем, когда евроагрессор уже явно ослабел под ударами Красной Армии, и самим вступить в вооружённую борьбу со вскормленным ими же еврофашизмом. Что ж,

Европа есть Европа, англосаксы есть англосаксы, изумительному коварству которых к концу войны поражался и сам изрядно коварный Гитлер, однако... однако дело шло именно так: поначалу с поощрения еврофашизма и науськивания того же мясника Гитлера на Восток, на СССР, а потом вдруг мало что их, внешне почти что и внезапная помощь именно СССР, так еще и открытие ими Второго фронта, аккурат англосаксонского.

* * *

Вот, как она делается — Большая бытийно-историческая, она же и имперо-колониальная, геостратегия, вот!

* * *

54. Красная Армия, весь СССР, весь оставшийся верным Родине многонациональный советский народ, в первую очередь русский, которому более всего жертвенно досталась во фронтовых боях и в оккупации, как и в борьбе с внутренним противником, которая была не менее ожесточённой, чем с врагом внешним, а, пожалуй, что и более, особенно с тем внутренним противником, который осознанно выступил на стороне внешнего агрессора, сражаясь жёстко, упорно, до конца, так вот Красная Армия со своим народом под безусловным водительством ВКП(б), советского правительства, госаппарата, ну и, чего скрывать, под неусыпным надзором и самоотверженным участием спецорганов, как и, разумеется, под руководством Вождя, не без существенной милитарно-хозяйственной поддержки англосаксонских союзников, одержала-таки сначала победу — ПОБЕДУ! — в тяжелейшей Сталинградской битве, явно обозначив перелом в войне в пользу СССР, а затем и победу на Орловско-Курской дуге, добившись уже и действительно бесспорного перелома, после которого шло лишь, — конечно же, тяжкое и кровопролитное, — наступление Красной Армии с освобождением ею от врага оккупированной им советской территории, переходом границы из СССР в Европу, освобождением Центрально-Восточных, либо тоже оккупированных

еврофашизмом, либо выступивших вкупе с ним против СССР, даже и повоевавших на его территории против Красной Армии и советских партизан, ну и взятием Берлина, самоубийством Адольфа Гитлера, безоговорочной капитуляцией Германии, освобождением от фашизма самой Германии совместно с уже вступившими на территорию Германии с северо-востока Европы после освобождения от фашизма Италии союзными войсками, с которыми уже давно золотопогонной Красной Армии довелось не без подобавшего в таком случае восторга встретиться на Эльбе. Всё это хорошо известно, как хорошо известны и встречи трех мировых на тот момент лидеров со стороны и от имени, как было принято говорить, «Антигитлеровской коалиции», а лучше было бы сказать «Антиеврофашистской коалиции»: И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У. Чёрчилля в Тегеране (1943 г.), в Ялте (1944 г.) и в Потсдаме (1945 г.). Да, это была Победа — ПОБЕДА!, да, не просто над явно фашистскими Германией и Италией, но и обременёнными профашистскими режимами тех же Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии, кого там еще, но это была еще и негласная Победа, закреплённая еще и победой над имперо-милитаристской Японией, уже и не антигитлеровской, и не антиеврофашистской, и не антимилитарояпонской, Коалиции Великих держав... э-э... надо всем Миром, да-да, не удивляйся, читатель-нечитатель, именно так — надо всем Миром — М-И-И-Р-О-М!, ибо вдруг образовался некий властный надмирный триумvirат, пусть и внутри себя противоречивый, даже немало по традиции внутри себя и враждовавший, однако стоявший тогда над миром в роли, пусть и не хозяина мира, но все-таки его на тот момент судьбоносного управителя-устроителя.

55. Итак, внутри себя вовсе не единый, по-своему и вынужденный, однако, по итогам войны все-таки возникший, властный триумvirат, несмотря на исконные противоречия и вполне себе насущную враждебность англосаксонской атлантико-островной «Воды» к русо-российской евразийской «Суше». Ядерная бомбар-

дировка Хиросимы и Нагасаки в самом конце войны имела не военно-стратегический смысл, это был даже и не угрожавший самой Японии жестокий призыв к прекращению сопротивления, это был сигнал-предупреждение третьему, вовсе тогда не им, не англосаксам в тот победный момент искреннему другу, не верному вроде бы их вассалу, а вполне себе сильному и самостоятельному, их союзному попутчику в ходе войны, члену вдруг возникшего надмирного властно-победному триумvirата, а именно сигнал-предупреждение победоносному СССР со Сталиным во главе либо же самому товарищу Сталину с его победоносным СССР. Была тут и кое-какая вполне тогда актуальная к концу взаимной для союзников победной оккупации побеждённой Германией, внешне означенная вполне себе дружественной советско-американской встречей на Эльбе, причина, из-за которой, как хорошо ныне известно, в безумной-де голове Чёрчилля возник вдруг безумный-де план боевой схватки англосаксонских союзников с третьим союзником — с СССР, точнее, с его Красной Армией, под немыслимым названием самого этого плана — «Немыслимое»! Да-да, чего это вдруг, тем более, что тягаться тогда с отмобилизованной победоносной Красной Армией было и впрямь немыслимо? Разумеется, не из-за англосаксонских имперо-колониальных замашек, тут они были явно не к месту, даже не из-за надёжной-де опоры на свою большую тогда военно-хозяйственную мощь. Да, была так хорошо прорекламированная дружественная встреча на Эльбе, однако на той же самой Эльбе состоялась и нерекламируемая стычка между англосаксонскими и советскими боевыми частями, в результате которой англосаксы были отброшены за Эльбу. Это раз! Во-вторых, а я это говорю по свидетельствам фронтовиков, бывших тогда в Германии, наши политработники вели среди красноармейцев разговоры о возможности движения армии дальше на Запад, за Эльбу, «на помощь-де» французским, тогда еще хорошо вооружённым, коммунистическим повстанцам «Маки», весьма и многочисленным. Короче, у Сталина не могло не возник-

нуть намерения и в самом деле двинуться по Европе до самой Атлантики. Соблазн тут был, что говорить! Вот откуда и Хиросима с Нагасаки, план «Немыслимое», да и появление в США вместо вдруг ушедшего из жизни более или менее лояльного к СССР Ф.Д. Рузвельта, вполне уже антирусосоветского ястреба Гарри Трумена. Правда, отказаться от движения на Запад Сталина заставило не только, даже и не столько (впрочем, кто его знает!) ядерное происшествие в Японии, хоть это было и весомо, как реальная морально-психологическая усталость нашей армии — ПОБЕДА, и всё, хватит!, в чём победоносного вождя смогли убедить, как свидетельствовал позже и сам маршал Г.К. Жуков, действовавшие тогда на «передке» военачальники (хватило и уже непосильного разворота на Прагу!). Так или не так это всё было, официоз умалчивает, но ведь логично же и даже металогично, не правда ли? Но это не всё: Сталину с Красной Армией не довелось двинуться в глубь Европы, факт, но фактом является и другое — образование под эгидой СССР большого, почти что в полмира, так тогда называвшегося «Социалистического блока (или лагеря)», охватившего большую часть ЕвроАзии, включая в Азии и Китай (КНР), и Монголию (МНР), и Северную Корею (КНДР), а в дальнейшем и Вьетнам (ВНР), ну, а в Европе центрально-восточные Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, советскую часть Германии (ГДР), исключая сочувствующую соцблоку Югославию, а из блока-лагеря затем как раз и родилась «Международная социалистическая система». Да, Сталин не забыл о МРД (Мировом ревсоцкомдвижении), о своей к нему принадлежности, ну и как главный победитель в Мировой войне не преминул сколотить поимперски не столько, правда, под Мировое ревсоцкомдвижение, сколько под себя и СССР, вполне себе мировое международное образование.

56. Итак, была *Победа* — ПОБЕДА! В Москве, на Красной площади, состоялся грандиозный, составленный пофронтно, *парад победителей* с великолепно задуманным сюжетом со швы-

рянием к подножию Мавзолея В.И. Ленина с правительственной на нём трибуной во главе с генералиссимусом И.В. Сталиным не чего-нибудь, а знамён поверженного Рейха, причем вождь, проведя сей великолепный парад, более никакого по случаю сего знаменательного события военного парада не проводил, да и сам День Победы 9 мая широко не отмечал, не объявляя его и государственным праздником, хотя проводил военные парады совместно с физкультурным парадом и демонстрациями трудящихся в праздничные дни: 1 мая — в День Труда и 7 Ноября — в День Октябрьской революции. Таков он был — этот закрытый и непредсказуемый, непреклонный и гибкий, коварный и беспощадный, неброский и магнетический, но при этом воистину победоносный, причем сразу во множестве азимутов: от внутривнутриполитического, милитарного и внешнеполитического до социального, индустриально-хозяйственного, научно-технического, культурного, образовательного, здравоохранительного, даже и физкультурно-спортивного, в общем, во всех, аккурат в целостном экзистенциально-хозяйственном комплексе, отчего это был и небывалый триумф небывалой в Бытии-Истории *цивилизации* — ЦИВИЛИЗАЦИИ!, не одной только Руси-России, но, пожалуй что, и всего земно-человеческого мира. *Вождь* — ВОЖДЬ! Да, Руси-России, ее народу достались под жёсткой дланью Вождя не одни плоды разных грандиозных Побед, но и грандиозные для их достижения физические, духовные, моральные, психологические, да и попросту витальные, затраты, что факт, то Факт — ФАКТ!, однако, что поразительно, хоть и с массовыми людскими потерями, включая и потери в Великую Войну с оккупацией большей части советской территории, аккурат индустриально и культурно развитой, но, что поразительно, без принципиальной суммарной в стране убыли населения, а по итогам индустриализации, массового образования и научно-технического рывка страна, быстро восстановившая послевоенно-оккупационную разруху, еще и помогая это делать «братским странам» Центрально-Восточной Европы,

обладала исключи-тельно по энергичности, созидательности, сплочённости, гражданской ответственности и устремлённости в «светлое будущее», вполне себе морально здоровым, как раз и воистину победительным, населением (не будем тут упираться на идею «коммунизма», мало кого тогда всерьёз задевавшую, а сакцентируем просто на «светлом будущем», в уверенности в котором недостатка тогда не было), причем вовсе не в силу разнузданно-беспардонной пропаганды, а по причине, пусть в массе и небогатого, но зато и не совсем уж бедного, пусть скромного и неброского, но явно улучшавшегося, а главное, обыденно развивавшего технико-культурово совершенствовавшегося, в основе вполне себе товарищеского, не чуждого социальной справедливости и взаимопомощи народного бытия-общезития. Думаю, что это не просто редчайший, а, пожалуй, что и единственный в Бытии-Истории пример, разумеется, по-человечески не безупречный, не беспроблемный и не безызыанный, в общем-то межлюдского, межстранового, межгруппового, межэтнического, даже и межгосударственного в рамках «социалистического блока-лагеря», не только формально равноправного, а, пожалуй что, и братского, социального единения в рамках единой, пусть и дисциплинарно-ответственной, даже и в основе этактической, *цивилизации* — ЦИВИЛИЗАЦИИ!, новой, никогда и нигде ранее не бывалой, и не так важно, как она конкретно называлась, идиократически обосновывалась и преподносилась, не в том дело, а в самом, что ни на есть реальном бытийно-историческом факте: было, Было, БЫЛО!

57. Да, Сталин одержал целый комплекс Побед, включая Победу в Великой Войне, быстро восстановил страну после сокрушительной войны, и, казалось, приближаясь к своему 70-летию, вполне себе почивал на лаврах, что, кстати, внешне, было замечательно продемонстрировано со стороны его госпартсистемы и его народа (в чём вашему покорному слуге, тогда восьмилетнему мальчишке, довелось убедиться, посещая юбилейные выставки

подарков И.В. Сталину — артизобразительную в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина на Волхонке и научно-техническую в Политехническом музее на Новой площади, среди экспонатов которой имелся и физический прибор, изготовленный старшекласниками школы № 588, что в Хамовниках, где я тогда учился в 3-м классе). Однако, однако, однако! Внешне спокойный и даже величественный Вождь, которого (или его двойника) мне приходилось не один раз видеть либо на трибуне Мавзолея во время демонстрации, сидя на отцовских плечах, либо на стадионе «Динамо» во время физкультурных праздников 2 мая, был в эти последние годы своей жизни до рокового для него марта 1953 г. не просто неспокоен, а явно, что называется, «не в себе», не только сходу уничтожив по наущению ближайших «сподвижников», да и по собственному опасению было готовившихся к полноценному руководству страной эффективных менеджеров-выходцев из нелюбимого Сталиным Ленинграда Н. Вознесенского со товарищи, затеяв по этому поводу и карательное «Ленинградское дело», а затем уже и московское «Дело врачей», что было, собственно, для вождя привычным делом, хотя и не столь уж для него на тот момент характеристичным, но и вдруг вождь заявил на последнем своем XIX съезде ВКП(б), выйдя на трибуну и прервав мановением руки продолжительные в его честь аплодисменты поднявшихся с мест делегатов, нечто совершенно ему не свойственное, но зато тогда куда более исторически значимое и тем самым куда более на тот момент характеристичное: *«Чему аплодируете?»*.

58. Да-а, то был сигнал, да что сигнал — сигналище! Однако о чём? О разочаровании, сожалении, вине, покаянии? Тогда в чём, о чём, какой, за что? В разочаровании в людях, но что Ему было разочаровываться в людях, которых Он прекрасно знал со всей их подноготной, о сожалении в своих кровавых деяниях, что, может, и имело место в глубине души. да вряд ли подлежало проявлению таким вот образом, на виду, публично, как и чувства вины и даже

желание покаяния, а всего вероятнее, пожалуй, тут непроизвольно выскочило давно уже мучившее его сомнение, подкреплённое и вынужденным пониманием, пусть еще и смутным... э-э... *великой напраслины* — ВЕЛИКОЙ НАПРАСЛИНЫ!, которой он отдал не так даже свою жизнь, как и жизнь ни в чём этом неповинных миллионов людей, а именно жуткому, страдательному, кровососному исполнению *Великого Проекта* — ВЕЛИКОГО ПРОЕКТА!, чего Ленин счастливо избежал с самого начала претворения сего Проекта в реальную жизнь, а чего, пусть уже и значительно им — Сталиным — изменённого Проекта, сам Сталин уже не мог избежать, как Он — Сталин, так и он — Иосиф Джугашвили. А вот почему все-таки во всё более болезненном сознании вождя явилась эта навязчивая, почти что бредовая, картинка именно Великой Напраслины — НАПРАСЛИНЫ? Да всё потому, что в моменты ужасных, может быть, и патогенных откровений, вождь не мог не осознавать, что после него и его репрессий всё им и миллионами жертвенно содеянное рано или поздно, так или иначе пойдёт... э-э... *прахом* — ПРАХОМ! Страшные *откровения* — ОТКРОВЕНИЯ!, вряд ли миновавшие уже угасавшее под влиянием инсультов и безжалостно подступающего старческого слабоумия, но всё еще таки мерцавших среди обволакивавшей сознание-подсознание-сверхсознание неотступной темени уже безмерно израсходованного и уставшего Вождя!

* * *

Да-а, есть он, есть, неутомимый закон Бумеранга, опирающегося на Великую Неизвестность и отталкивающегося от Иного, ну и непременно, как правило, неожиданно, а то и вовсе внезапно, вдруг проявляющегося с прилетом проклятого Бумеранга, аккурат точно и поражающего свою цель, да не только субъектно-людскую, что само собой, но и, знаете ли, любую групповую, коллективную, даже и массовую, мало того, конструкционную, системную, государственную, цивилизационную, мировую, в общем, любую — ЛЮБУЮ!

59. Что-о, великое тут преувеличение с моей стороны относительно последних лет жизни кремлёвского вождя? Возможно, как и возможно, надо заметить, и недоувеличение, а потому сойдёмся на том, что это-де не более, чем моя версия, не более того! Как бы тут ни было, вождь явно не мог не понимать, как, собственно, сие, на мой взгляд, он все-таки понимал, что житие народа в условиях жёсткой диктатуры сверху, закрытых границ, тотальной слежки, репрессий, мобилизационной напряжённости, жёсткой дисциплины, суровой ответственности, сельского крепостничества и зековского рабства, наконец, то бишь бытие в условиях сложившегося под его — вождя — водительством социально-хозяйственного режима, не то что бесконечно, но и вообще далее никак не возможно, что требуется *иной* — ИНОЙ! — режим существования, работы, творчества, не игнорирующий и наслаждения от жизни на зёмном свете, и, надо особо подчёркивать, вождь размышлял над переменами, озаглавив свою последнюю книгу не иначе, как *«Проблемы социализма»*... «ПРОБЛЕМЫ..!», а не, скажем, более нейтрально «Вопросы...», да и Институт экономики АН СССР, подготовивший во главе с академиком К.В. Островитяновым первый в СССР учебник *«Политическая экономия»*, заставил написать и встроить в учебник главу о товарном производстве при социализме, в общем, вождь явно размышлял над переменами, причем, чего он сам, видимо, и страшился, прямо скажем, над коренными, в общем-то, переменами, не прямо, конечно, НЭП'овскими, но, но, но... для его — Сталина — «социализма», конечно, небезопасными. Сам вождь на такие вполне легального порядка перемены не решился, да и сил у него уже на то явно не было, отчего просто кое на что этакое намекал, оставляя разрешение просто так вовсе не неразрешимой задачи своим преемникам, среди кого, кроме, пожалуй, Л. Берии, он и не видел, да и того вряд ли считал для сей миссии вполне подходящим. В общем, повторим еще раз: ничего другого, кроме

разочарования, а может, пусть и тщательно скрываемой, но... самой, что ни на есть... э-э... растерянности, тут не было, разумеется, мною лишь предполагаемых, так сказать, версионных. Чего тогда ежечасно более всего поджидал Сталин? Да ничего особенного, всего лишь против себя заговора, своего затем смещения, а может, и заблаговременной отправки на тот свет. Оправданно сие было или нет, кто знает, однако выдающихся ленинградских менеджеров он таки отправил, на всякий случай, на тот свет аккуратно из-за такого вот рода подозрений, да и, сидя затворником на «Ближней даче», никого просто так к себе не подпускал, да и умер в полном одиночестве, распластавшись на полу, причем, кроме верной ему служанки тогда к нему в спальню никто войти не мог, даже и начальник его охраны, ну и как раз первой вошла по просьбе всё того же начальника охраны эта самая служанка, застав на полу (не на кровати) бездыханное тело вождя. В общем, ушел вождь в одиночестве (сам ли или ему все-таки помогли, не нам судить), не оставив, как и когда-то Пётр Великий, себе преемника, зато оставив страну, хоть и великодержавную, и набиравшую крутой хозяйственный ход, пожалуй, что и процветание, да уж о-очень со всех социо-политических сторон проблемную, аккуратно как это случилось и с Петром Великим.

60. В одном месте нашего изложения мы обмолвились, зная обо всём творившемся в стране после и по итогам многоходовой «Русской революции» 1917 г., о том знаменательном в мистическом плане печальном событии — о разрушении Храма Христа Спасителя, что величественно стоял меж Волхонкой и рекой Москвой, заметив, что это был лично дурной для Сталина знак, а теперь, как раз в этом месте повествования, мы вновь обращаемся к этому символическому факту, отмечая не только и даже не столько, в общем-то, какой-то несуразный конец вождя, даже не его еще прижизненные сомнения, переживания и откровения, о которых шла речь выше, а то мистико-метафическое, что просто так и не назовешь, разве лишь откуда-то чьим-то *сакральным*

повелением — ПОВЕЛЕНИЕМ! — не только призвать *конец* — КОНЕЦ! — *вождя* — ВОЖДЯ!, но и не просто положить *конец* — КОНЕЦ! — его собственному *творению* — ТВОРЕНИЮ!, которое он и сам, видно, признавал подлежащим коренным переменам, а всему, знаете ли, мирревсоцкомпроекту, так вдохновлявшем что исключительных просвещенческих умников, что массу следовавших за ними энтузиастов, что, в конце концов, и миллионы людей, разумеется, с противостоявшими всем им другими умниками, энтузиастами и миллионами людей, соответственно, сражавшимися между собой не на жизнь, а на смерть. Но это не всё: Сталин, повелев заложить заряд и взорвать Храм Христа Спасителя, не им и не его именитыми и безымянными сомышленниками и содеятелями воздвигнутым («Отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног!», ну и «Мы наш, мы новый мир построим!»), но что поразительно, Сталин, построив Новый мир, не только не смог построить на месте храма помпезный Дворец Советов с огромной статуей В.И. Ленина на вершине, но и вдохнуть в свой Новый мир энергию новой бессрочной жизни, пусть и со смутно предполагаемыми вождём в нём переменами, но и... Sic!.. заложил под этот самый мир, того вовсе не желая, противомировый заряд, правда, не взорвавшийся во мгновение ока, как, собственно, не взорвался сразу и Храм, а долго, несмотря на систематические взрывы, стоявший, не разрушаясь, сопротивляясь святотатству, так вот и сталинский мир, время от времени подрывавшийся, разрушился не сразу, а через четыре десятка лет, будучи все-таки, как и Храм, взорван в 1991 г. последним роковым беловежским взрывом.

О-о, эта Сакральная Ирония Бытия-Истории, никак не подвластная человеку: проектируешь, конструируешь, строишь, создаешь и... сам же закладываешь, неведомо для себя, подо что-то тобою же созданное, неведомый тобою смертоносный «динамит», который вдруг рано или поздно, бац!, и срабатывает, либо сдетонируя сам, либо по причине услужливо поднесённого к нему

запала, а уж запальщик в виде нового Герострата или нового Дурака, как и вполне себе умного и амбициозного творца чего-то Иного — всегда рано или поздно найдется. Ах, эта хладная великая Незнестность, ах, это горячительное Иное!

61. Меченый физически (телесно), прямо скажем, не Господом Богом, хоть, возможно, Им и попущенный в земно-человеческий мир в качестве о-очень незаурядного, прямо-таки экстраординарного, Вождя-разрушителя-карателя-созидателя, причем аккурат в русо-российский мир, пусть затем и в эС, эС, эС, эР-овский, Сталин, уйдя из жизни, сам, будучи при жизни неограниченным людоежтвотприносителем, как и беспощадным людским судией, приговорщиком и палачом, не удовольствовался лишь своим личным уходом, а размещенный для поминания прощания с ним вверенного (подвластного) ему народа в Колонном зале Дома Союзов (бывшем Дворянском собрании!), унес с собой на тот свет еще сотни людей, стремившихся проститься с великим вождём, его любивших, как им тогда казалось, ни в чём и не повинных людей, погибших при, видно, не очень-то толковой со стороны МВД организации движения людского поминального потока во вдруг случившейся на Трубной площади многотысячной людской давке. Да-а, ах, эти сакральные знаки-символы: тут уж вовсе не «кровь за кровь», как на войне, в драке, наконец, а уже ставшая привычным «кровь на кровь», всё то же самое, пусть уже вроде бы и послесталинское неизбежное кровопускание! Но этим всё не ограничилось: немедленно случилось еще одно физически то масштабом и микроскопическое, но зато историко-метафизически вполне себе грандиозное кровопускание: арест и расстрел вроде бы как главного при Сталине палача-кровопускателя — Лаврентия Берии, разумеется, по итогам против него заговора в послесталинских верхах, организованного Н.С. Хрущёвым при поддержке и личном участии маршала Победы Г.К. Жукова с верными ему военачальниками и подчинёнными ему войсками. А как же еще могло случиться, аккурат всё было как примерно и было после потаённого

ухода из жизни Петра I: преемники, что тогда, что теперь, разбирались не на жизнь, а на смерть между собой, каждый рассчитывая на что-то свое, на прежде всего жизнь, как и каждый что-то «своё» в итоге и получая!

62. Тело, предназначенное по-язычески к вечной жизни Сталина, было торжественно помещено в Мавзолей на Красной площади рядом с телом уже обессмертного тела Ленина, а на траурном митинге, состоявшемся по сему поводу на той же Красной площади, перед тем же Мавзолеем первым с его правительственной трибуны выступил с поминальной речью аккурат товарищ Л. Берия (знак!), который, закончив речь, стал ходить взад-вперед за спинами остальных, стоявших на трибуне, избранных, точно так, как это делал, разминая ноги и тело, сам Сталин и только Он (еще один характернейший знак со стороны Берии, однако совсем уже для него роковой — тут-то Лаврентий как раз и подписал сам себе смертный приговор, — уж этого ему «соратники» простить не могли!). Но злоключения с самим Сталиным после его ухода из жизни вовсе не закончились на кровопускании на Трубной и на ликвидации верного ему Берии (кстати, мингрела, земляка и единокровца самого товарища Сталина, то бишь тоже, как и сам Сталин, не самого по этнокорням «настоящего грузина»). Набравшийся власти, аки паук крови, бывший троцкист и присталинский палач украинского (по принадлежности на тот момент к Украинской ССР) народа, неугомонный и, в общем-то, бестолковый, хоть и необычайно хитроумный, Никита Хрущёв затеял на 1956 г. XX съезде КПСС (на предшествовавшем XIX съезде, еще при Сталине, ВКП(б) была переименована в КПСС) не что иное, как ПОЛНОЕ, чуть ли не до мозга костей «РАЗОБЛАЧЕНИЕ» Сталина, выступив с докладом, в котором мало, что осудил Его — Сталина — культ — КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА!, так еще и попытался развенчать самую незаурядную личность вождя, характеризуя последнего мало что как подозрительного, жестокого, беспощадного тирана, так еще и... Sic!.. как ограниченного, неглубокого, немас-

штабного, так сказать, вовсе и не великого, намеренно-де раздутого в великую личность, мнимого, чуть ли не бутафорского! Не знаю, как встретили «избранные» делегаты съезда сии внезапные откровение «нового вождя» (сам я там, естественно, не был, с делегатами не встречался, да и кто из них мог тогда, хоть уже и после репрессивного Сталина, что-то сказать об этом отрицательно «откровеннического» — никто!). Что ж, привязавшийся к Сталину бумеранг хоть и отлетел на время куда-то в неведомую Даль, однако вдруг вернулся, попав в разящие руки и казнящую голову Хрущёва! Я лучше выскажусь о народных, естественно, не афишировавшихся, мнениях на этот разоблачительный счет: в целом, исключая, быть может, явных жертв сталинизма, народ, даже и мы, школьники, тогда уже старшеклассники, соглашаясь с осуждением репрессивных, не всегда, конечно, и обоснованных, мер, в частности, имея в виду и тяжкое положение аграрного трудоподатного населения, зажатого крепостничеством, в целом не оказался на стороне страстного кремлёвского разоблачителя: что было, то было. пережили всё, сейчас же вроде бы освободились от «перегибов», зажили, чего ворошить прошлое, такое сложное, неоднозначное, трудное, но ведь во многом и победное?! Да и нельзя было поверить в этакую ничтожность Сталина, памятуя его слова, речи, тексты, ну и само собой деяния, как и его мировое величие среди великой тройки великих мировых лидеров 1943—1945 гг. Страна, конечно, разделилась тогда во мнениях, но в одном, пожалуй, была все-таки заедино: «Зря всё это, зря это делать — разоблачать ушедших, тем более, таким вот «дурачком», каким и был со всеми своими инициативами, нередко просто безумными, сам «дорогой Никита Сергеевич!». Однако Хрущёв на этом не успокоился. Победив, причем снова с помощью железного маршала Победы Г.К. Жукова, так называемую антипартийную группу из сталинских соратников В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова и иже с ними, пытавшихся сместить мирным образом зарвавшегося «Никиту», а затем и отправив

в бессрочный закрытый отпуск самого маршала Победы, Хрущёв в чьих руках и в чьей голове то ли еще сидел, то ли просто вновь вернулся антисталинский бумеранг, выдворил из Мавзолея тело Сталина, захоронив его неподалеку на большевистском погосте у Кремлёвской стены, правда, с поставленным затем бюстом вождя на гранитной стеле. Да, антисталинский бумеранг побывал в хрущёвских мстительных руках и в его бесшабашной голове, но, но, но... отлетев, вдруг вновь вернулся, причем уже прямо на голову самого Хрущёва, не без помощи уже против него заговора его новых «соратников», в результате которого Хрущёв был отправлен в столь же бессрочный, закрытый от глаз людских отпуск, что и отстранённый им его же «благодетель» маршал Жуков. «Хорошо, хоть не расстреляли!» — будто бы как-то изрёк Никита Сергеевич. Оба пожизненно ссыльных, что Жуков, что Хрущёв, выпустили не без помощи литераторов-записчиков небезынтересные мемуарные книги, в которых кое-что таки поведали: Жуков, конечно, в пользу Сталина, Хрущёв же уже не против Сталина, а так, о своем, о личном, не исключая и схватки с тем же Берией. Жуков по смерти попал урною со своим прахом в Кремлёвскую стену, Хрущёв же в официальный Новодевичий некрополь. Вот так!

63. Да, сталинская социо-хозяйственная система нуждалась в перестройке: армейщина (этакая «павловская»!) на «гражданке» с жёстким контролем и нескончаемой репрессивностью, тотальной мобилизованностью, крепостничеством чуть ли не для большей части населения, массовым рабским зековским трудом, может, и была в какое-то время исторически необходима, будучи даже весьма созидательно эффективной, что говорить!, однако все-таки на короткий срок, так сказать, на спринтерскую дистанцию, а вот в длинную, на стайерскую, а ту и марафонскую, дистанцию, она, конечно же, была неприемлема, мало того, вредна, что, видно, уже понимал и сам Сталин, и вот эта-то перестройка уже послесталинская, попала, к несчастью для страны не в те, что называется, руки и зависела, несчастная, не от тех высших голов, хотя страна обрела

все-таки кое-какой, разумеется, непоследовательный, *либерализм* (не путать с «либерализмом» как и идео-политическим течением), продолжая по инерции, заданной сталинизмом, развиваться, достигнув и космических в буквальном смысле высот. Еще вовсю действовали, удерживая практическую инициативу в своих опытных руках, нет, не сталинисты, а... *сталинцы* — СТАЛИНЦЫ!, умевшие работать, ставить просто так не разрешимые задачи и их, тем не менее, решать, руководить, изобретать, конструировать, строить, в общем, продуктивно трудиться, причем не на себя, и своего мнимого благополучия, а на Родину, и их могучей энергии хватило, если отталкиваться от года смерти Сталина (1953), этап на два десятилетия, может, и на все четверть века, но не более! А что было тогда в самой державной системе? Да, она либерализовалась, разумеется, при внешней незыблемости идеократического марксизма-ленинизма, руководящей роли КПСС, доминирования социо-хозяйственного планирования, руководственно-управленческой директивности, того же в масштабе страны и в любых локалиях единоначалия, в общем, всё еще не исчезнувшего... э-э... сталинизма, конечно же, весьма либерально подправленного, во всяком случае, уже далеко не столь репрессивного. Всё это, то бишь переход к либерализованному сталинизму, было, конечно, прежде всего заслугой самого Бытия-Истории или объективности, ибо сия либерализация была уже потребна самому Бытию-Истории, как и ранее сам, вовсе и не либеральный, сталинизм.

64. Итак, времена менялись, да не только сами по себе, но и подталкиваемые кое-какими недвусмысленными событиями, прямо или косвенно, мало что антисталинскими, но в немалой мере и антисоциалистическими, чему хоть и либерализованный-де, пусть и не до конца, Хрущёв совсем уж противиться, конечно, не мог. Дело в том, что по итогам Великой Войны с их разделом мира на сферы влияния под сначала сталинскую, а затем уже после-Сталинскую руку попали только что, в той или иной мере, тем

или иным образом, участвовавшие в войне против СССР на стороне фашиствовавшей Европы как бы промежуточные страны Центральной Европы (Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария, ну еще и Восточная часть Германии в виде там образованный ГДР). Власть в этих странах, в некоторых из которых оставались контингенты советских войск, была вручена Москвой в руки сторонников соцкомреволюции, того же Коминтерна, а тогда, конечно же, вполне себе искренних союзников Москвы. Нечему тут удивляться, что в этих странах, ставших номинально странами «Народной демократии», началось как это вообще в Бытии-Истории бывает, насильственное внедрение социализма, естественно, более всего в сталинской версии, как и с принятой в сталинизме, пусть и так не называвшейся репрессивно-преобразовательной гражданской войной, как власти с населением вообще, так и с противниками нагрянувших вдруг преобразований, ну и, разумеется, с профашистскими коллаборационистами. И вот наступил кульминационный 1956 г. с его кровавыми событиями в Венгрии, где возымело место буквальное вооруженное восстание против господствующей властной системы, сопровождавшееся разнузданной охотой на представителей власти, в особенности партийной и спецслужбистской, с захватом их, избиениями до смерти, расстрелами. Само это восстание было по приказу Москвы, следовательно, Хрущёва, подавлено находившимися в Венгрии советскими войсками, однако примечательно, армии пришлось даже прибегнуть к помощи тяжелой артиллерии. В самой Венгрии строй, конечно, остался, но значительно либерализованный, даже и капитализированный, а саму Венгрию возглавил гибкий Янош Кадар, сумевший найти подходящий компромисс между венгерской властью, испытавшей горький урок и заметно изменившейся, и хрущёвской Москвой, тоже сделавшей кое-какие для себя примечательные выводы.

65. Да, не стоит преуменьшать роли Хрущёва в после-Сталинской либерализации бытия в СССР, жизни его народов, хоть и

не стоит эту роль преувеличивать, ибо Хрущёв, бывший троцкист и сталинский палач Украины, не мыслил себе ничего другого, кроме продолжения сталинизма, пусть и либерализованного, а главное, движения, как он сам говорил (выговаривал), к «коммунизму». Правление его сопровождалось разными его личными радикальными ревхозяйственными инициативами, долженствовавшими немедленно чудесным образом достичь невиданных позитивных результатов, которых почему-то от его начинаний как-то и не было, зато вред иной раз был и немалый! Дело дошло до нехватки в стране... э-э... хлеба, ну и до опять же событий, которые никак уж не могли померещиться в взбаламученной хрущёвской голове: массовому выступлению трудящихся против его судорожной политики, случившемуся в г. Новочеркасске в 1961 г., и по приказу или с ведома Хрущёва, не просто разогнанному, а... расстрелянному(!), о чём у нас официально никогда не говорили и не говорят до сих пор, наверное, и не зря! Да, Хрущёв хотел блага для страны и ее людей — БЛАГА! — по-своему для чего и старался, слов нет, но, но... «не по Сеньке-то была шапка», да и «кишка была тонковата». Чего стоила, к примеру, его новая, причем очень хорошо, даже увлекательно, почти как художественная повесть, чуть ли не поэма, написанная группой толковых авторов, «Программа КПСС» (1962), в которой, как раз по настоянию Хрущёва, содержался тезис о наступлении в СССР *коммунизма* — «КОММУНИЗМА!»!, причем к 1980 г.?! , отчего сия «программа» была сразу обесценена, как ничего не стоит любое маниловское прожектерство! Ну да ладно, убрали Хрущёва с глаз долой, власть опять же, как принято в России-матушке, авторитарно-единоличная, перешла тогда в руки фронтового генерала-политработника, затем партийного руководителя Молдавии и Украины, вроде бы вполне надёжного сталинца, разумеется, уже вроде бы и либерализованного, а именно Л.И. Брежнева.

66. А ситуация в стране в аспекте господствовавшей в ней *Системы* — СИСТЕМЫ! была к середине 1960-х весьма

непростой: либерализованный сталинизм имел место, но одно дело внешняя атрибутивность Системы, другое — реальная социально-хозяйственная жизнь. То, что Брежнев прежде всего избавился ж от более молодых державников, как раз и обеспечивших заговорщический увод на обочину жизни Хрущёва и постановку в центр Системы в качестве, как им казалось, переходной фигуры Брежнева, пораскидав сих активных бывших комсомольских лидеров и глав КГБ кого куда, но только не на первые в государстве посты, а поступил Брежнев вполне традиционно для, пусть и по виду представительного, но все-таки «середняка», ибо из таких вот «выжидателей» удачи, каким был он сам, и возникали вдруг «руководители», причем на всех уровнях, главное, внешне не амбициозные и на первую роль вроде бы никак не претендовавшие, не опасные. Придя к власти, Брежнев, избавившись от амбициозников, подтянул на высшие государственно-партийные роли «своих», как раз из «середнячков» и как раз оттуда — с Украины, Молдавии, кого знал лично, кто ему было обязан, правда, приходилось терпеть и считаться с тогда непотопляемыми сталинского пошиба консервативным «серым кардиналом» М.А. Сусловым, как и с куда более лично загадочным главой КГБ Ю.В. Андроповым, бывшим, кстати, послом СССР в Венгрии во время разгоревшегося там и беспощадно подавленного куда более беспощадного антисоветскосоциалистического путча, а также с еще сталинскими высшего разряда менеджерами — А.Н. Косыгиным, бывшим в 1960-е гг. главой Правительства СССР, и А.А. Громыко, опытейшим дипломатом, главой в 1960-е МИД'а. Однако надо было все-таки... перестраиваться, сохраняя, разумеется, наследный сталинизм (от него-то уж избавиться им было невозможно, да, собственно, кроме него — драгоценного — новым правителям ничего другого и не виделось, разве лишь что-нибудь и могло вдруг привидеться, да и то лишь в страшном дурном сне!), но тем не менее, пусть и сохраняя сталинизм, но все-таки еще более, чем при Хрущёве, бытийно-хозяйственно либерализованным. И вот

тут инициатива на время перешла к главе Совета Министров СССР А.Н. Косыгину, который как опытный, толковый, видевший перспективу, высокого ранга менеджер решился-таки на либерализацию относительно госуправления из Центра и жёстко директивного планирования из того же Центра, не сворачивая насовсем ни того, ни другого, однако все-таки на весьма заметную либерализацию текущей хозяйственной деятельности производительных единиц (предприятий), позволив им самим определяться, что и было как раз самым важным, в оплате затраченного работниками труда в зависимости от реальной производительности. Это начинание Правительства пришлось аккурат на годы очередной плановой пятилетки (1965—1970) и, что поразительно, дало великолепный производительный эффект, сделав сию пятилетку наилучшей по производительности, а само начинание вошло в историю под громким позывным «Косыгинская реформа». Однако... ах... опять это однако!

67. В 1968 г. внезапно разгорелись крайне неблагоприятные для после-Сталинской Системы события в Чехословакии, шедшие в русле борьбы с внедрённым в страну после Второй Мировой войны сталинизмом, правда, пока еще не более, чем за «социализм с человеческим лицом». Тем не менее, это так напугало советское руководство, что ему пришлось вновь прибегнуть к военной силе, как то было в 1956 г. в Венгрии, чтобы навести в неправильно-де зашевелившейся стране необходимый-де порядок, пусть это было проделано и не одной Советской армией, а вкупе с армиями других, еще вроде бы и не вроде бы сталинскими соцстранами, и, слава Богу, без серьезных боестолкновений и обильного кровопролития. Тем не менее, испуг был так велик, что отразился и на внутренней политике в СССР, где тоже нарастали диссидентские, пока всего лишь антисталинские, протестные настроения, и отразился сей испуг не только борьбой с диссидентством, но и свертыванием «Косыгинской реформы», но не только по причине того, что подзаработавшим на реальном росте производительности

предприятиям и трудящемуся люду нечего было предложить в аспекте удовлетворения вдруг возросшего потребительского спроса, как и вообще обеспечить реальную перспективу куда более насыщенного в экзистенциально-потребительском плане народного бытия. Нет не только поэтому, хоть это и было весьма весомым аргументом, даже и не столько по нему, а в силу еще большего, чем от чехословацких событий, за которыми, кстати, вскоре последовали и аналогичные события в Польше, испуга от уже самой в концептуальном плане «Косыгинской реформы», ибо выходило что-то и впрямь опасное для Системы: коли так дело пойдет, то раскрепостившиеся трудящиеся попросту возьмут, да и сметут Систему, а против миллионов трудящихся сограждан армию, как это еще было возможно, да и то не без отрицательных для Системы последствий в новочеркасской локалии, уже не бросить, да и армия вряд ли на такое пошла бы. Реформу пришлось немедленно свернуть, хотя след-то ее в людском сознании, безусловно, уже остался, а сего следа просто так ведь и не вытравить, даже заменив Косыгина на более лояльного к Системе главу Правительства с подходящим к случаю «тишайшим» позывным Тихонов, что, в конце концов, и было сделано с подсосатившимся и явно разочарованным к концу жизни «сталинским соколом» А.Н. Косыгиным. Хошь, не хошь, а тут уже был вполне реальный кризис *Системы* — СИСТЕМЫ!, к тому же «подкреплённый» как физическим уходом, так и подковёрным нефизическим уводом в сторону сталинского разлива трудо-творческого, служившего не себе, а Родине, поколения, тогда уже бывших, увы, *победителей* — ПОБЕДИТЕЛЕЙ!, что в социо-хозяйственных деяниях, что в Войне.

68. Вот о ком, имея в виду генсека Брежнева, можно с уверенностью сказать как о приятном, доброжелательном, общительном, в меру умном и в меру хитроумном, миролюбивом, даже и обаятельном, человеке, да вот при всём при этом с лидерско-государственной точки зрения... э-э... так себе, «ни рыба, ни мясо», не то консерватор, не то либерал, а в целом — *никто* — НИКТО!,

а в итоге-то просто оказавшийся увешанной орденами стареющей, болезненной и ослабевающей... э-э... куклой, разумеется, находившейся в руках практически таких же «не по Сеньке шапка» кукловодов, зато очень умевших избавляться от энергичных людей, намеревавшихся что-то полезное, если не спасительное, сделать для всё более впадавшей уже и в общий цивилизационный кризис, даже не так Системы, что само собой, а и самой уже великой страны, — с чем, с чем, а уж с избавительским «трудогонием» доморощенные deer-кукловоды справлялись отменно! И довели-таки страну, сознавая сие или нет, до, что называется... нет, не до ручки, что само собой, а до точки, как раз той самой — *невозврата* — НЕВОЗВРАТА! А довели-то очень и очень странным образом: с одной стороны, вроде бы, занимаясь, может, для кого-то из партийно-государственного deer-state вполне и искренне, вроде того же Суслова, охранением Системы, борясь с самиздатом и глуша зарубежные вражеские радиоголоса, прикрывая новую молодёжную поэзию, но и не брезгуя карательным преследованием своих наиболее упорно диссидентствовавших оппонентов (не без посадок, включая и психбольницы, ссылок в периферийные края и высылки за границу, аккуратно в благословленную Европу и в нарочито на тот момент гостеприимные США), как и дойдя до изменения в 1977 г. текста Конституции СССР с включением в него под №6 пункта о руководящей роли КПСС в жизни страны, государства, народа, как и превращением «депутатов трудящихся» в «народных депутатов», ну и вроде бы активно борясь с антисоциалистическими проявлениями в хозяйственно-экономической сфере (кражи, присвоения, «фарцовка», валютные махинации, теневые цехи и т. п. вещи), но при всём при этом всё более, тем не менее, вольно или невольно, в любом случае — безысходно-безвольно, допуская диссидентское и криминальное (читай, пробуржуазное) антисоциалистическое, причем всё менее и скрытно-теневое разложение, как, видно, не имея возможности сие разложение одолеть, так и сего одоления не очень-то,

по-видимому, и желая. Хотели того Леонид Ильич со товарищи или же сотоварищи с подставным лидерным-де Ильичом, но именно они, опять же, желая того или нет, заблаговременно, ежели не подписали, то уж явно подготовили, да не что-нибудь, а... приговор — ПРИГОВОР! — да мало что системе, а и самому СССР!

69. После ухода из жизни сначала Брежнева, затем Суслова, как и ухода из большой политики, а то и из жизни кое-кого еще из той же deep-state-когорты, на расчистившуюся вдруг главную властную позицию как-то ненароком для внешнего обозрения вышел сдержанно-молчаливый, к тому же и лично скромный, даже аскетичный, без потребительско-комфортных замашек, глава все-сильного КГБ Ю.В. Андропов, вышел, конечно, не случайно, ибо он к этому упорно... шел — тихо, скрытно, незаметно, никак на этот счет не обозначаясь, не исключено, что и загодя готовя для себя заветное главенствующее место во властной иерархии, как и не исключено, что сыграл вовсе не однозначную роль в судьбе тщательно-де охранявшейся им и его закрытым ведомством дряхлевшей на глазах Системы. Обретя полноту власти во всё той же Системе, он сразу же заявил о себе, точнее, о своей позиции как руководителя страны, как о стороннике подутраченного в стране... *порядка* — ПОРЯДКА!, однако какого же?, что как раз в силу скорого ухода больного генсека из жизни так и осталась тайной, ровно такой же, какой тайной был сам же авторитарный носитель этой тайны. Будучи сам выходцем с периферии, он, по-видимому, не сильно рассчитывая на выходцев из обеих столиц, подтянул за свое короткое, напоследок и прямо с больничной койки, правление заранее им присмотренных на периферии «ребят» — из состава высших краевых, областных, промышленных, аграрных менеджеров, к которым после него и последовавшего за ним краткосрочного подставного генсека и перешла вся властная инициатива, ознаменовавшаяся такой «мощной борьбой» за «новый социализм», что мало что в итоге сей борьбы предстала в историческом плане весьма уже подготовленная утлым брежне-

визмом к летальному исходу Система, но и сам, тоже вольно или невольно подготовленный всё тем же брежневизмом, — кто бы мог тогда подумать!, — к исчезновению не что иное, как старательно взлелеянный Сталиным с его победами на всех экзистенциально-хозяйственных фронтах, включая и страшный войновский, только что вроде бы вполне могучий, казавшийся даже вечным, СССР!

70. Кто знает, как бы расставил по властной «поляне» подобранных им выдвиженцев сам Андропов, тем более непонятно, что среди них оказались как явные консерваторы, так и не слишком явные, но все-таки «либералы», как искренние «советчики», так не менее, как со временем выяснилось, искренние «антисоветчики», ну и, разумеется, удалые парни без своей собственной политидеократической проекции, а так — исполнители, так сказать, «ломовые лошади», ну и, как всегда, субъективно ведомая объективная-де реальность как бы ни с того ни с сего распорядилась, но что было самым главным в пользу выдвиженца с Юга России, из Ставрополя, кстати, чуть ли не самого раннего из подтянутых в Москву периферийцев, а именно М.С. Горбачёва, который занял высший пост в партийной иерархии, став генсеком, и которого выразительно отличала от других иерархов, пусть лишь внешне, большая родимая печать на обширном лбу, отчего в народе сразу явилась и тревожное прозвание сему выдвиженцу — «Меченный!», как и сразу же зародилась парафразная от фамилии нового главы СССР ироничная сентенция: «Вот теперь-то и нагорбачимся!». А ведь любопытно, что всё это фиксационно-пророческое, пожалуй, что и мистическое, оказалось для всезнающей-де и всё понимающей-де без всякой-де мистики (читай, не всё знающей и далеко не всё понимающей) гуманитарной науки, не говоря о «любвеобильной» в адрес мудрости, однако ее практически лишённой, современной академической философии абсолютно неожиданным, не правда ли?! Выше приведённое замечание о субъективно ведомой объективности было сделано совсем

не случайно, чему есть и соответствующее, вполне себе и документальное, хоть и аудиовизуальное, доказательство, о котором тут не просто уместно поведать, а о котором попросту нельзя не поведать. Прошу, читатель-нечитатель, *внимания* — ВНИМАНИЯ! Да, тогда, в 1985 г., когда случился взлёт на вершину власти в СССР М.С. Горбачёва, страна, конечно, ничего о тайных пружинах сего космического взлёта не знала, наоборот, всё представлялось вполне традиционно-допустимым: порешили вот так «тама» — наверху, да и ладно, сталинской стране не привыкать, тем более, что хоть с одряхлевшими старцами у руля могучей державы было покончено: теперь вот еще далеко не старый, полный сил, энергичный, пусть, что называется, побудет, посмотрим, хоть «меченый», да с кем не бывает, хоть и с именным «горбом», так это всего лишь фамильный корень, кстати, во вполне и распространённой на Руси фамилии; что из того, а хоть народную мудрую смекалку в общем-то не проведёшь, так ведь все вокруг онаученно просвещены, да и кто из образованных вообще тогда думал, что просвещение-то специфическое — масонское, включая и достославный марксизм, да и что в этом во всём плохого, хоть и немало, быть может, там надуманного и ошибочного, так ведь исправить же можно, и почему же не сделать этого с новым «свежим» лидером?! Наивность, как и Неизвестность с Иным — сила, да еще и какая, ибо без нее ни доверия, ни надежды, ни перспективы, ни жизни, — факт! Однако вернемся к нашим интригующе таинственным «баранам», читатель-нечитатель, раз уж «об них» заикнулись.

71. Только никаких, знаете ли, читатель-не читатель, обмороков, пусть и условных, без потери сознания, погружения в темень с нашатырным откачиванием, а так — не более чем всего лишь изумления, может, и внезапно острого откровения! После ухода последнего из deep-state-когорты генерального, правда, с говорящей к случаю фамилией Черненко (то «Горб», то «Чернь» — любопытно!), главным действующим лицом в государственно-партийной иерархии стал тогдашний Председатель Президиума

Верховного Совета СССР и секретарь ЦК КПСС, ранее бывший поначалу еще присталинским, а затем и многие годы высокоответственным дипломатом вплоть до министра иностранных дел СССР, кстати, немало потрудившегося послом в США, в ООН, да так, что заслужил в международных дипломатических кругах в унисон своей громогласной фамилии Громыко не менее грохотный позывной «Мистер Нет», поскольку более отрицал западные инициативы, чем шел им навстречу. В общем, сталинец, консерватор, опытный дипломат! И что интересно, не пошедший, несмотря на свое на тот момент ведущее положение, на личное восхождение на верхушку абсолютной власти, как то сделал тот же Андропов. Да-а, «Мистер Нет», он и есть «Мистер нет», что говорить, ибо в этом «Нет» не одно отрицание в дипломатических делах, но и тень, закрытость, даже и некоторая от властной суеты отстранённость, в общем, — своя личная позиция! А теперь вот и она, наша «баранная» кульминация, обязанная своим явлениям и значением одному краткому аудиовизуальному, точнее, телевизионному, сюжету, причем переданному по нашему где-то в 2010-е гг. РФ-телевидению. Действие происходило в 1985 г., в Белом доме, что в Вашингтоне, в знаменитом Овальном кабинете. Действующие лица: президент США Р. Рейган, тогдашний госсекретарь и советник по национальной безопасности, ну и... наш достославный «Мистер Нет». Ничего вроде бы особенного! Пока не заговорил Рейган (передаю смысл по памяти): «Мы знаем, что у вас в СССР на повестке дня избрание нового лидера КПСС. так вот, по нашему мнению, было бы хорошо, если бы им стал Михаил Горбачёв». *Вот-те на!* Но это не всё, ибо затем заговорил и «Мистер Нет», давший на это вежливейшие предложения... э-э... вполне *покорное согласие* — СОГЛАСИЕ, во мгновение ока превратившись из «Мистера Нет» в «Мистера Да!» Вот уж на-а, так на-а! Каково, а-а, читатель-нечитатель?! Ну а далее, «Мистер Да», вернувшись в Москву и собрав Политбюро, предложил избрать партийно-государственным мужам избрать генсеком аккурат

М.С. Горбачёва, что и было единогласно проделано. Так во главе страны и стал андроповский выдвиженец из южно-аграрного Ставрополя. Оказывается, в Вашингтоне его не просто знали, но и хорошо о нём думали и подумали, прежде чем предлагать на высший в СССР партийно-государственный пост, будучи, надо полагать, в чём-то и для себя важным, достаточно уверенными. Знали, видно, в Вашингтоне неплохо и самого «Мистера Нет-Да», отчего и следует недоумённый невольный вопрос: «Кто же Вы, все-таки, “Мистер Нет-Да”, похоже, что и из “мировых” тоже?» Вот оно как! Так вот и творится она — история, во всяком случае, что для нас особенно важно, история России, будь она Русью, Царством Московским, Российской Империей, СССР... э-э... всё одно: варяги, Византия, татаро-монголы, Европа, ЕвроАмерика, США, англосаксы, немцы, кто там еще «оттудова» и «неоттудова». хоть разница тут и есть, да все-таки какая уж тут вообще-то разница! Грустная вроде бы для патриотичного россиянина констатация, да вот куда ж без нее, правда, во всём этом внешне вроде бы грустном что-то все-таки есть *такое* — необычное, уникальное, многозначное, нет, не плоско-позитивное, а во-первых, извне прививочное, даже и подражательное сему «Вне», а во-вторых, особого рода присутствие — в аспекте присутствия-бытия иномирной Руси-России в общемировом контексте — что согласительное, что зависимое, что отторженческое, что борческое, что экспансионное, а то и вдруг ведущее, примеровое, выручительное, спасительное, — поразительно всё это, да ведь факт!

72. Неяркий, но весьма магически краснобаистый Горбачёв (как-никак не слишком внятного происхождения и как-никак выпускник юридического факультета МГУ), воодушевлённый, подстёгиваемый и немало направляемый женой Раисой Максимовной (тоже немало невнятной происхождения и тоже выпускницей юрфака МГУ), объявил стране, партии, государству о необходимости, как бы в тот момент сомневался или усомнился... *перестройки* — ПЕРЕСТРОЙКИ!, причем вроде бы с переменами

в советизме-социализме, а вроде бы и нет — просто необходимости переустройства бытия, изменения образа жизни, ну и, конечно же, обретения всеми нового, как выражался МГУ-шный южанин, «мышления», разумеется, без всякой продуманной программы, а так, по ходу, как Бог на́ душу, а то и сам чёрт на́ ум, а то и на безумие, каждый по-своему положат: *перестройка* — ПЕРЕ-СТРОЙКА! — и всё тут! Что ж, заработал новый Верховный Совет СССР, пошло обновление (с омоложением) партгоскадров, в хозяйственной жизни стали возникать словно грибы после дождя самостоятельно хозяйствующие «кооперативы» с коопредпринимателями во главе, такие же, что немаловажно, рестораны, кафе, разные сервисные ячейки, — всё это почти как на Западе! В стране сначала скромно запахло, а затем сильно пахнуло Западом, Европой, в общем, довольством, комфортом. Участились поездки советских граждан за рубеж, в Европу, на благословенный Запад. Сначала дунуло, а затем задудло *свободой* — СВОБОДОЙ! Что ж, почему нет, *хорошо* — ХОРОШО! Сам Горбачёв, успев стать Президентом СССР, а Раиса Максимовна, соответственно, первой леди, зачастил с супругой за границу, встречаясь с главами государств, прежде всего, конечно, западных, заговорил не просто о мирном сосуществовании с Западом, как это было в хрущёвско-брежневские времена, а чуть ли не о дружбе с ним, да что дружбе, о единении! К концу горбачёвской политпятилетки осведомлённым патриотическим кругам стало вдруг ясно, что за заманчивой болтовнёй генсека-президента скрывается какой-то мало что не советско-социалистический, а в общем-то уже и... *нероссийский* (!) проект, что в 1989 г. уже всё окончательно и подтвердилось, когда из Конституции по инициативе словоохотливого высокопоставленного болтуна исчез пресловутый брежневский пункт за № 6 о ведущей роли КПСС, когда состоялось, хоть и организованное, но все-таки выведение, оно же и бегство советского воинства из Афганистана, когда была задарма сдана в пасть ФРГ верная СССР ГДР, а соввойска оттуда спешно выведены на Родину

в палаточные лагеря, когда, наконец, сам Горбачёв открыто заявил: «Наш путь — путь на Запад!», точнее бы сказал — к Западу, чтоб хотя бы к нему присоединиться, ну и, в главное дополнение, что само собой, выпустить Запад в себя.

* * *

Ах, история, история, кем и как ты творишься, особенно в России?! Вот и выходит, что история России, нравится кому-то сие или не нравится, творится прямо или косвенно, но непременно и откуда-то извне, разумеется, с «сердечным» участием сторонников этого «вне» в самой России, так сказать, из «наших», причем мало что перенимавших что-то для России приемлемое и даже на тот или иной момент необходимое, а отрицавших всё российское («тутошнее») и стремящихся его заменить на всё нероссийское («ненашинское»), сделав Россию не-Россией. Да, в России всегда сидела и сидит до сих пор внутренняя не-Россия, она же и во многом анти-Россия, сидит, пыхтит, ворчит, вольно или невольно поджидая момент, чтобы выскочить на историческую авансцену, да, не просто заявить о себе, а и действовать, ворошить, разрушить, созидать что-то для России иное, вступая сначала в тайный, а затем во всё более явный (в меру, разумеется) сговор с «за-границей, который нам поможет», ну а помощь за границы славится, как известно, тем, что она сама для себя в долгу не остаётся, в оплату за «помощь» охотно внедряется в Россию, черпая из нее ресурсно-трудолюдскую дань, а еще и стремясь рулить Россией, причем не только извне, а и изнутри, захватывая инициативу через услужливое посредство своей в России агентуры, выводимой или выходящей в таком разе на властный верх, а дальше уже идет-себе-идет: уступки, странные тайные и явные-де невыгодные России договоры, такие же реформы, разглашения гостайны, сокращения и анимирование систем вплоть до армии, да мало ли еще что происходит под диктовку из-за кордона, весьма устраивающее «помогающую» за границу, зато изрядно изнемогающее и испепеляющее страну, и всё это с подбострастием в «ихнюю» сторону, аж до полу. И что интересно: мало того, что всё это случается, так ведь с завидной регулярностью повторяется, образуя особого рода историческую цикличность, перебивающую любую другую цикличность, включая и ни в чём таком неповинную «кондратьевскую». Открытие здесь наше или нет, не нам судить, но автору сего вздорного текста как-то не приходилось

ничего особенного по поводу такой вот цикличности ни слышать, ни читать, а потому будем самонадеянно полагать, что здесь все-таки открытие — ОТКРЫТИЕ!, за которое, конечно, ни госнаград, ни ученых премий, ни изысканной славы, а всё почему, да просто из-за того, что всё это не просто есть, а всё время есть, всегда есть, ну и, разумеется, ныне тоже есть, да еще как есть! И чем бы ни обосновывались и ни оправдывались все эти «шашни» с границей, особенно, конечно, с Западом, они всегда сопряжены (предательски сопряжены!) с изменой — ИЗМЕНОЙ!, что России доводится непременно фиксировать, с чем регулярно бороться, что из себя не без натуги изрыгать, что и с напрягом изживать. Такова она — замысловатая и не схватываемая просто так масонски просвещенным ученым умом циклическая история России — сама себе ИСТОРИЯ!

* * *

73. А что Горбачёв с его уже и не горбачевизмом, а самой что ни на есть — *горбачёвщиной*? Разоблачённый, он так пережил колючее и отвратительно для себя затянувшееся мгновение, внезапно возникшее на одном из заседаний Верховного Совета СССР, когда депутаты вдруг решили скинуть двусмысленного президента и передать власть другому человеку, а выбор их пал на тогдашнего Председателя Совета Министров СССР, андроповского выдвиженца с Урала, бывшего главы «Уралмаша» Н.И. Рыжкова, однако депутаты с этим выбором просчитались, так как Николай Иванович, выйдя на трибуну, от сего предложения, как верный сатрап действовавшей власти, отказался, а депутаты вместо того, чтобы немедленно предложить пост Президента другому кандидату, как-то поостыли и оставили всё, как было. Вот она — роковая для Н.И., Верховного Совета и всей страны, хоть и удачливая для М.С., минута: согласись тогда Н.И., соверши немедленно высшие кадровые перемены, займись новым, уже и пророссийским, государственным делом, глядишь, всё в стране пошло бы и *по-иному*, во всяком случае, не по-горбачёвски, а далее и не по-ельцински, да вот, да вот... эх... ни Н.И. вовсе не Александр — что Македонский, что Невский, что Пётр I, что Бонапарт, а депутаты,

увы, не Минины с Пожарским, не Орловы, даже не наиболее решительные и отчаянные декабристы, а так — чиновники, совдеповские служивые люди, такие же, как и сам вполне лично добропорядочный, но увы не амбициозный, Н.И. В общем, тогда для М.С., как говорится, проскочило, хотя он это, конечно, запомнил, продолжая свою скрытую работу по демонтажу социал-советизма, а при таки вновь нагрянувшей новой вспышке недовольства в высших властных кругах всем тогда происходившим, ловко подмигнул своим зашевелившимся «соратникам», мол, действуйте, я «за», укатив предусмотрительно из Москвы в Крымский Форос. Ну а доверчивые «соратники» устроили в столице этакий новый «декабрь», объявив о госперевороте, да ничего стоящего для его реализации не делав или не могли делать, ожидая поддержки от форосского затворника-оборотня, его возвращения в Москву. А форосец их попросту кинул, сам немало испугавшись им же подстёгнутого события, оказавшегося угрожающе неудачным, как для его затейников, так и для самого М.С., хоть для него еще и по другому поводу — власть в стране уже переходила к его противнику — Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину! И тут у нас одни только вопросы: к чему вел и чего хотел М.С. как своей текущей политикой, так и подустроив этот весьма комедийный «переворот»; какую роль тут играла «заграница», с которой, как выяснилось, М.С. имел давние тесные отношения, причем еще с его ставропольских времён; Ельцин тогда в самом деле захватил власть или она ему была «красиво» передана? О-о, на эти вопросы нет и никогда не будет столько-нибудь точных ответов, а будут, как и есть, одни лишь догадки, выдумки, прикрывающие-де реальность, враньё, как никогда не будет достоверно известно о многом, очень о многом в истории, да почти обо всём мало-мальски значимом, особенно в переломные исторические моменты. Тут ведь дело вовсе не в «теории заговора», а в самых настоящих заговорах, о которых их участники умеют помалкивать, сваливая всё *это* на пресловутую «теорию» и отгораживаясь ею от реальности, что

правильно и делают, заканчивая свою жизнь, не все, конечно, но в немалой-таки доле, может, и в относительном, но в довольстве, да и умирая в свой срок, да еще и в собственной постели.

74. Да, Запад нам действительно помог, подбросив стране сначала хитроумного магика «меченого», а затем и дуболомного, как стали поговаривать в народе, «царя Бориску» (не Борис Годунов вроде бы, но всё же пусть и совсем как будто бы и не такой же, однако тоже ведь не из легитимных, да и тоже из Смута-генных!). Сам ли Е.Б.Н. со товарищи решил или все-таки действовал, выполняя, благодарный за полученную власть, чей-то закордонный заказ (кто знает?), но он таки после победы над безвольным ГКЧП, ловко преданным Горбачёвым (может, так примерно всё и было задумано) собрал таких же как и он сам, страждовавших независимой власти в республиках, «вождей» из трех этнославянских республик, да не где-нибудь собрал, не в той же Москве, а в белорусском пущевском Беловежье (недалеко, на всякий случай, от границы СССР с Европой, чтоб было куда по-быстрому бежать в случае провала своей, а теперь уже и их, авантюры), да мало чтоб между собой поговорить, пообщаться, посоветоваться, нет, вовсе нет, ибо кое-какой план его-их, а скорее всего из-за границы, уже был и оставалось только сей план исполнить, а именно — покончить — слышите, читатель-нечитатель, *покончить* — ПОКОНЧИТЬ!, да не с чем-нибудь, а... у-ух..! с Союзом Советских Социалистических Республик, заменив его на Содружество Независимых Государств — СНГ, что и было сделано! Нет, никакой долженствующей реакции со стороны еще действовавшего президента СССР М. Горбачёва не последовало, спецназ не был послан в Беловежье, угрозы ареста заговорщиков не было, отчего бежать им в zahraniчье не пришлось, зато сам президент СССР взял, да и сложил с себя полномочия президента... э-эх... сам ли сие сотворил по своей воле (точнее, по своему безволию), из страха за себя или все-таки, как обычно, тут услужливо помогла заграница, кто ж знает?! Да, М.С. собирался на словах подписать

новый коллективный межреспубликанский союзный договор, может, в итоге и смертоносной для СССР, да вот, вроде как сорвалось, возник ГКЧП, а затем явился и Беловежский сговор, и М.С. не нашел для себя и очень не исключено, что и для закордонных хозяев, ничего лучшего, чем... «умыть руки», точнее, смыться. Вот такая возникла на рубеже 1980—1990 гг. вереница, она же и ожерелье, она же и удушливый ошейник из предательств, подмен, обманов, измен, коварств, а главное, *выворачиваний* — ВЫВОРАЧИВАНИЙ!, что личных, что государственных, что идеократических, в общем — бытийно-исторических! А сам М.С., наведываясь затем простым гражданином РФ в благословленную границу и улыбочиво там встречаемый, своей родной-неродной страны, тем не менее, не покинул, создав «Горбачёв-фонд» с уютной резиденцией посреди Москвы и оставаясь независимым полит-, нет, не каторжанином, конечно, а полит-гражданином, что-то по ходу бытия комментируя, не сильно восхищаясь в стране происходившим, что-то даже осуждая, чем-то и искренне возмущаясь, однако закон Бумеранга, как всегда, оказался и тут начеку, и не оставил М.С. без своего внимания, превратив еще не старого лицедея-изменщика в самого, что ни на есть, всесторонне патоопухшего, вроде бы даже по виду человекообразного... э-э... упыря, аккуратно выведя напоказ истинную суть этого таинственного метконосца.

* * *

Что ж, каждый, кто волен, делает по жизни свой выбор, причем иной раз и не единожды, но сей выбор частенько делается за него — что обстоятельствами, что другими людьми, что разными институтами, что какими-то службами, что какими-то потаёнными силами, в общем, кто по жизни кем и чем бывает, куда идет, зачем, чем и как завершает, о-о, насколько тут оказывается не просто, а главное, непонятно, разве лишь долею кажущимся понятным, а так... хаос, стихия, лотерея, рулетка, вездесущая случайность и неразлучная с человеком неизвестность, ну и удача в обнимку с неудачей, а то и провал с концом, а ведь за все прижизненно сотворенное приходится рано или поздно

платить, опять же каждому по-своему и по своей мере, да вот уже не по своей воле-волюшке, не по своей!

* * *

75. Так вот в российской сторонухе и произошел переход, он же и перескок от эпохи к эпохе, от России-СССР к России-РФ, точнее, к РФ-не-России, от единой великодержавной страны к куче «независимых государств», от мировой соцсистемы во главе с СССР к такой же куче столь же «независимых» стран, часть из которых, а именно из евросреднецентральных, немедленно сбросив с себя социалистическую тогу, поспешила в объятия к Западу, в чём, кстати, и преуспела, а на самостоянии остались КНДР, Вьетнам, Китай. Зачахло и развалилось лишённое поддержки от СССР, не исключая и материальной, и достославное Мировое коммунистическое движение. Так что новая эпоха началась не только на евразийской территории бывшего СССР, но и во всём мире, разумеется, с доминированием Запада во главе со всё теми же англосаксами из Вашингтона и Лондона, а может, даже и скорее всего, из Лондона и Вашингтона. Победа Е.Б.Н. с беловежскими заговорщиками означала и мировую победу, причем небывалую!, но не россиян, а англосаксов, но это не всё, еще и победу англосаксов над своим извечным, ими же назначенным, врагом — Россией! Е.Б.Н. открыл Западу не окно в Россию, не дверь, не ворота, а распахнул всю, знаете ли, матушку Русь, аки когда-то продажники открыли Русь-матушку Рюрику с его рюриковичами, затем аки Византии с ее чёрным духовенством, потом аки пытались открыть Святую Русь западным хищникам смутогенное московское боярство, аки открыл Западу широкие воротá, а во все не окно, Пётр Великий, аки приоткрывали страну Западу большевики мало что со своим Брестским миром и вспыхнувшей с их приходом к власти гражданской войной, вослед которой пошла иностранная, в основном, западная (еще и японская) интервенция, так еще и открывали Родину, рождённой на Западе идеократии, то ли превращая страну в Новый Запад, то ли Новый не-Запад, то ли

отдавая страну в жертву фантастической Мировой Революции. Так что Е.Б.Н. — не первый такой открыватель страны Западу, прежде всего англосаксам. Однако, однако... однако Россия всегда остаётся, пусть и незаметно присутствуя в Яви и даже немало погрузившись в Навь, чуть ли вообще не исчезая с белого света, как то обычно казалось отъявленным русофобам, да вот все-таки остаётся даже вопреки себе самой не чем-нибудь, а... Россией!

76. По итогам переворотно-заговорщического развала СССР в 1991 г. в страну хлынул Запад, отчего опешила не одна Россия, но и опешили, если не акторы анти-СССР-переворота, то на тот момент все-таки сторонники радикальных, не анемично-горбачёвских, перемен, даже и ближайшие соратники самого дуболомного Е.Б.Н., который истово мог разрушать, но не истинно созидать, надеясь, видно, смешно сказать, на созидательную, как вроде бы было при Сталине, работу Запада («Запад нам поможет!» — бессмертная ироническая сентенция незабвенных И. Ильфа и Е. Петрова, выданная ими в свет устами столь же незабвенного «турецкого подданного» Остапа Бендера), а может, вовсе на это и не надеясь, а попросту сдав страну на милость новоявленному победителю, то бишь на ее разграбление, эксплуатацию и присвоение ее богатств, кто знает?, ибо у Е.Б.Н. ведь были родовые основания лично ненавидеть СССР с его КПСС, да и не кто иной, а сам Е.Б.Н. провозгласил, правда, попозже, в Вашингтонском Капитолии перед опешившим Конгрессом не что иное, а... «Боже, храни Америку!», то бишь, заметим, не Россию, а ... Америку! Нет, это было заявлено, может, и по стратегической глупости, но уж не по никакой не наивности: Е.Б.Н. хорошо тогда сознавал, что делал! Итак, переворот 1991 г., немедленно на деле заявивший о себе как прозападный, вызвал (не мог, видно, не вызвать) сопротивления в самих же тогдашних властных кругах, в том же способствовавшем про-анти-горбачёвским переменам Верховном Совете, и уже в 1993 г. вспыхнула, как это не называй, восстание против Е.Б.Н. с попыткой смещения его с поста президента РФ и образования

иного по духу правительства — пророссийского, что, конечно, не исключало какого-то конструктивного взаимодействия с Западом, но, как и было аккуратно при Сталине, ограниченного и подконтрольного российской власти. Основное антиельцинское «буйство» происходило с акционным центром в бывшем здании правительства — Белом доме, а на тот момент в здании Верховного Совета РФ. Как всё там и вокруг происходило более или менее известно, да и говорить здесь о самих событиях попросту нет смысла. Восставшие проиграли, победу одержал не без поддержки и конкретной силовой помощи заграницы Е.Б.Н. Нам остается лишь заметить, что при наличии многочисленных сторонников восставших из гражданской среды сам, скажем так, страновой народ, замерев, как и страновая армия, прежде всего ее командная верхушка, тоже замерев, восставших не поддерживали, так что у Е.Б.Н. была возможность подавить восстание, причем сделать это не без пальбы и кровопролития, ну и одержать победу («Что не гений, то не гений, а что везе, то везе!»). Пришло-таки время, собственно, ельцинизма, вполне и умно обезумленного, а вместе с ним и в спешке проводившихся по западной указке и грабительскому запалу у «своих» прозападников и откуда-то вдруг взявшейся когорты «хуже бандитов» прихватизаторов, никогда еще в Бытии-Истории небывалых по тотальному разрушению национального индустриально-технического потенциала, частному присвоению лакомых кусков национального богатства и вообще ограблению страны так называемых гайдари-ельцинских реформ — РЕФОРМ!

77. Вообще-то говорить об этом лишённом всякой, даже и тюремной, даже имитационной, морали с его безжалостным обесценением денег; с беспредельным ограблением трудящихся масс; беспардонной лукавой ваучеризацией; лживой финансовой пирамидой так называемый ГКО («Государственных казначейских обязательств»); бесстыжей фальсификацией итогов выборов президента страны в 1996 г., когда Е.Б.Н. их явно проиграл по реальному

факту, зато внезапно выиграл-де по факту подсчетно-ирреальному; бесовским явлением на политико-экономической арене шайки, иначе не скажешь, отъявленно аморальных миллиардеров-олигархов, рвавшихся к власти и немало ее в своих грязных руках уже державших. В общем, говорить об этом вывернутом из самого себя наизнанку, да что путаться в определениях, воистину дявольском, вовсе при этом на виду даже и не антихристовом, времени, точнее, безвременье, и тяжело, и противно, и тошно! А ведь оно — сие похабное время-безвременчко — таки случилось, вот что воистину предметно-вопросно для ученого когнитива, да не в рамках заблудшей в самой себе гуманитарной науки с ее ничего такого не предполагающими безжизненными схемами, а в русле уже иного смыслоизъявления, на первый случай, пожалуй что и библейского, ну а далее уже какого-то *иного* — ИНОГО!, аккуратно... э-э... *софиасофского*! Самонадеянно вроде бы сие утверждать для самого автора *софиасофии* — СОФИАСОФИИ! — что ж, может, и так, да вот есть ли он — иной выход для понимания как есть просвещенчески (и масонски), немало и богословски, сконструированной в головах людских реальности с ее научным-де и богословским-де освещением (или все-таки затемнением?), аккуратно той самой реальности, которая, наплевав на «гуманизм», «общественные формации», «классы», «способы производства» и «производственные отношения», как и на те же «капитализм» с «социализмом», не говоря о Царстве Божием, вдруг разверзлась такой бездно-некатегориальной чернотой, что впору стало потребным говорить не о «Про-СВЕЩ-ении», а о «Про-ТЕМН-ении», причем, что самой никому не известной реальности, что ее научного, философского и богословского трактования, отчего и впору сталось открывать иные воззренческие подходы к пониманию что земно-человеческой реальности вообще, что к пониманию ее — этой реальности — вполне ей адекватному, вовсе и не первому в Бытии-Истории, а регулярно повторяющемуся, да и не последнему, умному бытийно-историческому безумию (время, место, ситуация и

людские акторы, которые по большей части оказались и нелюдскими, к сему умному безумию и подошли, что называется, «с иголочки»!). Однако здесь и сейчас в нашем затянувшемся повествовании не об этом, о чём, кстати, можно читателю-нечитателю и самому поразмышлять, ментально опершись хотя бы на некоторые из приведенных в данном произведении термины и их трактовки, а здесь и сейчас мы продолжим рассуждать о гонимой взащей прозападными, при этом и теми, что «хуже бандитов», Е.Б.Н.-овскими акторами для них родной-неродной России, вроде бы и отпрянувшей при поверхностном взгляде куда-то в Навь, однако из Яви насовсем не исчезнувшей, даже и продолжавшей на нее влиять, чему весомым доказательством уже как раз успело послужить Белодомское восстание 1993 г. (это только казалось, что в этом бунтарском событии нет ничего собственно российского, нет, совсем нет, за ним стояла, пусть и негласно, самая что ни на есть коренная Россия, а как же иначе, пусть для кого-то и в образе СССР, да тут уж всё одно!).

* * *

Нет, мы не пишем никакой в общепринятом понимании ученой, тем более научной, еще и документально с тщанием подкрепленной, истории, но совсем избежать исторических фактов, тем более важнособытийных, мы не можем, а в силу значительной закрытости всего вокруг происходящего, главным образом, по части его потаённых мотивов, причин, в тайне действующих сил и лиц, в общем, по причине наличия бытийно-исторического закулисья, то нам приходится не пренебрегать либо попавшимися по жизни неофициальными, вполне, заметим, и достоверными, свидетельствами, либо не менее близкими к реальности собственными логическими заключениями, либо вполне себе допустимыми в напряжённом о чём-то размыслительстве откровениями, нередко и внезапными. Таков уж он — удел гуманитария, постоянно сталкивающегося с Неизвестностью, Иным, Тайной, а судить о чём-то гуманитарю всё равно приходится, и он на это, часто не без опаски, идет, хоть и хорошо знает известную максиму: «Не судите, да не судимы будете!», а что остаётся гуманитарю, если не судить, а за это и самому быть судимым, да еще как!

78. Да, во властно-борческом запале Е.Б.Н. пошел на силовое подавление восставших против него оппонентов, казавшимися ему в тот момент и предателями, однако сие неординарное в его жизни событие, пусть и кем-то из сильных мира сего умело подержанное, а то и ловко спровоцированное с обеих боровшихся между собой сторон, не могло, похоже, не отразиться мучительным сожалением в душе, пусть и упрямо-взбалмошного, но все-таки не растерявшего человечности, да и, в общем-то, глубоко русского Е.Б.Н., отчего, хоть оппоненты и были попервах арестованы и даже посажены в Лефортовскую тюрьму, но вскорости все-таки отпущены на свободу, может, и под какие-то с их стороны обязательства (тут уж тайна!). Русскость, она ведь многолика, и вот на этот раз сработала в пользу чуть ли не покаянного милосердия. Куда ее денешь, Россию-то, из самой же России, да и русскость из русского человека?! Е.Б.Н. не был, конечно, мудрым властителем, делал серьезные ошибки и совершал о-очень неверные деяния, однако, к примеру, когда какие-то его прозападные «соратнички», они же и подельщики, как-то заговорили на каком-то совещании у победного-де Е.Б.Н. о необходимости вступления РФ в НАТО, Е.Б.Н., подняв опущенные по обыкновению веки глаз, оглядев мутным взором собравшихся, вдруг произнес (передаю со слов свидетеля): «Этого наш народ не поймет!», чем и положил конец про-натовским чаяниям чрезмерно ретивых в сторону Запада сатрапов. А когда случился ГКО-конфуз, а Е.Б.Н., конечно, вряд ли что-либо понимал в сути финансовых махинаций и в том же феномене, как финансовый дефолт, он, убрав ранее им привлечённого по чьему-то, конечно, наущению молодцеватого премьера, прозванного в народе «Киндер-сюрпризом», который тоже вряд ли что понимал в магических ГКО с их финансовой пирамидой, не преминул пригласить на социо-хозяйственную выручку в качестве главы уже кризисного правительства высокоменеджерияльного «тяжеловеса» международного масштаба Е.М. Прима-

кова, кстати, бывшего тогда не кем-нибудь, а руководителем РФ-гос-разведки, вполне и, несмотря на свою международность, российского патриота, что и немедленно сказалось на хозяйственно-экономических делах и состоянии страны в позитивную сторону, причем настолько успешно, что Е.Б.Н., как в свое время И. Сталин в отношении знаменитых ленинградских менеджеров, убоялся Е.М., может, был кем-то, как видно, в случае со Сталиным, настроен, а может, и выполнил чей-то заказ, так и отправил решительного Е.М. в отставку вместе с его правительством. Таковы они, потаённые эксцессы среди властей предрежающих: страна страной, а, как говорится, «своя рубашка ближе к телу»!

79. Довелось Е.Б.Н., а что было ему поделывать, защищать Россию, борясь с тем же северо-кавказским (чеченским-де) сепаратизмом, грозившим вбить клин в многонациональный каркас РФ и подвести РФ к распаду по типу того, что сам Е.Б.Н. сотворил с СССР. Да, Е.Б.Н. решился на войну с сепаратистами, разумеется, крепко поддержанными извне, хоть войну сию он политически все-таки проиграл (с позором в стиле итогов Крымской и Русско-японской войн Хаса-Вюртским мирным договором), зато не проиграл на этот раз РФ, а вместе с тем и саму Россию. Пришлось Е.Б.Н. и силой поддержать отколовшееся от Молдавии под руку России Приднестровье. Да, может, Е.Б.Н. и был противником СССР, может, просто отчаянно стремился тогда, не отдавая вполне себе отчёта, куда и для чего на самом-то деле он устремился, или же его устремили аккуратно к высшему в стране властному положению, за что и заплатил, желая того осознанно или нет, анти-СССР-овским Беловежьем, но сказать, что он был не россиянином, не русским, в конце концов, не патриотом, в отношении Е.Б.Н., этого весьма удачливого по ходу своей турбулентной политжизни, но зато итогово исторически вовсе и не столь удачливого, если не провального, правителя было бы все-таки несправедливо. Однако, однако... закон Бумеранга действует и отменить сей закон никто из смертных не может! Дошла очередь и до самого Е.Б.Н.

За отставкой правительства Примакова и задвижкой Е.М., как это стало принято в отечественных верхах, в полузапретную теневую зону с его как бы неprisутствием на этом свете, вдруг вскорости последовала весьма и предвиденная в сведущих кругах отставка самого Е.Б.Н., преподнесенная неведомыми ее кураторами, как и им самим, как самоотставка, кстати сказать, не без момента почти что надрывного со стороны Е.Б.Н. на всю страну TV-покаяния, опять же, по-русски, по-православному, что лишь подтвердило, что Е.Б.Н. был, пусть, может, и слишком зачастую бесшабашным, а то и иной раз попросту нестерпимо дуrolомным, но все-таки русским человеком, что от этого не честь ему и не хвала, а всего лишь возможная констатация чего, увы, не скажешь о чуть ли не безродном «Князе тьмы», то бишь о М.С.Г., согласно опубликованному утверждению успешного хорошо познать сего таинственного «инкогнито» одного известного советско-украинского литератора и депутата ВС СССР аккурат в переломный рубеж 1980—1990-х гг., да-да, именно так — «Князя тьмы» с его бездными беззрачково-чёрными глазами и характерной для такого прямо-таки внечеловеческого в человеческом образе феномена меткой на лбу, — тут уж всё, что угодно, но только не коренная русскость!

80. На этот раз негласная операция по смене РФ-лидера была проведена супераккуратно, бесшумно, даже изящно: сначала на высшей полит-авансцене появился внешне неприметный, никому, собственно, в стране, кроме разве узкого северостолничного круга, не известный, вроде бы бывший офицер (подполковник) КГБ (разведки), послуживший в ГДР в Дрездене, закончивший юрфак ЛГУ, ну и, само собой, школу КГБ, а, находясь как бы в отставке, подвизавшийся в 1990-е гг. в ближайшем окружении «прогрессивного мэра» северной столицы, ранее говорливого депутата ВС СССР, переименовавшего, ставши мэром северной столицы, Ленинград в Санкт-Петербург (даже не в Петроград), аккурат по совместительству и отца скандально знаменитой «доченьки» (даже и побывавшей, правда, уже в XXI в., кандидат-

кой в Президенты РФ!!), в общем, под политическим небосклоном РФ появился никому толком в стране не известный, как и положено истинным — ОТТУДА! — персонажам, которые, кстати, в отставках, как известно, не бывают, причем появился в роли не более и не менее, как главы своего родного ведомства, переименованного при Е.Б.Н. из КГБ в ФСБ, а затем вдруг ни с того ни с сего ставшего из главы ФСБ вместо Е.М. главой (!!) Правительства, кстати, тут же по личной-де инициативе поведшего войну (так называемую Вторую чеченскую) с северокавказскими сепаратистами, весьма и удачно завершившуюся, на этот раз вполне себе почетным для Москвы миром, однако заключенным уже не с откровенными сепаратистами, как это было по итогам Первой, как раз неудачной, войны, либо тогда уже уничтоженными, либо еще уничтожаемыми, либо выдавленными или выдавливаемыми из страны, а, так сказать, с лояльными федеральному центру северокавказцами (чеченскими), которые как-то вдруг там же, в Чечне, нашлись и взяли в сём бунтарском местечке инициативу при поддержке федерального центра в свои руки. Что говорить, «мал, да удал!», таким вот оказался он — новый Премьер, на в то же время проведенных выборах ставший полноценным главой государства — Президентом РФ! Вот так была проведена тогда, почти что и блестяще, операция по смене главных фигур во властных РФ-верхах, да вот кем все-таки, кроме, разумеется, ФСБ? Тут ведь одной инициативной ФСБ явно было недостаточно, может, еще и при поддержке уже возникшего «демократического» (читай, диктатурного) финолигархата (?). Что ж, наверное, не без этого. Но, но, но! И этого тоже, пожалуй что, маловато, ибо сами-то они — сии «медвежатники» — откуда вдруг взялись? От Реформы! Тогда откуда сама Реформа? А-а, догадался, читатель-нечитатель, откуда: «заботливая» заграница как «помогала» нам всегда, так и тогда продолжала сие делать, да и сейчас, надо заметить, не остаётся нейтральной в такого рода «помощи», — тут уж, знаете ли, чуть ли не абсолютный закон, аккурат вроде бы того

же мистического закона Бумеранга, — нравится это кому-то или нет, — а ведь столь же неотменяемый, пусть в разные моменты и с разными для «сердобольной» границы итогами, вовсе не всегда для нее и приемлемыми (глубинная Россия, понимаешь ли, ей всегда мешает!), а ведь действует она — граница-гада — действует, ну и, по возможности, гадит всё и гадит!

81. Придя к власти, новый РФ-лидер ничего о себе как о новом верховном деятеле не заявил, как не заявил о своих пристрастиях, притязаниях и намерениях, не говоря уж о какой-либо программе действий, о своей социо-полит-эконом-хозяйственной позиции, кроме данной им гарантии неприкосновенности частной собственности и непересмотра итогов приватизации 1990-х, чем взял на себя, смеем заметить, не слишком приятную миссию, коли не взвалил на себя тяжкую ношу — наследника, охранителя и даже доустроителя, пусть при этом и актора не прямолинейного, крайне турбулентно возникшей и вовсе не вышедшей к моменту прихода его на высший государственный РФ-пост из хаотично-кризисного состояния вестернизированной социо-полит-эконом-хозяйственной экзистент-квази-системы под кодовым позывным «Е.Б.Н. — 1990-е». Более Ничего и Никак! Зато заявил о себе, ничего гласно при этом не заявляя, как о не более, не менее... «Мистере X» (Икс), разумеется, не в кальмановском, как в известной оперетте, духе, а в духе самой, знаете ли, тогдашней, да и нынешней, театрализованно-потаённо-постмодерновой реальности-ирреальности (этакой ловко ускользающей не то что от простого обывательского, но даже и от искушённого экспертного глаза *simulacre-deep-reality*, где всё самое важное и судьбоносное субъективно или объективно как раз и решается, как, впрочем, и не решается тоже, причем решается-не решается аккуратно самое по уму невероятное и по умному обыкновению почему-то внезапно!, да и, как правило, вовсе не так, как было в исходе кем-то субъективно задумано или чем-то объективно предопределено). И вовсе недаром мировая пресса, да и не только пресса, задалась вскорости после восхода

на мировую авансцену нового русского (Russian-де) лидера вопросом: «Who is you, Mister...?», так до сих пор и не получив ответа ни на «Who...?», ни на добавочное к нему «What...?» (это уже в аспекте того, чего же ты хочешь «Мистер Х», для чего ты пришел?). Тут уместно заметить, что на сии вопросы не было тогда, как нет и сейчас, ответа и у соотечественников самого «Мистера Х», а потому ни о его предназначении, ни о его потаённых намерениях и внезапных, как правило, деяниях приходится до сих пор судить лишь по витиеватому и тоже не менее неведомому, чем сам РФ-Лидер, ходу самой реальности-ирреальности, по сопровождающим ее событиям и происшествиям, зачастую о-очень неопределенным, многозначным и путаным (тут уж и само имя-имечко, кажется, срабатывает) опять же непременно прикрытым завесой какой-то тайны, да ладно бы внутренне-смысловой, как раз во глубине бытия и запрятанной, а то ведь и попросту внешне-симулятивной, отчего вёрткой, скользкой и немедля от пытливого ока ускользающей. И что поразительно — всё это работает!, хотя не то что страна, но, видно, вообще никто, даже и сам «Мистер Х», не говоря уж о его ближайших и вроде бы всё знающих соратниках-выдвиженцах, не знает, что же на самом-то деле творится в стране и со страной, в какой же стране и как все ее нынешние насельники и насильники, каждый по-своему, экзистенцируют, ибо вряд ли есть *кто* — КТО! — из обитателей нынешней РФ и в самом деле в ней полноценно *живёт* — ЖИВЁТ!, разве лишь сим довольствуются наводнившие страну иммигранты с Востока, то бишь никак не соотечественники, получающие здесь, в этой дурашливо-одарённой стране, свой экзистенциальный гешефт, отсутствующий у них на их родине.

82. Ярких и разноцветно светящихся, брызжащих завзятым оптимизмом, как и откровенно крематорски угрюмых серо-зелёно-чёрных кубоонидных, картинок вокруг хватает, как и *ничего такого* — ТАКОГО! — не говорящих словес тоже, того же натужного аудиовизуального веселья через край, а ясности-то нет как

нет, причем ни о либо поносимом ближайшем, либо почему-то восхваляемом дальнем прошлом, ни о текущем, причем как-то о-очень неуклюже текущем, настоящем, ни уж, тем более, что вроде бы вполне естественно, об ожидающем страну будущем. И выходит странная в этой странной нашей-ненашей стране ситуация: у страны как бы нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, да и самой страны как качества, кроме мало что значащего ее названия, как бы тоже нет, хотя она — страна — все-таки есть, даже цветёт... нет, конечно, не смыслами, не единением, не соборностью, а масс-потреблением, людским туда-сюда мельтешением, автосуётнёй, квазитуризмом, масс-зрелищами, псевдо-анти-культурой, прочим симулякро-фиктизмом, ну и асоциальной диссипацией, в общем, бодлеровскими «цветами зла», щедро подкармливаемыми не более и не менее как вполне себе ловко узаконенным квази-вредо-пусто-управлением: либо помешанном на сковывающей инквизиторской регламентации, либо на собственном ничегонеделании, еще и прикрытыми ныне уже и технонейроэлектронноцифирной завесью, а уж о казнокрадстве, коррупции, мошенничестве и вообще вполне себе тоже вполне узаконенном частном присвоительстве, хоть по сути-то вполне себе уголовном, мы уж тут помолчим.

83. А начиналось всё у «Мистера Х» в роли РФ-главы, помимо необъявленной им негласности, совсем не просто, и не только из-за войны на Северном Кавказе, как и жёсткой схватки с частью амбициозного по поводу власти олигархата, даже не из-за погибшей вдруг «неизвестно от чего» (?) подлодки «Курск» (ох, уж эти вещие знаки!), а более всего по причине практически уже бедствовавшего положения страны, ее широких народных масс, что как раз и довелось принять новому РФ-главе (нечем было платить не то что пенсии, но даже и зарплаты!). Не проявивший себя не то что противником Запада, наоборот, выказавший себя то ли по санкт-петербургского происхождения убеждению, то ли по факту своего прихода к власти, то ли по вящей необходимости —

известной и неизвестной, то ли еще почему-то (акkurat тому, что как раз в ларце за семью печатями), не только сторонником Запада, но и сторонником новой вестернизации собственной страны, более того, и сберегателем осуществлённой в стране прозападной социально-хозяйственной Реформы, гарантировав при своем восшествии на кремлёвский престол, как уже выше отмечалось, непременный просмотр итогов нагло сварганенной в РФ приватизации (читай, «прихвизации»), пусть и за некоторым перераспределительным исключением. Ситуация в стране была в общем-то негативно аховой, нужны были немедленные экстраординарные меры по восстановлению весьма порушенной Реформой жизнеспособности страны. Но не обращаться же было за содействием к ныне вроде бы подвластному, однако совсем недавно бывшему советским, народу, который, конечно же, потребовал бы возвращения всего частно-нечестным образом прихваченного богатства, причем возвращения стране, нации, государству, ну и самому народу, да и вообще мало что еще взбрело бы в голову неоднократно обманутому и тщательно обобранному, немало и озлобленному, еще и вдруг инициативно расшевелившемуся народу, совсем чего-нибудь режиму никак не желавшегося, ежели для него не смертельного. Пришлось так или иначе новоиспечённому верховному западнику идти на поклон akurat к... Западу, точнее, к его финансово-олигархической верхушке (читай, к Мировому правительству!), в чём ему, надо особо заметить, поспешествовали и главы двух в России конфессий — православной и иудаистской! В общем, и удалось-таки за океаном кое о чём договориться: там было тогда решено поднять опущенные ради кризиса СССР в 1980-е гг. цены на нефть, ну и прибытком за торговлю нефтью РФ должна была делиться с Западом, его финверхушкой, ну и себе кое-что оставляя на подъем экономики и народного благосостояния, включая и народное благотерпение. Так всё и пошло, да, собственно, идет и до сих пор, даже и при полностью выплаченных российских долгах Западу, да ладно бы Е.Б.Н.-овских, а то ведь и царских,

аккурат, не выплаченных ни Лениным с большевиками, ни Сталиным со сталинцами. В ответ на РФ-сговорчивость тогда же за океаном было, видно, принято решение присовокупить РФ, в которой Запад был тогда заинтересован как в большой целостной — резервной — стране, к G-7, превратив последнюю в G-8, разумеется, присовокупить как послушного Западу (вроде той же Украины) ресурсобогатого, еще и порядком на удачу Западу деиндустриализованного, однокоресурсного, разоружённого, вестернизированного вассала, аккуратно там — для них, и здесь — для нас, североазиатского оплота Запада, конечно же, противостоявшего бы Югу и Юго-Востоку той же Евразии и не только. Что ж, пришлось, веря и не веря западным «благодетелям», на всё это пойти, как, по-видимому, и на кое-что еще, в частности, на продолжение прозападных в РФ преобразований, включая перестройку с сокращением армии, переделку сфер образования, науки, в особенности, гуманитарной, социального обеспечения, тех же здравоохранения и системы ЖКХ, причем с продолжением если не их приватизации, то уж с внедрением в них, чуть ли уже не ставшей сакральной, пресловутой «рыночности». Да, попал наш РФ-Лидер, как говорят в народе, «аки кур в ощи́п», но что было делать, надо было тогда вытаскивать страну из глубокой кризисной ямы, в которую ее загнал безумно-затратно-безотрадный Е.Б.Н.-изм, — факт!

84. Что ж, пошел-таки какой-никакой подъем экономики и уровня жизни населения, оживилось предпринимательство, новая (пореформенная) модель нацхозяйства вроде бы заработала, стала приносить кое-какие плоды, российский капитал двинулся за границу, в основном на Украину, заработали и новые, чуть ли не равнопартнерские, отношения с Западом, чей капитал «добросовестно» осваивал российское хозэкономпространство. «Новые русские» стали активно приобретать недвижимость на Западе, переезжать туда с семьями чуть ли не на постоянное жительство, не теряя при этом ни капитала, ни имущества, ни даже российского

гражданства, уже как бы всего лишь на их первой, пусть частично или насовсем уже и оставленной, родине — РФ, разумеется, и вкладывая свои валютные ресурсы в западные банки, даже, видно, надеясь «раскручиваться» на бизнес-стеже и там, на настоящем-де Западе, в этом чуть ли не в экзистенциально-экономическом Раю. Заработала вроде бы и G-8, российское «начальство» почувствовало себя плывущим на волне западно-российского партнерства. Да и само из обеспеченной материально части российское население, наезжая регулярно на Запад, а то и переселяясь туда, почувствовало себя чуть ли не принадлежностью «благородного» Западного мира. Да-а, наконец-то, *это* — ЭТО! — свершилось: Россия, пусть хотя в лице своих благополучных-де отпрысков, всегда тяготевшая вкупе с этими самыми отпрысками к Европе, вдруг и впрямь становилась, разумеется, как бы вкупе прежде всего с этими же отпрысками, частью благословенной Европы — этого воистину-де зёмного Рая. Но, увы, не тут-то было: да, бывали на Западе, тратили там свою валютку, что-то приобретали из имущества, вкладывали денежки в банки, живали, жировали, а на высшем уровне общались вроде бы на равных с сильными мира сего в рамках той же G-8, чуть ли не почувствовав и себя такими же сильными мира сего, да вдруг довольно быстро всем скопом осознали, что людишки-то из РФ вовсе там — на Западе — не «ихние», и «ихними» никогда не будут, а РФ начальство вовсе не в общей куче с сильными мира сего, а в лучшем случае рядышком, а то и вообще поодаль от сей кучи, как раз там, — не в том светлом зале кучевых сходов, а в тусклой передней, а то и вовсе лишь у порога в «Кошечевский чертог», да и то не у подъездного, а у заднего порога, а что касается росбизнеса, то он тоже сообразил, что ничего у него *там* — ТАМ! — не выйдет, а вот обдирут его там аки липку, это уж как пить не дать. В общем, пришлось-таки всей «Рашке» убедиться, что ежели что и *там* — ТАМ! — возможно, то не более... э-э... тут можно и не продолжать, и так всё ясно!

85. Пришлось-таки подокрепшей «Рашке» взбрыкнуть, что как раз и случилось на большой международной под Западным водительством сходке в 2007 г. в Мюнхене посредством... нет, не оглушительной вовсе, хотя и всех там изрядно и неприятно поразившей... э-э... своей наглостью, речи Президента РФ, вполне и, скажем так, хоть по содержанию явно справедливой, но по тону-то очень и очень сдержанной, даже и волнительно скромной, в которой высокопоставленный оратор справедливо упрекнул Запад в двойной с РФ игре, а главное, в нереализации вроде бы договорных равноправнопартнерских отношений. Да, речь прозвучала аки хоть и негромко-поднебесно-раскатный, а какой-то приглушенно-далече-загоризонтный, но все-таки... э-э... аки гром среди ясного неба, вольно или вольно просигналив, что РФ все-таки не «Рашка», и что она вправе претендовать на реально равноправное партнерство с Западом, быть даже полноценным имманентом Запада, при этом и дав понять, что РФ может вступить, пусть и не на антизападный (не дай Бог!), но все-таки суверенный, путь (ах, эта солидарность с именем-имечком!) своего текущего бытия. Как-никак, а ведь то был *поступок* — ПОСТУПОК!, правда, как водится, не достигший поставленной цели в аспекте равноправного партнерства с Западом, наоборот, вызвавший в сторону неблагодарной «Рашки» откровенное негодование, однако... несмотря на трудно скрывавшуюся позу обиженно-обманутого союзника, в общем-то даже и сдержанно негодующего просителя, бывшая тогда практика западно-российского «союзничества» была таки если не насовсем отринута, то уж явно поставлена под сомнение. На что при этом рассчитывал сам «Мистер Х», то сие *urbī et orbī* не известно, как не известно, достиг ли он какой-то им задуманной цели, хотя ничто не мешает нам предположить, что «своей» на тот момент главной цели — равноправного в составе Запада партнерства, наш высокопоставленный оратор не достиг, зато достиг, надо полагать, вряд ли им предполагавшейся внезапно возникшей перед ним иной цели — независимости

обращения к истинному суверенитету им возглавлявшейся, но все-таки еще им не ведóмой, страны с опорой не на Запад (или, добавим, на тот же Восток), а на ее собственные силы, которых, увы, тогда у страны в достатке-то не было, да и технологическая, экономическая и потребительская зависимость страны от Запада и вообще от внешнего мира была не просто слишком, а и вполне себе безмерно, велика.

86. В Мюнхене Президент не показал себя, да и явно не собирался этого делать, каким-то там «русопьятым» противником Запада, даже и попросту принципиальным незападником, не то что антизападником, и в этом плане он не изменил ни себе, ни своему представлению о потребном-де образе родной страны как страны модерно́во вестернизированной, — зато внезапно возникшую перед ним цель суверенизации страны ему указала, вовсе то не желая, резко негативная реакция Запада, причем вовсе не только угрюмо-молчаливая или даже погано-словесная, а и вполне себе деятельская, прежде всего через немедленно спровоцированную Западом агрессию Грузии в 2008 г. на подзащитную России Южную Осетию, отделившуюся от прозападной Грузии, агрессию, долженствовавшую, в случае успеха, по замыслу Запада не так даже вернуть Южную Осетию Грузии, как вновь возбудить северокавказское бунташество против Москвы. Явились со стороны Запада и первые антироссийские санкции. Тут уже были никакие не слова со стороны Запада, а самые настоящие заговорного типа антироссийские действия, кстати, несмотря на твёрдый отпор со стороны РФ и впечатляющий поход российских войск вглубь Грузии в сторону Тбилиси, так и не завершившийся по воле всё того же Запада взятием столицы Грузии, вполне тогда для этого открытой. Так или иначе, но Мюнхен блестяще показал-таки, *кто* есть на этом Свете КТО, для чего же Россия нужна была Западу и каково было ей преуготовлено место в связке с Западом — аккурат вассальное, но в то же время Мюнхен невольно показал, что Россия должна-таки рассчитывать более всего на себя, хоть на тот

момент она не могла обрести полного экзистентно-хозяйственного суверенитета и должна была продолжать с Западом, чуть ли не униженно, считаться. Вот и образовались, образно говоря, магические качели, когда страна закачалась вкупе со своим Правлением между двух *невозможностей* — НЕВОЗМОЖНОСТЕЙ: с одной стороны, собственно прозападной невозможности, когда вдруг растаяла надежда войти аутентично всей страной в Запад, хоть сам Запад, ставший России практически враждебным, от России на отступил, надеясь на ее, точнее, ее Правления, вассальную уступчивость, а с другой стороны, на несобственно уже российскую невозможность, когда Россия (всего лишь, заметим, как идея — ИДЕЯ!) вдруг заявила о себе как о вроде бы невозможной, но все-таки возможности быть реально Россией, причем для WESTERN-фильного РФ-Правления крайне нежелательной, однако для БЫТИЯ-ИСТОРИИ, как это и случалось по обыкновению в России, вполне себе императивно потребной, отчего для кое-какого, весьма и немалочисленного, российского по территориальной принадлежности меньшинства... *страшной!*

87. Имея перед собой и в своем ментале реально-ирреальный коктейль из разного фактического, предполагаемого, расчетного, как и попросту воображаемого, в чём и сам хитроумный чёрт не разберётся, Верховный, отталкиваясь от Мюнхенского, нет, не провального вовсе, но и не выигрышного, своего экстраординарного демарша, двинулся по пути (ах, уж эти имена-имечки!), ничего по-прежнему не сообщая *urbi et orbi*, а потому нами лишь вытаскиваемому из горячих углей Бытия-Истории и лишь сужденчески предположительно воспринимаемому из как бы само собой в стране происходившего, напогляд вроде и не имевшего непосредственного отношения к самому Верховному, бытовавшему аки небожитель где-то в высях, в отрыве от всего, что делалось внизу, то бишь под ним, хотя при этом всё это по методически повторявшимся свидетельствам действовавших в общем-то по его указке акторов сходило на нём — на Президенте, но как-то

бездоказательно, бессодержательно, всего лишь символично — не более!, однако двинулся «Мистер Х» по, видно, лично его и Запад устраивавшему, хоть и весьма запутанному пути (ах, уж эти имена-имечки!) дальнейшей, уже вполне себе институциональной, хоть об этом обо всём ничего официально не говорилось, вестернизации страны, как, видно, желая в душе и в уме какого-то весьма и иного для страны варианта, но все-таки не могшего не соответствовать Западным реформистским рекомендациям, отчего для начала приступив к сокращению и преобразованию армии, чуть было не стоившим стране проблемной неудачей в грузино-южноосетинской войновской коллизии (тот факт, что армейской реформой занимался мебельщик из СПб-га, говорит о многом, не так ли?). Казалось, что этого уже достаточно, чтобы освободиться от жёстких пут (ах, уж эти имена-имечки!) Запада, ан-нет, Запад не собирался превращать Россию в партнерский себе аналог, более того, потерпев неудачу с Грузией, он занялся вплотную другим «слабым звеном» в РФ-окружении — Украиной, стимулируя и разжигая в ней восходящие к коренному-де украинству (хотя бы к мазеповщине, петлюровщине, бандеровщине) антироссийские (читай, и прозападные) поначалу лишь настроения, а затем и совершая вполне себе практические деяния вплоть до создания вполне себе нацистской партии «Свобода» и введения ее с торжеством «зиг-хайль» во всеукраинский парламент, ну а далее посредством организации для кого печально, а для кого и радостно, знаменательного *киевского майдана* — МАЙДАНА! — с блестяще проведенной операцией по свержению законного президента страны и взятию на высший властный престол сначала продажного «продавца воздуха», а затем и не менее для кого-то радостно, а для кого-то крайне печально, ныне знаменитого и еще более продажного артиста-комика, кстати, этнически не украинца и не русского, быстро превратившегося из иллюзиониста-миротворца в кровавого коррупционного диктатора, не только не предотвратившего войны с не согласившимся на майданный

переворот Донбассом, но и пошедшим под диктовку Запада беспощадной для его-не его укронарода войной на защищавшую Донбасс РФ. Однако, сейчас не об этом, а о другом: о политике и действиях РФ, ее Правления, тоже ведь не менее засекреченного, чем сам его — Правления — глава. Разве в Москве ничего не знали обо всём происходившем и готовившемся в Грузии и на той же Украине? Знали, конечно, но... Запад и от него, увы, экзистенциально-хозяйственные путы (ах, эти именные созвучия!), экономико-финансовая зависимость, может, и какая-то совместно с Западом, прежде всего, с США, о-очень *большая* — БОЛЬШАЯ! — геостратегическая игра, хоть в РФ знали всё или уж почти всё, да помалкивали, могли, да не делали, а ежели что-то и делали, то как бы «не можа». Однако Украина не только захотела на Запад, подале от России, но и засобиралась не куда-нибудь, а в НАТО, для начала хотя бы под НАТО, что, собственно, и пошло-поехало после свержения через Майдан законного Президента и воздвижения на властный верх вроде бы не явной, но вполне даже «ежу» понятной, агентыры Запада, как и того же НАТО.

88. Итак, мощнейшая провокационного характера удача Запада, мало что прельстившего собою пусть и не всю Украину, но таки сделавшего ее союзным-де форпостом в противостоянии, да что противостоянии, в борьбе с зарвавшейся-де, хоть и всё еще вполне лояльной к Западу, однако непредсказуемой, России. Что ж, случился «вдруг» Майдан, сменилась киевская власть, усилились гонения на русский язык, вспыхнула новая, уже бандеровская, то бишь нацистская, украинизация Украины, и тут-то вдруг обнаружилось, что не все на Украине регионы с их населением согласны с таковым укро-нацистским в Киеве переворотом, а первым поднялся против сего переворота Крым, не забывший своего еще не стёршегося из памяти крымчан пребывания в составе РСФСР, как и не забывший вообще более всего своей русскости и, скажем откровенно, ибо знаем, о чём говорим, не отказавшегося от своего непрестанного неприятия «украинства», даже

и со стороны преобладающей части крымско-татарского населения. Крым взял вдруг, да и провозгласил не просто свою автономию в составе Украины, как это уже было ранее сделано, но и высказался на народном референдуме за выход из состава Украины и за восстановление своей принадлежности к России. В ответ на эту крымскую дерзость Киев было затеял вооруженное принуждение Крыма к покорности, да не тут-то было: крымчане немедленно ответили на сие созданием добровольных боевых дружин сопротивления. На выручку к крымчанам, как хорошо известно, пришла тогда РФ со своими загадочными «вежливыми людьми» в масках — спецназовцами, включая и элитную часть, имевшую своим символом не что иное, как ночную летучую мышь: без шума, стало быть, тихо, в любое время суток, особенно в ночной темени. Двинувшиеся было воевать Крым киевские боевики, недолго думая, повернули обратно, а располагавшиеся в Крыму формально украинские армейцы предпочли либо перейти на сторону крымчан и остаться в Крыму, либо спешно отъехать в «незалежную». Говорю обо всём этом не ради фактологического осведомления читателя-нечитателя, ибо всё это и так хорошо всем известно, а ради, во-первых, акцента на бесспорно решительном вполне патриотичном и борческом за русский мир поведении РФ, ее Правления и армии, как и лично Президента РФ, без личного решения которого ничего подобного бы не состоялось; во-вторых, ради уяснения довольно-таки загадочного на тот момент поведения благословенных США, чьи армейцы уже приступили к проектированию на месте, аккурат в Крыму, где-то в окаёмах Балаклавы, рядом, пардон, с Севастополем, этим, как поётся в известной песне, «городом русских моряков», не чего-нибудь, а американо-НАТО-вской военной базы (ничего себе!), однако внезапно, аккурат перед (!) вхождением в Крым российских армейцев, сии строители оттуда ретировались по команде из США, которые тем самым как бы... э-э... то ли пригласили, то ли заманили РФ в Крым, может, рассчитывая на вспышку там (или оттуда) войны между РФ и Украиной, чего там (или

оттуда) тогда не состоялось, но что состоялось-таки затем в Донбассе; в-третьих, ради сожаленческого акцента на том факте, что руссо-интернациональной, а вовсе не украинской, Одессе, оказавшейся в том же положении, что и Крым с Донбассом, аналогичной борческой помощи РФ оказать не смогла, хоть и намерение сие и даже кое-какие приготовления к сей акции имели место. Из чего и наше сакраментальное заключение: да-а, насколько же всё вокруг происходящее таки зависит от Неизвестности, что вполне понятно, и от того же Иного, что хоть и понятно, да не вполне, ибо оно — Иное — многолико и лицедейно, а в сонме его лик (или личин) и такое «лико» (оно же и «лихо»), как лицемерный Запад и нелицеприятное западничество, которое выдающийся русский мыслитель XX в. А.А. Зиновьев, немало всё это лично познавший, назвал, соединяя филологически вроде бы несоединимое, весьма презренно «западнизмом» (читай «заднизмом»), тем самым «западнизмом», которым хворают, истово тем гордясь, не одни благоверные «укры», но и наши разномастные «элитарии», да еще и совсем не в малом числе, к тому же вовсе не отстоящие на почтительном расстоянии от власти и вообще системы управления, то бишь от очагов как раз судьбоносных решений и нерешений, как и от дармовых, весьма и обильных аки «скатерти-самобранки», кормушек тоже.

89. В итоге завязалась-таки война между Украиной («Укронией») и РФ (Россией), пусть для кого-то и между РФ-агрессором-де и Украиной-жертвой-де, и хотя сия война получила в РФ скромное символическое обозначение как СВО (Специальная военная операция), но от этого войной быть не перестала, кстати, весьма и весьма ожесточённой. Так или иначе, но Запад втянул-таки РФ (Россию) в войну с Украиной (Укронией), даже не так нарушив какие-то чисто словесные договорённости еще с М.С.Г., сдавшего Западу всё, включая и родную-неродную ему страну, не то что центрально-европейских союзников СССР, входивших в МСС (Международную социалистическую систему), но и входившую туда же

отвоеванную в войне 1941—1945 гг. часть Германии — ГДР, в общем, не нарушив вовсе какие-то там мифические устные договорённости с великим престижитатором М.С.Г., а просто наплевав на них, если они вообще были (кажется, были, даже в письменном виде!), и двинувшись вместе со своим НАТО на Восток Европы, аккуратно сначала к границам оставшейся от СССР Российской Федерации, а затем, развязав с ней через посредство дурашливой «Украинии» прокси-войну, Запад сам стал таким же «прокси», принимая в сей войне самое непосредственное прокси-де-участие в виде поставок вооружения, финансирования Украины и ее армии, предоставления ВС космосогенных разведанных, прямого участия своих военспецов в обслуживании на Украине боевых западных техносистем. И опять мы говорим здесь обо всём этом не ради информирования читателя-нечитателя о хорошо ему известной чисто военно-событийной стороне дела, а ради кое-чего другого, даже на этот раз не ради разоблачения коварных-де действий Запада в отношении России, а ради акцента на своеобразном и никак не афишируемом характере и способе ведения войны, да не так в военно-оперативной ее части, как в военно-политической, но не в аспекте, конечно, политработы в действующей армии, а в аспекте именно общего характера и способа ведения войны, напрямую зависящих все-таки, помимо неодолимых обстоятельств, от замыслов и воли государственных Правлений, в особенности в данном случае, от РФ-Правления, причем в его никак особо не афишируемой... э-э... связке с Западом, разумеется, не союзнической, не партнерской, как и не откровенно вассальской, а так... войно-стратегически-деловой!

90. Да, война сия ни с одной из воюющих сторон официально не объявлена (Постмодерн, ведь!), хотя ведётся она вполне себе как настоящая война, правда, более всего на линии соприкосновения армий, а за последнее время и в ходе ракетно-дропо-авиационных ударов по тыловым, военным, энергетическим, частично и логистическим, целям противника, похоже, с явным превосход-

ством в этом деле РФ, однако без существенного или вообще без поражения прежде всех важных логистических целей — пограничных ж/д тоннелей, как и узловых ж/д станций, мостов, аэродромов, морских портов, как и перевозящих вооружение из Европы или еще откуда транспортных, в том числе и иностранных, средств, как и нет поражения административно-правленческих объектов, не говоря о хорошо известных разведке отвратительных мошеннических колл-центрах. Нет и никаких прорывных на тыловой оперативный простор сражений, а идет изнурительная, аки на татами, схватка армий, скажем так, на месте, хоть и с медленным продвижением наступающих-де российских войск на какие-то небольшие расстояния вглубь занятой, обороняемой, плацдарменной территории. Речь у нас идет, повторяем, не о военно-оперативной стороне дела, а о весьма необычных характере и ходе войны, которая и в самом деле представляется какой-то прокси-, почти-, поли-, недо-, даже и квази-войной, не исключаяющей при этом массовой гибели участвующих в боесоприкосновениях бойцов и мирных жителей по преимуществу прифронтовых территорий. Кроме этой внешней, как-то замечаемой, фиксируемой и даже пусть и малопонятной, но все-таки преподносимой в СМИ стороны сей весьма странной войны, причем войны РФ не так с Украиной как таковой, как с «оборонительным»-де пактом западных государств, называемым НАТО, выходит, что у этой войны есть еще и какая-то теневая, чуть ли не договорного характера, подоплёка, отчего и вооружение с Запада почти открыто поставляется на Украину, доходит до фронта и только там вроде как уничтожается российской армией, терпящей при этом людские, оружейные, технические потери; и «ихние», то бишь западные, добровольцы-де участвуют в этой, вообще-то ими особо и не понимаемой войне, не избегая на ней и собственной гибели; и ВСУ получает от западных группировок необходимые для боевых техносистем разведанные навигационного характера; и западные высокопоставленные вояжёры-поджигатели войны с комфортом постоянно навещают Киев

и с тем же комфортом, сделав свое провокационное дело, его покидают; и финансирование этой войны хоть идет в основном от Запада, да вот трудно не предположить, что и за наши, так сказать, российские денежки, со старанием до сих пор переводимые лишь номинально по территориальной принадлежности российским ЦБ как раз туда — на Запад, — и вот отсюда, в общем-то, и вопросы, вопросы, вопросы, кстати, как раз вовсе не военно-оперативные, а вполне себе военно-политические, да и не политруковские, а, знаете ли, аккурат войно-стратегически-деловые (???). Взять хотя бы печально известную Курскую авантюру Киева, вторжение ВСУ на РФ-территорию, — что, сие было так уж для РФ неожиданно, что, разве военная разведка РФ ничего не знала о скоплении укровойск в предкурском приграничье и их агрессивных намерениях, что, разве нельзя было дать сразу же эффективный отпор агрессору и гнать противника аж до Киева? Опять лишь безответные вопросы! Да и сейчас, когда США настаивают на немедленном мире меж РФ и Украиной, а война-таки продолжается, причем вполне, кажется, со стороны РФ и обоснованно, и в меру успешно, но... на каких же тогда условиях должен состояться сей мир, точнее, за какую же со стороны РФ очередную плату? Опять лишь безответные Анкориджного окраса вопросы! Понятно, что здесь присутствует естественная для таких случаев тайна, но коли уж ввязались в войну, да еще и с благородной для русского мира целью, то отчего не вести все-таки более настоящую, что ли, войну, тем более что РФ-политпропаганда уже давненько толкует не о чём-нибудь, а об отечественном — ОТЕЧЕСТВЕННОМ! — характере ведущейся войны: быть, выходит, стране или не быть?! Ах, этот Запад, ах, эти англосаксы, ах, этот нынешний непредсказуемый-де Трамп, хошь не хошь, а они все тут как тут: как были в «раньше времена», как есть сейчас и, как видно, еще при Russia побудут!

91. А что в самой по себе нынешней России в образе РФ со всеми своими высшим, весьма и потаённым правлением,

никому демократически не подотчётным, ручным для Правления парламентом, загадочным неуправлением, вполне себе процветающим олигархатом, подсадными топменеджерами, удобными банками и незатейливыми банкирами, унылыми предпринимателями, безнадежными фирмами, многочисленными, аки перелетные птицы, иммигрантами и бесчисленными, аки саранча, эмигрантами, с сонмом иноагентов, с кем и чем тут еще?, ну и с прозападными, уже в расцвет нынешнего режима, никак и не определимого, кроме, пожалуй, режима личной власти (тут приходит аналог из практики правления Ш. де Голля во Франции 1950—1960-х гг.), ибо о коренном полиэтническом народце, не на шутку заражённом потребительством и поиском личной удачливой доли, говорить как-то здесь и смысла нет, ибо его — народа — как бы и нет, за исключением, разумеется, участников СВО, однако, заметим, вовсе не обойдённых приличным вспомоществованием, что не подвергает, конечно, сомнению ни проявляемого ими мужества, отваги, даже и героизма, однако... однако, помимо всего этого, еще и с внезапными, здоровым умом и непостижимыми, до реформами и преобразованиями: образования, науки, здравоохранения, ЖКХ, чего там еще?, приведшим, вольно или невольно, прямо-таки к какому-то гегельянскому снятию школы как школы, вузов как вузов, техникумов как техникумов, ПТУ как ПТУ, науки как науки, во всяком случае, — мировоззренчески-гуманитарной, Академии наук как Академии наук, здравоохранения как здравоохранения, ЖКХ как ЖКХ, а заодно и всего искусства как собственно искусства, а на снятие этого последнего даже не понадобилось ни указов свыше, ни каких-либо особенных реформ, ибо искусство само кинулось в омут постмодернового самоотрицания, в общем, то еще ультра-де-современное реформирование и такое же преобразование, они же и грубая, неумная, фальшивая переделка, достигшая лишь одной для объекта реформ и преобразования цели — платно-коммерческой, но никак не повышения где надо эффективности, гуманности, приближения к истине, высокой

культуры, изысканного вкуса, бесспорной красоты! Да-а, вопрос тут большенький, противенький, да вот кто и как на него ответит, ибо ни официальных концептуальных деклараций и разъяснений, ни народных вечевых сходов (не считать же за них постмодерновые в неисчислимом числе тусовочные форумы с уймой много ни о чём не говорящими «панельными спикерами»). Хошь не хошь, а от реальных ситуационно характерно характерных тенденций никуда, ни за какой аудио-визуально-пресс-пропагандистской завесой не скроешься, а дело-то обстоит так, что результатом всех реформ и преобразований, да и попросту бытийно-исторического самотёка, в приоритете-то не что иное, как денационализация, дебилизация, нарочитые феминизации и демаскулинизация населения и социума, разложение системы управления, как и их коррупционизация, даже, о-о, Боже!, практически тотальная... э-э... мошеннизация, в придачу еще и, страшно сказать!, дероссиезация России, ее азиатизация («чингизизация, кавказизация»), чего властные правленческие верхи не только не могут не знать, а за что несут и прямую ответственность, — вот так!, и то ли они заинтересованы (!) в этом, тогда почему?, то ли ничего с этим поделать не могут, что, в общем-то, более или менее понятно, то ли попросту предпочитают, вполне и легкомысленно, всего этого не замечать, аккуратно как малые дети, закрывающие ручками глаза, думая при этом, что их никому и не видно. В любом варианте здесь роковое и чреватое *такими* — ТАКИМИ! — последствиями, что об этом лучше помолчать, оставив сие на фантазийное мнение читателя-нечитателя!

92. Ну а сама *соцгоссистема* — СИСТЕМА!, есть ли она и какая? Да, в РФ ныне хоть и для людского большинства второсортное, но все-таки «потребительское общество», впрочем, не общество, конечно, а скорее, населенчество, всё менее коренное, а всё более заезжее, разумеется, прибывающее и убывающее более всего со своего родного, совсем и не дальнего, Востока (среднеазиатского), совсем нередко недурно говорящего по-русски,

в основном в РФ работающего, занимая целые трудо-отраслевые ниши, но сам чёрт не знает, чем многие из них здесь занимаются, кроме, конечно, наркоторговли, однако весьма и весьма, в отличие от «коренников», экзистенциально собой и своим в РФ-пробытием довольного, вполне по-хозяйски себя в РФ и чувствующего. Что еще в РФ, кроме разнообразного потребительства и бесчисленного иммигранства? Всё менее образованного люда, то ли уже и полулюда, может, и постлюда, ежели уже не какого-то нелюда, мало что из земно-космической мысли знающего, кроме, конечно, чего-либо прямо или косвенно денежно-потокowego, зато всё более необразованного, не знающего, не читающего книг, довольствующегося смартфонами, обильно льющейся из них информацией-дезинформацией, теми же фейками, вперемежку с картинками, фотками, играми, розыгрышами, включая и мошеннические, неплохо владеющего компьютерами вплоть до овладения «компаниями» ими самими «людьми», в общем, новое денационализированное и технейроцифровальное, кроме, пожалуй, осмотровых азиатов-мусульман, населенчество. Нет, это никакой не капитализм вовсе, тем более, никакой уж не социализм, с которым как бы покончено раз и навсегда, ибо всё это уже не более, чем бытийно-историческая и когнитивная *труха* — ТРУХА! Тогда что же, если не *ничто* — НИЧТО!, может, просто экономика? Нет, ибо экономика тоже уже точно такая же труха, еще, правда, прочно сидящая в головах людских, в особенности, экономически образованных, а разве лишь это финансизм (или финансомика), однако не финансизм простой и не простая финансомика, то бишь уже не эконо-капиталистические, а... э-э... не падай в обморок, политэкономически подкованный читатель-нечитатель, ибо это самый что ни на есть модерновы́й ФФ — ФИНАНСОВЫЙ ФЕОДАЛИЗМ, аккурат с разделенной на финансовые феодалы (владения) страной вкупе с их — феодалами — населением, немало и крепостным — хоть трудящимся, хоть баклуши бьющим, хоть уголовным, это уже не столь важно. Есть тогда и финфеодалы

с постоянным феодальным доходом и соответствующим его перераспределением куда, как, почему и зачем надо, а там уж — наверху — никакие не привычные слуху олигархи, а самые что ни есть *магнаты* — МАГНАТЫ!, они же и магниты, притягивающие к себе не одни денежные доходы, но и разнообразное имущество, и власть, и политику, и пропаганду, и сластолюбие, и «рои» всяких слуг, включая и самих олигархов, и топ-менеджеров, и артистов, в общем, всё и всех! И как это сие может быть, то бишь экзистенцировать? А очень просто: в среде, в рамках и под властью не чего-нибудь, а ФА — ФИНАНСОВОГО АБСОЛЮТИЗМА!, эпицентр которого не в Европе и не в Евразии, вообще не на «Суше», а там — на «Воде», среди «Воды», на островах, за морем-окияном, а по большей своей части — в тамошней тени, в «глубоке», в тиши, отчего его просто так и не обнаружить! Ах, этот доллар, ах, этот фунт стерлингов, каждый из которых вовсе не фунт «изюму», а большой такой невидимый *фантом* — ФАНТОМ!, ну и целый всемирный *фестиваль финансов* — ФЕСТИВАЛЬ ФИНАНСОВ! — (опять это ФФ!), да что поделать, ежели так оно всё и есть, аккурат этот непрерывный грандиозный финансовый фестиваль, он же и карнавал, в кругосветном круговороте которого кружатся ладно уж что все люди-земляне, но ведь и банки, и фирмы, и предприятия, и театры, и школы, и стадионы, и детские сады, и целые секторы, отрасли, регионы, страны, континенты, и весь ЕС тама, весь БРИКС тоже, и ШОС, и СНГ, как и сама круто де воюющая с Западом РФ, а где же им всем вообще-то на этом Свете быть, не на безжизненном же Марсе?!

93. Можно сказать, что несмотря на ведущуюся войну с укро-НАТО-нацизмом, пусть и войну во всех практически отношениях, кроме защиты русского мира и самой России, весьма все-таки странную, так вот, несмотря на эту странную войну, в нынешней 2025 г. России-РФ достигнут апогей в превращении России-СССР в Россию-РФ, причем уже до степени подморозки (или подсушки) всего достигнутого бытийно-хозяйственного, скажем

условно так... устройства страны, как раз Страны России, однако устройства не только скрыто-неопределенного (не откровенная здесь монархия, не действительная республика, никакая не истинная демократия, даже не всего лишь номинальная федерация, разве, пожалуй, фактическая империя, правда, с хитро прячущейся от пытливого взора, никак не афишируемой, хоть и трудно все-таки скрываемой, разумеется, постмодерновой, не классической *плутократией* — ПЛУТОКРАТИЕЙ!, а кому сие словечко в новинку, то пусть заглянет в таком разе в словарь), но при этом, пожалуй, что вообще никак особенно и не устроенного в порядковом аспекте устройства, скорее, страна текучего, весьма и хаотического, состояния, как-то управляемого, при этом для верхов пока что весьма успешно, хоть более всего импровизационно, а то и просто наобум, хоть и не без скрытого, но зато указующего плутократо-прозападного стратегического стерженька, причем управления как-то очень уж густо замешанного на самом что ни на есть неуправлении, а то и антиуправлении, с полагающимся аномализирующимся ныне сим аномалиям субстанциальным произволом и ни перед кем и чем неответственностью за вроде бы обязательные для них функции-дела (безответственностью сие не назовёшь, хоть и она тут имеет место, а как раз именно не-ответственность с отсутствующей за что-либо не стайной строгой ответственностью).

Такое вот псевдоуправление всё более оснащается притуманенным и придурманенным технонейроцифровизмом, как раз более всего, как оказалось, отвечающим его — псевдоуправлению — потребностям: вроде бы в удобство и ясность «людям», а по большей части им не то чтобы в трудность, а как раз в операционально-головной туман-дурман, можно сказать, что и во *мрак* — МРАК! Ничего не скажешь: ловко, незаметно, эффективно, а главное, иллюзорно, в туне чего ничего не заметишь и не поймёшь, никакого, понимаешь ли, не обнаружишь обмана, не говоря о мошенстве, уже принявших практически квазигосударственный характер, а ежели чего вдруг заметишь и поймёшь, то ничего никому

не докажешь, более того, сам виноватым и окажешься, в том числе и в «неподкупном» суде.

94. Что это, если не великолепное изобретение даже не текущего века, даже не многовековой эпохи, а всего, знаете ли, Бытия-Истории зёмного человечества, и называется сие изобретение, как, конечно, публично никем не называясь, даже не управлением хаосом или в хаосе, что уже известно, а управлением через нехаосно организованный хаос, который, пожалуй, и великому хаоснику Трампу не снился: тут ведь Россия, а она, ох, как изобретательна, аккурат в стиле мифического русского кузнеца-Левши, что аглицкую металлическую блоху одной левой подковал. И что интересно: ежели у Левши подкованная блоха перестала танцевать, то у нынешних верховодов текущее бытие прекрасно вытанцовывает нужный им и ими управляемый пляс, правда, не совсем так уж и прекрасно, не без коварных сбоев, но все-таки вытанцовывает, в чём сему танцу помогает своеобразное, пусть и не совсем искреннее, в меру и не в меру обманное, прикрытие... э-э. нет, не одной лишь Великой Победой в Великой Войне, одержанной, правда, другими и *иными* — ИНЫМИ!, *не этими* — НЕ ЭТИМИ!, но и исконной-де русскостью (!), мало того, еще и, тоже, оказывается исконной имперскостью, но и, как теперь выясняется... э-э... *советским* — СОВЕТСКИМ!, знаете ли, прошлым, даже и, что совсем уж грозово поразительно, самим товарищем Сталиным с его сталинизмом! Да, сие обращение к только что отрицавшемуся генетическому и историческому прошлому говорит о многом, разумеется, не о его какой-либо реставрации, что невозможно и не нужно (впрочем... э-э... «как знать»!), но, помимо чистого пропагандизма, все-таки в движении, пусть пока и оживленно не пропагандируемого, *навстречу* — НАВСТРЕЧУ! — со всем этим недавним прошлым, опять же, в уже привычном и неплохо апробированные стили: тихо, незаметно, шаг за шагом, внезапно, по-новому, даже и по-иезуитски, вроде бы пока и понарошку, однако вдруг неожиданно способному обернуться в тайную

«нарошку», да не ту, что кем-то предвиделась, а совсем в другую, аккурат и непредвиденную, да такую, что мало никому и не покажется. Тогда что ж ожидать-то — ЧТО? А вот тут как раз благоразумно и помолчать, да не из страха попасть не в ту лузу, а всего лишь потому, что это — ЭТО! — уже в ведении отсутствующей пред взором людским Неизвестности да под влиянием неподвластного человеку Иного, не говоря уж о независимой от человека воле Господа Бога Творца! Однако, увидится!

95. Вокруг такое крутое изобилие притворства, сусальности, приторности, фальши, обмана и торжествующей лжи, как и, разумеется, антикультуры, если не похабства, что диву даешься, как еще могут проявляться какие-то искренность, праведность, бескорыстие, сердечность, честность, культура, высокая гуманитарность, в общем — человечность в ее небескворно нажитом веками естестве, — уму непостижимо как, конечно же, уже остаточное, отходящее, напоследок!

96. На этом можно и завершить наш умопомрачительный, для кого-то невыносимо долгий и нудный, а для кого-то, к сожалению, слишком краткий и недосказанный, обзор Бытия-Истории сначала как бы доисторической протоРуси, затем исторической-де Руси, включая Святую Русь, потом уже России как именно России в образе более всего Российской империи, а далее уж как СССР, а в самом конце уже как возникшей в самом начале 1990-х гг. и ныне фантомно-реалистично экзистенцирующей Российской Федерации. Да, мы еще раз подтверждаем, что это не тщательно представленная фактологическая история Руси-России во всех ее действительных и надуманных обликах, выше охарактеризованных, хоть и не без некоторой, вполне, как нам кажется, добросовестной фактологии, но в главном метафизически нами за десятки лет выработанное и в меру методологически обоснованное представление о не одно-двухтысячелетнем бытии, включая и, как принято говорить, доисторические корневые исходы, Руси-России, что и позволяет прийти к весьма любопытному заключению: Бытие-

История Руси-России все-таки очень необыкновенное Бытие-История, что говорит и о необыкновенности самого этого бытийно-исторического феномена — Руси-России! В чём же сия необыкновенность? Пожалуй что, в характере самого хода Бытия-Истории, наличия в нём особого рода цикличности, обязанной периодическому отрицанию Руси-России, немало и *самоотрицанию* — САМООТРИЦАНИЮ!, с периодическим же воссозданием Руси-России, причем по преимуществу, как раз *самовоссозданием* — САМОВОССОЗДАНИЕМ!, правда, уже в каком-то новом, даже не в облике, а в образе, не особенно и предусмотренном мотивами предшествовавшего отрицания и его к чему-то новому, вовсе и не русо-российскому устремления. Этакая тут эпохальная обновленческая цикличность, однако поначалу диктуемая заимствованием нового образа извне, из тех же древних Рима или Византии, а затем из той же зрелой Европы, но с обязательным перевариванием в своем чреве всего заимствованного и выдачей на свет Божий уже чего-то *своего* — СВОЕГО!, разумеется, своеобразного, опять же до поры до времени, то бишь до очередного себя же отрицания, вовсе не обязательно, что с очень уж удовлетворительным для себя же результатом.

Отсюда и другое заключение: об *иномирности Руси России*, ее какой-то странной либо непринимаемости этого зёмного мира, либо, наоборот, непринимаемости Руси-России этим зёмным миром, отчего и постоянная, пусть и периодическая, время от времени, смена «кожи», точнее, образа, причем абсолютно радикальная смена, до изнеможения, чуть ли не до гибели, включая и риск самоубийства. Что ж, такая нам, ее сынам и дочерям, досталась родимая сторона-сторонushка, она же и страна, как и Родина, как и Отечество, а вообще-то *цельный родной мир*, когда Русь-Россия не локальный вовсе географический феномен, а мёрвый и мировой, при этом сам, знаете ли, распространяющийся вширь, да что вширь, и вглубь тоже, отчего и постоянная борьба с ним извне и изнутри, агрессивные и гражданские войны, включая

и нынешнюю странную войну, о которой как раз шла у нас речь выше. И что? А всё то же: воюем, причем вроде бы за себя, за свой мир, а ведь не только, за что-то... э-э... *Неизвестное* и *Иное*, да-да, НЕИЗВЕСТНОЕ и ИНОЕ!, причем нынче уже не только, а может, и не столько за и для себя, хоть это так или иначе есть, а за всё и за всех, даже и для всего, знаете ли, зёмного (земно-космического) мира, вполне себе и Божиего! Да, как заметил когда-то мужественно-прозорливо Александр Сергеевич Пушкин, никакой другой Родины со всей ее, добавим от себя, неординарным прошлым, странным настоящим и неизвестным будущим, нам — русам-русичам-русским — и не надо, за что все великие и не очень русские *люди* — ЛЮДИ! — стояли, стоят и будут стоять, самоотрицаясь, подражая, принимая, переваривая, изрыгая, отвергая, обновляясь, но и предлагая, воюя, сражаясь, спасая, изменяя всё вокруг, в общем, всюю под Богом, который Русью-Россией непосредственно и управляет, неординарно, может, даже и слишком неординарно, но тем не менее, именно так, как было, есть и, надеемся, еще будет на свете Божьем, аккуратно вопреки уже присутствию ИИ в массе голов людских и почти привольно экзистенцирующем!

И что же?

Русскость

Нечего о сем сказать, кроме одного — *иномирность* — ИНОМИРНОСТЬ!, а что это такое, кто же из сеюмирных знает, кроме Господа Бога Творца, может, и Мироздания вкупе с Землей, ну и Великой Неизвестности вкупе с не менее великим по функциональной значимости Иным? Да, русскость вроде бы присуща Этому земно-космическому миру, однако, какая же она в связи с этим неуловимо странная, что не значит, что хорошая или плохая, хотя в ней всего этого хватает, главное, она как бы засекречена, закодирована, отчего и не прочитываема на бытующем земно-космическом понятийном языке. Без понятий она,

русскость, ну и, само собой, без себя же понимания, причем ни самою собою, ни, тем более, другими, в общем, *иная она* — ИНАЯ! В самой этой инойности ничего ни хорошего, ни плохого, да и не прячется русскость ни от чего своего ни на Земле, ни в Космосе, однако она вот такая, какая уж есть, а раз есть, то это для чего-то все-таки надо, как минимум, для неожиданной экзистент-импровизации, от которой бывает по-разному: и добро, и худо, и страшно, причем, что для самой русскости, что для нерусскости, но ведь должен же быть на Земле *экзистент-импровизатор* — ИМПРОВИЗАТОР!, он же и выручатель, и гонитель, даже и погубитель, как и сам для себя и не для себя экзистент-экспериментатор, подопытник, в общем — ИНОЙ!, даже сам для себя иной, не то что для иных (других). Русскость — начало и конец в трансцендентном экзистент-единении: вот вроде бы оно — начало, но тут же, видишь ли, и... конец, вот он — конец, но тут же, понимаешь ли, и начало! И как бы ни пытались Бытие с Историей обуздать русскость, покорить, обрамить, по-своему упорядочить, чуть ли не в концлагерь загнать, и на время иной раз вроде бы что-то подобное удавалось, что усилиями изнутри, что извне, что, как правило, вкуче, однако... бац!.. и вот она — разудалая русскость, вовсе, кстати, не сплошь в ней дурь, к тому же более всего напускная, нет, как раз нет, умна, зараза, умна, а вот дурит, точнее, не дурит вовсе, а что-то ищет, меняя стесняющие ее одежды и отбываясь, что от врагов, что от «друзей», а может, ничего и не ищет, а просто ждет, тогда чего же? А все лишь ИНОГО, как раз того, чего нет на Этом Свете, а может еще и Света-то тут никакого нет — СВЕТА!, так что ждет она чего-то большего, чем ИНОЕ, как минимум какого-то ИНОГО ИНОГО! Загадка тут, *тайна* — ТАЙНА! А пока вот бытует она, русскость, обманываясь и опровергая, терпя лишения и неудачи, а то и взлетая вверх и побеждая, главное же, остава-ясь, а пока есть она, пока и МИР есть, вот оно как!

Русские

Не только и не столько этнос, а речь у нас о тех прежде всего, кого с некоторых пор стали величать «великороссами», даже и не суперэтнос, как некая своеобразная раса, если в восприятии «расы» отвлечься от привычного ее понимания с привычным набором рас, а иметь в виду некую разновидность зёмного люда, оказавшегося неизвестно как носителем того, что мы только что выше охарактеризовали как *русскость* — РУССКОСТЬ!, которая то ли вынужденное видовое бремя, то ли выразительное видовое достоинство, то ли функциональная, тоже видовая, миссия, а скорее всего всё это сразу, что называется, в одном флаконе. Да, русские, безусловно, европейцы, однако восточные, да, русские, пусть и небезусловно, но азиаты, естественно, западные, можно сказать, что евразийцы, хотя ежели поскрести каждого русского, то обнаружив в нём много чего из разнообразного этнонаследия, непременно наткнешься на *русскость* — РУССКОСТЬ, даже ежели русский по происхождению человек не захочет более быть русским, постарается натянуть на себя что-то иное, внешне не русское, заговорит не по-русски, примет иную культуру, манеру поведения, даже и позу, однако... однако, ах, это «однако»!.. останется... э-э... *русским* — РУССКИМ!, ибо русскость, «хорошая» она или «плохая», нравится кому-то из русских или нет, не говоря уж о нерусских, это — не что-нибудь, а даже не родовая, а как раз видовая, *печать* — ПЕЧАТЬ! Русские не лучше и не хуже других, хотя, может, и получше кое-кого будут, может, и кое-кого похуже, а настоящего русского коренника это и не сильно волнует, просто (и не просто тоже) русские *иные* — ИНЫЕ!, вот и всё! И сориентированы русские, ежели обстоятельства этому не мешают и не отвлекают, не на что-нибудь, а на *иное* — ИНОЕ!, то бишь не на *это* — ЭТО!, с которым русские хоть и считаются, да вот предпочитают все-таки *не его* — ЕГО!, а вот что-о?, так они — русские — и сами не знают *что* — ЧТО!, ибо это ЧТО не от мира сего, как и, разумеется, сами русские, способные в массе своей

довольствоваться малым из всего мирского, проявлять чудеса стойкости и отваги, презрение к смерти и необыкновенную жертвенность. Ох, недаром, совсем недаром, великий А.В. Суворов после очередной своей и своего войска победы воскликнул: «Я — русский, какой восторг!». Вот и всё: не совершенство какое-то, не превосходство над кем-либо, а всего лишь *восторг* — ВОСТОРГ!, какой бывает обычно от сопричастности к чуду — ЧУДУ!

Русский мир

Мир сообразованных между собой в мировое целое русских людей, питаемый и удерживаемый идеальной, характерной субстанцией — *русскостью*, однако мир, хоть и ареально вроде бы целостный, но четких границ не имеющий, ибо он не только для себя и у себя, так сказать, дома, аккурат на той же Восточно-Евразийской равнине: от северного моря и Балтики до южных вод — Черноморья и Каспия, но и за пределами сего домового ареала: аж вдоль Ледовитого океана до океана Тихого, но и это не всё — русский мир, пусть и микроскопическими дольками, не считая уж кое-где и макродолей, повсюду хоть и не создает за границей никаких внутригородских «рашентаунов», а так, бытует себе и всё, сам иной, не мешая и ничему иному, а просто сходясь с любым иным, не стремясь это иное под себя переделывать, хоть иной раз и наполняет целые города за границей вроде того же китайского Харбина в связи с массовой русской эмиграцией по причине реввоенсобытий 1917 и последующих годов. Да, есть русский мир как именно целостный, хоть и не ограниченный, за исключением некоторых периодов, никакой непроницаемой чертой, а потому и открытый, мир, однако и весь зёмный мир для русского человека по-своему... э-э... *русский*, то бишь *свой* — СВОЙ!, но не в плане устремлённого доминирования где-то во вне себя, собственно русского мира, а потому что мир земный... Sic!.. русской душе *не чужой* — НЕ ЧУЖОЙ!, даже и откровенно русскому миру враждебный, как правило, по идейно-гео-политиче-

ским, немало при этом и надуманным, как и намеренно агрессивно-колониальным, мотивам, хоть однако есть же оно, да еще как есть — это неприятие русского мира, замешанное на неискоренимой и весьма иной раз откровенной русофобии, есть! Правда, есть и извнешнее приятие русского мира, пусть и не русофилия в своей одухотворённой полноте, но все-таки мало что она есть, так ведь и немалая!

Русофобия

Да, есть, есть она — *русофобия* — РУСОФОБИЯ!, да не налётная, а укоренённая в веках, да ладно бы извнешняя, — чему тут удивляться! — а то ведь и изнутренняя, достаточно определенно заявившая о себе в то же Смутное время на рубеже XVII—XVIII вв., выразительно продолженная Петром I и далее, аж до правления немки Екатерины II, у которой хватило ума усидеть на горячем царском престоле, ставши какой-никакой, но все-таки *русофилкой*, а потом, уже после еврофила Павла I, хоть и в ослабленном виде, почти что и не как собственно «фобия», но русофобия по сути не исчезла мало что в той же Европе, но и в самой России, закономерно поощрившая к нашествию на Россию славного Бонапарта, однако, не помешавшая русичам не только отбиться от Бонапарта, но и войти еврофранкофильными победителями в Париж, а оттуда вернуться в среде дворянского сословия не то чтобы подокрепшими русофобами, но уж еще бóльшими еврофранкофилами, чем были до того — до вступления в благословенный Париж и пребывания в нём победителями, да и довести дело сначала, не желая того, до загадочного исчезновения в общем-то еврофильного императора Александра I и, уже того, видно, желая, до широко известных декабрьских, еврофильских, пусть и не шибко русофобских, декабрьских 1825 г. событий, наравшись, правда, аки не сильная волна на крепкую скалу, на волю хоть и не столь выраженного как бабушка его Екатерина II русофила, но и не ярого еврофила, нового императора Николая I.

Вообще русофобия так переплелась в бытии-истории России с русофилией, что можно даже сказать о явлении своеобразного, перекрученного внутри себя вроде генетической спирали с выходами на ведущее место то одного, то другого из составляющих спираль начал, идейно-политического феномена, совершенно и русского — *еврорусофобофилофеномена*, нашедшего вольное или невольное, осознанное или нет, отражение и в научной-де истории, и в художественной литературе, в особенности, сатирической, вообще в культуре, и, что очень важно, в не затихавших, а разгоравшихся еврорусофобопротестных настроениях, а главное, в набиравшем силу еврофилорусодвижении, как и всему этому русофильскому противлению в тех же истории, литературе, культуре, внутренней политике, ну а о расцвете русофобии по итогам ревсобытий 1917 и последующих годов до русофильского озарения грузина И.В. Сталина и говорить нечего, как и об откровенно еврофильской русофобии гнусных 1990-х, которую невозможно было не то что предположить как реальность, а даже узреть что-то подобное в самом страшном пророческом сне. Да, в 2000-е внутренняя русофобия поослабла, ушла в тень, но и русофилия не явилась в стране на свет Божий победительницей, а лишь стала о себе сначала робко, потом сильнее, заявлять уже по итогам майданно-бандеровской на Украине русофобской и антироссийской революции 2013—2014 гг., вынудившей РФ-еврофильское руководство, как и в свое время И.В. Сталина, обратиться если не к русофильству как таковому, то хотя бы к поддержке и защите русскости, русского мира, русских, русского языка, русской культуры, в том числе и военным путем, что, правда, поначалу не сказалось всерьез ни на отходе от еврофильства, ни на приходе политического русофильства и лишь по истечении времени, когда Западная русофобия вкупе с антироссийскостью разгорелись всерьез и, кажется, надолго, РФ-правление, наступив на горло своей еврофильской песне, но пока не отменив при этом своей же безумной вестернизации страны, обратилось-таки, может, пока еще

декоративно, к тому, что мы здесь называем русофильством, что не мешает при этом притоку в страну пришельцев из пусть вроде бы и не враждебной РФ, но все-таки иноподобной, Азии. Есть, над чем думать, как и есть, чем всерьез заниматься: русофобия гибка, разноравна, многолика и коварна, а вместо широко известного: «Русские идут!» пора бы произнести совсем другое: «Русофобия идет!», отчего настороженное внимание, господа российских патриоты, и еще раз внимание!

Откровение!

Весь выше приведенный большой текст — никакая не истина, ибо *истины* — ИСТИНЫ! — никто из смертных не знает, а потому это не более, чем стремящееся к *правде* — ПРАВДЕ! — личное *откровение* — ОТКРОВЕНИЕ!, с которым вовсе и не обязательно уважающему себя ученому-научнику якшаться, мимо которого он, скривив свой умный рот, может и пройти, приняв сие писание за неученую белиберду, однако, которое, — как живое откровение, — ежели вдруг окажется по случаю внимательно и вдумчиво прочитанным уже не оставит инфицированного им сознания в покое вкупе с подсознанием, а главное — сверхсознанием, не проскочившим-таки при явлении на свет будущего грамотея и знатока мимо его пробуждающегося сознания, а все-таки его, сознание, надёжно задев, ну а затем и загадочно допустив его к откровенческому с реальностью брачеванию.

Всё вышеизложенное — *тайнопись* — ТАЙНОПИСЬ!, в некоторой степени конгениальная *мировой тайнописи* — ТАЙНОПИСИ!, нуждающаяся не так в разгадке, как в приятии пусть поначалу и отталкивающем, и опровергающем, и издевательски насмехающемся, но все-таки приятии — ПРИЯТИИ!, как раз том самом, которое в случае... нет, не успеха и даже не удачи, а... проникновения изменяет само сознание, делая его в купе с разумом, менталом, когнитивом, *иными* — ИНЫМИ!, а именно, удручённо-мудрыми!

Ничего хорошего для сложенного по-масонски и упакованного по-колониальному образованца — факт!

Вот мы всё говорим: Россия, Россия, а что она есть на самом-то деле эта самая Россия, не знаем, да и знать вполне не должны, а частенько и не хотим, хоть и любим ее как добрую мать, хоть и ненавидим как мачеху злую, а ведь от России русскому никуда — эксплуатируемой, обираемой, обманываемой, насилуемой, обжигаемой, поругаемой, да не кем-нибудь, а самими же так называемыми «русскими», а, ведь держащей, оберегающей, внимающей, жизнь дающей, при этом время от времени, от лица до лица и... мстящей, о-о, да как мстящей — беспощадно!

С вроде бы инертной и податливой Россией шутить-то нельзя, не то, что вдруг укусит — сожрет! А примеров сему хоть отбавляй!

Вот и выходит, что без России никуда и с Россией как-то опасно, правда, не для всех тут боязно, а лишь для некоторых — Русская Революция, а она ведь все-таки была, хоть и под нерусским поначалу и долгое время знаменем, точнее, устремлением, так вот их — ныне боящихся так ничему и не научила!

Что ж, пусть боятся, а ведь бежать-то уже почти что и некуда, да и там покой им только снится, в чём, в чём, а уж в денежных разорениях, имущественных реквизициях, «законных» присвоениях, неутолимых банкротствах, как раз не своих и не у своих, да еще и бежавших из России богатеньких «русских», благоденственный Запад, да и лукавый Восток, ух как хороши!

Россию вообще-то ждут *жгучие перемены* — ПЕРЕМЕНЫ!, ибо таков закон Бытия-Истории, а уж российского Бытия-Истории! — точно! — на аномалии, пусть для какого-то меньшинства и вроде бы исключительно благотворной, долго и далеко не проехать, а признаков исчерпания аномальных ресурсов в общем-то уже предостаточно, а главный тут показатель-предтеча, разумеется, почти и незаметный, уже налицо, а определить его можно вполне себе кратенько одним всего лишь словом: *заговорились* —

ЗАГОВОРИЛИСЬ!, что означает, что всему проговариваемому уже веры у народа, а особенно у некоторых особливо прозорливых гуманитариев, нет, а всё умалчиваемое обретает лишь символ жуткого *страшилища* — СТРАШИЛИЩА!, причем всё равно какого по сути и виду, главное — *предвестника* — ПРЕДВЕСТНИКА!, а вот *чего* — ЧЕГО!, то уж непременно вскоре и увидится!

Часть вторая

Философско-хозяйственная СТРАДА, или РУССКАЯ НЕВИДАЛЬ

Философия хозяйства *есть* — ЕСТЬ!, и есть, как, не побоимся сие утверждать, *великое достояние* — ДОСТОЯНИЕ! — русской и мировой гуманитарной мысли, однако достояние по сути своей *иное* — ИНОЕ!, не очень-то вписывающееся в общий учено-университетско-гуманитарный контекст, пронизанный якобы адекватным реальности и практически бесспорным научным подходом в Евро-Западной интерпретации, то бишь масонско-просветительской, а ныне и имперско-колониальной, отчего философия хозяйства занимает не ею выставленное поливалентное положение, когда подавляющее число гуманитариев относительно нее в «Нейтрале», о-очень значительные их число «Против», и это несмотря на официальное регистрационное признание философии хозяйства как действительного течения гуманитарной мысли, и лишь о-очень меньшее число, пусть и заметное, «За», отчего и своеобразная экзистенция философии хозяйства, а проще говоря, *судьба* — быть и при этом как бы и не быть, во всяком случае, пока — ПОКА!

Философ хозяйства

Полноценного (полносодержательного, полнокровного, полноодуховленного) философа хозяйства просто так не сыскать, может, и не как иголку в стоге сена, но уж аки в свое время Диоген с фонарем на ярком дневном свете, — точно!, ибо их — философов

хозяйства как таковых — единицы! Куда как больше вообще-мыслителей — ученых, литераторов, политиков, священников, деятелей искусства, даже и артистов, чьи взгляды, мысли и идеи могут быть близки ментальному философско-хозяйственному треку, но одно дело — вообще-мыслитель, совсем другое — *философ хозяйства*. Так кто же он — ФИЛОСОФ ХОЗЯЙСТВА?

Нет, он не просто философ, размышляющий над хозяйством или по поводу хозяйства как либо в общепринятом понимании (точнее, непонимании) пресловутой «экономикой», либо производством и потреблением благ, их распределением и присвоением, над богатством, бедностью, эксплуатацией одних людей другими и т. д. и т. п., что как раз делают более всего политэкономы, а не собственно философы, да и вольно, но достаточно строго, говоря, вообще-то он — философ хозяйства — никакой в банальном восприятии не философ в привычном университетском ментальном одеянии, а трансцендентно встроенный в жизнеотправительную (человеческую, природную, зёмную, космическую, мирозданческую, вселенскую, включая и божественную) смысло-несущую Реальность и, зная ее и не зная, полагаясь на ее трансцендентность, как и учитывая наличие трансцендентной ирреальности (Неизвестности Инойности), ее — этой Реальности — адаптер (восприниматель и переводчик), причем не просто самой по себе Реальности, а ее — Реальности — собственной (пусть это звучит и метафизически) философии, точнее *метасмыслософии* — МЕТАСМЫСЛОСОФИИ!, а поскольку так или иначе реальности жизнеоправительной, то и, собственно, ее — Реальности — *философии хозяйства*, точнее, *метасмыслософии хозяйства* — МЕТАСМЫСЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА!, ибо сама реальность в том или ином разе есть то или иное... э-э... *хозяйство* — ХОЗЯЙСТВО!

Ну, а коли уж сам человек имманент Реальности, то и к нему относится всё это хозяйствованное, да не просто деятельски-выживательное, а вследствие обладания сознанием —

СОЗНАНИЕМ!, причём как бы и по подобию Божиему, то бишь креативно-преобразовательного свойства, то человек мало что сам по себе (Sic!) *хозяйство*, мало что хозяйствует ради своего выживания, так ещё и хозяйствует с имманентно-трансцендентной целью креативного преобразования, а по-нашему так и *пересотворения* — ПЕРЕСОТВОРЕНИЯ! — что окружающего человека мира, что (Sic!) и *самого себя*!

Вот почему философ хозяйства... э-э... не просто любитель мудрости, как вроде бы любой философ, а дознаватель *мудрости мудрости* — МУДРОСТИ МУДРОСТИ!, как и ею, по возможности, пользователь: что, зачем, почему?, отчего свободно-вынужденно обращающийся за поддержкой к Софии Премудрости Божией, становясь при этом не так софиологом (не по Сеньке шапка, логосно-то обращаться с Софией), а *софиасофом* — СОФИАСОФОМ!, когда, как уже отмечалось выше, божественная Софiя в этой самой мудрости мудрости предшествует человеческой Софiи.

Для философа хозяйства человек — уникальный в Мироздании *хозяйствующий субъект*, но он — человек — и сам объект как имманентного (здешнего, более или менее знакомого, того же природного), так и трансцендентного (увы, не знакомого, хоть и как-то улавливаемого) *мирозданческого хозяйствования*, так что поди-ка, разберись!, кто и что тут в инициативе и приоритете.

К самому человеку философ хозяйства относится с учетом как его исходной животности, зверскости, бесовства, так и свойственной человеку, да вот вряд ли исходной, а, скорее, благообъемлемой, можно даже сказать, *сверхчеловечности*, отличающейся той самой созидательной *добротой* — ДОБРОТОЙ!, делающей самого человека благородным благом, без чего человеку как человеку не выжить и благотворно не похозяйствовать.

Не относя себя к просто философу и уж тем более к гуманитарному научнику, философ хозяйства не изоляционист относительно тех же гуманитарной науки и философии (особливо,

«научной»), а от них в известной степени самоотстранитель, не говоря, что их преодолеватель (и это есть!), главное, самоизбавленщик от всего вольно или невольно, осознанно или нет, круто задогматизированного, а потому мешающего, заслоняющего, путающего, искажающего, заблуждающего, обманывающего, и всё это им делается ради и вследствие прорыва к Софии Премудрости Божией, как миротварной, так и божественной, чтоб в диалоговом общении с ней приблизиться к истине — ИСТИНЕ!, пронизывающей мир, природу, Землю, Космос, человека, какой бы горькой сия истина (пусть лишь для человека и прокси-истина) ни оказалась.

Вот отчего философ хозяйства, как было только что заявлено — *непременный софиасоф* — СОФИАСОФ!, а его философия хозяйства по сути не что иное, как *софиасофия хозяйства* — СОФИАСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА!

Вот так.

Контекст

Философия хозяйства возникла и бытует не сама по себе и для себя, а в мало что в вообще-жизнеотправительном, но и в когнитивно-размыслительном, прежде всего, гуманитарном, контексте, будучи, пусть и несладким плодом этого гуманитарного контекста и его составным элементом, хотя, скорее, пожалуй, не элементом, а фракцией, питаюсь этим контекстом, его и оплодотворяя, с ним единаясь и ему же противостоя, не миновав известного признания со стороны контекста, но и не избежав себя же с его стороны не слишком известного, но достаточно масштабного и упорного, отрицания.

Итак, контекст, как невольный учредитель философии хозяйства, так и ее вынужденный отрицатель!

Признание — несмотря на свое противоречие и противостояние контексту, предложенная С.Н. Булгаковым гуманитарному миру начала XX в. *философия хозяйства* — ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА! — была в итоге защиты им одноименной докторской диссертации, хоть и нехотя, но признана, если не для всеобщего

применения, то хотя бы на право ограниченного существования, что-то вроде незаконнорожденного, но всё-таки содержательно отнюдь не пустого, «дитяти», более того, фактически-то не то равного, не то даже превосходящего своей смысловой начинкой ту же политэкономия, не говоря о ее марксистской версии.

В общем, то был неожиданно явившийся на Свет Божий золотой самородок, однако гуманитарному сообществу того времени в целом чуждый, но, в частности, всё-таки как-то в нём бытовавший, может, и золотой, но о-чень неприятной для гуманитарщины занозой, что длилось совсем недолго, аккуратно до революционных событий 1917 г. и последующих годов.

* * *

Любопытно, что Великий Н.Д. Кондратьев, с именем которого связаны так называемые долговременные хозяйственные (а затем уж экономические!) циклы, будучи аспирантом Московского университета, писал, как мне известно, одну из учебных работ аккуратно по философии хозяйства.

* * *

Перенесясь через годы намеренного забвения философии хозяйства наряду с другими булгаковскими трудами, как и самим именем русского гения, как и с трудами в лучшем случае сбежавших за границу или же высланных за рубеж, если на месте не репрессированных, русских не-р-революционных мыслителей, в общем, перенесясь как раз к моменту нового рождения-переоткрытия философии хозяйства в связи с выходом в свет моего «*Опыта философии хозяйства*» (1990), вовсе тогда не знакомого с булгаковским опытом, хотя с ним неизбежно и перекликавшегося.

* * *

Нужно заметить, что мой «Опыт» мгновенно разошёлся тогда по стране, по библиотекам и вузам, стал широко известен, хорошо принят, а сам его автор, что называется, «проснулся как-то утречком 1990 г. знаменитым», когда, знакомя меня с кем-либо говаривали:

«Это тот самый, что философия хозяйства!». Так что второе рождение философии хозяйства было вполне себе удачным.

* * *

Затем, в том же 1990 г., как я уже ранее и выше отмечал, вышла в свет *«Философия хозяйства»* С.Н. Булгакова, и наше незатейливое гуманитарное сообщество, в особенности, экономическое и философское, стало не просто связывать меня с С.Н. Булгаковым, а быстренько сориентировавшись, нашло для себя спасительное объяснение, сильно уже не вчитываясь ни в мой «Опыт», ни в булгаковскую книгу, что я, мол, сидя в каком-нибудь библиотечном спецхране, попросту содрал всё своё философско-хозяйственное у своего дореволюционного предшественника.

Всё как бы стало отечественному гуманитарству ясно: никакого открывателя-новатора из меня как современника бывшего тогда контекста уже не выходило, что и было не без удовлетворения воспринято многой ученой публикой, отчего она могла спокойно почивать на своих, в основном прозападных, ученых ложах, не испытывая уже никакой досады по поводу внезапного явления среди контекста какого-то там выскочки в виде оригинального-де философа хозяйства.

Пришлось мне даже публично (и печатно) объясняться, точнее, объяснять всё, как было, может, кого-то и убеждая в своей правоте, но из немногих, а вот печать если не плагиатора, то уж «заимодавца», на меня уже была возложена, и объяснения мои выглядели в глазах многих не более чем худым оправданием, а то и чуть ли не попыткой скрыть, как то оно вроде бы всё на самом деле было.

Да, С.Н. Булгаков, труды которого, появившиеся в 1990-е гг., я внимательно изучил, в первую очередь просто так не берушуюся *«Философию хозяйства»*, на меня сильно повлиял, поскольку он в свое время решительно и дальше отошел от гуманитарной науки-физики, чем это довелось в свое время сделать мне, и немало поэтому изменил меня, чего я никак не скрываю, сделав *иным* —

ИНЫМ!, однако всё-таки не религиозным мыслителем, каким был он сам, а, что немаловажно, *постнаучным метафизиком*, что затем и сказалось на моей дальнейшей работе над самой философией хозяйства, однако, при всем значении для меня С.Н. Булгакова, всё-таки не булгаковской, а *моей собственной* — МОЕЙ!

Видящий, да видит, что я не булгаковед и не булгаковист, а что я сам по себе, а не желающий ничего такого видеть как был нарочито слеп, так и остается слепым, тут уж ничего не поделаешь.

Что ж, несмотря ни на что, удалось-таки удержать, обогатить и довести философию хозяйства до вряд ли кем из гуманитарных знатоков-творителей достигаемых высот, сделав философию хозяйства *великим достоянием* — ВЕЛИКИМ ДОСТОЯНИЕМ! — отечественной и мировой гуманитарной мысли, не что-то там частное ухватившим, переварившим и протрактовавшим, а воистину переворачивавшим всё гуманитарное мировоззрение, превращая гуманитарность в *иную* — ИНУЮ!, с чем как раз бытующая ученая гуманитарная среда в основе своей согласиться и не может, точнее, может, и с чем-то она даже согласна, даже и сама кое-чем пользуется, естественно, без ссылок на первоисточник, но, но... не от своего же современника это принимать, не от тутошнего, вовсе не тамошнего, не ЕвроАмериканского!

Вот и выходит: признана вроде бы философия хозяйства и как бы при этом не признана, есть она вроде бы и как бы ее нет, а ведь она — философия хозяйства, вовсе не какая-то вещающая из гуманитарного подполья «театральная крыса», а не менее чем возвышающийся над гуманитарной «поляной» со светлой и яркой вершиной Монблан!

Игнорирование — все равно чего в интеллект-сфере, но непременно чего-нибудь из нового, необычного и по-особому значимого, а главное, опровергающего привычное, распространённое, усвоенное и, само собой, гешефтное, причем игнорирование под предлогом якобы непонятности всего этого нового, а то и его ненужности, а главное, из тщательно скрываемого *страха* —

СТРАХА! — вдруг ошарашенно убедиться в, мягко выражаясь, ошибочности, если не в порочности и ложности многого, из как раз привычного, распространенного, усвоенного и гешефтного, в чем никто из игнораторов никогда, разумеется, и не признается, — разве лишь за редчайшим исключением.

* * *

Для чего я здесь об этом? Нет, не для того, чтобы, защищая философию хозяйства и ее адептов, включая и самого себя, как-то посчитаться с негативом и с негативистами, хоть он и они этого немало и заслуживают, а чтобы указать на одну, в общем-то, весьма и очевидную, вещь-весть, что всё это, с одной стороны, откровенчески выведенное и предположенное новое, а с другой — его — этого нового — весьма энергичное бездоказательное отрицание, имеют кое-какое важное отношение, нет, не просто к интеллект-сфере, что само собой, то бишь не к знанию как таковому, а к... сознанию — СОЗНАНИЮ!, следственно, и к судьбе человека, человечества, вообще зёмного мира, ибо речь тут не о чём-то, не о чём-нибудь, а о мировоззрении — МИРОВОЗЗРЕНИИ!, а объяснять значение мировоззрения для сознания и экзистенции человека вряд ли тут необходимо: каков в идеально-духовно-воззренческом плане человек, таково и его бытие, и его судьба, как, собственно, и наоборот, но в данном конкретном случае важнее для нас как раз первое!

Да, пренебречь гуманитарной новизной, вроде той же философии хозяйства, возможно, на первый взгляд и не грех, да не то что недальновидно, а и, прямо скажем, небезопасно, да не для пренебрегателя, бог бы с ним, а для вообще-человека, ибо грядёт ведь его, этого вообще-человека, техно-нейроцифровизационное, отрицание, кстати, тоже ведь экзистент-интеллект-хозяйственный феномен, однако, иной, как раз иночеловеческий, если не попросту античеловеческий — тут есть, знаете ли, над чем в большинства тревоге подумать!

* * *

Гордыня — о-о, какая силища, особенно в творческих сферах. Надо быть непременно значимее других! Сначала кажется, что в той же ученой сфере надо просто знать больше других, размышлять больше, а вот потом... быть не просто умнее, талантливей, нет... а именно *значимее* — **ЗНАЧИМЕЕ!**

Заиметь положение, известность, славу, на крайний случай, просто себя так самоощущать — *значимым*, ну и при случае возвыситься, коли ничего тебя не возвысило, да не за счет себя, своих трудов, достижений, а за счет унижения других, желательно близких, кто тебя и так ценит, даже и немало преувеличивая, но у которых —этих близких — вдруг откуда ни возьмись свои труды, свои открытия, свои взятые вершины.

Тут уж гордыне полный ход! Как раз посредством унижения другого, желательно как раз ближнего, который тебя вроде бы ценит, лучше всего — друга, а случай, что случай, он-то как раз тут как тут и случается.

Я лично не верю ни в какие *имена* — ИМЕНА!, *именные* вроде бы достижения, не говоря уж о званиях, наградах, премиях, включая и нобелевские, пока не убеждаюсь сам в действительно великой *самости* любого *самого* де *самого*.

Жизнь меня убедила, что истинные творцы, отличающиеся простотой, скромностью, признанием и уважением другого, остаются как-то в тени, никто о них не знает, ну а слава с разнообразным гешефтом достается другим, нет, вовсе не глупым, даже умным, еще и не бесталанным, но, но... но... лишенным сакрального *дара* — ДАРА!, как раз оттуда — *свыше!*, а это уж удел избранных одиночек.

Правда, всякое бывает, есть и даровитые, да еще и не лишенные совести, что бывают способны оценить по достоинству истинный дар, даже не пытаться его как-то опровергать или себе присваивать, но, но... либо согласнодостигнутому другим уже по-своему умничать, а при случае не то чтобы выдавать за свое, а так... незаметненько им самолично *пользоваться!*

Гордыня, конечно — *вещь*, она же и свойство, однако мало что источник зла, так еще и скрытое оружие, превращающее творческую жизнь в *побоище* и, скажу я вам, совсем не игровое и не безобидное!

Держись, простой, наивный и обманутый гений, держись!

Зависть — о-о!, причем тут зависть? Увы, очень даже причем, ибо интеллект-сфера не сильно отличается в данном интрижном аспекте от сферы литературы или того же искусства, хоть и имеет свою особенность: не самому завистнику пытаться творчески возвыситься, чем доказать свое бытийное превосходство, ибо это ни для него самого, ни вообще никак невозможно, а вот возвыситься над уже возвысившимся актором посредством уже не игнорирования его достижений, а их «умного де отрицания», мол, всё *этакое* ничего не значит, разумеется, не приводя никаких доводов в пользу сего отрицания, ибо это тоже ведь невозможно.

* * *

Такая зависть особенно раздирает души близких, более всего однопоколенческих, не дай Бог, старших по возрасту, как раз вроде бы друзей, а то и реальных и не очень наставников, ради которых Пушкин как раз и написал своего **«Моцарта и Сальери»**, сам переживая к себе такого вот рода зависть. Это лишь мудрый В. Жуковский снял с себя сию позорную участь завистника — быть вроде бы другом-наставником, но при этом и завистником, признав гений еще совсем молодого Пушкина и подарив ему по сему поводу свой портрет с надписью: **«Победителю ученику от побеждённого учителя»**, зато чего-то подобного не смогли сделать другие пушкинские друзья-наставники, заставляя себя переживать неизгладимое чувство ревности к гению, а гения — чувство неизбывной досады. Нет, это не так Геккерен с Дантесом убили Пушкина и не царь Николай I с Бенкендорфом, да и не якобы завидовавший Пушкину Боратынский, сам изрядный поэт, а как раз «милые» друзья-наставники, имена которых называть здесь не стоит, а коли не веришь в это, читатель-нечитатель, то обратись к хоть и немало выдуманному фактологически, но зато чётко выверенному по моральной сути **«Моцарту и Сальери»**. А что касается автора сих строк, то он, может, и помалкивал бы, коли сам сего не пережил и не переживает, разумеется, не с сальериевской стороны.

* * *

Зачем тут об этом? А всего лишь потому, что такова она — интеллект-селяви: не так, так этак, а... плати, брат, плати, аккуратно

за высокое иноинтеллект-новаторство (не технонейроцифровизное вовсе), а ежели платить не желаешь, то ни тебе полетной неординарной мысли, ни благого творчества, ни обновляющегося интеллект-хозяйствования, ни интеллект-патриотизма. В общем, держись, первопроходец, недоумевай, сожалея, мучайся, а ведь обиходная зависть и нарочитое игнорирование есть не что иное, как ярые движители интеллект-процесса — вот оно как!

Ненависть — да-а, именно так — ненависть, да ещё какая, чаще всего скрытая, причём и за любезными улыбками и даже вполне себе на вид дружескими объятиями, однако всё-таки она — *ненависть* — **НЕНАВИСТЬ!**, на что досужий читатель-нечитатель, пожав плечами, заметит: «Бред какой-то!» Какая-такая, мол, еще ненависть, ну пусть несогласие, молчаливое игнорирование, немое отрицание, но уж не ненависть!

Э-эх, отвечу я такому «мудрому» читателю-нечитателю: «А откуда у тебя самого возьмется подобное... нет, не ощущение, а... ожог, да-да, самый настоящий ожог, ну пусть укол, укус, удар, какая разница, ведь сам-то ты, что называется, не в теме, то бишь ничего тревожно исключительного не сделал, будучи вполне себе благим, если не блаженным, аккурат «как все».

Только переживший или всё еще переживающий к себе и своему творчеству такое вот, выражаюсь помягче, неприязненное отношение, может *это* — **ЭТО!** — понять, а именно — явление опасной для «правильного», можно сказать, что и королевского контекста раздевающей его догола «неправильности». Увы, но это так!

Интрига — о-о, какая философско-хозяйственная категория, отражающая важнейший экзистенциально-бытийный феномен, увы, не исчезающий, проявляющийся повсюду, включая и саму Церковь, какой бы невинной и безукоризненной она ни представлялась пред светским, разумеется, совсем по определению и не святым, а вполне себе греховным, миром.

Интрига — великая движущая, как и стопорящая, сила, причём все равно где: в семье, в общине, на предприятии, в учреждении, в общем, везде, где есть человек, хозяйство, где есть борьба «за» или «против», а главное, стремление к успеху, удаче, возвышению, преимуществу, ну и желание унижить, расправиться, избавиться, но не только, ибо особенно распространена, скажем так, слаботекущая, обыденная, «по ходу дела», почти что невинная, как бы и безгреховная, интрига, проявляющаяся одним словом, гримаской, разумеется, информацией, точнее, информированием.

Вообще интриговать — обычное дело: пожаловаться, что-то конспиративно «на ушко» кому надо сообщить, даже надеясь сделать в итоге «как лучше». А как же еще? Можно и на глазах, и при ушах то ли виноватого, то ли что-то не сделавшего как надо, что-то проигнорировавшего, то ли совершившего что-то непотребное, проявив своеволие, неуважение к заведенному порядку, как бы интригануть внешне по-честному, да вот с какой при этом «стратегической» задумкой, поди-ка, угадай!

А что касается философии хозяйства, то помимо ее игнорирования и немного отрицания, можно о ней — непотребной — и кое-кому из «решающих», то бишь начальствующих, кое-что и нашептать, как и можно... о-о!.. много чего можно, было бы желание, причем не прибегая к невозможному открытому и обоснованному идейно-концептуально противодействию.

Да-а, есть, увы, есть это великое благо — *интрига* — ИНТРИГА!, воспринимаемая философией хозяйства как именно великое благо и на себе его действие стоически испытывая!

Противодействие — открытое, закрытое, изошрённое ли, «неотёсанное» ли — всё одно: не допустить, воспрепятствовать, помешать, разрушить, ликвидировать. О-очень бытийно-исторически обоснованное и весьма в интеллект-гуманитарной сфере реализуемое нечто — НИЧТОЖАЩЕЕ НЕЧТО!, не исключающее временами и суровых крайностей в виде откровенных гонений, а то и репрессий, еще и с летальным исходом.

Ах, этот гуманизм, да еще и для кого-то мало что неудобный, а попросту кому-то, включая и массовую гумсреду, окаянно чем-то угрожающий, причём, ладно бы за какую-то там «правду-матку», а всего лишь за несхожесть, особенность, исключительность, в общем, за *инаковость* — ИНАКОВОСТЬ!, может, и не за лучшую по интеллект-сути, а попросту за несущее в себе какое-то малопонятное, но весьма притягательное для части гумсреды *иное* — ИНОЕ!, которым его противникам почему-то не удастся ни попросту пренебречь, ни почему-то его просто так опровергнуть.

Не довелось избежать разного рода противодействия и философии хозяйства, как и связанной с ней гуманитарной мысли, включая и их институционализацию, либо вообще не допущенную, либо допущенную, но ликвидированную, разумеется, вовсе и не по интеллект-смысловым, а совсем иным соображениям и мотивам, в частности, по причине обережения от вторжения чего-то угрожающе инородного на несущую кому-то дармовые «ягодки» поляну, даже при том, что сие инородное ни на какое вторжение туда и не претендует, да что из того: инстинкт выживания и жизнеотправительного приоритета у «полянцев» превыше всего!

Поддержка — всякому действию, даже бытийно-исторически выдержанному аки в коньячной ёмкости изошренно негативистскому, есть противодействие уже вполне себе позитивистское, отчего тут и выходит явная странность: «противо» против «противо», — факт!

Философия хозяйства и связанная с ней гуманитарная (мировоззренческая) мысль имеют в своём бытии-истории не только интеллект-смысловое и институциональное признание, как и не только разного рода себя отрицание, но и разнообразную себя же поддержку: концептуальную, размыслительную, творческую, институциональную, административную, организационную, материальную, ну и, само собой, духовную, мало того — сакральную!

Нет, философия хозяйства вкупе со своей мировоззренческой мыслью не в полной изоляции, хоть и не на просторе, да и, несмотря на свою уникальность, не в одиночестве, ибо близкой ей в гуманитарном пространстве мысли хватает, что как раз и определяет жизнеспособность философско-хозяйственной мысли, возможность ее интеллект-хозяйствования, разумеется, при наличии собственных институционализированных скреп, о чем речь у нас еще впереди: и об акторах, и об институтах, да и вообще о реальном бытии-истории философии хозяйства, конечно же, в главном, даже и эскизно, ибо сие бытие-история достаточно уже продолжительно, объёмно и насыщенно, что заслуживает вполне себе многотомного представления, что на данный момент невозможно, и в задачи вашего покорного слуги и его помощников, увы, не входит: справиться бы с тем, что задумано и шаг за шагом мало-помалу исполняется.

Властитель и мудрец — Выпил итальянского вина. Ординарного. Неплохого. В удовольствие. Не пьян, даже не подвыпивши и не навеселе, а так, несколько расслабившись, ну и, как водится, подрасхрабрившись!

Чувствую себя в эту каверзную весну 2026 г. неважнецки, если не плохо. Закончил вчерне книгу, которую внаглую назвал *«Потрясающая книга»* (кажется, есть за что!).

В ней *всё* (или обо всём): и *иное* там понимание вещей (понятий, категорий, выдумок), самой реальности; и *иная*... нет, не история, конечно, а... *иное* представление о России, ее *Истории*, ее правителях; ну и нас — убогих — не забыл — о себе самом, о своем близком и дальнем круге соратников, так или иначе в моей жизни значимых, как и о созданных и руководимых мною *институтах*, частично не мною ликвидированных (кому-то ведь мешали!), в общем, поведал о своей личной и нашей *Истории*, как-никак о *своей* шестидесятилетней и о *нашей* тридцатилетней, весьма и насыщенных содержанием, да никак не банальным,

а своим оригинальным, не имеющим ни в стране, ни в мире аналогов — *первым и единственным!*

Ну да ладно, мудрец он и есть мудрец.

Это не квалифицированный ученый, даже не высоколобый мыслитель, а *проникатель* в суть бытия и вокруг происходящего, которого на эфирной мякине не проведешь, а потому для правления опасный, и лучше, ежели сидящий в нетях, а что касается его сентенций, то в нужный момент они используются, как правило, через годы, даже и самим владельцем страны, разумеется, от себя, от своего имени, ну и воспринимающийся как откровение свыше, становясь не более, не менее, как посланием подданным. Таков, так сказать, ныне закон управления.

Вот почему мудрец всегда в тени, в «пещере», его как бы и нет, хоть он и здесь, на свету, вовсе и не в труднодоступных горах и не в «глубоке» какого-нибудь темного ущелья.

Встреча властителя и мудреца возможна, но, во-первых, как необычайная редкость, во-вторых, ежели не мудрец вовсе, а правитель бывает достоин такой встречи, будучи ее же и зачинщиком. Уж лучше так: мудрец есть, но так, что его как бы и нет, а когда надо, то почему же закрытому мудрецу без шума не послужить верховному правителю, а тем самым и Родине?

Да, был вещий сон у мудреца в 2001 г., когда сидевший во сне напротив верховный произнес: «Да, вы правы, N.N., надо бы встретиться и поговорить!».

Ну вот, прошло четверть века, а никакой встречи как не было, так и нет, хотя и сентенции мудреца используются верховным, разумеется, от своего имени, и даже в стране немало делается в соответствии с чаяниями русского мудреца, тоже, разумеется, не от его имени.

Удобно!

Да, мудрец ни на что *этакое* и не претендует: он-то хорошо знает, что известность его так или иначе погубит, отчего «пещера» куда как лучше любого освещенного софитами сценического

помоста: одно дело болтать по команде сверху в набившем оскомину догматизированном ключе, совсем другое — вещать... Э... э... мать ее... правду!

Однако переключка-таки между правителем и мудрецом *есть*, хоть на виду никаких меж ними контактов, а все почему — реалии сами заставляют правителя действовать в соответствии с уже давненько предсказанным мудрецом, даже им пропечатанным, даже и гуляющем по Интернету, но, но... мудрец, на то и мудрец, чтобы к нему никто до команды сверху не прислушивался, а вот правителю, как кажется всех родов управленцам, ему-то немало бывает и виднее, тем более, что он в этом мире не один правитель, весьма и повязанный с другими — чем?, да чем угодно, что об этом вообще говорить, уж наговорились. Даже сам Иосиф Сталин был немало повязан, а что говорить о других фигурах-фигурантах, из которых и фигуру-то приемлемую не вылепить!

Причем все происходит вплоть до смены курса, хоть и далековато тут не зайти, а разве нет признаков?

Россия — не Америка, Москва — не Нью-Йорк, ну а Кремль, самой собой, не жалкий «Белый дом», отчего «Москва-Кремль-Трамп» никогда не получится, хоть «Трамп» уже там, как никогда не получится еще многое, о чем сказать хоть и можно было бы, да вот нужно ли — и так ясно!

Люди

Людей, имеющих то или иное позитивно-конструктивное отношение к философии хозяйства: творческое ли, воззренческое ли, одобрительное ли, как и в случае институционализации философии хозяйства, вспомоществовательное (благотворительное), даже и покровительское, в общем-то, немало, нет, конечно, их не тысячи, а вот сколько же реально никому, включая и меня самого, не известно, но еще недавно, в те же так называемые нулевые годы XXI в., их было не одна сотня, да еще с каким ученым реноме и гражданской значимостью — на загляденье!, а вот затем, после

нагрянувших вдруг намеренных сжатия и зажатия в ежовы рукавицы сферы гуманитарной науки, причем устроенных уже в десятилетие годы все того же XXI в. административной системой по типу сердюковской «благонамеренной реформы» армии конца нулевых годов, как и вследствие вдруг возникших ограничений в научной отечественной и зарубежной логистике, соответственно, и в личных взаимоотношениях ученых из разных городов, весей и стран, а также из-за перехода многих ученых в другие, так сказать, куда более кормящие, сферы занятости, как и вследствие электронно-ковидной диссипации ученого сообщества, да и просто из-за ухода многих ученых из жизни по возрасту или из-за коварного ковида, действующих адептов философии хозяйства заметно поубавилось, но свою пару сотен активных сторонников философия хозяйства все-таки имеет, правда, данный очерк не предполагает не то что энциклопедийного рассказа о каждом из них, хоть каждый этого и заслуживает, но даже и простого поимённого перечня участников большого философско-хозяйственного бдения, так что отступая от этой явно просящейся «требы», позволю себе поведать о некоторых из них, делая это как в особенности, так и местами по ходу своего «тягомотного» повествования.

Сотворители

Кто же они — творцы философии хозяйства как выделившейся из гуманитарной среды особой отрасли знания-размышления? Выкажем своё на этот счет мнение, исходя из своего понимания важного вопроса, своей в нём осведомленности и своей перед историей ответственности.

Посошков Иван Тихонович — первый, еще стихийный, можно даже сказать, эскизный, вполне и донаучный, философ хозяйства, во всяком случае — явный ее *предтеча* — ПРЕДТЕЧА! Доказывать ничего не будем, кто сомневается, пусть обратится к его основному труду — гениальной «*Книге о скудости и богатстве*» (1724), предназначавшейся им для Петра Великого, вполне

себе по-своему практического философа хозяйства, аккурат уже пережившего «измену» и «заслуженную» казнь сына своего — Алексея, как раз не слишком согласного с практической философией хозяйства венценосного отца, то бишь касаясь Петра уже не того энергичного и самоуверенного Царя-руссофоба и Царя-еврофила, а, хоть не хоть, внутренне уже завибрировавшего, если не надломившегося, абсолютного владыки.

Да, Посошков — простой человек из крестьян-ремесленников, причем из тех же подмосковных мест, что и сам Петр I, затем петербуржец, торговец, изобретатель, ну и Богом данный мыслитель, писатель, радевший о России, однако не совсем той, а которой радел сам Петр I, а об иной, аккурат (Sic!) *российской* — **РОССИЙСКОЙ!**

Насколько известно, посошковская «крамольная» рукопись не дошла до Петра I, который как раз в тот момент, как обычно, «неожиданно» для абсолютных владык, скончался, зато рукопись попала в руки тогдашнего всеильного властителя и гигантского феодального владельца земель и людьми А.Д. Меншикова, а сам Посошков загремел вдруг по толком не известному, скорее всего сфабрикованному, обвинению в Петропавловку, в каземат, где и был уморен голодом (1726).

Посошковская рукопись поначалу исчезла с глаз долой, спрятанная в каком-то из гостайников, а через десятки лет вдруг мало что всплыла, так еще и попала в руки самого М.В. Ломоносова, который не только ее внимательно прочитал, переведя на обновленный им же самим русский язык, но и отправил ее в только что образовавшийся по его инициативе Московский университет.

А там с ней, конечно же, ознакомились молодые «препы» Третьяков и Десницкий, которые вскоре отправились на стажировку в Шотландию к самому Адаму Смиту и, надо полагать, ознакомились с посошковскими идеями философа-экономиста Смита, у которого аккурат по времени после этого и появилось в 1777 г. его знаменитое *«Исследование о природе и причинах богатства*

народов». Нет, мы не уличаем великого Адама в прямом заимствовании идей Посошкова, но, тем не менее, любопытная тогда сложилась ситуация с не менее любопытным исходом, — не так ли?

А Посошков вроде и был признан в России, разумеется, скупое, а его труд даже был издан М.П. Погодиным в середине XIX в. и переиздан в СССР, но, но... как это и принято в Отчизне... не свой он был среди своих-де, а, скорее, чужой среди ему чужих или же иной среди тех, кто «как все», таким иным до сих пор и остается: кровавое это дело — думать о России, созидая для нее российский же интеллект-продукт, ох, какое кровавое! — да не только, знаете ли, в переносном смысле, не только как пустоপরোজন্যя фигура речи, хоть и не как, само собой, льющаяся рекой реальная кровь!

* * *

Прежде чем перейти к другому реальному персонажу философско-хозяйственной эпопеи, все-таки перечислю несколько имен, нет, даже не абрисных философов хозяйства, а просто мимо которых не пройти, рассуждая о русском философско-хозяйственном треке: здесь и М.В. Ломоносов, и Н.М. Карамзин, и А.С. Пушкин, и Н.В. Гоголь, и Ф.И. Тютчев, и М.П. Погодин, и В.С. Соловьев, и все славянофилы, и Н.Я. Данилевский, и К.Н. Леонтьев, и Ф.М. Достоевский, и Л.Н. Толстой, и В.И. Ленин, и Ф.Э. Дзержинский, и А.А. Блок, и С.А. Есенин, и В.В. Маяковский, и М.А. Булгаков, и Н.А. Бердяев, и В.И. Вернадский, и И.И. Ильин, и И.В. Сталин, и М.А. Шолохов, и А.Н. Толстой, и А.М. Горький, и, и... да мало ли еще кто: что в совсем «раньше времена», что в недавние, что и сегодня.

Их много, очень много, этих имен, я назвал лишь толику из них.

Кого-то, наверно, удивило включение в сию толику М. Булгакова, ан-нет, это совсем не случайно, просто надо посмотреть на его произведения не с открыто сатирической или даже осудительной стороны, а с иной — скрытой — стороны, и увидеть, чуть-чуть поразмыслив, в М. Булгакове вполне себе реалистичного философско-хозяйственного мыслителя, как, впрочем, и в любимом им Н.В. Гоголе.

Булгаков Сергей Николаевич — собственно философ хозяйства, не стихийный вовсе, не случайный, не «боковой», а, как бы сейчас сказали, прямоходный, центровой, то бишь осознанно целенаправленный — что на творческое отрицание политэкономии с марксизмом во главе (не абсолютное!), что на выход к философии хозяйства как таковой, причем *своей* — СВОЕЙ!, ставшись в этом деянии постнаучным первопроходцем, вовсе не исключавшим своего донаучного предтечи И.Т. Посошкова, как и в определенной мере уже научных-де К. Маркса, Ф. Энгельса, ни тех же Ф. Каутского, Э. Берштейна, не говоря о Г. Шмоллере, В. Зомбарте и М. Вебере, с которыми был лично знаком.

Написал в 1912 г. книгу *«Философия хозяйства»*, затем защитил в том же году по ней докторскую диссертацию, причем защитил в наполненном марксистами Ученом совете в Московском университете, не без поддержки своего учителя А.А. Чупрова, бывшего председателем Совета, затем стал и профессором сего, ему и родного, университета.

Подвел итоги своим философско-хозяйственным мыслиеизъявлениям в работе 1917 г. *«Свет Невечерний»*, всё более уходя в религиозную философию, а с 1918 г. еще и став священником, шаг за шагом отходя от светской философии, издав в 1922 г. критическую книгу *«Трагедия философии»* и, в основном уже находясь за границей, в Праге и в Париже, куда попал высланный в 1922 г. советским правительством из Крыма через Одессу и Константинополь, окончательно и бесповоротно перейдя к богословию — христианскому, православному, будучи при этом и экуменистом.

Насколько мне известно, к философии хозяйства он уже не возвращался, а сама его философия хозяйства оказалась в СССР под негласным запретом, да так, что никто, и я в том числе, ничего о ней не знал, как, собственно, и о творчестве С.Н. Булгакова в его

послемарксистское («легального марксизма») время.

Ти-ши-на!

Умер С.Н. Булгаков в 1944 г. в Париже, в своем кабинете декана (ректора) Свято-Сергиевского Православного богословского института, проработав его главой с момента основания института в 1925 г.

Пережил в 1930 гг. обвинения в так называемой *софианской ереси*, однако, хоть и был Церковью порицаем, но от Церкви не отлучен, а от своей приверженности к Софии Премудрости Божией и софийности не отказался, хоть ни на чем софианском в догматическом богословии не настаивал, выставляя свое пристрастие к Софии своим частным мнением.

Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа, что под Парижем.

* * *

Церковь, да и русская философия за границей, не говоря о нашей нынешней отечественной философии, относятся к С.Н. Булгакову до сих пор настороженно и неоднозначно, во всяком случае, как одобряя его учение, так и не одобряя, причем не одобряя по разным поводам: для церковников из-за его софиологии плюс экуменизма (тут есть кто «за» и есть кто «против»), для светской же философии из-за его критики марксизма, гуманитарной науки, политической экономии, общепринятой университетской философии, ну и, конечно же, из-за его философии хозяйства, которая либо не радует никого, либо, наоборот, радует, но уже не всех, а лишь некоторых, включая и вашего покорного слугу.

Замечу, что товарищ И.В. Сталин не только читал С.Н. Булгакова, но что булгаковское мыслеизъявление ему — Сталину — весьма импонировало, хотя к изданию в СССР булгаковскую «*Философию хозяйства*» вождь все-таки не допустил.

В общем, с С.Н. Булгаковым сплошная поливалентность: признают и не признают, ценят и не ценят, а главное — замалчи-

вают, хотя в 1990-е гг. многие труды С.Н. Булгакова были изданы в РФ, что позволило узнать, что сам думал и писал великий русский мыслитель, а для меня так и «самый-самый» в XX веке.

* * *

Быть философом хозяйства, замечу особо, не значит что-то старательно изучить и чуть ли не наизусть знать, а затем как бы со знанием дела преподносить публике, тем же студентам. Тут всё иначе: надо быть иным — ИНЫМ!, видеть иначе, думать иначе, говорить иначе, не преподносить ученически изученное, да еще и на языке слушающих, чтоб понятнее было, а, даже стоя на кафедре и говоря о философии хозяйства, творить, причем на своем языке — неопределенном, неоднозначном, полилектическом, трансцендентном, в общем, не стесняться играть в неизбежные непонятки, причем мало что со слушателями, разумеется, тебе внимающими, но и с самим собой, ибо ни точного предмета тебе, ни верного метода, ни устоявшегося стиля, вообще ничего, кроме... тайны — ТАЙНЫ!, отчего и расчет весь лишь на Софию, ее благосклонность, — явилось бы оно... нет, конечно, не просто желание у вещающего что-то сообщить публике, а у слушающих что-то узнать от вещающего, нет, вовсе нет, а... особого рода состояние — СОСТОЯНИЕ!, нет, само собой, не транс, а внезапной открытости Тайне, а иначе — творческому контакту с Софией, Неизвестностью и Иным, а далее... далее уж что получится с надеждой, а то и уверенностью, что получится как раз то — ТО!, что и надо!

* * *

Осипов Юрий Михайлович — тоже законченный, даже еще и поболее, чем С.Н. Булгаков, философ хозяйства, пришедший к философии хозяйства совершенно самостоятельно, не зная никаких предшественников, причем немало аналогичным, что и С.Н. Булгаков, путем — через неудовлетворение от марксизма, политической экономии, гуманитарной науки, как и с неизбежным выходом за их пределы и тоже поначалу с обращением к философии как вольноопределяющейся, ненаучной и иносмыслопитательной знаниево-размыслительной сфере, как раз и могшей, как казалось, помочь по-иному с ходу подойти не просто к экономике,

а к объемлющему всё природно-неприродное жизнеотправление человека, включая и экономику, отчего аккурат и к *хозяйству* — ХОЗЯЙСТВУ!

Все это происходило у Ю.М. Осипова независимо от С.Н. Булгакова, ибо ни его «*Философии хозяйства*», ни вообще ничего о нем послемарксистском он ничего не знал, как не знал и о парижской жизни С.Н. Булгакова, о возглавлявшемся им два десятилетия богословском институте, хоть и бывал в Париже, и общался с русскими эмигрантскими кругами, но судьба почему-то не сподобилась навести его на Свято-Сергиевский Православный богословский институт, хотя на могиле С.Н. Булгакова (о. Сергия) в Сент-Женевьев де Буа, конечно же, он бывал.

А довелось ему познакомиться с булгаковской «*Философией хозяйства*» лишь по ее переизданию в 1990 г., но уже аккурат после выхода в свет в том же году своего «*Опыта философии хозяйства*».

Что же воистину поразительного, вполне и исторического, тогда произошло?

А произошло (Sic!) *переоткрытие философии хозяйства*, причем в том же (Sic!) *Московском университете*, а когда у Ю.М. Осипова случилось знакомство с книгой И.Т. Посошкова, то стало ясно, что его заход на философию хозяйства оказался уже третьим в России!

Как ни стараются псевдороссияне-западники не замечать ни посошковского прелюда, ни революционного открытия С.Н. Булгакова, ни, увы, уже осиповского, весьма и значимого, переоткрытия философии хозяйства, а она — философия хозяйства — видишь ли, не только не исчезает из россиямыслия, уже не возникая, не рождаясь, даже не возрождаясь, а полноправно бытуя в среде русского и мирового тайнознания, а потому не повод ли тут воскликнуть, подражая незабвенному А.В. Суворову: «Я русский, а еще и философ хозяйства, какой восторг!»

Что касается трудов Ю.М. Осипова по философии хозяйства, то их много, им несть числа, они известны, как известно и его собственное понимание философии хозяйства, в том числе и продемонстрированное в вышеприведенных текстах, так что стоит только захотеть и все станет... э-э... нет, не известным и ясным, а всего лишь доступным... э-э... для ознакомления, а вот дальше, дальше уж как карта у кого ляжет, опять же... какая карта и куда ляжет, да и когда!

* * *

Вышло у меня то ли 1+2, то ли 2+1, в общем 3 (три) авангардных философа хозяйства, подразумевая под 1, конечно же, И.Т. Посошкова, а под 2, разумеется, С.Н. Булгакова и его — Ю.М. Осипова, ибо тут, что ни говори, полнозначимые философы хозяйства, пусть Иван Тихонович лишь в роли-образе донаучного предтечи. Однако есть и другие лица-лики, кто имеет свой непосредственный драгоценный вклад в общее философско-хозяйственное дело, которых мы далее по мере осведомленности и отметим.

Сомыслитель

Это не кто иной, как **Шулевский Николай Борисович** — профессиональный философ, д. филос. н., профессор, выпускник МГУ, историк философии, долгое время преподававший философию на экономическом факультете МГУ, а потому весьма проникшийся экономикой, точнее, подвизающейся в МГУ экономической наукой, прежде всего, политической экономией. Это важно, ибо именно на экономическом факультете он вдруг и натолкнулся на живую философию хозяйства, причем уже не в сугубо булгаковской, а в заметно иной, хоть и испытывавшей на себе влияние С.Н. Булгакова, как раз от него — Ю.М. Осипова — тогда и исходившей интерпретации.

Сильно призадумался Николай Борисович и, будучи знатком мировой и русской философии, то бишь хорошо понимавшим что к чему в мире философии, да и экономической науки тоже, взял, что называется, курс, может, и не без трансцендентного

влияния «злодейки»-судьбы, а то и самой Софии Премудрости Божией, прямиком на философию хозяйства, более всего аккурат на современную как бы уже и постбулгаковскую. Он мог бы этого «маневра» и не делать, будучи самодостаточным мыслителем, однако, — ах, это однако! — философия хозяйства в новейшей интерпретации его таки захватила не то чтобы «своей мозолистой рукой», но вдруг открывшейся перед ним безграничной смысло-содержательной перспективой, и он, сначала ее профессионально как историк философии усваивая и трактуя, показывая, что она есть на самом деле и что дает размышляющему человеку, сам стал полномочным философом хозяйства, и, не выходя из обнаруженной им главной колеи философско-хозяйственного трека, комментируя и толкуя философию хозяйства, расширил сию колею уже со стороны философии как философии, однако, питая свои размышления уже и от метасмысложологии самой реальности, чем в итоге и обогатил содержательно, как, заметим особо, никто другой, сначала вновь возникшую в Московском университете, а затем и в нем полноценно возрожденную, философию хозяйства.

* * *

Да, мне круто повезло, что не где-нибудь, а прямо в МГУ явился профессиональный философ, сам историк философии, то бишь знаток ее всей, не просто избравший в качестве объекта своего пристального творческого внимания философию хозяйства, но с исключительным восприятием ее сути поддержавший меня, а также принявший живейшее участие в бытовании философии хозяйства, в ее понимании, чем мало что подтвердил ее непреходящее значение, но и внес в ее развитие неоценимый благотворный вклад, кстати, вполне, знаете ли, *софиасофский* — СОФИАСОФСКИЙ!, не смутившись возможностью массивованного себя неприятия со стороны так называемых «коллег», мало того, отважно вступив в диалог с Софией Премудростью Божией, причем готовым и ответить за свое вольнодумство пред самим Господом, как и заплатить за свое вольнодумство своим же экзистент-

дискомфортом (это мягко выражаясь!), коли уж сего трансцендентного воздания за сущую правду никак не избежать!

Подвиг, он и есть подвиг!

* * *

Вот и получается у меня в итоге, что не $1+2$, а $1+2+1$ полнозначных творцов философии хозяйства, в особенности в ее современной — XXI века — версии, а за второй единичкой стоит, конечно, не кто иной, как Н.Б. Шулевский!

Старатели

Не прямые творцы философии хозяйства, но, что очень важно, внесшие или вносящие свой конструктивный вклад в бытование философии хозяйства как особой отрасли гуманитарного размышительства.

Белолипецкий Василий Георгиевич — к. э. н., доцент, мой последователь и соратник, выпускник и преподаватель экономического факультета МГУ, родом с Тамбовщины.

Явился как-то передо мной в моем кабинете, сел напротив и тихо произнес: «А ведь ничего, кроме философии хозяйства, и нет!»

Да, он не написал никакого философско-хозяйственного трактата, безвременно уйдя по причине тяжелой болезни из жизни, но о-очень разбирался в сути философии хозяйства, принимая ее не только в концептуально-историческом, но и, знаете ли, практическом аспекте, будучи вполне классическим экономистом-прикладником.

И вот ежели Н.Б. Шулевский пришел к философии хозяйства со стороны философии, то Василий Георгиевич сделал это же со стороны практической экономики, поработав, между прочим, и руководителем конкретного промышленного предприятия.

Я даже видел в нём, кстати, в единственном, своего реального на экономическом факультете преемника, однако судьба в этом вопросе распорядилась иначе. Сожалею до сих пор, да что еще остается!

Бугаян Илья Рубенович (Ростов-на-Дону) — по первому образованию инженер, по второму — политэконом, а по самообразованию не без нашего из Москвы влияния — философ хозяйства. Д. э. н., профессор.

Хорошо отличая хозяйство от экономики, как и предпринимательство от бизнес-мошенничества, банковский финансизм от производительного экономизма, человеческий интеллектуализм от техноцифроинформатизма, является поборником по его и им излюбленному определению «общественного сектора» (читай, государственного, а то и имперского), но самое примечательное — основатель и в течение пяти лет «держатель», разумеется, как руководитель, кафедры философии хозяйства — КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА! — в Ростовском государственном экономическом университете (бывшем «Нархозе»), с чтением там учебного курса философии хозяйства.

И.Р. Бугаян — философ хозяйства не только по своим ученым интересам и работам, но и по духу, следственно, и по призванию.

Слава!

Гузов Михаил Михайлович (г. Волжский, д. э. н., профессор, Волжский филиал Волгоградского государственного университета) — выдержанный, стойкий, скромный, самодостаточный, в общем — настоящий!

Окончив Ростовский (ныне Южно-Российский) государственный университет политэкономом, попал по распределению в г. Волжский, в Волжский гуманитарный институт, став там на долгое время его руководителем, как раз и превратившим сей институт в значимое учебно-научное заведение, а ныне продолжающий в нём, уже в филиале ВолГУ, успешно трудиться.

Оказавшись как-то на одной из проводившихся мною в 1990-е гг. научных конференций, проникся гулявшими там философско-экономическими идеями, а затем и собственно философией хозяйства, да так, что не только проводил в г. Волжском

совместные с МГУ-шниками аутентичные научные конференции, но и многие годы преподавал философию хозяйства в корреспондентной МГУ интерпретации.

Да, он политэконом, но при этом и философ хозяйства, не пренебрегающий ни метафизикой, ни трансцендентностью, ни даже Неизвестностью с Иным, не говоря уж о софийности, дарующей открывающимся ей, может, и тяжкую, но склонную к правде *мудрость мудрости*, с которой у Михал Михалыча как раз полная личностная органика, ибо он и сам по себе вполне софиен!

Ильин Владимир Васильевич (Украина, Киев, КНУ им. Т.Г. Шевченко, д. философ. н., профессор) — профессиональный философ, эрудит, написал и издал несколько фолиантных, вполне и энциклопедийных, книг по философско-эконом-хозяйственной проблематике, в которых отразил российскую и зарубежную гуманитарную мысль, адекватную или же напрямую относящуюся к философии хозяйства.

Великая творческая заслуга!

Элоян Марина Ринальдовна (г. Ростов-на-Дону) — моя ученица и подопечная, подготовившая и защитившая в 2006 г. докторскую диссертацию на тему: «*Философия хозяйства С.Н. Булгакова в контексте русской и зарубежной мысли конца XIX и начала XX вв.*»

Тут особо значим тот факт, что защита ею диссертации на получение степени доктора философских наук прошла не в МГУ, а в Академии общественных наук (ныне РАНХиГС), при отважном сопротивлении диссертанта вполне себе тщательно подготовленному противодействию успешной защите диссертации со стороны «коллег», включая и некоторых членов диссертационного совета, аккурат с философского факультета МГУ, вообще не терпевшего тогда и не слишком терпящего поныне ни творчества С.Н. Булгакова, ни философии хозяйства, ни, тем более, современной научной школы философии хозяйства,

бытующей на экономическом факультете МГУ.

Чего тут больше: критического неприятия, досады за свой промах вовремя ухватиться за философию хозяйства (какой бы мог быть эффект!); обыкновенной зависти, — кто знает?, ибо ничего из чего-либо смысловó опровергающего коллегами-философами, более всего преданными Западной философии Нового и Новейшего времени, кроме многолетней затяжной интриги против философии хозяйства и ее акторов, включая и вашего покорного слугу, причем интриги не безрезультатной, предоставлено не было, да этого и не могло случиться по определению.

А ученая заслуга Марины Ринальдовны состояла тогда в изыскании и убедительном обосновании корневых связей философии хозяйства С.Н. Булгакова с вызревавшей в философско-хозяйственном направлении отечественной и зарубежной (в основном германской) экономической и вообще гуманитарной мыслью.

* * *

После защиты «на волоске» своей диссертации Марина Ринальдовна занялась по моей рекомендации обзором мировых религий под философско-хозяйственным ракурсом, находя много чего корреспондирующего философии хозяйства, однако работу сию не смогла завершить и воплотить в какое-либо ученое произведение, вынужденно прекратив ее по житейским обстоятельствам.

Говорю об этой элояновской «незавершенке» не без «умного умысла», ибо чему-чему, а недогматической богословской мысли философия хозяйства, будучи сама самобытной и свободной от любой прочно законсервированной догматики, категорически никак не противоречит, что, кстати, подтверждалось при моем как личном, так и публичном общении со многими священнослужителями из РПЦ, в особенности с известным митрополитом Питиримом (Нечаевым К.В.), протопресвитером РПЦ, бывшим когда-то послом РПЦ в Ватикане, о. Виталием, а также с богословами Свято-Сергиевского Православного богословского института, что

в Париже, в лице прежде всего деканов (ректоров) Института протопресвитера графа Б.А. Бобринского и протосвитера, настоятеля церкви Серафима Саровского, что тоже в Париже, о. Н. Чернокрака.

Уместный, да и от и за себя говорящий комментарий, не правда ли?

Погребняк Александр Анатольевич (Санкт-Петербург) — будучи диссертантом моего друга, политэконома, тогда заведующего кафедрой экономической теории на экономическом факультете СПбГУ, в ковидное время ушедшего, к великому сожалению, из жизни, профессора В.Т. Рязанова, Александр Анатольевич «сызмальства», еще студентом, ведомый тогда первым в СПбГУ приверженцем философии хозяйства профессором В.Н. Афанасьевым, внезапно к 60-ти годам покинувшим сей мир, тяготел к философическому подходу к экономике, в чем мне и довелось убедиться на защите им где-то в середине нулевых годов своей кандидатской диссертации, на которой я выступил в роли «разбирающегося» оппонента как раз в силу моей уже давно обозначившейся принадлежности к философии хозяйства.

С тех пор Александр Анатольевич не только не отошел от полюбившейся ему «философичности», а, наоборот, погрузившись в философско-хозяйственную мысль, пропитавшись ею, стал высококвалифицированным философом хозяйства, более того, оказавшись преподавателем философского факультета СПбГУ, вел там учебный курс философии хозяйства, однако, как водится у нас в державе, был вынужден под давлением «несогласной» среды покинуть факультет, даже и сам университет, но, трудясь в иных заведениях, продолжал и продолжает оставаться таким стильным петербургским философом хозяйства — знающим, остро мыслящим, даже, я бы сказал, изысканным!

Румянцев Михаил Алексеевич (Санкт-Петербург, СПбГУ, экономический факультет, д. э. н., профессор). Примерно с той же профессиональной биографией, что и у А.А. Погребняка, из того

же философско-экономического очага, правда, не покидавший родного экономического факультета. Всегда воспринимал и хорошо понимал философию хозяйства, в чем мне приходилось убеждаться при общении с ним на разных научных форумах. Не знаю по какой причине, но совсем рано вдруг ушел из жизни, оставив по себе самые добрые воспоминания: умный, знающий, порядочный, тонко чувствовавший что к чему, главное, не прошедший мимо философии хозяйства, с ней вполне породнившийся.

Ковалев Сергей Георгиевич — тоже петербуржец, но из «Финэка», бывшего Финансово-экономического института, а ныне университета. Д. э. н., профессор. Многие годы служил проректором «Финэка», был заведующим проблемной лабораторией, заведующим кафедрой, но, но... увы!.. меняются времена, меняются люди, ну и приходят «новые люди», и всё как-то вдруг меняется, опять же... увы!.. не в лучшую сторону, только Сергей Георгиевич, будучи ныне всего лишь неполноставочным профессором, не меняется: умный, знающий, честный, благородный! Он всё более проникается философией хозяйства, воспринимая ее, как мне кажется, приемлемой гуманитарно-воззренческой версией в адрес мироэкзистенции, как раз версией, свободной от догматизма и, я бы сказал, ученого иллюзионизма. Сергей Георгиевич открыт, прям, достоверен, в общем-то, весь НАШ!

Жуликов Петр Петрович — к. т. н., профессор Московского финансово-промышленного университета «Синергия». Решительный адепт философско-хозяйственного мировоззрения, культивируемого в МГУ, в моих, чего скрывать, трудах в особенности. Один из немногих, кто сделал попытку преподавать в вузе философию хозяйства, но, но... ах, это НО!, учено-неученая среда не теряет бдительности, а потому попытка сия, как это и происходило у других героев философско-хозяйственного фронта, не увенчалась... нет, не успехом, а... просто... не стала продолжительной, не вышла за пределы краткого времени, ибо... э-э...

НЕЛЬЗЯ-с! Правда, Петр Петрович не унывает, о чем можно достаточно судить хотя бы по теме его доклада на проводимой мною со товарищи в МГУ как раз по сути философско-хозяйственной декабрьской 2025 г. научной конференции: «Экономикс — парадокс фрактального хаоса», — каково, а-а?!

Фомичёв Игорь Юрьевич — д. социол. н., к. философ. н., живет в г. Тюмени, трудясь профессором в Тюменском индустриальном университете. Будучи одиночкой в местной ученой среде в плане приверженности философско-хозяйственной мысли, зато регулярно наезжая в Москву по случаю наших ученых мероприятий, чем и поддерживая свой философско-хозяйственный настрой. Не упускает возможности в ходе своего преподавания говорить о философии хозяйства, имея в своем учебном курсе соответствующий раздел, мало того, вообще радеет за полноценное утверждение в стране философии хозяйства.

Восхищение, дорогой Игорь Юрьевич, и хвала!

* * *

Попытки преподавать философию хозяйства были и в Белоруссии, чем занимались две дамы: **Лукашевич В.К.**, на докторской защите которой я выступал официальным оппонентом, и **Короткая Т.П.**, разумеется, с кратковременным итогом, ибо куда податься гуманитарной среде от заученного, привычного, понятного, а главное, гешефтного, не в метафизику же с ее жуткими неопределенностью и трансцендентностью, равно как и фундаментальным Незнанием, не говоря уж о выдуманных мною на потеху гуманитарным знатокам двух Ничто: Великой Неизвестности и Великом Ином, а уж об остальном стоит лишь помолчать, чтоб не вызвать у знатоков всего и вся гомерического хохота?!

* * *

Однако тут придется разоткровенничаться и поделиться кое-чем из собственного нерадостного опыта.

Самое занятное, что я таки открывал кафедру философии

хозяйства, но не в МГУ, где мне так и не позволили открыть соответствующую кафедру со специализированной группой отборных студентов («Ваша философия хозяйства, может, и хороша, но она лишь для избранных»), — что, кстати, недалеко от истины, ибо философия хозяйства не терпит обыденной вульгаризации, преподавать ее даже для избранных все-таки нелегко, о чем я скажу чуть ниже.

А пока об открытой мною кафедре философии хозяйства в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), возникшем наследником Московского историко-архивного института.

Кафедра была открыта с согласия первого ректора РГГУ Ю.Н. Афанасьева, по взглядам, как бы сейчас сказали, «либеральным», то бишь западническим. Просуществовала моя кафедра ровно год, ибо тамошняя гуманитарная среда интрижно по ее поводу зашевелилась, и я предпочел, явившись к Ю.Н. Афанасьеву, заявить о прекращении ее деятельности и моем уходе из РГГУ (был там в штате полставочником).

Да, год я преподавал в РГГУ, от студентов ничего плохого не слышал, да и поднять такую кафедру на должную высоту за короткий срок просто невозможно.

А что же в МГУ, на родном факультете? Нет, мне не запретили общаться со студентами-магистрами и еще в нулевые годы я провел пару спецкурсов по философии хозяйства как раз с теми небольшими, в 5—7 человек, группами студентов, что представляли передо мной по своей инициативе. Что тут случилось особенно примечательного? Курс был годовой, что позволило мне первый семестр сначала как-то переобучать студентов, не готовых к восприятию философско-хозяйственных воззрений, а уже со второго семестра преподносить им собственно философию хозяйства.

Недовольных курсом студентов не было, наоборот, они явно расширили свой кругозор, стали более восприимчивыми к хозяйственно-экономической реальности «как есть», но... э-эх... опять

это но!.. но, говорю как на духу, такое преподавание уже слишком иначе подготовленным студентам у меня не вызвало большого энтузиазма: если уж «лепить» из учеников знатоков философии хозяйства, то это надо делать с самого начала их обучения в «универе».

Вот такой у меня был собственный опыт с преподаванием философии хозяйства, мало чем, наверное, отличавшийся от попыток делать то же самое иными приверженцами философии хозяйства, о чем я как раз выше и поведал, может, у кого-то из адептов и более удачный, правда, я не в курсе того, по каким же содержательным программам шли или идут все эти преподавания.

Тут надо подчеркнуть, что ввести философию хозяйства в преподавательский процесс — дело совсем не простое, так что допускаю и известное несовершенство состоявшихся попыток его реализации в жизнь, не исключая и своих собственных.

Из примечательного прошлого *(совсем и недавнего)*

Да, это уже так или иначе история, однако она была, и была совсем недавно, и кое о чем важном достаточно красноречиво свидетельствует.

Абалкин Леонид Иванович — действительный член АН СССР, затем РАН, многолетний директор Института экономики РАН, заместитель Председателя Совета министров СССР в перестроечное время, ранее меня написавший, еще в 1970-е гг., книгу о хозяйственном механизме (при социализме), чем я всерьез занимался (со стороны общей теории и капитализма) и даже защитил в 1988 г. докторскую диссертацию.

Леонид Иванович бывал по моему приглашению на проводимых мною в МГУ научных мероприятиях, в целом позитивно воспринимая мою ученую деятельность, как и саму философию хозяйства, которой напрямую сам не занимался.

Однажды, когда я передавал Леониду Ивановичу, находясь

с ним в его рабочем кабинете, очередные номера журнала «Философия хозяйства», он бросил в свойственной ему сдержанной академической манере: «Думаете, я их [журналы — Ю. О.] просто ставлю на полку (указал на книжные полки), нет, я их читаю, во всяком случае, ваши статьи».

Что ж, приятно было это услышать, что говорить!

И еще яркий пример его отношения к философии хозяйства. Как-то Леонид Иванович оказался на каком-то ученом собрании университетских политэкономов, на котором я не присутствовал, хотя и находился на факультете, работая в своем кабинете. Выступая на этом собрании, Леонид Иванович вдруг заявил: «Политэкономия подошла к своему концу, остается теперь, пожалуй, лишь философия хозяйства». Ничего себе! Мне немедленно стало известно об этом сенсационном «казусе» от кого-то из без промедления ко мне явившихся после завершения заседания свидетелей. Ахнув про себя, я тут же кинулся к залу заседания, чтобы застать Леонида Ивановича, что и произошло: «Спасибо, Леонид Иванович, за поддержку!», на что был его, как всегда, слегка ироничный ответ: «А что я мог еще сказать?»

Рассказываю обо всем этом, чтобы указать на то, что философия хозяйства имела шанс идти и таки шла в гору, благодаря и позитивному восприятию, прямо скажем, мало что хорошо во многом осведомленных, да еще и начальствовавших, но и явно незаурядных, вполне и выдающихся, людей-профессионалов.

Львов Дмитрий Сергеевич — академик РАН, заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН (ЦЭМИ), с которым у меня сложились вполне в научном плане доверительные отношения, ответив как-то мне по телефону на мое приглашение поучаствовать в каком-то проводимом мною научном мероприятии, что не может по недомоганию этого сделать, заметил: «Великое дело вы делаете, Юрий Михайлович!», имея в виду, конечно, и философию хозяйства. Вскоре Дмитрия Сергеевича, увы, не стало.

Макаров Валерий Леонидович — академик РАН, директор ЦЭМИ. Не скрывая в разговоре со мной, состоявшемся по его просьбе в ЦЭМИ, в его кабинете, своего скепсиса относительно возможностей эконометрики, он мало того, что подчеркнул растущее значение философии хозяйства, но и пригласил меня выступить в ЦЭМИ перед сотрудниками с изложением моих философско-хозяйственных взглядов, что, как это не удивительно, и произошло.

В своем выступлении я обратился, характеризуя экономику, к метафизике и трансцендентности, отчего экономика не выглядела у меня объектом для внешнего математического моделирования, хотя сама по себе, не покидая со своей сущностной идеальной субстанцией — *стоимостью*, выражавшейся в практической явленности в *оцененных деньгах* и *оденеженных ценах*, сферы сознания и голов людских, имела свою, по моему выражению, *трансцендентную математику*, не подвластную собственно человеческой математике.

Любопытен был итог: молчаливая в целом реакция присутствовавших, не протестная, исключая недовольство ведущей заседание какой-то дамы, бывшей вроде бы заместителем директора ЦЭМИ, впрочем, весьма невнятного неудовлетворения; сам В.Л. Макаров, сидевший с несколько озабоченно-удрученным видом, ничего не сказал; слушателям старшего возраста мой спич согласно выражениям их лиц не показался для них приемлемым, зато у более молодых (от 30 до 40 лет) слушателей глаза светились если уж не одобрением, то явной заинтересованностью.

Что ж, все это было весьма показательно: я со своими взглядами как будто явился с другой планеты, отчего одновременно и отторжение мною сказанного, и по его поводу недоумение, и озабоченность, и, пусть и не абсолютное, но приятие.

Клейнер Георгий Борисович — чл. корр. РАН, заместитель директора ЦЭМИ. Мы встречались с ним на конференциях, я приглашал его на свои мероприятия в МГУ, в общем — общались, тем

более, что он благосклонно относился к философии хозяйства как, надо полагать, к одной, по его мнению, из экономических наук. Он был, что называется, системщиком, соответственно и последовательным эконометриком.

И вот однажды он пригласил меня в ЦЭМИ на заседание его постоянно действующего семинара. В своем вступительном слове Георгий Борисович заговорил, само собой, об экономике как системе, что означало, что достаточно познать (и схематически представить) систему экономики, то можно и мало что математически смоделировать экономику, но и, правильно ее конструируя, определять и предвидеть ее реализацию.

Ну а я как раз уже относился к экономике не как к системе, еще и модельно конструируемой, а видел в экономике, как и в сфере сознания, разумеется, и в головах людских, больше не определимого разумно строгого порядка, а самого обыкновенного хаоса — ХАОСА!, отчего трактовал экономику как сначала носительницу *первичного (исходного) хаоса*, из которого, может, и выявлялась в ходе реализации (воспроизводства) экономики какая-то ее системность, однако не более чем подвижный, причем на стоимостном уровне более всего как раз и изменчивый, *хаосмос*, который не порывает связи с хаосом, наоборот, им питается, а при случае, в те же кризисы, в него возвращается, чтобы немедля вновь возникнуть, но уже иным, хоть и не без каких-то себя повторов.

Вот примерно об этом, насколько помню, своем видении системности в экономике, я и забабахал в своем выступлении. И что же? Г.Б. Клейнеру не было что (или чем) возразить кроме общего несогласия со мною, а аудитория выглядела в целом нейтрально-озадаченной и лишь у молодых участников семинара в глазах искрился свет заинтересованности и даже некоторого удовлетворения.

* * *

Вот такая она — затейливо-незатейливая судьба у философии хозяйства, во всяком случае, в моей, поддержанной, разъяс-

ненной и обогащенной Н.Б. Шулевским, интерпретации. Примечательно, что в советское послевоенное время, по крайней мере с 1960-х гг., среди политэкономов разгорелся нешуточный спор между «планомерщиками» и «товарниками», что отражало и нарастающий кризис, пусть и остаточного, но еще сталинизма, а теперь вот идет вполне себе борческая дискуссия, правда, совсем и не явная и не боевая, между, с одной стороны, «смысловиками» в виде остаточных политэкономов и упорно выживающих сторонников философии хозяйства, а, с другой стороны, *технонейроцифровиками*, в которых с неизбежностью превращаются в целом неудавшиеся ранее эконометрики. В общем, или акцент на слове, смысле и фактической реально-бытийной информации, или же на цифре, числе и цифрогенной информации, как и либо на оснащенном разнообразными знаниями, включая и «знание незнания», суверенном естественном сознании, либо на зависимом от «искусственного интеллекта» псевдосознании (подобии сознания), а в итоге с уже идущей трансгрессией экономики в *постэкономику-технику*, а человека вместе с его хозяйством в *постчеловека* вкупе с ведóмым «искусственным интеллектом» обыскусственным *постхозяйством* не без нарастающего шанса исчезновения человека как видовой принадлежности живого земно-космического мира с неперменным и непременно безмерным сокращением планетарного *постнародонаселения*.

* * *

Не шутейное это дело — философия хозяйства, не правда ли?!

* * *

А теперь позволю себе кое-что утешительное, да не только для себя, а для всех адептов философии хозяйства, в какой бы степени участия в ней или просто приближения к ней они ни находились. Пишу я эти строки в Татьянин день января 2026 г., а ниже цитируемое послание я получил аккуратно по случаю только что прошедшего Новогодья, отчего в них помимо сутейности есть и толика новогоднего лиризма, однако... однако всё по порядку!

Из примечательного настоящего

31 дек 2025

Кому: Лаборатория философии хозяйства

Дорогой Юрий Михайлович!

С Новым Годом!

И пусть открытое и оформленное Вами новое Софиасофское созвездие пылает жизнетворным светом на духовном небосклоне русского мира, выявляя, освещая и просвещая пути человеческого бытия.

И пусть софиасофский свет даст Вам дополнительные силы, поможет Вам собрать первый полноценный смысловой урожай Вашего открытия в качестве новых концептуальных открытий, когнитивных алгоритмов, полилектических контекстов, метафизических координат мысли!

Хорошего Вам здоровья, и пусть духовные дары, изобильно изливающиеся из Вашего сердца и ума, продолжают питать живое бытие нашего МГУ и нашей Родины.

Живущий энергиями Слова Вашего,

Имярек.

Да-а, это, конечно, Николай Борисович Шулевский: трогательно, содержательно, по-честному, а главное, в десятку, в точку, снайперски, да не так в лирическом плане, хоть это по-человечески и приятно, а в необозначенном, но подразумеваемом акценте на *Новом мировоззрении* — **НОВОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ!**, порожденном и питаемом философией хозяйства с учетом сакрального обращения своего к Софии Премудрости Божией!

* * *

Нет, братья и сестры, в приведенных текстах о «Примечательном» никакая не похвальба, не мольба о том же широком признании, тем более уж не «плач Ярославны», даже не «правда-матка» как таковая, нет, совсем нет, здесь, скорее, выдвленная страдой в контексте игнорирования, неприятия, а то и вражды, подтверждаемая верой в себя

убежденность... нет, не в своей правоте (этого еще не хватало!), а в аккредитивной силе своего мета-(вне)-догматического подхода к раз-верзшейся пред изумленным философско-хозяйственным взором мета-(вне)-догматической Реальности, всё равно, кстати, какой: известной, неизвестной, этой, иной, а главное — **нереальной**, что позволяет видеть невидимое, ведать неведомое, знать незнаемое (как именно **незнаемое** — **НЕЗНАЕМОЕ!**), причем всё это исходит не из далеких пространств Вселенной, а прямо из отсюда, из текущего вокруг зёмного Бытия-Истории, не говоря уж о том сущем, что прямо, как говорится, у нас не где-нибудь, а под носом!

Часть третья

АКТОРСТВО: институты, люди, свершения

Институты

Понимая под институтами, как это принято в привычной трактовке, какие-нибудь учреждения, те же государственные, как и само государство, его аппарат, так и общественные организации, имеющие и не имеющие тот или иной юридический статус, мы отнесем в нашем случае к институтам и некоторые другие организмы и образования, имеющие отношение к идео-когнитивному в гуманитарной сфере философско-хозяйственному потоку знания, размышления и мысли, не забыв и о значимо проявивших себя в сей небеструдной и не беспроблемной области людях.

* * *

Московский университет (ранее императорский, а с советского времени и поныне — государственный), а по всемирно известному бренду **МГУ имени М.В. Ломоносова** (за границей просто «Ломоносов» — «Lomonossov», «Lomonosoff»).

Родное институцированное место для философии хозяйства (ФХ), о чем выше уже было сказано: от появления в середине XVIII в. из рук М.В. Ломоносова в МУ рукописи-предтечи И.Т. Посошкова, затем явления в 1912 году в МУ собственно философии хозяйства как мощного гуманитарного открытия, совершённого творческими усилиями выпускника МУ, а затем и

его профессора, С.Н. Булгакова, до переоткрытия в 1970—1980-ые годы философии хозяйства в том же МУ (МГУ) еще тогда доцентом, а затем ставшим профессором Ю.М. Осиповым с последовавшим под его руководством формированием в 1990 г. не без влияния вынырнувшей из безвестности булгаковской основополагающей версии ФХ не чего-нибудь, а **Научной школы философии хозяйства**, получившей в 1998 г. официальное признание, войдя по инициативе МГУ (с изначальным участием в этой инициативе экономического факультета) в государственный реестр научных школ РФ, чем и формально институционализировав саму философию хозяйства, ставшую не просто выдающимся открытием, а полноценным (полноправным) течением гуманитарной мысли в ранге особой науки.

Тут уместно указать на то, что в формировании научной школы философии хозяйства поучаствовали и действовавшие в рамках МГУ и за его пределами иные институциональные образования — как вполне официальные, так и просто общественные. Все они заслуживают внимания и отражения в данном очерке, что и будет сделано ниже.

Однако для ясности кое-что потребно сказать о себе самом. Да, Провидение сработало в пользу моего переоткрытия философии хозяйства, что произошло на рубеже 1970—1980-х гг.

Я было начал тогда всерьез работать над ФХ, даже кое-что имел к 1982—1983 гг. из написанного, причем осуществленного в специально выработанном мною особом стиле, на что меня подвигнул, пусть, может, и не полный, но все-таки выход за пределы политэкономии, да и общепринятой тогда гуманитарной науки вообще, а также в чем мне поспособствовало мое погружение во французскую гуманитарную литературу с ее особого рода стилевым изяществом, мне сильно импонировавшим.

Кое-что тогда написав, я сообразил, что соваться мне с ФХ в доктора науки при бытовавшем тогда ученом людском контексте никак было нельзя.

Тогда я принял решение отложить занятие философией хозяйства и продолжить ранее проделанную мною работу в связи с кандидатской диссертацией (1973 г.), расширив предмет до максимального масштаба — **теории и практики хозяйственного механизма в целом**, опираясь на знания, обретенные не только из чтения обширной литературы, но и изучения предмета на месте во время моего стажерского (1974—1975 гг.) пребывания во Франции с опубликованием в 1979 г. одноименной с кандидатской диссертацией и созданной на ее основе моей первой книги *«Государственное программирование капиталистической экономики»*, а также моего уже профессорского, хоть я и был тогда еще доцентом, пребывания в Сорбонне в 1982 г., тем более, что проблема хозяйственного механизма становилась тогда модной в СССР, правда, применительно к самому СССР, а что касается капитализма, то им в аспекте хозмеханизма никто не занимался в силу того, что преобладало мнение, что сия проблема касается лишь планово-социалистического хозяйства.

Однако я решил заняться как раз капиталистическим хозмеханизмом, а для того, чтобы во всем разобраться, надо было заняться и общей теорией хозяйственного механизма, которой в тогдашней ученой сфере не было, не считая, быть может, отдельных моментов.

Заняться-то, я занялся, да потерпел при первом же содержательном контакте с политэкономическим контекстом полное фиаско, да не оттого, что плохо мыслил, наоборот, слишком хорошо мыслил, настолько, что мне было заявлено от начальствовавшего в то время надо мной авторитетного и авторитарного лица: «Подменять политическую экономию наукой о хозяйственных механизмах вам, Ю.М., никто не позволит!», а в довесок: «Об утверждении подобной темы диссертации и о докторантуре не может быть и речи!»

Я оказался в золотой МГУ-шной клетке: никакой перспективы, да не карьерной, а научной, размыслительной. А мне уже

за сорок! Я даже задумал уходить из МГУ, начал кое-какие по этому поводу действия, да был остановлен старшим братом Анатолием (А.М. Осиповым, 1936 г.р.), куда более тогда жизненно опытным, чем я, технарём, но учившимся в тот момент на вечернем отделении философского факультета МГУ, попав туда не без моей рекомендации.

«Ты должен оставаться в МГУ и в МГУ написать и защитить докторскую диссертацию!», — таков был его вердикт, которому я и последовал, свернув свои поползновения об уходе и набравшись стоического терпения.

А тут как раз ко мне поступило предложение стать кандидатом на пост заместителя декана экономического факультета, я согласился, а парторганы, вплоть до ЦК КПСС, остановились именно на моей кандидатуре, ну а я, как привыкший к комсомольско-партийной дисциплине, пошел на эту хлопотную работу, будучи уже для нее как бы «переростком», зато в надежде и с решимостью добиться утверждения темы нужной мне диссертации и возможности над ней работать.

Тут уже «недобрый контекст» мне не помешал и мне удалось без трудностей утвердить тему «диссера», которая звучала так: **«Хозяйственный механизм государственно-монополистического капитализма».**

Говорю обо всем этом не случайно, а с умыслом, который разъяснится чуть позже.

Тему-то я утвердил, но ведь я «тока-тока» приступил к работе замдеканом, а в те времена вся учебно-педагогическая, кадровая и воспитательно-досугово-трудо-студенческая страда была в ведении замдекана с его по преимуществу, что называется, окончательной подписью, ну и, самой собой, ответственностью. А как же мне было быть с диссертацией, не ждать же через несколько лет трехлетней отпускной докторантуры?!

Ну так я и не ждал, а взял, да и накатал диссертацию вместе с одноименной монографией за три года, не порывая со своей

хлопотной работой. Да, утрами (по ночам я не работал), по субботам и воскресеньям, в летних отпусках, а вообще-то незнамо и как, включая еще подготовку и публикацию статей, весьма по-своему содержательных и оригинальных.

В 1986 году на факультете произошла смена деканов: профессора В.Н. Черковца, вопреки воле которого мне пришлось стать его замом (да, так именно и было!) на профессора В.П. Колесова, ранее, как и я, студента-шестидесятника, то бишь однопоколеница, ну а я к этому моменту уже был готов выходить на обсуждение своей диссертации на кафедре политической экономии, на которой я с 1972 г. трудился, пройдя в 1970-е гг. все профессиональные ступени преподавателя: от ассистента до доцента.

При новом декане я был переведен с должности замдекана по учебной работе на должность замдекана по научной работе, куда как менее хлопотной и куда как менее мешавшую мне в собственной научной работе. В 1987 г. я, пройдя положенное обсуждение «диссера» на кафедре, защитил свою во многих отношениях необычную диссертацию с весьма, прямо скажем, тоже крайне необычной диссертационной книгой, ранее подготовленной и изданной. Так я стал доктором экономических наук.

* * *

Здесь напрашивается отступление в виде комментария о характере и поведении окружавшего меня контекста, который был, конечно же, разным, но по преимуществу для меня и моей научной работы все-таки благоприятным.

От контекста ведь не уйти, как и он — контекст — от тебя никуда и никогда не уйдет.

Никто вокруг меня не знал о моем заходе на философию хозяйства, я рассматривался всеми как спец по западной экономике (по империализму), по ГМК, по западному программированию (индикативному планированию), как сторонник и разработчик тогда не особенно еще принятой теории «кондратьевских» длинных циклов и больших кризисов, наконец, как занявшийся теорией хозяйственного механизма, способом его реализации в капиталистической форме.

Я не был тогда ни ярым «товарником», хотя стоял за большую, чем было тогда в СССР, самостоятельность хозяйственных субъектов, ни яростным «планомерщиком», хотя, не отрицая планирования, стоял за куда более гибкую и ограниченную его практику, чем это было тогда в СССР, как и не находя западную практику регулирования и планирования непосредственно образцом для применения в СССР, как не считал ее саму за явное движение к директивной планомерности, как это понимали наши «планомерщики», в общем, я все понимал по-своему и шел своим путем.

Должен с признательностью заметить, что несмотря на весьма предвзятое отношение к моей персоне и моей научной работе в 1980-е гг. некоторых начальствовавших лиц, профессура кафедры политической экономики в целом была на моей стороне, и, особо это отмечу, в обиду меня таки не дала. Низким им всем, среди которых были и особенно уважавшиеся мною фронтовики, поклон!

Однако, не могу не сказать о, назову так, казусе, случившемся на защите моей кандидатской диссертации.

То была о-очень хорошая диссертация, во всяком случае, лучшей я никогда не видел, ни будучи научным руководителем диссертантов, ни выступая на защитах в качестве официального оппонента.

Диссертация была написана, как выразился один о-очень уважаемый профессор, а это был Н.В. Хессин, которого я попросил посмотреть мою работу, причем «планомерщик», была написана «как песня», но не это было главное, а совсем другое, когда он вдруг в разговоре со мной воскликнул: «И все-таки это не планомерность!», мгновенно отвергнув мою теоретическую попытку вместить западное планирование-регулирование в лоно планомерности, а ведь сам он был, повторяю, «планомерщиком»! Каково, а-а, какая добросовестность выдающегося ученого!

А для чего весь этот рассказ? А вот для чего: я получил на защите, на которой не было высказано в адрес диссертации никакой отрицательной критики, четыре (!) «черных шара», а случилось бы пять, то я бы не прошел!

К науке это не имело никакого отношения, то была месть одной профессорши за мое комсомольское прошлое, причем я ничего против нее не делал и не говорил, просто присутствовал при одном для нее нелিপчатом разговоре. Вот она, каким-то образом узнав о том, что я там

тогда был, и решила мне отомстить, подговорив еще трех дам — членов Совета голосовать «против».

Однако тут есть все-таки и другой мотивчик: вышибать явно перспективных молодцев с их опровергающими устоявшие традиции и представления работами прямо на взлете!

Честно говоря, я был тогда буквально убит: «За что?!»

А вот защита докторской прошла уже иначе: при дружной и совершенно добровольной поддержке авторитетной профессуры, отчего худой контекст на срыв защиты таки не решился, а он, сей контекст, конечно же, был.

* * *

Жизнь есть жизнь, она проходит в той или иной борьбе, и от борьбы сей никто не застрахован, в особенности, ежели кто-то идет своим — СВОИМ! — путем и делает что-то исключительное и для кое-какого окружения не приемлемое.

Ну а где борьба, там и напряг, и потрясения, и переживания, и нервы, и здоровье, а что касается меня, то мне «свезло», с одной стороны, получить этой борьбы сполна, при этом тоже борясь с этой борьбой — стоя, не падая, не унижаясь, с другой стороны, за счет «органонона», благо, он у меня был долгое время достаточно крепким, чтобы все это в итоге выдерживать, не впадая ни в панику, ни в истерику, ни в патологию, ни в жажду мести.

* * *

Так вот, стоило лишь мне управиться с защитой докторской, я, продолжая работать замдеканом, кинулся со страстью трудника-творца к философии хозяйства и в 1989 г. выдал в Издательство МГУ монографию **«Опыт философии хозяйства»**, вышедшую в свет в 1990 г.

Крайне любопытно, что, взявшись за старую рукопись с естественным желанием ее продолжить, я не смог далее по тексту мало что воспроизвести выработанный мною ранее, почти десятилетие назад, стиль изложения мыслей, но, пожалуй что, и образ самого мышления, так что в начале книга по стилю и образу мышления вышла одной, а затем уже весьма и другой. Ничего

не поделать: таковы они — неутомимые и неодолимые зигзаги творчества!

* * *

Вот я и вернулся, читатель-нечитатель, к саге о философии хозяйства, подрабравшись малость с ученым контекстом — лояльным и противным, добрым и злым, благим и коварным, чтоб было попонятнее, как рождается, крепнет, становится, развивается и бытует поначалу как что-то новое, оригинальное, исключительное, ну и для кого-то непонятное, а затем уже себя как-то зарекомендовавшее, чуть ли не становясь чем-то и обычным, однако по-прежнему вовсе не обязательно таким уж органичным для преобладающего массива гуманитарной учености.

* * *

Может, я и переборщил с экскурсом в свою ученую историю, но без изложенной выше фактуры не понять многого из в дальнейшем происходившего, о чем я здесь буду говорить далее.

Лаборатория

Защитив диссертацию и став доктором экономических наук, я, как спец по хозяйственному механизму и в ответ на развернувшийся в перестроечном СССР поиск новой модели национального хозяйства, выступил с инициативой создания на экономическом факультете МГУ научной лаборатории по проблемам хозяйственного механизма. Инициатива была поддержана деканом факультета В.П. Колесовым, Ученым советом факультета и ректоратом МГУ и в 1988 г. на факультете появилась созданная в составе МГУ по линии Государственного комитета по науке и технике (ГКНТ) при Правительстве СССР **Проблемная научно-исследовательская лаборатория сравнительного анализа хозяйственных механизмов**, а на меня, замдекана и профессора кафедры политической экономики, было возложено руководство этой лабораторией.

Лаборатории ГКНТ, надо заметить, имели достаточный штатный состав научных и вспомогательных работников, зарплата которых была даже где-то на четверть выше, чем в обычных, создававшихся вузах, как правило, при кафедрах, научных подразделениях.

Мне удалось тогда создать очень хороший трудовой коллектив из выпускников экономического факультета МГУ, его аспирантуры, включая моих прямых учеников, только что ставших или становившихся в ближайшее время кандидатами экономических наук. Молодые, толковые, талантливые, работоспособные! Назову их поимённо: Н.П. Недзвецкая, А.Н. Клепач, И.В. Простakov, А.Ф. Сажин, Е.Е. Смирнова, А.П. Пьянова, И.Н. Шургалина, Е.С. Зотова, К.А. Зимарин, а также не могу не упомянуть сначала лаборанта, а затем инженера, выпускницу в/о фак-та Н.А. Крамаренко, инженера и н.с. В.Г. Варшамову.

Работали дружно, споро, классно! В лаборатории сразу зародилась и установилась традиция привлекать к ее работе, проводимым ею мероприятиям и осуществляемым публикациям ученых из других подразделений факультета, как и из других факультетов, вузов, институтов АН СССР (затем РАН).

Достаточно было предложить тему и выдать, возможно, всего лишь эскиз структуры той же будущей коллективной монографии, как инициатива мгновенно подхватывалась, разделы распределялись меж сотрудниками и приглашенными лицами, и через непродолжительное время лаборатория получала от своих чад и привлеченных извне авторов прекрасные, почти и не нуждавшиеся в научном редактировании, тексты. Бац, и вовсе не простая монография готова!

Не имея задачи обо всем подробно рассказывать, назову лишь несколько из тогдашних коллективных публикаций: большую монографию *«Государственная власть и предприятие: от команды к партнерству»* (1991, «Международные отношения»); *«Экономическая свобода и социализм»* (1991);

«Принципы хозяйственной самоорганизации» (1993); *«Переходы и катастрофы»* (1994), ну, и помяну блестящий, популярный учебник *«Основы предпринимательского дела»* (1992).

Среди, так сказать, внешних авторов этих публикаций можно встретить как тогда уже известных, а теперь и подавно известных В.С. Автономова, А.А. Аузана, Я.И. Кузьмина, А.В. Улюкаева, С.Н. Бобылёва, Д.Н. Платонова, Л.И. Яковсона, А.В. Сорокина, С.Н. Кабанова, В.И. Кузнецова (из ИМЭМО РАН), В.М. Кулькова, Г.М. Куманина, В.Т. Рязанова (СПбГУ).

В общем, лаборатория сразу пошла в трудо-творческий полет, в котором, кстати, находится и поныне, правда, уже в ином образе — как всё так же проблемная, научно-исследовательская, но уже с 2000 г. как **Лаборатория философии хозяйства**, чему есть, конечно, своя причинно-следственная предыстория, которая вовсе не сводится только к моему пристрастию к философии хозяйства, что, кстати, нашло таки известное отражение в концептуальной позиции лаборатории, к примеру, в тех же вышеприведенных лабораторских научных изданиях. Тут дело посложнее, причем вовсе не только в концептуальном аспекте, а кое в чем еще, не исключая и страновой, и внутриуниверситетской переходной событийности.

Да, Лаборатория была создана в 1988 г., и ей в текущем 2026 г. стукнет уже 38 лет. Но тогда, в 1988 произошло еще одно связанное со мной событие: я получил от ректората МГУ предложение заняться во исполнение решения ЦК КПСС, Минвуза и МГУ созданием уникального, не бывавшего ранее, гуманитарного учреждения междисциплинарного профиля, а именно **Центра общественных наук**, долженствовавшего обладать деловой автономностью, а потому быть структурно *не в составе* МГУ (внутри него), а *при* (!) МГУ (хоть и не вне него).

Я согласился и, став номинальным директором-организатором будущего заведения (на тот момент без оплаты, естественно), занялся этим, как оказалось, весьма и весьма хлопотным делом,

оказавшись нежданно-негаданно слугой не у двух, как в известной комедии, а у поболее «господ»: у себя самого, творя тогда свой «Опыт»; у экономического факультета, будучи замдеканом; у кафедры политэкономии, ведя занятия; у Лаборатории, став ее руководителем и трудником; у МГУ, что само собой, ну и у государства с КПСС. А ведь еще была и разнообразная личная жизнь, семья, дача, машина, участие в каких-то внешних мероприятиях, поездки, в общем... нет, конечно, не «без прóдыха», а в каком-то странном симбиозе всего этого, главное, получалось! Фантастика!

Что означало в то время открыть научное учреждение на правах самостоятельного НИИ? Не более и не менее, как получить на этот счет... Sic!.. постановление Правительства СССР, во всяком случае, распоряжение, подписанное Председателем Совета Министров СССР, ибо такого класса заведения образовывались только Правительством, как, к примеру, любой ВУЗ, любой НИИ, ибо это было так или иначе бюджетное образование, а чтобы обосновать необходимость и возможность появления такого учреждения, необходимо было получить вполне официальные либо согласие, либо поддержку вовсе не одной, а семи высоких инстанций, заручившись подписями первых в них лиц.

Так начались мои хождения, естественно, с соответствующими от ректора (ректората) МГУ письменными обращениями по различным инстанциям, правда, я уже был вхож в кое-какие властные кабинеты, где и получал поддержку в этом непростом деле.

Всякое тут было: удавалось, не сразу удавалось, но все необходимые согласия и поддержки я таки получил, занимаясь этим по времени целый год, аккуратно захватив всё тот же, ставший для меня историческим, 1988 год.

И тут я хочу вспомнить об одном человеке — Борисе Игнатьевиче Пашко, ответственном работнике на тот момент аппарата Совета Министров СССР, затем Кабинета Министров

СССР, а после событий 1991 г. Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, о человеке, на которого я напал в 1988 г., странствуя по коридорам и кабинетам высшей власти.

Да, Провидение меня не подвело, ибо Б.И. был мало что опытныйший и влиятельный по высшему разряду аппаратчик, но и... Sic!.. выпускник экономического факультета МГУ, причем закончивший факультет аккуратно в том же году, в который на факультет поступил я сам — в 1960-ом.

Вот это была удача из удач!

Б.И., сразу же вникнув в суть вопроса, стал мне помогать в его решении, подключаясь, скажем так, в узловые моменты, помогая мне распутать вдруг возникший на моем пути узелок. Так, плотно взаимодействуя, мы даже подружились с Б.И. и дружили, причем по-настоящему, сердечно и доверительно, по-мужски, вплоть до его ухода из жизни в 2022 г.

А пока о том, что все необходимые подписи были получены и документы на образование Центра при МГУ представлены наверх, в аппарат Председателя Правительства.

И вот я вызываюсь в ЦК КПСС к ответственному работнику, по случаю или нет, тоже выпускнику экономического факультета МГУ, В.Т. Иванову, которого я знал еще по МГУ, и он мне показывает, вынув из сейфа, бумагу с нашим обращением к Председателю Правительства, не подписанную Н.И. Рыжковым, зато с приколотой к сей бумаге другой бумагой с кратким текстом: «Не понимаю, зачем это нужно!». Сей неприятный для меня текст был записан со слов Н.И. Рыжкова управляющим делами Совмина, предоставлявшим наше обращение на рассмотрение Председателя Совмина.

ЦК КПСС, в лице его Отдела по науке, образованию и культуре, был, в общем-то на моей стороне, мало того, через него и шла подача нашего МГУ-шного обращения в аппарат Совмина, а потому пошла работа по дополнительному обоснованию сего проекта и принятию дополнительных мер ради достижения нашей цели.

Одной из таких мер стало принятие по инициативе секретаря ЦК КПСС В.А. Медведева решение (Sic!) Секретариата ЦК КПСС о поддержке нашей инициативы. Другой — устроенный Борисом Игнатьевичем мой визит в Кремль, аккурат в правительственный корпус, где когда-то работал И.С. Сталин со товарищи, а тогда, во время моего визита, как раз трудился со товарищи и сам Н.И. Рыжков.

Проходя по мистическому коридору мимо кабинета Н.И. Рыжкова, бывшего в оные времена кабинетом И.В. Сталина, подумал: «Вот бы войти к Николаю Ивановичу и...», однако я шел за содействием к другому человеку, ответственному работнику аппарата Совмина, аккурат когда-то однокурснику Б.И., то бишь тоже из нашей Альма Матер, а на тот момент бывшего помощником первого заместителя Председателя Совмина.

А хитрость нашего с Б.И. делового манёвра состояла в том, чтобы летом, уже, кстати, 1990 г., когда Н.И. Рыжков окажется в отпуске, то распоряжение о создании Центра подпишет его первый заместитель, который станет исполнять обязанности главы Правительства.

И вот в июле 1990 г. я нахожусь на отдыхе в Прибалтике, где у меня тоже были друзья, как, собственно, и в Грузии, и в Армении, и в Таджикистане, не говоря уж об Украине с Белоруссией. Вдруг мне звонит из Москвы оживленный Борис Игнатьевич: «Подписано, 26 июля подписано!». «Кем, первым замом?». «Нет, Николаем Ивановичем, а первый заместитель распоряжение премьера завизировал, дав на него свое согласие». «Ничего себе!» Сказалось тут, видно, и постановление Секретариата ЦК КПСС. В общем, удалось, причем при почти что нулевой вероятности. Есть, есть они — чудеса на Белом Свете!

Так небеспроблемно, но таки возник **Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова** (ЦОН при МГУ), возник на правах НИИ I категории, то бишь юридически однопорядковый самому МГУ,

причем, во-первых, с весьма серьезным бюджетным финансированием для реализации междисциплинарных исследований усилиями временных творческих коллективов (ВТК), во-вторых, обладая при этом закреплёнными в уставе ЦОН значительными организационными правами, штатными и концептуальными возможностями.

ЦОН немедленно заработал, а в его работе мне содействовал небольшой, но дружный дееспособный ЦОН-овский аппарат с активной ролью моего заместителя, выпускника экономического факультета, бывшего секретаря комитета ВЛКСМ факультета А.Ф. Настасяка.

Появление под моим началом ЦОН'а с его правами и возможностями способствовало и деятельности Лаборатории в направлении междисциплинарности, в частности, возникавшей на стыке экономики и философии, то бишь как бы тоже междисциплинарно, философии хозяйства, которой я продолжал заниматься, тогда уже хорошо усвоивший неподражаемый труд С.Н. Булгакова.

Так что философско-хозяйственная эпопея не только продолжалась, но и сама философия хозяйства явно набирала концептуальный вес и творческий темп, что в конце концов и вылилось в создание новой научной школы — школы ФХ, о чем шла речь выше.

Что касается ЦОН'а, то он, включившись в деловой ритм, приступил к созданию междисциплинарных ВТК, одновременно обретя возможность собственной издательской деятельности в рамках им же созданной под себя и официально зарегистрированной Ассоциации «Гуманитарное знание», и приступив к изданию книг, включая, к примеру, и мою собственную *«Российская Реформация. Социопроект»* (1994), сборников статей, брошюр, мало того, заимев минитипографическую технику, приступил не просто издавать, но и делать печатную минипroduкцию,

включая и периодический сборник научных трудов «Альманах Центра общественных наук».

В создании типографического «цеха» ЦОН'у помог бывший тогда директором Института повышения квалификации преподавателей общественных наук (ИПК) профессор-социолог Д.С. Клементьев, предоставивший ЦОН'у помещение, так и оставшийся на многие последующие годы другом мне и ЦОН'у, а также сторонником и участником нашего ученого движения.

* * *

Отвлекусь на мгновение на один методологически-концептуальный момент, обязанный полученному опыту с обнаружением, формированием и работой междисциплинарных ВТК в рамках деятельности ЦОН'а. Слово «обнаружение» употреблено здесь не случайно, ибо, как было с поразительной ясностью ЦОН'ом установлено, найти среди гуманитарных факультетов ученых, склонных к междисциплинарности, оказалось очень не просто: такой сильной была инерция научных специализаций. Да, предметных знатоков по разным наукам в университете хоть отбавляй, а вот, повторяю, склонных к междисциплинарности, очень немного. Отчего приходилось, подбирая исполнителей, самому ЦОН'у сначала задавать междисциплинарный проект, а уже под него формировать ВТК, а главным было еще и подобрать руководителя такого ВТК.

* * *

В 1990-м и первой половине 1991 г. ЦОН, набирая деловой темп, продуктивно работал. Однако обстановка в стране аккурат в 1991 г. круто изменилась, что не могло не отразиться на бытии российского ученого мира, в особенности, его гуманитарной части. Резко упало как материальное положение ученых, так и финансовое положение университета. Да, Лаборатория и ЦОН продолжали функционировать, но Лаборатория стала терять кадры, а ЦОН к 1994 г. утратил почти все свои финансы, ушедшие на помощь университету, в тот момент не имевшему, к примеру, даже возможности оплатить расходы за электроэнергию. По этой весьма произвольной, но понятной, причине ЦОН'у пришлось свернуть

деятельность ВТК, оставшихся без оплаты их труда, хотя некоторое время ЦОН еще продолжал вести издательскую деятельность, в том числе и в ее минипроизводственной части, но это пришлось таки в конце концов прекратить, распродав типографское оборудование.

Несмотря ни на что ЦОН продолжал работать, а в качестве яркого этому примера приведу лишь одно мероприятие-событие, состоявшееся как раз в 1994 г., заслуживающее не просто познавательно-оценочного внимания, а и внесения в анналы истории не одного лишь Центра общественных наук при МГУ, даже не только в турбулентное политико-гуманитарное отечественное наследие, а, пожалуй что, вообще в разряд не поддающегося простому разумному осмыслению бытия-истории огромной евразийской страны.

Событие вовсе не масштабное, можно сказать, что и микроскопическое, всего лишь круглый стол, мною организованный в МГУ, на экономическом факультете. В заседании приняли участие приглашенный мною митрополит Питирим; бывший декан экономического факультета, основатель и бывший многолетний руководитель кафедры управления, опять же, бывший депутат Верховного Совета СССР, один из бывших глав межрегиональной депутатской группы, бывший мэр города Москвы, а в общем-то, главный в стране реформатор Г.Х. Попов; академик РАН, выдающийся математик и гуманитарий Н.Н. Моисеев и академик РАН, выдающийся ученый-экономист, директор Института экономики РАН Л.И. Абалкин; известный политический публицист А.М. Мигранян; известный факультетский политэконом А.В. Бузгалин; появившийся на заседании не помню как лидер какой-то чеченской ассоциации, фамилию которого я не помню; ну и ваш покорный слуга.

А заседание было посвящено не более, не менее, как возможности достижения в стране *фундаментального политического компромисса!*

Узнав, что в заседании примет участие Г.Х. Попов, с которым, кстати, у меня с 1960-х гг. всегда были и сохраняются до сих пор добрые личные отношения, приглашенный мною на заседание Н.И. Рыжков, с которым я взаимодействовал по случаю его выборной президентской кампании июня 1991 г., участвовать в круглом столе отказался, а Г.А. Зюганов, тоже мною приглашенный, которому я был с 1990 г., когда Г.А. стал секретарем РКП, отделившейся от КПСС, постоянным политическим собеседником, немало и влиявшим на его воззрения и действия, так и не решился, видимо, по той же причине, что и Н.И., явиться на заседание.

Разговор состоялся смысловó насыщенный, изобиловавший нестандартныммыслеизъявлением. Запомнился вердикт Миграняна: «Компромисс между реформистами и их противниками возможен, но с взаимным признанием итогов приватизации», хотя лично я тянул к социально-политическому единению страны с учетом наступившего в ней новейшего (даже ультрановейшего) времени, может, и с пересмотром итогов приватизации, но не ради возврата к тотальной госсобственности и квазитотальному планированию, а ради обретения нового государственно-частного socio-хозяйственного бытия, то бишь я выступал не против вообще частного хозяйствования, а против тотального, еще и вестернизированного, socio-хозяйственного разгосударствления, бывшего для России, в чем я был глубоко убежден, смертоносным!

Митрополит Питирим на заседание пришел далеко не сразу, когда, кстати, участники весьма уже и немало притомились. И вот что примечательно: когда он вдруг вошел в аудиторию (Ученого совета факультета), то вместе с ним в аудитории явился (ничего не выдумываю!) какой-то невидимый свет, как раз по-не-видимому яворский, и всем нам как-то стало легче, мы все приободрились, оживились, дискуссия пошла куда-как легче и проворнее.

Когда я вскоре предоставил слово митрополиту Питириму, то владыка нас всех до этого не слышавший, заговорил, причем единственный, не прямо по теме круглого стола, а аккуратно о...

человеке — ЧЕЛОВЕКЕ!, как вообще о современном человеке, его аномальном состоянии, так и о российском человеке, его неза-
видном положении.

А почему же я придал этому событию прямо-таки историче-
ское значение? Да, стенограммы и электронной записи дискуссии
не велось, память у меня не так хороша, особенно сейчас, чтобы
воспроизвести хотя бы кратко тогда сказанное, но, поверьте,
господа-товарищи, что разговор был о-очень содержательным,
а главное, касался главного, чем, кстати, и сегодня совсем
не вредно поактивнее заниматься, а именно консолидацией России
и ее народа (народов) вокруг аккурат себя — России!

А то был, напоминаю, 1994 г. — наследник широко извест-
ных 1991 и 1993 гг., и надо было что-то делать в аспекте социо-
хозяйственной, национальной, великодержавной, в конце концов,
имперской, консолидации, но увы, российские политкруги не были
к этому готовы: осознание сей необходимости приходит только
сейчас, во время и по результатам «дружбы» с Западом, в ходе
с ним войны на полях Украины и не только, да и то еще сие осо-
знание не пришло вполне, а ежели до кое-каких верхов и что-то
дошло, то воплотить сие в текущую социо-хозяйственную реаль-
ность не так-то, как оказывается, просто.

«Россия, — сказал мне как-то, отвечая на мой вопрос,
владыко Питирим, — никуда не денется, но через кровь, через
кровь!»

Вот почему ЦОН выступал тогда и выступает до сих пор
за *перемены* — ПЕРЕМЕНЫ!, разумеется, по возможности,
за бескровные, да вот разве *такое* вот переменное — ТАКОЕ! —
бескровно бывает, а-а?!

Малым, да удалым получился тогда у нас круглый, он же
и остроугольный, стол, даже и с неучастием Н.И. и Г.А., совсем
и не простым, о котором никто ныне и не знает, а ведь он *был* —
БЫЛ!

* * *

Политика, да и сама жизнь, вообще требует, помимо убежденности, стойкости, мужества, умения держать удар, так еще и гибкости, умения лавировать, приспосабливаться, даже изворачиваться, не говоря уж об умолчании, обмане, отходах в сторону, как и жесткости и жестокости, ну и компромиссов, а ЦОН под руководством вашего покорного слуги был и в жизни, и в политике, причем в достаточно интенсивной жизни и достаточно высокой политике, вовсе не прибегая к удачливому негативу, а держась выдерживаемого и не дававшего немедленного успеха, позитива, однако не исключая гибкости, маневрирования, тех же компромиссов, в общем, не теряя лица и не прибегая к лживо-угодливым жестам и маскам.

Да, бывало трудно, причем не так от себя, как от противостояний, сопротивлений, борьбы, но что было делать, коль вокруг хватало всего этого нежелательного, мешающего, препятствующего, враждебного, надо было и от чего-то уходить в сторону, чему-то глухо сопротивляться, а с чем-то и открыто бороться.

Как ни крути, а жизнь требует быть не просто позитивным, порядочным, покладистым, в общем, хорошим, этаким добросовестным жильцом на белом свете, но и, уж извините, надо быть деятелем, актором, вершителем, а потому и... нет, не хищником, хоть ими среди людей пруд-пруди, а все-таки... э-э... как было заявлено в одном замечательном советском фильме, орлом, ну а уж в большой политике, тем более!

* * *

Тот же Н.И., которого я пригласил на достопамятный круглый стол — бесспорно хороший, добропорядочный человек, но попав в большую политику, орлом себя все-таки не проявил, мало того, не стал ни гибким тактиком, ни глубоким стратегом.

Где-то в конце 1980-х, Верховный Совет, недовольный первым Президентом СССР, сходу предложил Премьеру Н.И. стать Президентом СССР, а Н.И. вышел на трибуну и... отказался, а ведь как бы иначе могла пойти история страны, если бы... э-эх... эти «если бы»!

Когда мне довелось в 1991 году сотрудничать с Н.И. в аспекте его предвыборной программы, то мною написанный программный текст был весьма переделан его помощниками, которым он продолжал более всего доверять, может, и убежденным коммунистам, да вот времена скоротечно менялись, надо было реагировать на новые веяния, что как раз я и стремился отразить в программе, не изменяя, разумеется, интересам Родины — России, ну а увидев свой «исправленный» текст, тут же предсказал неизбежное поражение кандидата на выборах, что и произошло.

Вот и ко мне в МГУ не захотел Н.И. прийти из-за присутствия на заседании своего идейного противника Г.Х., хотя весь целевой смысл круглого стола состоял как раз в диалоге идейных противников, но не ради свары между ними, а в пользу... э-эх... *компромисса* — КОМПРОМИССА!

А когда я увидел через тройку лет по ТВ в передаче у бывшего «взглядовца» А. Любимова за одним столом Н.И. и Г.Х., которые в конце вполне себе мирной беседы (вроде как дискуссии) пожали по просьбе ведущего друг другу руки, то... да-а!.. мне хотелось немедленно позвонить Н.И., чтобы... но я, конечно, этого не сделал, хоть и про себя подумал: «Где ж ты был тогда, Н.И., когда я приглашал тебя на совершенно нейтральную и вовсе не спорную дискуссионную площадку, да не ради опять же спорного разговора, а ради поиска меж противниками для Родины какого-то взаимного, если не согласия, то хотя бы взаимопонимания?!»

Э-эх, что не орёл, то не орёл, ничего не поделать!

Вот и Г.А. повел себя не лучшим для того случая образом: не явился, хоть ТВ пресса ждала его появления прямо у лифта с техникой и интервьюционными вопросами, ибо мы тогда уведомили пресс-службу страны о своем непростом и много чего обещавшем мероприятии.

Да, это был для меня предупредительный сигнал, хотя я еще долгое время поддерживал идео-конструктивные отношения с Г.А. — вплоть до где-то 2003—2004 гг., ибо продолжал считать

КПРФ оппозиционной партией, способной если не развернуть ситуацию в стране, то хотя бы противостоять безумной ее вестернизации, сопровождавшейся разрушением индустриального и постиндустриального ее национального потенциала, как и весьма безрассудной надежде правящей элиты на дружбу с Западом.

Нельзя здесь не упомянуть эпизода с выборами Президента РФ в 1996 г. Формально на выборах победил-де Е.Б.Н., набрав что-то более 60% голосов. Но дело тут было явно нечистое, что было доказано, кстати, американскими социологами, ибо по их опросам избирателей выходило, что 60% с лишком набрал как раз лидер КПРФ.

В связи с этим Г.А. мучился вопросом поднимать или не поднимать по сему поводу «бучу»?!

Что касается меня, то я тогда посоветовал Г.А. ничего такого не предпринимать: «От Е.Б.Н. народ ничего хорошего не ждет, а от вас ждет, и как только вы придете в Кремль, а полки магазинов, наполненные иностранной едой, мгновенно, как по мановению палочки, опустеют, и заполнить вам их будет нечем. Тогда-то народ и спросит с вас, а страшнее голодных бунтов ничего нет! Не время компартии возвращаться к власти, так что и бучу поднимать не стоит».

Так или иначе, но Г.А. поступил именно так, уверен, что не только от моего совета, но и не сомневаюсь, что и не без него.

Замечу еще, что когда в 1991 г. возник вопрос о воссоздании распушенной и запрещенной Е.Б.Н. КПСС вкупе с РКП новой компартии, то я советовал Г.А. отказаться от слова «коммунистический», а назвать новую партию как-то иначе: «труда», «народная» или еще как, но за Г.А. пошли тогда из взрослого поколения убежденные коммунисты, этой идее об ином названии партии воспротивившиеся. Так возникла КПРФ. Ну а я, плотно общаясь с Г.А., в партию не вступил, предпочтя оставаться свободным от идеологических и дисциплинарных уз.

А что теперь, где она — КПРФ, разве лишь среди ручных парламентских партий, да и сам Г.А. где?

Я не случайно уделил столько внимания тому микроскопическому событию — круглому столу 1994 г.; да, мал он был, этот круглый стол по своему внешнему масштабу, зато оказался весьма масштабным по своей разной и безмерной смысловой начинке.

О-о, таких событий еще поискать надо!

А вот что касается Г.Х. Попова, то он к концу 1990-х стал основателем и руководителем, если не ошибаюсь, Российской социалистической партии (!), что вовсе не мешало, несмотря на устоявшуюся разницу взглядов, продолжению нашего взаимного общения.

И последнее: когда мне довелось через несколько лет после нашего расставания встретиться нос к носу с Г.А. на юбилейном торжестве газеты «Завтра», то в момент нашего рукопожатия я легко прочитал в глазах Г.А. «Эх, лучше бы мы не встретились!», ибо Г.А. прекрасно понимал, что я *всё* — ВСЁ! — прекрасно понимаю!

Вот так, всё течет, всё изменяется, да всё как-то не в лучшую сторону!

Что касается Лаборатории, то ее тогда покинули, оставаясь ее верными адептами, практически все персоны мужского пола, уходя туда, где было больше возможностей зарабатывать на жизнь, и, чего скрывать, делать карьеру, кстати, добившись в силу своих незаурядных способностей весьма внушительных, если не блестящих, результатов.

Пополнять Лабораторию новыми кадрами стало тогда непросто. Однако, во-первых, Лаборатория не потерялась, а продолжала работать благодаря в значительной мере самоотверженному труду оставшихся в Лаборатории женщин-ученых, инженеров, техников, лаборантов, ну и некоторого пополнения неувядшего подразделения новыми кадрами.

Поразительно, но все эти кадровые пертурбации не воспрепятствовали работе над не только эконом-хозяйственно-механической, но и философско-хозяйственной тематикой, разумеется, благодаря в основном, не будем тут ложно скромничать, моему собственному труду, облегчавшемуся технически и редакторски лабораторскими сотрудниками, точнее, сотрудницами. Честь им всем за это и хвала!

Что же касается ЦОН'а, то у него остались 3,5 ставки (полставки были моими), никаких ВТК, да и из помещений лишь одна комнатка в I гуманитарном корпусе. В общем, обкорнали ЦОН, как могли, почему-то вызывавший неприятие в руководящей университетской среде, наверное, из-за своего уникального статуса.

Но это еще не всё: была сделана попытка и незаметненько ЦОН ликвидировать, включив его во вновь образовавшийся в 1996 г. факультет дополнительного образования и «тама» ЦОН растворить.

Я, честно говоря, не уловил этого подвоха, дав согласие на вхождение ЦОН'а в это новое университетское образование, думая, что ЦОН по-прежнему останется ЦОН'ом. Однако нашелся один человек, который обратил мое внимание на то, что в окончательной структуре факультета ЦОН'а-то и нет!

Да-а, и этим человеком был тот, которого мне довелось заместить в 1984 г. на посту замдекана по инициативе парторганов, вроде бы чуть ли не мой враг, ан-нет, не друг, конечно, но, но, как оказалось, и не враг. А всё потому, что я, придя на его место, не стал копаться в том, что при нем было и доискиваться причин его на меня замены. Вот он и отплатил мне добром: честь ему и хвала!

Что ж, пришлось мне сначала побороться на Ученом совете университета, членом которого я еще тогда был как директор ЦОН'а, возражая против включения ЦОН'а во вновь образуемый факультет, настаивая на, скажу так, суверенности Центра.

В итоге Совет проголосовал за подготовленное решение, и только я один голосовал «против», чем, как тогда многим показалось, подписал себе и ЦОН'у смертный приговор.

Уходя после заседания, я, медленно шествуя среди расходившихся членов Совета и спускаясь вместе с ними в лифте, вдруг уловил, что нахожусь в необычной для таких случаев атмосфере гробового молчания, ибо, как я затем осознал, притихшие коллеги выходили из зала заседания и ехали в лифте как бы... э-э... с покойником, в любом случае — с отверженным!

Однако, чувствуя за собой не только правду, но и ответственность перед государством, да и перед университетом тоже, я не сдался, разумеется, бросившись за поддержкой наверх, в вышние властные эшелоны, в чем мне, естественно, сильно посодействовал наш, то бишь ЦОН'а, Лаборатории, да и самой философии хозяйства вполне себе зёмный ангел-покровитель Борис Игнатьевич Пашко, немедленно привлёкший внимание к моему тяжкому положению, как говорится, кого-надо, пусть и формально вроде бывшего, но некогда одного из руководителей Совмина и Кабмина СССР, имевшего, что немаловажно, прямое отношение к открытию и утверждению Центра.

Итог: ЦОН при МГУ остался таким же по статусу, каким и был создан Правительством СССР, просуществовав в своем первоизданном юридическом виде еще два десятка лет, аккуратно до 2016 г. — года моего 75-летия. А что случилось с центром, да и со мной тоже, в том достопамятном году, я поведаю попозже.

Что ж, лишившись финансов, против чего я никакой «бучи» не поднимал, но сохранивший в своем суверенном статусе, ЦОН был сориентирован мною на добровольно-бесплатное привлечение, включая и точечное, ученых разных наук, не минуя и естественников, тяготевших к гуманитарности, к масштабным и не очень мероприятиям в виде различных научных форумов, а также к участию в коллективных монографиях.

И это всё удалось, причем о-очень даже удалось!

ЦОН стал центром притяжения мыслящих, да еще как мыслящих!, людей из Отчизны и из-за рубежа, выполняя предназначенную ему функцию организации конструктивного взаимодействия ученых разных наук: трибуна для свободного мыслиезъявления, вольное общение, возможность быть опубликованным без какой-либо цензуры, исключая лишь «невежливость» относительно коллег и их трудов, как и политизированную оппозицию (не критику!) отечественной государственной власти.

ЦОН вкупе с Лабораторией, находившихся под моим руководством, взяли курс на ментально-концептуальную «троицу»: 1) развитие гуманитарной мысли вообще, обогащение гуманитарного знания, объективно обусловленные и субъективно реализуемые перемены в них; 2) ментально-концептуальный, не исключавший, разумеется, фактологического, управленческого, строевого, «тенденцийного» аспектов, мониторинг и оценочный (аксиологический) анализ текущей, как и исторической и возможной в будущем, социо-хозяйственной мировой и отечественной реальности с акцентом на особость (корневую, российскую, русскую) последней; 3) движение философско-хозяйственной мысли, развитие философии хозяйства — как особой отрасли гуманитарного знания-размышления.

Форумно-издательская активность ЦОН'а вкупе с Лабораторией явно усилилась со всё того же переломного для ЦОН'а 1996 г., что было связано не только с утратой ЦОН'овской финмат-части, как и ВТК, но и с могущей показаться случайностью инициативой (Sic!)... нет, не Церкви как таковой, а... ее служителя и иерарха митрополита Питирима, в общем-то, выходит, что в какой-то мере и Церкви.

Я не буду здесь рассказывать, каким чудесным образом Провидение или попросту судьба свели меня с владыкой, ибо это, как говорится, другая история, однако же свели, да так, что мы буквально подружились, причем общались как бы на равных, я бы сказал, по-товарищески, без обычных процедур в виде приложения

губ к руке иерарха или просьбы к нему о благословении, — всё и так было ясно: доверительно, откровенно, как равные собеседники, а лучшего собеседника, чем владыка, я не знал и не знаю ни до знакомства с ним, ни после его ухода из жизни.

Мы познакомились в 1994 г. аккурат вскоре после моего крещения в январе того же года. Встречались, общались, всё более превращая наши взаимоотношения в искреннюю дружбу. Но вот однажды, будучи у владыки в гостях, за каким-то скромным застольем, он вдруг обратился ко мне с вопросом: «А как вы, Ю.М., относитесь к С. Булгакову?» «Положительно, — ответил я, — он ведь основатель того направления гуманитарной мысли, которым занимаюсь и я — философии хозяйства». «А вы думаете над тем, чтобы что-нибудь предпринять?». «Можно, пожалуй, провести по творчеству С. Булгакова что-то вроде семинара». «А вы подумайте!». «Вот только не понимаю, зачем ему София понадобилась». «А вы посмотрите как-нибудь повнимательнее на травку, тогда и поймете».

Честно скажу, что я тогда ничего не понял насчет травки и Софии, но, придя домой, заглянул в какой-то источник и, нет, не обомлел, конечно, но неожиданно для себя увидел, что аккурат в 1996 г. исполнилось 125 лет со дня рождения С.Н. Булгакова, что подвигло меня на решение организовать по этому поводу им вполне заслуженную большую конференцию, что и было в итоге сделано.

На конференции, сидя в президиуме, присутствовал митрополит Питирим, а в зале в первом ряду сидел упоминавшийся мною выше протопресвитер РПЦ о. Виталий. В своем вступительном слове владыка Питирим вдруг поведал о том, что в 1960-е гг., когда он, тогда молодой священник (из пятого, кстати, поколения священнического рода Нечаевых) служил секретарем патриарха Алексея II (Симанского), вдруг получил от Его Святейшества три задания на будущее, одно из которых состояло (Sic!) в воскрешении доброго имени о. Сергия Булгакова, а на слова подрастерявшие-

гося молодого Питирима, что это вряд ли возможно, ибо в стране как раз шли очередные гонения (хрущёвские) на веру и Церковь, Его Святейшество так сказал Питириму: «Не торопись, Костя, придет время, и ты займешься этим делом». И вот выходило, что владыка как раз этим делом и занимался, подвигнув и меня к действию, да не где-нибудь, а прямо в Московском университете.

Конференция вышла многолюдной, содержательной, прямо скажем, необычной, а по большому счету — исключительной.

О. Виталий, внимательно слушавший докладчиков, не проявлял инициативы самому выступать, однако по просьбе присутствовавших он согласился выйти на трибуну и что-то от себя сказать. И что же? А вот что: «Вы видите, что у меня дрожат руки, — он поднял над трибуной свои действительно дрожавшие руки, — но они дрожат не от старости, а от того, что я никогда не думал, что буду стоять на трибуне в Московском университете и говорить о Сергии Булгакове».

Вот так!

Вторая после слова владыки Питирима «бомба» от священнослужителей, да еще какая и от каких!, хотя, должен заметить, вся конференция шла на каком-то особом подъеме, сама по себе став в итоге «бомбой», мало что в тот момент разорвавшейся в стенах МГУ по случаю возвращения имени, если при этом и не самой личности Булгакова (нет, не тени вовсе, а именно личности!) в эти родные ему стены, но и послужив отправным пунктом для перехода ЦОН'а и Лаборатории к оживленной и живительной, ментально-духовной, гуманитарно-общественной жизнедеятельности, то бишь к активному социо-интеллект-хозяйству!

И хозяйство это с того момента явно у ЦОН'а и Лаборатории пошло: конференции, семинары, коллективные и личные публикации полились то ли как из Рога изобилия, то ли как из ящика Пандоры, то ли как из притаившейся где-то высоко в горах таинственной пещеры, полной редких драгоценностей, и что примечательно, льются до сих пор.

И на меня самого напал приступ вольного, не скованного никакой догматикой и цензурой, творчества, когда тексты пошли из меня как бы само собой, без обращения за помощью к какому-либо источнику, без цитирования кого-либо, даже С.Н. Булгакова, кроме одного-двух случаев, непосредственно обращенных к его творчеству. Писалось, писалось, писалось! Свободно, с погружением в смысловые глубины гуманитарной яви и взлетом к трансцендентным когнитивно-интуитивным над ней высотам, без большого напряжения и диких мук, хоть и не без многократной трудовой обработки текстов (до 5—7 редакций), своим стилем (если не стилями), в общем — феноменально!

Сам удивляюсь и поражаюсь, как будто меня, ЦОН и Лабораторию понесла вперед какая-то неведомая высшая сила, причем вроде бы теснимые и стесняемые для удерживания нас в границах нераспространения среди гуманитарной учености, чуть ли не держа нас в своеобразной ученой резервации, но при этом не мешая нам действовать, вершить свое ученое дело, не то что не прибегая к его осуждению, но даже и не предполагая никаких корректировок и не делая никаких негативных замечаний.

Любопытно, не правда ли? Необычная, если не экстраординарная, ситуация, во всяком случае — странная: мы вроде бы есть и этому есть в идео-содержательном плане никто вразрез не мешает, но нас при этом как бы и нет, хотя все вокруг знают, что мы есть, причем не препятствуя ни образованию вокруг ЦОН'а и Лаборатории ученого сообщества, ни проведению массовых ученых мероприятий, ни реализации ученой издательской деятельности.

Я еще к этому всему вернусь, а сейчас о том, что следовало в нашем ученом хозяйстве во след знаменательному 1996 году.

Исходя из факта субъективно-организованного и объективно-стихийного образования вокруг ЦОН'а и Лаборатории ученого сообщества моим решением (приказом), на что я по Уставу ЦОН'а имел право, в 1997 г. было создано **Философско-экономическое ученое собрание (ФЭУС)**, чем была проведена институа-

лизация тяготевшего к ЦОН'у и Лаборатории ученого сообщества, которое, расширяясь, через некоторое время имело более 400 членов, получавших от Центра соответствующий личный аттестат. Нужно особо заметить, что в ФЭУС вошли мало что высококвалифицированные, но и воистину выдающиеся ученые, включая и зарубежных, а также известные политические, административные и бизнес-деятели из РФ, разумеется, более всего в статусе почетных членов.

Так появился и действует до сих пор такой вот своеобразный государственно-гражданско-общественный институт, весьма, кстати, и эффективный, естественно, со временем изменявшийся по действующему людскому составу, как и по разным, хорошо, в общем-то, известным причинам, где-то наполовину сократившемуся. Однако ФЭУС сохраняется до сего дня в своем активном людском ядре, отзываясь поныне в ученом мире позитивным деятельским эхом — ЭХОМ!

Я заметил, что ФЭУС оказался эффективным учреждением, вовсе не оговорившись и не брякнув сие ради красного словца, нет, вовсе нет, ибо так оно и было, именно эффективным, что подтверждалось разнообразно, многоголосно, многократно, причем весьма долгое время, а дело тут было не только в самих по себе формах и во взаимном общении ученых, включая международные, но и в самой, что ни на есть практической, можно сказать, что и чисто хозяйственной, стороне ученой жизни, ибо мало было проявить какую-нибудь интеллект-орг-инициативу, нужно еще и иметь материальные средства для ее реализации, включая и обыкновенные экономические, то бишь финансовые, а этих последних сам ЦОН, как я уже отмечал, был к 1996 г. в целом лишен.

А среди членов ФЭУС были и такие, которые либо напрямую располагали подобными материальными возможностями, либо могли привлечь что-то необходимое в силу разных обстоятельств, включая и свое где-то административно-руководящее положение.

Приведу два характерных примера.

Как-то мы лишились нашего спонсора и издателя журнала «Философия хозяйства» ООО ИТРК (кстати, происхождением от КПРФ), возникла финансовая пауза. Тогда я принялся распределять финансирование или прямое издание журнальных номеров среди влиятельных членов ФЭУС, и журнал, издаваемый, можно сказать, всем миром, включая и, ныне страшно сказать... Украину (Киев), продолжал выходить в свет.

Или вот другой пример.

Как-то в мой кабинет заходит незнакомый мне человек и говорит: «Ю.М., вам, кажется, нужны для издательской работы деньги?». «Да, — отвечаю, — у нас нет сейчас средств для издания уже готовой коллективной монографии!» «Пожалуйста, возьмите!» И вручает мне конверт с деньгами. Ничего себе! Но самое интересное, что я не знал этого человека и потом никогда больше не видел. Мистика, да и только!

Есть, есть, видно, в философии хозяйства, как и вообще в творчествах русских гениев С.Н. и М.А. Булгаковых своя притягательная, как, собственно, кого-то и отталкивающая, если не страшная, мистика, есть! Разве не так?

В итоге: по инициативе и под водительством ЦОН'а шли вереницей различные форумы как в МГУ, так и в разных иных географических местах, включая и заграничные, целым потоком лились и публикации.

Замечу особо, что всё это, скажем так, товарищески-благотворительное, имело место, конечно, не в силу обладания членской корочкой, и уж, тем более, не по причине, как это бывает, приобщения к какой-нибудь тайной организации с ее посулами жизненно-деловых преимуществ, включая карьерные, нет, конечно, и хотя авторитет МГУ тут и имел свое значение, главное все-таки оставалось за пониманием смысла и значения вдруг возникшего ментало-концептуального гуманитарного течения, по причине и ради которого ФЭУС и был создан, за приятием сего течения и оттого за желанием поддержать, помочь, выручить, а кое для кого

и просто окунуться в живую атмосферу высокой и нестандартной гуманитарной мысли.

ЦОН'ом от имени ФЭУС была учреждена *почётная нагрудная медаль имени С.Н. Булгакова «Свет Невечерний»*, изготовленная не где-нибудь, а на Монетном дворе в Петропавловке, в Санкт-Петербурге, медаль, которой награждены наиболее заслуженные adeпты нашего гуманитарного-размыслительного движения, всего к настоящему моменту три десятка человек. Их имена беззвучно, но отчетливо, звучат в настоящей настенной галерее наградных аттестатов, нашедшей место на стенах ЦОН'а — Лаборатории, составляя нашу, если хотите, как раз институциональную, гордость.

Кроме того, нами были заказаны и прекрасно выполнены в том же Санкт-Петербурге небольшие, но и немаленькие, бюсты С.Н. Булгакова (скульптор бюстов, как и медали, А. Архипов), всего пять; три из которых ныне в краеведческих музеях г. Ливны Орловской области (родины С.Н.), в г. Орле и в Свято-Сергиевском Православном богословском институте в Париже, один находится в моем кабинете в МГУ, а пятый... э-э... у меня дома, во всяком случае, пока!

В 1998 г., как я уже отмечал, была признана и официально на госуровне зарегистрирована как новая научная школа — **Научная школа философии хозяйства**. Серьезный институциональный шаг, если не прыжок («трамп»!), во всяком случае, явно экстраординарное достижение, что в самой мысли, что в ее формальной фиксации, что в публичном авторитете.

В 1999 г. ЦОН'ом был создан и официально зарегистрирован в Роспечати *научный журнал «Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ»*. В его госрегистрации и финансовой поддержке большую роль сыграл выпускник экономического факультета МГУ, член ФЭУС, И.В. Галеев, привлечший к этому благотворительному деянию своих материально удачливых сокурсников. А подназвание

«Альманах...» журнал получил в наследство от издававшегося аккурат до 1998 г. «Альманаха Центра общественных наук».

В начале 1999 г. вышел первый номер журнала, а сам журнал, став в середине нулевых годов ВАК'овским, а в последние годы и вошедшим в список журналов МГУ, рекомендуемых для опубликования диссертационных статей, то бишь обретшим в РФ и в МГУ полноценный публичный статус.

Журнал выходит до сих пор, в чем велика и по большому счету бесценна заслуга первого заместителя главного редактора (которым, само собой, является ваш покорный слуга) к.э.н., в.н.с. Лаборатории Е.С. Зотовой, ну и, естественно, всего коллектива лаборатории, как раз служащей рабочей базой журнала.

По инсайдерской информации он — наш журнал — один из лучших гуманитарных журналов в стране, так ведь есть еще чьи-то частные интересы, амбиции, да и чье-то перед кем-то холуйство, как и самое обыкновенное интрижничество. Смехотворно, конечно, было университетскому журналу ждать университетского же признания четверть века, но такова уж наша селяви, а формальной причиной тому было то, что, хоть журнал и возник по издательской инициативе МГУ, начатой экономическим факультетом, но университетом не финансировавшийся, отчего был вынужден передавать право своего издания сторонним спонсорам, ну и оттого же не считаясь... Sic!.. университетским.

Парадокс, но вполне себе реальный, причем даже сейчас журнал остается на подозрении: вроде МГУ-шный, вроде и нет, да и вообще он какой-то не такой, чуть ли даже не чужой для бытующей гуманитарщины, хоть и соблюдает все необходимые, даже и сковывающие мысль, официальные регламенты.

И еще о журнале, который представляет свои страницы вовсе не для одной собственно философии хозяйства, но и для философии как философии, социологии с политологией, экономии, истории, вообще любой гуманитарной мысли. При этом он, если так будет правильно сказать, воистину авторский журнал, то бишь

журнал, представляющий автору максимум творческой свободы, не преследуя его догмат-предопределенными анонимными рецензиями или какой-либо особой, столь же догматизированной, позицией журнальной редакции.

Главный критерий для опубликования в журнале: необходимый ученый уровень и соблюдение норм межученой и национально-государственной этики.

ФЭУС — это, конечно, хорошо, но-но... но жизнь требует большего. Так, в среде ФЭУС возникла идея создания своей Академии наподобие *Российской Академии естественных наук* (РАЕН), действительным членом которой я как раз являюсь, или той же *Академии гуманитарных наук* (АГН) со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге, основанной и возглавляемой моим другом, бывшим проректором и директором ИПК, а ныне просто профессором СПбГУ В.Т. Пуляевым, ну а я являюсь действительным членом этой замечательной академии, а вдобавок еще и ее вице-президентом.

Идея образования своей Академии таки была воплощена в жизнь в 2009 г., правда, в силу чисто бюрократических проблем с госрегистрацией на федеральном уровне, сия академия, а именно **Академия философии хозяйства** (АФХ), была зарегистрирована как межрегиональная общественная организация в г. Ростове-на-Дону (моей, кстати, малой, но такой большой и значимой для меня, родине), к чему приложил усилия мой добрый друг, профессор Ростовского (ныне Южного Федерального) государственного университета А.Ю. Архипов, аккурат один из инициаторов самой «академической идеи», став и первым по значению вице-президентом АФХ с владением академической печатью и правом окончательной подписи, ну, а я, естественно, стал президентом АФХ.

В АФХ не так много действительных членов и членов-корреспондентов, всего-то полторы сотни, но зато весьма действенных, как раз соответствующих боевому ядру ФЭУС, хотя есть у нас

в АФХ и почетные члены, причем первый академический диплом был выписан на имя *Сергея Николаевича Булгакова!*

К величайшему сожалению, если не скорби, Алексей Юрьевич Архипов, не пройдя мимо пандемии, в 2020 г. скончался. После него первым вице-президентом по моей просьбе стал его ученик Павел Владимирович Павлов, сам авиастроитель, в недавнем прошлом директор Таганрогского авиазавода, а ныне министр по экономическому развитию в правительстве Ростовской области.

Говорю обо всем этом неслучайно, ибо институты — институтами, а люди — людьми, а без последних никаких работающих институтов нет, ну а некоторым из институционализированных людей приходится держать не только институтский руль, но и нести немалую ответственность, мало того — и лямку тянуть, за что им и великая признательность!

Еще один в нашем сообществе институт, в текущей обыденности, может, институтом и не считающийся, но в нашей исключительной ситуации вполне себе институт, а именно особого рода **Совет по защите диссертаций**, который возник на экономическом факультете МГУ, естественно, как *совет по экономической теории*, но, во-первых, как состоявший из представителей *разных* гуманитарных наук, куда наряду с экономистами-политэкономами входили философы, историки, социологи, политологи, а во-вторых, как совет, предназначенный, что было подтверждено руководством ВАК'а, для рассмотрения диссертаций, подготовленных по преимуществу не по собственно экономической теории, а не более и не менее, как по... *Sic!.. философии хозяйства!*

Представляешь, читатель-нечитатель, что это был за прорыв, а-а?

И что интересно: у Совета пошли одна за одной защиты докторских диссертаций, в то время как другие советы довольствовались, в основном, кандидатскими.

Совет проработал, вполне и успешно, пару лет, где-то в 2007—2008 гг., и был, не без моего ведома как председателя Совета, закрыт по причине поступившего из Минобрнауки распоряжения об общем сокращении числа советов и под предлогом, что на экономическом факультете формально оказались два совета по экономической теории (традиционный политэкономический и наш — новенький), ну и вот наш, естественно, и попал под сократительную бритву.

Пришлось согласиться под обещание ходатайства МГУ об открытии в ВАК'е специальности «Философия хозяйства», а затем и открытия нового совета уже по этой специальности. Наивно тогда поверил, да быстро убедился, что ходатайствовать об этом никто и не собирался.

Очередная горькая пилюля была мною проглочена, да что было делать, разве лишь биться своим философско-хозяйственным лбом о быстро воздвигнутую перед ним невидимую, непроницаемую стену.

И лоб мой тогда отступил ради сохранения ЦОН'а, Лаборатории, всего, что было уже нажито и что вовеки, слава богу, работало.

* * *

Такие вот сопровождали философию хозяйства тогда, да и потом тоже, о чем речь еще впереди, очередные не то что вненаучные, а может, как раз и вполне себе ученые, перипетии.

Да, страда, она и есть СТРАДА!, а куда от нее, коли мир ученый так устроен и коли в псевдоученом и, в особенности, в околоученом мирах находятся силы и управители, которые преследуют любые цели, кроме... Sic!... воистину *ученых* — УЧЕНЫХ!

Страх — СТРАХ!, аккурат перед гуманитарной ученостью, нет, не перед широко распространенной и под контролем преподаваемой в усеченном виде студенческой аудитории, даже и не перед якобы истинной, ибо кто же ее всамделишно знает — ИСТИНУ-то, а... всего лишь перед реальной ученостью в случае ее правди-

вого и эффективного погружения в гуманитарную реальность, отчего и неизбывная страда этой самой реальной учености, как и параллельный ей страх со стороны псевдоучености и околоучености, от которого им никак не избавиться, ну и как самой реальной гуманитарности, включая и философию хозяйства, не избавиться от непременно становящейся органичной им *страды* — СТРАДЫ!

Малые университетские форумы

Да, коллективные ученые деяния, которые, несмотря на их порою важнейшее, не только ученое, но и социо-политическое, значение, к институтам вроде бы не относятся, правда, как на это посмотреть, ибо звучит в них таки какой-то институционально утвердительный мотив, звучит!

С 2004 г. по 2009 г. ЦОН с Лабораторией провели под эгидой Совета Федерации ФС РФ и участием руководящих работников шесть ученых, вполне себе институциональных, форумов, прозванных мною **Малыми университетскими форумами** (МУФ), которые проходили в МГУ с ведома руководства СФ, с непосредственным участием ответственных работников СФ, так и приглашенных извне содержательных ораторов.

Дело тут не в самом факте этих необычных мероприятий, тем более, не в их своеобразном прозвании, как даже не в их покровительстве со стороны СФ, а в экстраординарном составе ораторов, смысловом содержании и, не побоюсь этого утверждения, в реальной социо-политической функции.

Что ж, судите, господа-товарищи, сами!

Первый МУФ, февраля 2004 г.: **«Глобальное и национальное в экономике»**. Как вам, читатель-нечитатель, нравится? А ведь в тот момент никакого разворота страны от Запада к самой себе не было, наоборот, тогда еще всю бытовала, да и до сих пор еще робко бытует, надежда установить с Западом взаимоприемлемые (партнерские-де) политико-экономические (а по-нашему — бытийно-хозяйственные) отношения, а об антиколониальной деве-

стернизации страны не было, да и сегодня по сути нет, определенной речи, не то что не было, как и нет в этом направлении каких либо решительных действий, ибо дело со всем этим зашло очень далеко, отчего речь об этом только начинается, а действия носят более скрытый, чем явный характер.

Второй МУФ, декабря 2005 г.: **«Россия — великая держава (вызовы современности и поиск перспективного россиеведения)»**. Каково, а-а?! Это при том, что ни о какой-либо великодержавности РФ (не России, разумеется) не то что не было речи, а и в мыслях сего тезиса во властных кругах не было тоже!

Третий МУФ, апреля 2007 г.: **«Россия сосредотачивается: воля к жизни и процветанию»**. Нет смысла и комментировать, и так всё ясно!

Четвертый МУФ, декабря 2008 г.: **«Национальная элита — судьба России»**. Что тут неясного, разве лишь, где она в достаточной мере до сих пор, эта самая национальная, прежде всего, социально-гуманитарная, элита, не смотрящая с вожделием на Запад, хоть мы, кажется, с ним и воюем на полях Украины?

Пятый МУФ, декабря 2009 г.: **«Российское перестроение: политика, экономика, общество»**. Худо-бедно, а ведь была заявлена целая программа социо-хозяйственного бытия РФ на перспективу, причем в духе собственно российского, причем не только не вестернизированного, но даже и не РФ-перестроения, чем опять же, худо-бедно, а все равно приходится ныне заниматься сбитой с толку стране, в чем и война помогает, и западные санкции, и расставание с иллюзией о партнерстве с Западом (пусть из-за Трампа еще и неполное в сём разочарование), как, собственно, и созревающее расставание с иллюзией некой бескорыстной «дружбы» с Востоком.

Шестой МУФ, декабря 2013 г.: **«Международное воспроизводственное обустройство евразийского (постсоветского) пространства: экономика и политика»**. Исключительный по бытийно-исторической реалистичности форум, не проходящей

до сих пор актуальности, не исчезающей втуне времени проницательности, но это не всё: еще и по освобождению от иллюзий и по вполне себе реалистической рекомендательности. Содержательный трехдневный разговор 135 ораторствовавших участников.

Хоть поверьте, хоть проверьте, господа-товарищи, но там и тогда было высказано столько ценного о современном, находящемся в апокалиптическом кризисе, мире, о Западе и Востоке, о Евразии, об имперо-колониальной глобалистической борьбе, о возможных взаимовыгодных взаимодействиях и особого рода евразийских интеграционных процессах, вовсе не схожих с той же западноевропейской межстрановой интеграцией, что сегодня диву даешься, насколько сие выказанное подтверждается в текущей мировой реальности, включая положение и поведение самой РФ.

Диву даешься и тому, насколько всё это высказанное не замечается в РФ, как будто этого нет, ибо оно ведь отсюда — из РФ, а не *оттуда* — ОТТУДА! — из-за границы!

Да-а, давненько мало что засела, но и правит в стране свой идеократический бал вполне себе идейная анти-Россия, давненько, в общем-то с незапамятных времен, и бытует Россия как Россия в нескончаемой борьбе с анти-Россией, вот и сейчас тоже, хоть критическая ситуация в мире и в самой РФ разворачивает страну к России, вполне и спасительно, да вот не сдается анти-Россия, накрепко засев в головах псевдороссийских, не сдается!

Что ж, всё впереди, увидится — слово и дело за Бытием-Историей!

* * *

Как же был прав Александр III, заявив как-то наследнику престола: «У России только два надёжных союзника — армия и флот!», ну а вот теперь еще и ВКС с ВБПС (войсками беспилотных систем), ну, а я по русской простоте душевной добавил бы, что главным здесь союзником является все-таки ничто иное, как всячески периодически поносимая, отрицаемая и загоняемая в Навь... э-э... Россия — РОССИЯ!, восхождению которой, собственно, и были посвящены Малые университетские форумы, материалы которых, между прочим, направлялись

по фельдъегерской почте и от имени руководства Совета Федерации прямо в высшие правительственные инстанции, кстати, не так уж и безрезультатно (как-никак, а наши первые форумы все-таки предшествовали знаменитой «контрзападной» Мюнхенской речи президента РФ, да и материалы всех наших форумов так или иначе находили и находят, разумеется, без ссылок на них, в речах мало что политобозревателей, но и самых что ни на есть высших властей предержащих, что — то и другое — вовсе не так уж и для нас — ученых — и не знаменательно!)

* * *

Да, Малые университетские форумы, проводившиеся нами под эгидой и совместно с СФ до смены руководства СФ, заслуживают быть здесь особо отмеченными, ибо то были не просто учеными, а воистину и государственными, деяниями, хотя и собственно ученых деяний ЦОН и Лаборатория провели за годы своего существования видимо-невидимо, что называется, «ни в сказке сказать, ни пером описать», даже их простое перечисление заняло бы много страниц, а уж с комментариями так и целые тома.

Я знаю, о чем говорю, как и знаю, что все эти мероприятия носили не менее важные, чем МУФ-ные, концептуально-политические замыслы и итоги, а ведь всё с одной и той же главной целью — развернуть страну не просто к самой к себе, а к своей бытийной исторической *пра*-Родине (так сказать, деер-социо-основе), а именно к *России как России*, разумеется, меняющей свой бытийно-исторический облик, да что облик, *образ* — ОБРАЗ!: от ведической прото-Руси через Русь (Рось), святую Православную Русь, Российскую империю, тот же СССР, а теперь вот и незнамо через что в облике РФ к собственно России как России, что было всегда, несмотря на все попытки антироссийских сил уйти от России как России аккурат подале и насовсем.

У меня немало «претензий» к своей реальной Родине, то бишь к такой, какая она есть, чего называть (перечислять) не буду, но я неплохо знаю свою Родину-Россию, ее трудовой народ, да и так называемую «русскую интеллигенцию», то бишь образо-

ванную часть моего народа, тоже хорошо знаю, и скажу я тебе, читатель-нечитатель, что знаю Родину и свой народ с о-очень достойной уважения и даже восхищения позитивной стороны, отчего и считаю служение своей Родине-России не просто экзистенциально необходимым, а и попросту заслуживающим отнесения к счастливой земной-космической доле!

Пафос, кто-то скажет, и ничего, мол, более, но нет, как раз нет, вовсе не какой-то там легковесный пафос, ибо тут и труд, и переживания, и терзания, в общем, жизнь-страда, да-да, именно так — СТРАДА!, всякой бывшая и есть по жизни, вот и не избегшая идейно-размыслительной ее — жизни — части, той же борьбы за философию хозяйства, за ЦОН, за Лабораторию, за Софию Премудрость Божию, за софиасофию, да и попросту за себя, свое творчество, его свободу, однако и за личное достоинство, но не только за себя и за свое, но и за сомыслителей, соратников, сотрудников, за всех наших — за СВОИХ!, разумеется, по духу, устремлениям, мышлению, переживаниям, какими бы они, эти *свои*, ни были по-своему особенными, главное, тебе никак не подчиненными, от тебя независимыми, тобою не скованными, а ведь среди всех *своих* какое великое число воистину выдающихся людей, честно говоря, страшно и подумать!

Нет, мы все вместе — никакая не партия, никакая не секта, тем более, никакое не тайное общество, мы даже не *едино*-мысленники — мы всего лишь *со*-мысленники, да и то очень разные, однако объединенные вместе, помимо вообще «любви к истине», разумеется, к истине неизвестной и неуловимой, хоть милостиво и позволяющей к ней иной раз приблизиться, ежели, конечно, с чистым сердцем и без всякой корысти, так еще и объединенные любовью к Родине-России, которая, чего скрывать, не очень-то «разбрасывается» своей к нам любовью, как и не так-то просто поддается распознаванию, ибо *она* — ОНА!, тоже ведь как и ИСТИНА — *тайна* — ТАЙНА!, да еще какая!, однако, будучи все-таки как-то почитаемая в сердце каждого из нас (не просто сердцем

и не просто от сердца, а именно *в сердце!*), пусть и неохотно, но все-таки раскрывается, правда, не очень-то при этом проявляясь на алфавитных строчках бумажных носителей, не то что на компю- смартфонных искусственно-подсвеченных экранах, но все-таки... все-таки... хотя бы для нашего авторского удовлетворения, так- тильно превращаясь иной раз в отчетливые буквы, слова, строчки, тексты, писания, — и слава Богу!

А что касается нас — СВОИХ, то их мало что толком никем не исчислявшееся переменчивое число, что, конечно, и не так уж и просто сделать, да и не нужно, ибо здесь как раз особенно работает неправильное правило: $2 \times 2 = \dots X$ (икс), зато среди них, кроме выше уже названных, что не имя, то аж дыхание перехватывает, а то и восторженная оторопь берет.

Смотрите сами, если хватит терпения и бесстрашия!

Разумеется, хоть я и назвал их *своими*, то вовсе не настолько, чтобы каждый не оставался прежде всего *своим самому себе*, так что разные тут персоны, как действительно (систематически) близкие, так и всего лишь разок-другой-третий приблизившиеся, однако приблизившиеся все-таки, так что не обессудьте, господа- товарищи, коли что не так, да ведь дело не в степени близости к нашему кругу, его ядру, а в самой возможности оказаться, пусть и на какое-то мгновение, среди внимающих, понимающих, думаю- щих, в общем, оказаться не зря и аккуратно среди незряшных.

И вот позволю себе перейти к именам, беря и немалый грех на душу, а там уж что будет, то и будет!

Опускаю степени, звания, официальные принадлежности, ибо все или почти все доктора наук, профессора, как правило, все они *наши* — МГУ-шные, если не по работе, то уж по происхож- дению, культуре и образу мышления — точно! Опускаю и принятые в ученой сфере характеристические эпитеты, кроме одного, причем вполне и анонимного, что всё это бесспорно *выдающиеся* — ВЫДАЮЩИЕСЯ! — люди.

Снова люди

Сначала о тех, кто был среди нас и с нами, пусть и в недавнем, но уже в прошлом: МГУ-шный философ, известный критик советизма, а затем и Запада, патриот А.А. Зиновьев; политик, юрист-экономист, международник, мой братский друг Р.И. Хасбулатов; социолог И.В. Бестужев-Лада; МГУ-шный философ А.С. Панарин, с которым мне довелось идейно сойтись в вовсе не патриотичном Суздаль-Клубе; историк из МГУ Ю.М. Павлов; оригинальнейший мыслитель филолог-историк-философ Г.Д. Гачев; мыслитель и знаток «подноготины» Римского Клуба В.М. Коллонтай; С.М. Меншиков из ИМЭМО; МГУ-шный химик, вошедший в высокую гуманитарность С.Г. Кара-Мурза; МГУ-шный математик мирового уровня, тоже не прошедший мимо гуманитарности И.Р. Шафаревич; философ из МГУ М.А. Маслин; публицист А.Г. Дугин; глубокомысленный и отзывчивый на новизну В.И. Корняков (Ярославль); умнейший, добросовестный, отважный В.Н. Кутырёв (Нижний Новгород); непреклонный политэконом А.В. Бузгалин; Б.В. Ракитский; примкнувший к гуманитарности физик Л.В. Лесков; философ К.М. Долгов; МГУ-шный социолог И.Г. Петров; МГУ-шные философы И.А. Гобозов и Ю.М. Бородай; писатель В.Г. Сироткин; политэконом Б.Н. Ичитовкин (Киров, он же Вятка); писатель В.Я. Курбатов (из Пскова); мои из МГУ преподаватели — по политэкономии А.Б. Николаев и по экономике Франции Л.И. Глухарёв; наш лабораторец С.Ю. Синельников; а также если не участники наших бдений, то явные симпатизанты нашему философско-хозяйственному рвению зав. кафедрой бухучёта А.Д. Шеремет; эконометрик Ю.Н. Черемных; экономисты-международники М.Н. Осьмова, Э.П. Плетнёв, Л.Г. Ходов, В.М. Кудров; Д.М. Рачинский; политэкономы Е.С. Городецкий, Э.П. Дунаев, А.И. Юткин, И.И. Столяров, Н.И. Шахет, А.М. Беянова, Г.Н. Цаголов; народонаселенцы А.П. Судоплатов, Б. В. Хорев, а также академик А.Д. Некипелов; чл.-корр. РАН В.С. Автономов; писатель

С.Н. Белкин; академик-экономист Р.М. Энтов; политолог А.И. Фурсов; журналист из «Завтра» А.А. Нагорный; выпускник экономфака МГУ, основатель и бывший ректор ВШЭ Я.И. Кузьминов, А.Т. Спицын (АОН, затем РАНХиГС) (все из Москвы); Л.Ф. Заико (из Минска); В.Д. Базилевич (из Киева); М. Добровичский, М. Липец-Зайховская, Й. Зайховский, З. Левицкий, М. Костшевский, К. Рычь (все из Польши); протоиерей, бывший декан (ректор) Свято-Сергиевского Православного богословского института граф о. Борис Бобринский (Франция, Париж); Р.А. Мнацаканян, Г.С. Григорян (оба из Армении); В. Шмидт (Германия).

Отдав должное как ушедшим из жизни из вышеприведенного списка, храня о них светлую память, так и отошедших по возрасту от активной ученой деятельности или отошедшим от деятельности нашего сообщества по разным личным и иным мотивам, выражая им искреннюю признательность за пусть и прошлое, но непременно позитивное участие, обратим свой взор на недавно или ныне активно действующих, помимо упомянутых выше, персон, каждый в разное время и по-своему составлявших или до сих пор составляющих, при этом тогда и сейчас оставаясь самим собою — умным, проницательным, значимым, *нашу* необычную, если не экстраординарную, ученую рать.

Вот они*: экономисты А.Н. Клепач, М.В. Кулаков, А.А. Пороховский, В.М. Кульков, К.А. Хубиев, А.Р. Белоусов, С.В. Киселёв, Д.В. Кузин, Н.П. Иващенко, Л.И. Якобсон, экономист-философ Л.А. Тутов, Т.Н. Юдина, Д.Н. Платонов, С.В. Кайманаков, А.А. Антропов, В.И. Маршев, М.Г. Покидченко, (все из экономического факультета МГУ); химик из МГУ Л.А. Асланов, физик отсюда же В.А. Твердислов; математик, выпускник МГУ М.Л. Хазин; историки из МГУ Г.Р. Наумова и С.А. Ермишина; русский до мозга костей философ из МГУ Ф.И. Гиренок, философы из МГУ

* Перечисляю как Бог на душу положит, отчего прошу не судить меня строго, да и надеюсь, что не только читатель-нечитатель, но и Бог меня за это простит!

Н.Н. Ростова и Т.В. Кузнецова; далее А.И. Агеев, С.А. Марков; В.Я. Иохин, политик, выпускник экономфака МГУ А.М. Бабаков; бывший МГУ-шник, философ и социолог А.Л. Андреев; И.Г. Еремеева, И.Г. Шевченко, С.П. Шевчуков, А.В. Андреева, А.А. Олейников, Р.М. Нижегородцев, М.А. Пивоварова, «курчатовец» О.В. Доброчеев, А.А. Соболевская, А.К. Попов, Г.В. Фадейчева, Л.Г. Чередниченко, Е.В. Косов, Ю.В. Яковец; Т.Ю. Яковец; медик, писатель С.Н. Турищев; И.С. Гелисханов, И.В. Кузнецова, М.Н. Глазунов, С.С. Носова, И.В. Простаков, Т.В. Воеводина, В.И. Стасевич, Ю.А. Кропин, И.И. Рудяк, И.А. Гоманов, А.Р. Геворкян, И.В. Пшеницын, Я.И. Нисанов, Е.Х. Хабибуллина, А.В. Андреева, финансист А.А. Козлачков, С.Н. Сильверстов, М.Л. Альпидовская, А.В. Кузнецов, Д.П. Соколов, В.Г. Гуляев, О.Н. Рыбковская, Е.В. Гнилитская (все из Москвы); И.Р. Бугаян, В.К. Королёв, С.Ю. Андреева, Е.О. Миргородская (все из Ростова-на-Дону); В.В. Кашицын, Е.А. Починкова (оба из Новороссийска); В.В. Смагина (Тамбов); А.А. Хоружий (Мучкап, Тамбовская обл.); Л.И. Субетто, В.А. Ушанков, Д.С. Широкоград, Н.И. Усик, Н.А. Шапиро, С.Ю. Румянцева (все из Санкт-Петербурга); Е.В. Шелкопляс (Иваново); В.В. Чекмарёв (Кострома); С.П. Рамазанов (Волжский); В.П. Океанский (Шуя); И.Ю. Фомичёв (Тюмень); предприниматель Е.В. Пономаренко, Л.Н. Дробышевская, В.В. Чапля, В.В. Сорокожердьеv (все из Краснодара); Л.И. Ростовцева (Тула); О.Г. Чепьюк, Г.С. Широкалова (все из Нижнего Новгорода); С.В. Бирюков (Кемерово); В.С. Сизов, Н.И. Злыгостева (оба из Кирова); ну и из-за границы: бывший декан (ректор) Свято-Сергиевского Православного богословского института протоиерей о. Н. Чернокрак; У. Алиев (Казахстан); П.С. Лемещенко, Г.И. Мойсейчик, Л.П. Зенькова (все из Белоруссии); А.С. Филипенко, А.А. Гриценко, И.К. Быстрыков, В.Г. Бодров (все из Киева); Г.В. Задорожный (Харьков); И.Д. Спасский (Одесса); Л.С. Воробьёва (Ирпень, Украина); З.Э. Скрынник (Львов); А.П. Бабаев (Азербайджан); Л. Юхневич, А. Доброчиньская, С. Костшевская,

а также ректор Варшавского университета А. Новак (все из Польши); В.Н. Мочалов (Германия); С.С. Слепаков, С.В. Сияков (оба ныне из Израиля).

Кроме того, в наших ученых мероприятиях принимали участие в качестве приоритетных ораторов академик С.Ю. Глазьев; чл.-корр. АН РФ Р.С. Гринберг; депутат ГД, выпускник МГУ, историк, депутат ГД РФ К.Ф. Затулин; известные политгуманитарные аналитики С.Е. Кургинян, Н.А. Нарочницкая, М.А. Леонтьев; выпускник экономического факультета МГУ М.А. Делягин.

Есть и среди нас, то бишь, *своих* «в доску», свои ораторские светила, да не так по красоте и легкости речи, как по ее смысловым достоинствам, хотя и по стилю тоже, но я, предостерегаясь, воздерживаюсь от их поименования: слышавший да слышит, знающий да знает, а так вот — безымянно, все мы равны и один лучше другого, главное, что светила таки есть и они таки среди нас, однако пусть каждый сам себе назначает таковых, включая и самого себя, а я уж воздержусь от сего «суда», хоть и имею свой светящийся список, исходя при этом из того постулата, что каждый из нас тоже «ничего себе» и тоже, каждый по-своему, светится совсем и не таким уж тусклым светом.

В общем, большое число заинтересованных в общем гуманитарном деле людей, а дело это состоит, во-первых, в общении, обмене мнениями, свободном поиске каких-то умственных разрешений и внезапных, незнамо как вдруг являющихся, откровений, а во-вторых, в образовании, наличии и обогащении *некоего* весьма и отчетливого потока знания-размышления, несущегося как-то сам собою и несущего каким-то образом *иное* мировидение, а за ним и иное мироведение, в общем, *иную мировоззренческую гуманитарность*, причем не отрывающуюся от корневых страновых традиций, а их — эти традиции — сохраняя, возрождая, обновляя, обогащая и продолжая.

Круто, не правда ли?!

Я специально выше сказал о «*некоем*» потоке знания-размышления, а потом разъяснил, не разъясняя, что он, сей поток, «*иной*», причем он даже не сама по себе, тем более как-то догматизированная, философия хозяйства, даже не ее — философии хозяйства — учено-прикладное применение, хотя всё это в известной мере и есть, главное тут — свободное движение гуманитарной мысли, обогащенной *философско-хозяйственной*, а еще более — *софийной*!, может, и горьковатой, «приправой», а ведь то и другое — движение мысли и сама мысль — нуждаются не только в чтении умных книг, как и в изучении архивных источников, тем более, не только вообще в новой информации, ее переработке, нет, не только, далеко не только, даже и не в отражении возникшей мысли на том или ином носителе и в ее — мысли — распространении и утверждении, а именно, о чем я уже сказал, в общительном, то бишь живом, *вываривании мысли*, хоть изъясляемой стоящим на трибуне оратором, хоть воспринимающим его мысль слушателем в зале, пусть зачастую и отрывочно, и неточно, а то и попросту искаженно, зато обязанной внутренней работе каждого из индивидуальных сознаний вкупе с подсознанием и, коли уж «свезёт», сверхсознанием тоже.

Мысль — это все-таки какая-то общая интеллект-жизнь, а вот общая интеллект-жизнь — как раз и есть *мысль* — МЫСЛЬ!

Рождающаяся, движущаяся, изменяющаяся, возвышающаяся над самою собою, а *иначе...* для нашего-то ученого брата... э-э... всё, что угодно, только... уже не *мысль* — не МЫСЛЬ!, равным образом, и не всё, что угодно, только... не *жизнь* — не ЖИЗНЬ!

* * *

*Вот и получился у меня сходу, вполне и импровизационно, возник прямо-таки **Ученый манифест** — МАНИФЕСТ (нет, не Катехизис!)!, да что поделывать, ежели что-то этакое просится наружу, нет, не с целью кого-то в чем-то убедить, а просто... э-э... **объясниться**, может, и лишь перед самим собой, точнее, в себе самом, что ж, и это дело!*

Однако вернемся к людям и к нашему общему, как я его уже выше представил, ученому занятию-творению, ну и к нашим институтам тоже, в общем, к нашей ученой жизни, как совсем недавно было и как сейчас есть.

Я выше описал, что наше ученое движение — ДВИЖЕНИЕ! — (иначе и не назовешь!) стало возможным и значимым не только в сфере гуманитарной мысли, что само собой, но и в идео-аналитико-политической сфере (и немало при этом действенным!) благодаря поддержке, покровительству и участию многих государственных мужей, имена которых вполне заслуживают быть здесь названными, кроме ранее мною уже с великой признательностью упомянутого Б.И. Пашко.

В ЦК КПСС это в 1988—1991 гг. секретарь ЦК, уже мною ранее упомянутый, В.А. Медведев; заведующий сектором М.В. Никорук; ответственный работник ЦК В.Т. Иванов; Председатель Совета Министров СССР Н.И. Рыжков; заведующий отделом в Совете Министров СССР, а затем управляющий делами Кабинета Министров СССР И.И. Простяков (именно он не посчитал для себя зазорным явиться в 1996 г. в МГУ и защитить было приговоренный к ликвидации ЦОН); Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Е.С. Строев (бывший затем одно время губернатором Орловской области, почитатель С.Н. Булгакова, принявший из моих и Ф.И. Гиренка рук бюст Булгакова, ныне хранящийся в Орловском краеведческом музее, ну а потом Егор Семёнович, вернувшись в СФ, стал его почетным председателем) и сменивший его С.М. Миронов, во время председательства которого и проводились наши Малые университетские форумы; заместитель Председателя СФ С.Ю. Орлова, ставшая затем губернатором Владимирской области, под присмотром которой и заседал тогда упоминавшийся мною Суздаль-Клуб, заместитель Председателя СФ В.П. Горегляд, ставший затем заместителем главы Центробанка; председатель Комитета в СФ

Е.В. Бушмин, лично расположенный, как, впрочем, и С.Ю. Орлова с В.П. Гореглядом к нашему движению; Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Г.Н. Селезнёв.

Называешь имена и диву даешься, да не так в плане занимаемых ими тогда постов, как в аспекте их не просто лояльного, но и позитивно-заинтересованного отношения, в отличие от многого ученого мира, включая, пожалуй, прежде всего как раз свой — МГУ-шный, к нашему неординарному Движению, более того, бравших на себя и немало рíсковую по тем коварно-турбулентным временам ответственность, безоговорочно становясь при этом на сторону Родины-России!

Касательно взаимоотношений СФ и нашего ученого сообщества, которые были воистину партнерскими, вспоминается один необычайный случай, он же событие, а именно посещение СФ делегацией нашего сообщества человек этак в 25 в качестве его — СФ — гостей.

Об этом посещении напоминает (и свидетельствует) фотография, находящаяся перед моими глазами в моем рабочем МГУ-шном кабинете, на которой вся наша делегация стоит снизу вверх на парадной лестнице в здании СФ.

Принимал нас от СФ председатель одного из комитетов Е.В. Бушмин. Делегация разместилась в одном из малых залов заседаний. Мы с Е.В. в президиуме. И вот тут-то и самое интересное: опытный Е.В., открыв встречу, вдруг... замялся, не зная в тот момент, что же сказать *такого* — ТАКОГО! — сидящим перед ним ученым, видя перед собой полсотни умных, знающих и всё в общем-то понимающих глаз.

В общем-то, был для Е.В. шок, разумеется, не перешедший в его немое молчание, но... но и не ставший с аудиторией бодрым и интересным для нее разговором. Е.В., видно, рассчитывал на экспромт, не особенно и готовился в этом плане к встрече, посчитав ее за обычное проходное мероприятие. Да вот не тут-то было!

И тогда на выручку Бушмину пришел, видимо, приглашенный Е.В. на нашу встречу (как чувствовал!) другой сенатор, в недавнем прошлом декан философского факультета СПбГУ, которому Е.В. передал слово и который заговорил с учеными на их ученом языке и о проблемах, их — ученых — волновавших.

Затем выступил ваш покорный слуга, заговоривший о важности совместной работы ученого сообщества СФ в целях стимулирования в стране ей потребных социо-хозяйственных перемен.

Е.В., успев воспрянуть духом, сориентировался и вполне в стиле уверенного в себе государственного мужа завершил, произнеся какие-то нужные слова, заседание.

Вот такой случился у нас случай, он же и событие, о котором я счел нужным поведать и о значении которого судить, конечно, вам — читателям-нечитателям сего непредвзятого в данном случае повествования.

Важно заметить, что тогда был вообще первый в истории СФ групповой гостевой визит в СФ, сотрудничавших многие годы с СФ и под его эгидой ученых-гуманитариев, может, так и оставшийся навсегда единственным.

Такова уж она — учено-государственная селяви!

Да, ученый мир (не преподавательский, а именно ученый, то бишь мысле-размыслительный) все-таки особенный мир, причем не так в силу какой-то особой образованности его акторов, хоть это и есть, как по причине его творчески-оценочно-выводного своеобразия, вовсе не отделенного ни от властного, ни от подвластного национальных миров, а всего лишь как-то *иначе* внутри себя ментально настроенного: видеть и размышлять над тем, чего не видят и над чем не могут размышлять, несмотря на свой нередко маневренный, цепкий, изобретательный, а то и по-деловому изворотливый, как и, наоборот, инертный, ум, акторы из других миров, ну а если говорить о выдающихся ученых — уже и *мудрецах* — МУДРЕЦАХ!, то кто может, кроме таких же, как они, с ними сравниться?

* * *

Зачем я здесь об этом? Уж если следовать заветом Макиавелли, то любого рода властителю (политическому, экономическому, технологическому) о-очень не вредно обращаться к этим самым мудрецам, причем не так, может, за прямым советом, как за их особым всё и вся видением — глубоким, масштабным, иной раз и диктуемым им свыше, позволяющим и властителю делать заключения, которые, может, и ему тоже приходят в голову, но которые непременно получают от мудреца весомые подтверждения.

Есть, есть она — эта проблема — взаимоотношения властителя и мудреца, когда в реалиях куда более примеров их не встреч и меж ними неразговоров, чем, наоборот, встреч и продуктивных разговоров, а всё отчего? — да из-за страха властителя услышать даже не правду от мудреца, которую он и сам немало знает, а от понуждения действовать, либо же действовать иначе, чем он это делает, на что властитель, даже соглашаясь про себя с мудрецом, пойти по разным владетельно-властительным мотивам не может или не хочет.

Вот и выходит: на стороне мудреца мысль, правда, призыв, а на стороне властителя-владельца — немотность, закрытые глаза и... страх — СТРАХ!, да-да, именно так — СТРАХ!, да не животный, а иной — экзистенциальный, который, правда, и пострашнее животного бывает, ибо... э- эх... историческая тут лежит на властителе ответственность и маячит за ней не менее исторический ответ — ОТВЕТ!, как раз тот самый, который держать надо, и, увы, приходится!

Не позавидуешь!

А Бытие-История, как известно, ничему и никого не учит, а течёт себе и течёт, вполне и бесстрастно, то плавным, то турбулентным, а то и вдруг бурным, всё без разбору сметающим на своем стихийном пути, потоком!

Так-то вот!

* * *

На протяжении моей личной полувековой ученой карьеры, начиная с моей стажировки во Франции в Парижском университете в 1974—1975 гг. (в Нантерре, у Р. Курбиса), дополненной моей командировкой в Сорбонну в 1982 г., а затем с 1988 г. руко-

водством Лабораторией, а потом и с 1990 г. ЦОН'ом, как и с функционированием с начала 1990-х гг. нашего ученого сообщества, обретшего с 1997 г. статус ФЭУС, а далее с 2009 г. и Академии философии хозяйства, у меня лично и у нашего сообщества возникло множество деловых и творческих связей, вполне устойчивых и плодотворных, с иными институциональными субъектами, среди которых, помимо Парижского ун-та, были и остаются СПбГУ (экономфак, В.Т. Рязанов, В.Т. Пуляев, М.А. Румянцев), СПбФЭУ («финэк», С.Г. Ковалёв); ТГУ (Тамбов, В.В. Смагина); РЭУ им. Г.В. Плеханова (Москва, Р.И. Хазбулатов, Л.Г. Чередниченко); Тульский филиал РЭУ (Л.И. Ростовцева); Финансовый ун-т при Правительстве РФ (С.Н. Сильверстов, М.Л. Альпидовская, А.В. Кузнецов); АОН при ЦК КПСС, сейчас РАНХиГС при Президенте РФ (А.Т. Спицин); Варшавский ун-т (Польша, А. Новак, М. Добровичинский, М. Липец-Зайховская, К. Рычь), а также вузы, в основном, ун-ты, из Ростова-на-Дону (А.Ю. Архипов, И.Р. Бугаян, Е.О. Миргородская); Волгограда с учетом Волжского филиала ВГУ (М.М. Гузев); Краснодара (Л.Н. Дробышевская, В.В. Чапля, В.В. Сорокожердьев); Новороссийска (Морская академия, В.В. Кашицын); Иваново (Е.В. Шелкопляс); Костромы (В.В. Чекмарёв); Ярославля (В.И. Корняков); Нижнего Новгорода (В.Н. Кутырёв, О.Р. Чепьюк); Минска (БелГУ, Л.Ф. Заико, П.С. Лемещенко); Киева (А.С. Филиппенко, В.В. Ильин, В.Д. Базилевич); Львова (З.Э. Скрынник); Астаны (Казахстан, ун-т «Туран», У. Алиев); Парижа (Свято-Сергиевский Православный богословский институт, о.Б. Бобринский, о.Н. Чернокрак); Кирова (Вятки, Б.Н. Ичитовкин, В.С. Сизов, Н.Н. Злыгостева).

Установились у нашего сообщества и долгое время поддерживались на высоком уровне деловые и творческие отношения с АН СССР, а затем РАН — с Институтом экономики (Л.И. Абалкин), ЦЭМИ (В.Л. Макаров), ИМЭМО (А.И. Покровский, С.М. Меньшиков, В.И. Кузнецов); ИНП РАН (В.В. Ивантер, А.Р. Белоусов).

Кроме того, у нашего сообщества возникли и долгое время поддерживались добрые деловые связи с ВДЦ «Орлёнок» (А.В. Джеус) и заповедником «Пушкиногорье» (Г.Н. Василевич, А.А. Сёмочкин), в особенности, с «Орлёнком», предоставлявшим нам с комфортом (морским!) проводить там ученые сходки, очень, кстати, продуктивные как раз в ученом аспекте.

Что касается властных учреждений, то об отношениях с ними было поведано выше. Могу заметить, что, как это и было представлено, в целом мы встречали понимание и поддержку что от ЦК КПСС и Правительства СССР, что от Совета Федерации, что от Государственной Думы, их высшего руководства, чего как раз не скажешь о большой ученой гуманитарной среде.

В заключение должен сказать, что регулярные логистические связи с внешними институциональными субъектами с внедрением Интернета (онлайна!), ковидом, укрособытиями и конфронтации с Западом пошли на убыль. И сейчас хоть связи и есть, но они не носят прежнего интенсивного и конструктивного характера, а главное, лишены вполне лично-человеческого общения, как совсем недавно было.

Сожаление, да и только!

Свершения

Шли годы уже XXI века.

Сначала прошли нулевые с нашими убойными *Малыми университетскими форумами* и не менее убойными коллективными монографиями типа *«Феномен Сталин»* (2003), *«Империя Россия»* (2005), крупная двухтомное издание *«Антология современной философии хозяйства»* (2009).

В то же время продолжались или были начаты знаменательные серии наших коллективных монографических трудов.

Первая серия, увенчавшаяся в итоге полутора десятком весомых по объёму, а главное, по содержанию и разнообразию мнений,

книг *«Экономическая теория на пороге XXI века»*, затем переименованная в *«Экономическую теорию XXI века»*.

Вторая серия из вовсе не чёртовой дюжины столь же весомых и содержательных книг, именуемая в рабочем порядке *«Российской»*, а лучше бы сказать *«Пророссийской»*, издававшаяся с творческим и, чего не грех таить, материальным участием профессора М.М. Гузева, тогда директора Волжского гуманитарного института.

Третья серия была посвящена истории российской экономической и философско-хозяйственной мысли; издавалась с 1999 по 2009 гг. в издательстве «Наука» с инициативным участием сотрудников кафедры истории экономической мысли экономфака МГУ профессора М.Г. Покидченко и доцента Е.Н. Калмычковой; преодолевшей пятерку по числу книг, но не дошедшей до десятки: И.К. Бабет; В.Г. Безобразов; И.Г. Посошков; В.В. Светловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я. Железнов; И.М. Кулишер; И.И. Янжул; С.И. Солнцев, М.И. Туган-Барановский, А.Д. Билимович (книги серии отвечали так или иначе характеру реформного 1990—2000-х гг. времени).

Наконец, *четвертая серия*, особая, необычная, каждая из книг которой заслуживает здесь поименования, а то и кое-какого комментария: 1) *«Преодоление времени»* (по итогам научной конференции по творчеству С.Н. Булгакова) — (1998). 2) *«Суций»* — книга о А.С. Пушкине; уникальная вещь-вещь, книга-событие, созданная по случаю 200-летия А.С. Пушкина никакими не литературоведами, тем более, пушкиноведами, а учеными-гуманитариями разных специальностей — почитателями Пушкина; была с восторгом встречена читателями — из наших, и по инициативе директора Пушкинского заповедника Г.Н. Василевича с участием ректора Волгоградского госуниверситета О.В. Иншакова переиздана и продавалась непосредственно в Пушкиногорье). 3) *«Постигновение Маркса»* (по итогам международной научной конференции по случаю 180-летия К. Маркса) — (1998); разнообразие подходов,

взглядов, трактовок. 4) *«Достоевский — наш современник»* (2000); чем не философ хозяйства, если принять во внимание еще и его уникальные во всех отношениях «Дневники»; надо было бы назвать сию о нем книгу *«Вещий»*! 5) *«Последний поэт империи»* (2001); это об Александре Блоке; а что, разве не так?; хоть и жаждал он Революции, да опомнился, обернулся со своими «Скифами» к коренной России; да и помер, убитый аккурат Революцией! 6) *«Два Булгакова (разные судьбы)»* — (2002); о-очень толковыми получились два томика о гениальных и таких разных однофамильцах; С.Н. взмыл вверх — к Софии, М.А. углубился в низину — к сатане, но оба так важны для понимания земно-космических реалий — человеческих, нечеловеческих, античеловеческих. 7) *«Три лика Фёдора Тютчева»* (к 200-летию со дня рождения) — (2004); дипломат, поэт, мыслитель; э-эх, «Умом Россию не понять, в Россию можно только верить», лучше не скажешь! 8) *«Страсти по Толстому (метафизическая драма великого человека)»* — (2005); от кого бежал Л.Н. из Ясной?; от себя же и бежал; врагу не пожелаешь!

Важно заметить, что в изданиях этих, как и других наших книг, принимали участие, помимо уже упомянутых Волгограда с Волжским и Пушкиногорьем, так же и Ростов-на-Дону, и Елец, ну и, само собой, Москва.

Потом пошли десятилетия, начало которых было для нас ознаменовано, причем именно так — *ознаменовано* — ОЗНАМЕНОВАНО!, окончательным и бесповоротным обращением к Софии Премудрости Божией, однако, как я уже указывал, обращением не в рамках и по пути *софиалогии*, а в направлении мною позднее предложенной (открытой) и обоснованной *софиасофии*, а для начала общего, вполне и соборного, пути посредством создания и публикации двух знаменательных, вполне и эпохальных, международных коллективных монографий, приуроченных к опять же для нас особенно знаменательным юбилейным датам: к 140-летию со дня рождения С.Н. Булгакова, с изданием уникаль-

ной с уникальным авторским составом книги **«Ренессанс философии хозяйства»** (2011), и ко второй, разумеется, гуманитарной «общественностью», как обычно, не замеченной дате — 100-летию зачатой в 1912 г. С.Н. Булгаковым философии хозяйства, аккурат с изданием другой уникальной и тоже с уникальным авторским составом книги: **«София. 100 лет русской философии хозяйства»** (2012).

Так была окончательно и бесповоротно утверждена, несмотря на скепсис, незамечание, угрюмо-молчаливое отрицание массовым и по номиналу вроде бы гуманитарным *бес*-сознанием, пересотворенная, но не терявшая генетической связи со своей первичной булгаковской завязью, **современная философия хозяйства**, уже начавшая под покровом Софии шествие к своей *софийской версии*, возвышавшей не только собственно философию хозяйства, но и всю гуманитарную мысль, предлагая ей *новое на себя и мир воззрение!*

Итак, десятилетия XXІ века. Что касается нашего гуманитарного (философско-хозяйственного) сообщества, то оно продолжало функционировать, проводя большие и малые научные форумы, создавая большие и малые монографии, сыпая как из рога изобилия статьями, издавая свой научный журнал **«Философия хозяйства»**.

Однако, что касается общей обстановки в мире и в стране, то десятилетия отличились кое-каким своеобразием, выпавшим в реальность (или выскочившим из реальности, а то и из какой-то ирреальности), представ изумленному что ученому, что официальному, что обыденному взору кое-какими неоднозначно значимыми, а то и разнознаково разнонаправленными событиями, происшествиями, деяниями, настолько в итоге влиятельными, что круто, полукруто или недокруто, но все-таки радикально во второй половине десятилетия изменившимися как само Бытие-Историю, так и учено-гуманитарную, что нас волнует более всего, жизнь.

Началось десятилетие с одного бытийно-исторического состояния, мира и жизни, вовсе, правда, не такого уж и благоприятного, а закончилось уже совершенно другим, мало что чуть ли не в корне *иным* — ИНЫМ!, во всяком случае крайне проблемным, а для нас — ученых гуманитариев (всё-еще-ученых и всё-еще-гуманитариев!) — так и вовсе «жутчатым», о чем я уже кое-где что-то да говаривал.

А переломными оказались срединные 2014—2015 гг., хотя и не только в них дело, однако именно тогда объявилась *странность* что происходившего вокруг, что и весьма осознанно делавшегося.

Да, зёмный мир, всё еще ведшийся Западом, вступил, желал ли кто того или нет, в фазу своего очередного глобального *кризиса* — КРИЗИСА МИРА! (нет *не мирового кризиса*, а именно *кризиса мира!*), в который влилась и сама будучи внутри себя вполне кризисной, да еще и прозападной, РФ-Россия.

Однако пошли, как всегда самые невероятные, неожиданные и внезапные, события, из которых для РФ-России оказались самыми значимыми хорошо известные Крымские события 2014 г. вполне позитивно исторически оправданные что для Крыма, что для РФ-России, затем события на Донбассе, от которых РФ не могла оставаться в стороне, перешедшие затем в военные действия на территории Украины, ну а далее, забегаая вперед, в СВО, то бишь в фактическую войну со ставшей нацистской Украиной (Укронией), а еще более фактически — в войну со столь обожавшимся в РФ Западом, замыслившим тогда угробление РФ-России заодно с Украиной, а затем, быть может, и Беларусью, в общем, всего восточно-европейского и в основе славянского мира.

Уходящий в глубокую историю западный антиславянский и, в особенности, антирусский инстинкт вновь заработал, на этот раз и в пользу выхода Запада из кризиса мира за счет, повторяю, угробления восточно-европейского, да и южно-европейского тоже, мира, однако... однако... хоть новая мировая война и застучалась во всемирные геостратегические двери, но... но... ядерные потен-

циалы, особенно, РФ-России, готовые к применению (удалось их каким-то образом в РФ 1990-х сохранить, а затем и, уже в XXI в., оживить), не дают Западу и вообще всему миру разыграть новую всемирную бойню, а оттого мировая война таки идет, но по преимуществу не в горячих формах, хотя и не без них в локалиях, отчего и получила прозвание «гибридной».

Хоть и любо-дорого обо всем этаком поговорить, но мы все-таки здесь ближе к своей гуманитарной рубашке, а потому не пройдем мимо тихо грянувших аккурат в середине десятых годов более чем странных, причем вполне себе прозападных, точнее, по западным лекалам проведенных, потаённо-социально-функциональных реформ ряда важных жизнеотправительных систем — образования, здравоохранения, науки (для нас особенно важно, что гуманитарной), ЖКХ, судя по всему, оторвав их от госуправления, не просто затруднивших жизнедеятельность этих систем и вообще народного жизнеотправления, но и все это значительно подразрушив, да так, чтоб не поднялось все это вдруг само по себе вопреки намерениям новейших реформаторов, для чего и превратив все это из худо-бедно, а то и совсем неплохо, действовавшей реальности в некую некро-фигцию.

Зачем это было сделано, особый вопрос, о котором можно говорить и говорить, не найдя окончательно удовлетворительного ответа, однако было-таки сделано, и что интересно, несмотря на все разговоры о необходимости отмены всего этого реформного и возрождения порушенных систем, реально пока что в этом направлении *ничего* — НИЧЕГО! — не делается!

А зря!

В общем, вроде бы всесторонняя ныне конфронтация с Западом, ненадежные попытки о чем-то с ним договориться, в особенности с хитрой лисой Трампом, не самые уверенные надежды на союзничество с Востоком и Югом, ну и, хошь не хошь, а все та же, как это уже неоднократно бывало в бытии-истории Руси-России, *опора только на себя*, осознание необходимости чего

вроде бы идет, однако более всего по сомнительному треку техно-нейро-цифромании (ИИ — «искусственного интеллекта», его повсюду внедрения), а менее всего, точнее, *вообще-не* по гуманитарной линии, когда гуманитарность оказалась если не в полной отмене, чего, конечно же, нельзя все-таки при всем желании сделать, то в лучшем случае на паузе, а вообще-то в сознательно подстроенной для нее западне.

Почему так, то это большой и больной вопрос, хоть с ответом догадаться нетрудно, ибо отечественная по происхождению и направленности гуманитарность всего ближе к отечественной же, да и мировой тоже... *правде* — ПРАВДЕ!, аккуратно к правде жизни, включая и текущую «жисть», а вот к сей *прав-де* у *прав-ящих* кругов свое, вовсе не такое уж *прав-едное* отношение, чего скрывать!

Зачем мы здесь об этом? Нет, не для того, чтобы правдуюнку в очередной раз нести, нет, лишь для того, чтобы принять во внимание общий бытийственно-исторический фон, что отечественный, что мировой, да и подтвердить еще раз, насколько философско-хозяйственное «окно Овертона», если не сам знаменитый «казус Белли», как и приоткрытый портал в иной мир, а то и заманчивый крючок на леске с неизвестно чьей удочкой, кто знает?, в общем, философско-хозяйственный подход открывает путь к пусть и не полной, не окончательной, но все-таки к *истине* — ИСТИНЕ!, в чем нам — заядлым гуманитариям — и приходится систематически убеждаться: нынче вокруг произносятся либо что-то *наше*, без ссылок, разумеется, на источник, либо что-то *нашему* корреспондентное, однако то и другое нами уже сказанное или сказанному, да ладно бы только сейчас или два-три года назад, а то и более одного-двух-трех десятилетий назад!

Выше я где-то уже заметил, что *наше*, то бишь ЦОН'а, лаборатории, ФХ-гуманитарное сообщество, изменяясь в составе, но при этом сохраняя свое ядро, продолжает плодотворно функционировать: говорить, оценивать, анализировать, понимать, предвидеть, писать, причем аккуратно на только что мною охарактере-

ризованном, вовсе не таком уж благоприятном, фоне, да ладно бы мирореальном и даже отечественнореальном, а то ведь и намеренно для гуманитарности устроенном, что как раз исключительно и важно, ибо ныне фоне куда как более утеснительном, чем было в советское время и в те же «лихие» 1990-е.

Не любит наш властный верх собственной гуманитарности, не любит, пожалуй что, и немало побаивается, как бы чего гуманитарии не отчебучили!

Нет, не отчебучат, а вот за *перемены* — ПЕРЕМЕНЫ! — как выступали, так и выступают, ибо без кое-каких существенных анти-1990-х-реформных *перемен* — ПЕРЕМЕН! — страна исторически не вытянет! А вот без каких же именно перемен, об этом попозже, а сейчас снова об институтах.

Снова институты

Да, *Философско-экономическое ученое собрание* (ФЭУС) продолжает быть, хоть несколько поредевши и сбавивши деловые обороты. Зато *Академия философии хозяйства* (АФХ) вполне себе процветает.

Однако ЦОН'у пришлось-таки пережить в 2015 г. по сути ничем, кроме околонучных управленческих интенций-происков, не оправданную драму ликвидации. За что? А не за что! Всего лишь под предлогом якобы навязанной сверху (из Минобрáза-де, если не Минбезобраза) инициативы заставить МГУ избавиться от малых нефакультетских, то бишь бытовавших при ректорате, образований, вроде в основном каких-то лабораторий, в число чего попал и ЦОН, кстати, открытый Правительством и, как известно, свыше немало опекавшийся.

Правда, с ЦОН'ом и со мной как его создателем и директором в МГУ обошлись, как бы это сказать, по-хорошему, что ли, то бишь обратившись ко мне по этому деликатному вопросу с уважением, одобряя меня как ученого и ЦОН как эффективно действовавшего учреждения.

А ведь ко мне приближалось уже мое 75-летие!

К тому моменту я уже достаточно понаходился по властным коридорам и кабинетам, всего насмотрелся, наслушался и натерпелся, так что принял такую тактику: не стал сопротивляться, а заявил о своем понимании вынужденности такого ко мне обращения, но навстречу выдвинул два пожелания: 1) сохранить бренд ЦОН'а и 2) подтвердить мои личные полномочия как не то что независимого, но самостоятельно действующего со своим сообществом ученого, на что получил немедленное согласие.

Штатные сотрудники из ЦОН'а, а их было всего трое, были переведены в Лабораторию, а вместо ЦОН'а как самостоятельного учреждения юридически равного по статусу самому МГУ (единственному из подразделений МГУ, работавшему до конца согласно своему собственному уставу с практически неограниченными полномочиями) был создан межфакультетский *Научный Совет «Центр общественных наук МГУ» (ЦОН МГУ)*, заметим, что не *при МГУ* а *прямо МГУ*, совершенно оригинальный, единственный в своем роде, ну а мне были предоставлены вместе с Лабораторией возможности самостоятельного бытия, то бишь без функционально-содержательного подчинения кому-чему-либо, хоть административно-организационно Лаборатория находилась в составе экономического факультета.

Так вот и пошло наше дело дальше, не только в целом как-то не свернувшееся, а вполне себе продолжавшееся, несмотря даже на ковид и прочие невзгоды, находя в себе силы не просто держаться, а и продуктивно реализовываться: форумы, монографии, статьи, свой журнал *«Философия хозяйства»*.

Отдаю должное деликатности руководства МГУ и лично ректора МГУ В.А. Садовниченко, нашедших возможность благоприятного выхода из неблагоприятной ситуации с ЦОН'ом и со мной лично!

Однако, однако... ах!.. это однако, несмотря на мягкость совершившейся трансгрессии с ЦОН'ом и со мной лично,

«органон» мой не выдержал и я, аккурат к своему 75-летию, попал-таки на операционный стол по поводу, чего скрывать, обширного, хотя, к счастью, и неглубокого... э-э... инфаркта.

По-житейски любопытно, что я почувствовал неблагополучие в области сердца, находясь в августе 2016 г. у моря на Юге России, мало того, с болью дождался своего отъезда в Москву 4 или 5 сентября и, уже явившись на работу в МГУ 6 сентября, отправился к своему замечательному МГУ-шному врачу Наталье Юрьевне Томас, идя, преодолевая боль, из нынешнего корпуса экономфакультета к главному зданию, при этом пытаясь даже остановить пролетавшие мимо меня авто, но ни одна из них не остановилась, так я сам и добрел до поликлиники. Н.Ю. немедленно вызвала Скорую, а мои милые сотрудницы, которых я оповестил о случившемся, смогли, не теряя времени, позаботиться о том, чтобы меня доставили в добротное медицинское место — I Градскую клинику, в лечебницу кафедры сердечно-сосудистых заболеваний I Меда.

Сначала отделение реанимации с операцией стентирования 7 сентября, а 9 сентября я уже был в общей палате, и в этой же знаменательный день, аккурат день моего 75-летия, ко мне пришла сотрудница-соратница Татьяна Сергеевна Сухина и принесла мне мою книгу, которую я как раз писал к своему юбилею *«Белые скрижали»* (2016) и сборник посвященных мне — юбиляру — текстов от моих многочисленных по стране соратников, подготовленный опять же моими лабораторцами втайне от меня, прежде всего несгибаемой Еленой Серафимовной Зотовой, под характеристическим названием *«Отражения»!*

Каково, а-а!

Где-то 11 сентября я уже был выписан и вскоре явился к Наталье Юрьевне: «Да-а, — сказала она, — Господу, видно, нужно, чтоб вы еще жили и работали!».

Бытовая история, что говорить, а ведь по-своему какая незаурядная и, опять же по-своему, какая значимая!

ЦОН проработал в своем первозданном институциональном виде ровно четверть века. Он почему-то не давал покоя многим «универсантам»: что, зачем, почему?, однако вполне себе достойно прожил эту четверть века, много чего совершив из невероятного и невозможного, что, видно, и не давало покоя части что из официального, что из просто «коллежского» ученого мира.

Объем ученой работы ЦОН совершил не то что равный, а, может, и превосходящий, объем ученой работы ведущих обществоведческих факультетов, да и академических институтов тоже, — и это все безо всякого штатного, кроме трех единиц, персонала и безо всякого финансирования из «карманов» МГУ или того же Минобраз (либо Минобрнауки, тут все одно).

Фантастический феномен с фантастической творческой работой и фантастическими ее итогами!

Это-то, видно, и не давало покоя кое-кому из ученых коллег и квазиученых управленцев, еще бы: из *ничего* и такое вдруг *нечто* — НЕЧТО!

Я и сам этому дивлюсь, но факт остается фактом: так вот комета «ЦОН при МГУ» и пролетела, прокружив четверть века, над МГУ, да что над МГУ, над Москвой, над Россией, над миром, и... ага!.. остался лишь хвостатый след от кометы в виде Совета «ЦОН МГУ», но ведь светится он, этот след, светится, ибо... *не угасаем* — НЕ УГАСАЕМ!

Зачем был уничтожен ЦОН как именно ЦОН при МГУ? Разве сможет кто-либо из противных ему управленцев, — что там — наверху, что здесь — внизу, — на это вразумительно ответить, нет, не сможет, и не из-за чувства стыда за содеянное, а по причине ужас какой конспиративности, к собственно ученой жизни не имеющей никакого отношения, зато способной сыграть ужасную роковую роль как раз в этой ученой жизни, вдохновляясь *страхом* — СТРАХОМ! — перед истинно ученой жизнью.

Инородным телом пролетела комета «ЦОН» по гуманитарной сфере, схваченной Западным масонско-просветительским

угаром, таковым она и канула, нет, не в Лету, а в *Вечность* — ВЕЧНОСТЬ!, и, знаете ли, *никак тут не иначе* — НИКАК!

И что интересно: не обида, не несправедливость, замешанная на несправедности, не огорчение, даже не досада, загнали меня на операционный стол, а всего лишь подтверждение, о котором я тогда и не думал, но которое не просто было рядом и как-то незаметно загнѣздилося в моей душе, а именно подтверждение тщетности и даже опасности перед ученым, а на самом-то деле — квази-прокси-псевдо-ученым — контекстом что-либо и в самой высшей степени ученое творить, конечно же, новое, необычное, оригинальное, внедогматическое, еще и ему — контексту — объективно разоблачительное, а потому ему и несносно враждебное, что он — контекст — очень хорошо чувствует, прямо еще на подходе, на старте, а тут — целых четверть века насыщенной творчеством дистанции!

Кровавое это дело, господа-товарищи, *творить иное творчество* — ИНОЕ ТВОРЧЕСТВО!, мало что вообще энерго-нервно-затратное, так еще и беспощадно со стороны преследуемое, аккуратно толпою ученых имитаторов, которыми не то что пруд можно запрудить, а и сам Босфор при желании навсегда перекрыть!

* * *

Остался со мной один формально полноценный институт — *Лаборатория*, о котором(ой) далее и поговорим, но попозже.

* * *

А сейчас еще об одном проекте, реализующемся в среде нашего гуманитарного сообщества с моим личным участием в качестве его наставнико-руководителя, аккуратно о самом что ни на есть патриотическом проекте, начатом в 2008 г. и получившем тогда рабочее название *«Мы помним подвиг наших отцов и дедов»*, разумеется, подвиг в Великой Отечественной Войне, как раз в проекте, через какое-то время обретшим по моей инициативе краткое и емкое именование *«Мы помним...»*.

Инициатором и буквально рабочим двигателем проекта стала член нашего сообщества, всех его демократических институтов, моя полная ученица — от студентки экономического факультета МГУ до доктора социологических наук — профессор, может, тогда еще доцент, из города-героя Тулы Людмила Ивановна Ростовцева (в девичестве Мордасова), вдохновленная примером моей супруги Татьяны Михайловны Осиповой (в девичестве Горбуновой-Посадовой), написавшей книгу о своей тёте, Елизавете Ивановне Беневской, родной сестре своей матери Нины Ивановны Горбуновой-Посадовой (в девичестве Беневской).

В 1941 г. Е.И. Беневская стала бойцом той самой разведывательно-диверсионной части при ГРУ Западного фронта, что и хорошо известная Зоя Космодемьянская. Лизе было 25 (почти 26) лет, когда она, бывшая дворянка, а тогда кандидат в члены ВКП(б), студентка и сотрудница Московского энергетического института, добровольно вступила в упомянутую часть, трижды ходила за линию фронта под видом местной жительницы, без оружия, и трижды возвращалась обратно.

Была по приказу командующего фронтом Г.К. Жукова награждена орденом «Красной звезды», так его и не получив, ибо с четвертого задания, состоявшегося в январе 1942 г., она не вернулась. По официальной версии числилась без вести пропавшей, как, собственно, и сотни других бойцов этой многострадальной части.

Однако... однако пришло время перестройки, оставшиеся в живых бывшие бойцы части, кстати, женщины, стали говорить сами и проникать в до сих пор закрытые архивы части, ну и нашли к тому моменту еще жившую одну из четырех сестер Беневских Веру Ивановну, по счастью носившую все ту же родовую фамилию, хотя, замечу, что в части Лиза числилась под псевдонимом Чарская.

Короче, было все установлено: где, как, почему погибла Лиза, раненная в бою с немцами в лесу у д. Дунино, что уже

в Калужской области, затем, очнувшись после обморока, была захвачена озверевшими от потерь немцами и зверски, о чем тут не место говорить, ими замучена.

Ее обезображенное тело нашли на опушке леса местные жители, точнее, парнишка 14 лет, и, по указанию матери, привез на санках в деревню, положив под стенами уже полуразрушенной церкви, затем, когда наступила весна и земля оттаяла, с участием односельчан похоронил Лизу вместе с двумя еще погибшими в том же бою бойцами, не зная, кем эти трое были, на деревенском кладбище.

Сейчас за могилой ухаживает уже внук того парнишки: нашлась-таки семья, которая вот уже 84 года по доброй воле и чистой сердечности следит за могилой Лизы. Честь ей и хвала!

Зачем я об этом тут поведал? Ровно для того, чтобы объяснить столь же чистосердечный патриотический сначала порыв, а затем и вот уже 15-летнюю гигантскую бескорыстную работу Л.И. Ростовцевой над реализацией замечательного во всех отношениях проекта.

Еще о Лизе, о ней памяти. Дело в том, что о деятельности части, в которой состояла Лиза, до сих пор не принято в официальных кругах говорить, как и о судьбах самих бойцов части. Тут есть разные для этого мотивы, ибо судьба что бойцов, что самой части весьма трагична. Что касается Лизы, то и о ней было запрещено говорить, не то что афишировать ее героический подвиг, а все, как на самом деле было, стало известно из признания того самого 14-летнего парнишки, которое он, уже состарившийся мужчина, сделал незадолго перед своей смертью, а его дочь, которая это знала, тоже долго — до перестройки — помалкивала, а перед своим уходом из жизни таки дала интервью одному из военных корреспондентов, в котором все о тогда происшедшем и поведала.

Супруга моя назвала свою книгу так: **«Лиза. Воскресенье из забвения»**, да ладно бы из какого-то объективного, а то ведь самого что ни на есть по-настоящему субъективного, забвения,

более того нарочитого, поскольку как боролись всегда люди за тот или иной личный гешефт, включая и не очень-то заслуженную ими славу, так и борются.

А что касается Лизы, то рассказы-то очевидцев есть, так ведь нет документов, все это бесспорно(!) подтверждающих, хотя так и не известно, что скрывается в до сих пор закрытых архивах, может, там кое-что и есть, но... но... чего вроде бы ворошить прошлое?

А ворошить-то надо, да не просто прошлое, а героическое прошлое, восстанавливая его и поддерживая о нем память, чем как раз и занялась Л.И. Ростовцева, выдвинув идею подготовки народных мемуаров о ВОВ, о подвиге ее участников, о памяти, хранимой в людях, семейных преданиях, бытующих среди народа сказаниях.

И удалось!

Людмила Ивановна, сама тулячка, кинула сначала в среду туляков, а затем и не только туляков, призыв писать о ВОВ, ее участниках, о своих героических предках. И пошли материалы: от еще живших участников войны, от потомков погибших во время войны или уже ушедших во время войны или уже ушедших из жизни участников ВОВ, в общем — от народа, что и вылилось в большую книгу **«Мы помним...»**, качественно изданную в 2010 г., затем в содержательную по ее поводу конференцию-презентацию, в которой и я участвовал как руководитель проекта и как один из авторов книги.

Ну, а к сегодняшнему дню подготовлено и выпущено в свет уже 10 томов под все тем же кратко-емким и красноречивым именем-позывным **«Мы помним...»**, последние из которых уже стали захватывать и послевоенное время, и сегодняшнюю временную непогоду, и даже реминисцировать о будущем. И после каждой книги имела и имеет место народно-авторская конференция-презентация с соответствующими коллективными разговорами и общениями.

Что говорить, *подвиг* — **ПОДВИГ!**, разумеется, прежде всего Л.И. Ростовцевой, создавшей, кстати, общественную организацию с соответствующим юридическим статусом *«Преемствен-*

ность» (2013), она же и институт, во главе которого аккурат ваш покорный слуга.

Великое дело, великое!

И что в итоге? А все то же самое: дело есть, оно вроде бы известно, даже кем-то из официоза приветствуется, но... но... его — дела этого — как бы и нет, точнее, оно есть, но... но... не как дело героини нашего времени Л.И. Ростовцевой, пусть и с моим личным участием, а как то ли неизвестно кого дело, то ли кого-то из примкнувших, а то и вовсе особенно не примыкавших к нему фальш-персон, — и ни наград у Людмилы Ивановны, ни официальных поощрений, ни уж, тем более, премий. Ее, то бишь Людмилы Ивановны, как бы и нет!

А ведь ее усилиями мало что творится уникальное патриотическое деяние, но творится и *народная история* — НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ!, еще более уникальная, чем любое патриотическое движение, ибо речь тут о письменной истории (*большой коллективной летописной саге!*), сотворяемой самим народом: от ветеранов, профессоров и иного взрослого люда до студентов и школьников!

Есть ли еще этому примеры? Я таковых не знаю, зато знаю, что широко известное движение *«Бессмертный полк»*, против которого я, естественно, ничего не имею, наоборот, только «за»!, родилось, во-первых, по срокам позже нашего патриотического начинания, а во-вторых, по достоверной информации, уже после ознакомления его инициаторов с нашими книгами из серии *«Мы помним...»!*

Дело тут не в борьбе за какой-то там приоритет, а в очередном указании на ходячую по просторам нашего Отечества давнишнюю, с незапамятных времен, болезнь — ловкого полупризнания, а то и полнумолчания того, что чистосердечно и бескорыстно, без «указивки» сверху, делается аккурат ради Отечества, его бытия, истории, даже и славы!

Э-эх, где вы все: министры, депутаты, советники, губернаторы, ректоры, директора, академики, журналисты, редакторы, артисты? Почему не замечаете и даже не хотите замечать чего-то *этакого* — ЭТАКОГО?!, на что сами вы лично ни под каким видом не способны, но зато вроде бы обязаны по долгу службы и занятий замечать, признавать, поддерживать, поощрять, пропагандировать!, а главное, по-доброму, по-отечески, по-матерински, мало того — по-государственному, по-имперски, в конце концов, благодарить!

* * *

Возвращаюсь к Лаборатории, которая, как ни крути, а в центре *всего сразу*, да не одного нашего гуманитарного сообщества с его форумами, монографиями, журналом, статьями, а и куда кое-чего большего — всей распростершейся вокруг социо-гуманитарной реальности, да не как ее руководящий центр (боже упаси!), а всего лишь как мысле-размыслительное ядро, называемое обычно *сингуляром* — СИНГУЛЯРОМ! (можно назвать и волшебным ларцем, но с нас довольно и *сингуляра*!).

Лаборатория — рабочий орган, ритмично бьющееся сердце, трепетная душа, напряженный творческий мозг, в общем, всё сразу!

ЦОН был хорош своим институциональным авторитетом, ФЭУС хорош интеллект-коллективностью, АФХ — тоже, что и понятно, а вот Лаборатория на то и *ла-бо-ра-то-рия*, чтобы быть тем, чем она и есть, хоть и «местом встреч», но все-таки по преимуществу «местом труда», да еще *какого* — КАКОГО! — мало что творческого, так еще и вполне обыденного, так сказать, вполне и пролетарского, хоть и инженерного тоже, но это не всё — *фантастического* — ФАНТАСТИЧЕСКОГО!, о котором ни в сказке сказать, ни пером описать, разве лишь «искусственным интеллектом» обрисовать, да и то эскизно, хотя, возможно, и наиболее точно!

Кто еще на это вообще решится, кроме как раз ИИ, который абсолютно нейтрален, за гешефт не бьется, ну а потому и вполне объективен!

Какая же «агромальная» работа проделана Лабораторией за почти что сорок лет своего существования, о-о!, не стоит и перечислять, тут целое многотомное исследование ни с того, ни с сего выйдет, да и не Монблан в качестве образа, который маловатым тут будет для метафорического сравнения, разве лишь Эверест подойдет!

Ну а кому не верится, пусть попробует поизучает, ежели не одного терпения, но и ученой отваги хватит — во всем этом еще ведь разбираться надобно, а кто на это из явившихся вдруг невозможных претендентов что-то этакое поизучать, да еще и оценить, представить, способен-то будет, а-а?, таковых еще и поискать надо, да не сыщешь!

* * *

Лаборатория наша не большая и не маленькая, где-то до дюжины научных, инженерных и лаборантских ставок с полутора десятком сотрудников, (с учетом полставочников). Всего за время существования Лаборатории в ее лоне добросовестно потрудились десятки человек, кое-кого из первых я уже выше называл. Добавлю еще к.э.н. С.Ю. Синельникова, безвременно ушедшего по болезни из жизни; н.с. В.Г. Варшамову, блестящего организатора, моего многолетнего эффективнейшего помощника; инж. И.С. Дуринову, принявшую рабочую эстафету у Варшамовой; н.с. С.С. Нипа, мастера на все руки; н.с. Т.Г. Трубицыну — нашего редактора, кстати, пришедшую к нам, будучи выпускницей экономического факультета, из экономической редакции Издательства МГУ; д.э.н., в.н.с. А.З. Селезнёва (1/2 ставки); д.э.н., с.н.с. Т.Н. Юдину; к.э.н., н.с. К.А. Зимарина; н.с. А.А. Антропова; м.н.с. И.В. Кузнецову, мою аспирантку, ставшую к.э.н.; инж. И.В. Ольховую, инж. А.А. Барыкину; инж. В.А. Луковенко; инж. Л.В. Дейнеко.

Ну, а поскольку Лаборатория — это как-никак семья, то не могу не отметить трудившихся в ней в качестве инженеров сестёр Полины и Ларисы Полуниных, чья родительница Т.С. Сухина трудится в Лаборатории в качестве н.с. с середины нулевых гг. и по сей день, как и сестер Ларисы и Евгении Пшеницыных — дочерей моего ученика, д.э.н., профессора И.В. Пшеницына, одного из активных членов нашего сообщества, а также моих зятьев: художника-оформителя К.Г. Полякова и знатока технического оборудования С.В. Смирнова, из которых К. Поляков — профессиональный художник, окончивший Строгановское училище, хоть и не числится сейчас в штате Лаборатории, но продолжает оформлять лабораторские издания и исполнять кое-какие дизайнерские работы, как, собственно, и моя старшая дочь, тоже строгановка, Елена, оформляющая наш научный журнал и наши монографии с весьма метафизически замысловатыми и вполне себе размыслительными рисунками.

Да, Лаборатория — семья, но это еще и деятельный организм, в котором, как я уже отметил, творческая ученая работа сочетается с иной другой, включая и самую обыкновенную, что называется, пролетарскую, как говорится, у станка, а в нашем случае у компьютера с прочей оргтехникой.

Ничего, справляемся, несмотря на все, в общем-то, вынужденные для факультета и Лаборатории препоны, создаваемые ныне внешней (и высшей тоже) административно-управленческой системой.

Как и во всяком рабочем организме вроде кафедры, лаборатории, центра, редакции, мало еще чего, в Лаборатории имеет место *единоначалие*, отчего свято реализуется ответственность каждого за свое и общее дело, есть производственная дисциплина, при необходимости вводится в действие и безотлагательная исполнительность. Однако единоначалие в Лаборатории органично сочетается с творческой свободой и личной деловой инициативностью сотрудников.

В общем, выходит примерно так: есть личное, есть и общее, а всё это вместе в солидарном сочетании, когда каждый не только знает и реализует свой манёвр, но и учитывает наличие общего манёвра, в нем как-то непременно участвуя.

Командовать мне никем не приходится, я даже более наблюдатель, чем начальник; собеседник, чем распорядитель; советчик, чем «заданщик».

И всё как-то «здоровски» получается, да так, что только диву даешься!

Кто же сегодня всё это нашенское творит?

Елена Серафимовна Зотова, к.э.н., в.н.с., первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства», которая, собственно, журнал и ведет, а еще она и признанный организатор, координатор нашего ученого сообщества, как и настойчивый «привлекатель» к нему достойных ученых, интересных ораторов, глубокомысленных авторов для наших изданий, ну и сама систематически их автор. Талант! В общем, Е.С. — «Наше всё!»!

Татьяна Сергеевна Сухина, н.с., мой заместитель по организационной работе (а других «замов» мне и не надо!), ведет всю работу по связи с факультетской и университетской администрацией, по протоколно-техно-функциональной организации деятельности Лаборатории и реализации всех мероприятий по всё время растущей лабораторской и кадровой отчетности, участвует в наших изданиях как один из их реализаторов и авторов. Примечательно, что Т.С. по специальности геолог, как раз МГУ-шный, а геологическая сфера не просто хозяйственная, но и близкая к философско-хозяйственному ее восприятию. А Лаборатория разве не хозяйство, еще и близкое экспедиционному? Вот Т.С. и есть наша главная «хозяйюшка», вполне и самоотверженная!

Игорь Павлович Смирнов, МГУ-шный историк, к.ист.н., бывший мой «зам» по ЦОН'у, тогда в.н.с., а сейчас находится на инженерной должности (как итог реформных в сфере науки

кадровых пертурбаций), что не мешает ему быть высококвалифицированным ученым, большим эрудитом, занимающимся историей гуманитарной мысли, включая и философско-хозяйственную, причем равным образом что русской мысли, что германской (владеет немецким языком, известен в Германии, приглашается в Германию на ученые мероприятия), а также вести свой по истории мысли сборник, печататься, делать и любопытнейшие открытия.

Наталья Павловна Недзвецкая, первая из научных сотрудников, зачисленная в Лабораторию, выпускница экономического факультета МГУ, к.э.н. Находясь длительное время за границей по поводу дипломатической работы супруга, не прерывала деловой связи с Лабораторией, а вернувшись на Родину, сразу пришла работать в Лабораторию. Эрудирована, знаток иностранных языков, творчески одарена. Участвует в издательско-публикационной деятельности Лаборатории и моей лично, являясь составителем, ответственным редактором и попросту исполнительным трудником тематических собраний моих работ, как возвращаемых из подзабытого прошлого и оживляемых, так и возникающих вновь, но при этом Н.П. не минует ни личных выступлений на форумах, ни собственных авторских публикаций.

Сергей Сергеевич Мерзляков, МГУ-шный философ, к.филос.н., н.с., по складу характера личность самостоятельная, тяготеющая к самодостаточности. В центре внимания С.С. хозяйствующий человек, его нынешнее сознание, стоящие перед современником новые этические вызовы в связи с нарастающим ИТ-технологизмом, с развитием ИИ, что в итоге позволяет С.С. приходить к нестандартным заключениям заинтересованного наблюдателя и остросюжетного аналитика. Готовится к защите докторской диссертации.

Константин Владимирович Молчанов, д.филос.н., к.э.н., поклонник философии Ф.Г.Гегеля, его диалектики, в духе и в русле чего развивающий философию хозяйства, обосновывая

ее новейшую версию, с заходом и в творящуюся ныне технотейро-цифрореволюцию, вызывая тем самым не просто естественное к случаю любопытство, но и безусловные иноконцептуальные ожидания, что заслуживает внимания и поддержки.

Михаил Юрьевич Павлов, МГУ-шник, д.э.н., доцент, в.н.с., многие годы работавший на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ, недавно перешедший в штат Лаборатории, органично влившись в лабораторское ученое ядро, ибо, во-первых, давно с Лабораторией сотрудничал, во-вторых, тяготел как и К.В. Молчанов, к нэотолкованию в условиях технотейроцифрореволюции философии хозяйства, но не так ориентируясь на ту же диалектику, как на новую «трансцендентную математику», что также заслуживает внимания и поддержки.

Это всё те, кто составляет штатно-факультетское ученое ядро Лаборатории, но в штате Лаборатории есть и персоны со стороны.

Фёдор Иванович Гиренок, д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ. Как я уже выше отмечал, совершенный русский мыслитель, автор гениальной книги *«Патология русского ума»* (1999), много чего подметившей и разъяснившей в таинственной русской метафизической натуре. Наш верный, наряду с д.филос.н., профессорами философского факультета Н.Б. Шулевым и Н.Н. Ростовской, сторонник, союзник и соратник.

Ольга Борисовна Лемешонок, к.э.н., инж., ранее трудилась в Лаборатории, находясь на полной ставке, но сейчас, трудясь в основном вовне, в Лаборатории выполняет важную работу в области издательско-публикационной деятельности Лаборатории, делая профессионально необходимые ныне переводы представительских текстов на английский язык. Будучи студенткой-магистром организовала еще в нулевые годы группу студентов для занятий со мной философией хозяйства. В общем, «наша до мозга и костей»!

Ислам Зелимханович Гелисханов, к.э.н., инж., трудясь в основном в высших государственных учреждениях по линии управления национально-хозяйственными процессами, располагает, проявляя недюжинные аналитические способности, уникальными познаниями в применении новейших ИТ-технологий («большие массивы данных», «ИТ-платформы» и т. п.), что представляет несомненный интерес для лабораторского философско-хозяйственного размышительства, а уж личное участие в сем процессе самого И.С. делает его научно-практическим философом хозяйства, не игнорирующим ни человека с его сознанием, ни социума с его гуманитарной культурой.

В штате Лаборатории есть и научно-вспомогательные сотрудники, участвующие своим трудом в реализации, прежде всего, издательско-публикационной, но также и иной, в частности, технико-организационной, деятельности Лаборатории.

Ксения Юрьевна Бенеvская, МГУ-шный философ, хорошо представляющий себе лабораторскую область знания-размышления, что дает ей возможность эффективно участвовать в издательской подготовке коллективных монографических работ, ну и моих — своего отца (чего тут скрывать!) — тоже.

Александр Александрович Измайлов, к. э. н., доцент кафедры философии и методологии экономики экономического факультета МГУ, вед. инж., ведет нужную в нынешнем электронизированном мире работу по представлению и присутствию в Интернете и в иных информационных потоках Лаборатории, а в своих ученых работах ориентируется на человека, сознание, социум, гуманитарную культуру.

Владимир Викторович Осипов, образованный экономист, окончивший Московский государственный статистический институт, аккурат по ИТ-специализации, инж., соработник Е.С. Зотовой по журналу «Философия хозяйства», ну, а по совместительству мой кузен и муж С.С. Нипа (что делать, родственник, понимаешь ли, подряд, а разве есть ныне иной выход?!).

Ну и, если позволите, то, по-свойски, о двух наших мóлод-цах: вед. инж. *Иване Морозове* и технике *Дмитрии Волошине*, растущих день ото дня как именно *наши*, а не какие-нибудь другие, о толковых, работоспособных, эффективных, не избегающих «по-черному» участвовать в разной вспомогательной, причем очень значимой, деятельности Лаборатории. Великая им за это признательность!

Вот такая она сегодня — *Лаборатория*, мало что уникальная по содержательно-функциональной концепции, но и представляющая собой единственный в Отечестве и в мире институт, пусть и небольшой по штатному составу, который держит на своих малых, но зато крепких плечах не что иное, как уникальный же феномен гуманитарной мысли — *философию хозяйства*, открывшую и прокладывающую путь в Иные познавательные-размыслительные миры, в *инознание* — ИНОЗНАНИЕ!, обогащая сознание человека и делая его — человека — *иным* — ИНЫМ!, вовсе и не постчеловеком, а именно *иным человеком*!

О себе самом

Выше я так или иначе поведал о том, как из политэконома и экономиста-зарубежника, затем теоретика и аналитика хозяйственных, включая и, собственно, экономический, механизмов, шаг за шагом, точнее бы сказать, рывок за рывком, превращался и таки превратился в *философа хозяйства*, мало того, еще и вольно мыслящего ученого-гуманитария, нет, не в обычного вольнодумца, которых всегда хватало и сейчас вокруг хватает, а в вольно (внедогматично) мыслящего на путях *софийности*, опять же *не софиологии*, а открытой мною же *софиасофии*, да превратился не совсем уже и собственно в ученого, а скорее, в мыслителя-гуманитария.

Когда-то в 1984 г. ректор МГУ А.А. Логунов, предложив мне поработать заместителем декана экономического факультета и

получив мое согласие, напутствовал меня словами: «Учтите, *путь ваш не усыпан розами*, так что желаю удачи!».

Да-да, это сакраментальное «путь ваш не усыпан розами» я запомнил хорошо, хотя и предшествовавший сему напутствию путь мой тоже ведь не был, или не так уж был, усеян розами, а что касается последующего моего пути, аккурат из «варяг»-экономистов в «греки»-софиасофы, тоже был не особенно усыпан розами, а если розы и попадались, то более всего выращенные в собственном философско-хозяйственном розарии, да и то не в каком-то там изобилии.

Я это к чему? Нет, не чтобы жаловаться, искать сочувствия, как и не восторгаться по случаю вдруг выросших на пути роз, а просто показать, как оно всё в реальности творится, ежели Провидение ведет тебя на по какому-то особенному, не принятому в «обществе» и не сильно одобряемому начальством, творческому пути.

Одно дело — получить, к примеру, удачное назначение — успех!, совсем другое — обрести понимание, одобрение, поддержку чего-то и чему-то необычного(ому), из ряда вон выходящего(ему), что тоже успех, но приходящий неохотно, не сразу, через труд, выдержку и тернии, немало и через муки, да не творчества, что само собой, а самые что ни на есть душевные.

Благо, как говорится, «мир не без добрых людей», я бы сказал, попросту — не без *людей* — ЛЮДЕЙ!, а не из их теней, зазеркальных отражений, ходячих подобий.

Ах, какая это редкость — *настоящий человек*, причем не на пожаре, не при коллективной беде, а в обыденной жизни, как раз там, где идет беспощадная борьба за блага, за успех, за место под солнцем, за славу, особенно в так называемой «творческой среде», где смысло-содержательное творчество изощренно сочетается с другим, как раз операционально-бессодержательным, «творчеством»: «Быть или не быть, кем быть, а кем не быть, иметь или не иметь, звенеть или не звенеть?».

* * *

Да, не удержался, опять о наболевшем. Да что делать-то, ежели мало что сами розы с шипами, так еще и шипов от роз вокруг бывает поболее, чем самих рóзовских цветков, а ежели уж на пути своем и встретишь розу, то восхищаясь ею, никак уж не забудешь и про рóзовские шипы, аккурат всегда тебя тоже участливо поджидающие!

* * *

Итак, путь Путь мой в философию хозяйства начался давненько, еще на рубеже 1970—1980 гг. ясно обозначился с выходом в свет в 1990 году моей монографии **«Опыт философии хозяйства»**, затем в 1994 году моей книжицы **«Российская Реформация. Социопроект»**, далее трёхтомного учебника для высшей школы, безмолвно не принятого ближайшими коллегами политэкономами **«Теория хозяйства. Начала Высшей Экономии»** (1995—1997), ну и, о чем я еще не говорил, великолепной книжки **«Очерки философии хозяйства»** (2000, 365 с.) с таким вот программным посвящением (эпиграфом): *«Наука, занятая более всего фактической механикой мира, стремится устанавливать точные истины, заведомо им поклоняясь (добавлю уже сейчас, что не особенно-то и удачно в гуманитарной-то сфере!). Философия же, будучи разомкнутым любознательством (как мне тогда казалось), идет дальше точных истин (которых, добавлю, в гуманитарной сфере и нет), улавливая смутные трансцендентные смыслы, за ними очерёдно таящиеся...»*

* * *

Если кого-то не устраивает моя оценка книги как великолепной и кому мало в подтверждение этого приведенного здесь из этой книги текста, то пусть тогда ее — сию книгу — хотя бы перелистает... впрочем!.. о чём я говорю... э-эх... забылся, на дворе-то гуманитарном совсем уже другая эпоха, не книжная, не философическая, не размыслительная, да в общем-то уже и не гуманитарная!

Затем последовали одна за другой объемные книги: *«Философия хозяйства»* (2001), содержавшая наряду с иными материалами, не более, не менее, как впервые созданный уникальный учебный *«Курс философия хозяйства»*, как и еще многое другое из актуального философско-хозяйственного, да вовсе не только риторического, а вполне себе и реалистического (как ни крути, а в томе 622 стр.) и *«Время философии хозяйства»* (2003, 605 стр.), причем с таковым авторским эпиграфом-посвящением: *«Философия хозяйства — не твердое знание, добытое опытным путем, а знание-размышление — оно не усваивается — как устав, в нем пребывают — ради улавливания метасмыслов, которые, быть может, и не истины в последней инстанции, но тем не менее истинны, ибо отражают сокрытую в них великую тайну».*

Каково, а-а?!

Можно, конечно, скривив рот и многозначительно подняв очи к небу, еще и повертев ладонью у собственного виска, лишь ухмыльнуться: «Чего, мол, от него еще ждать», а можно ведь и призадуматься над тем, *Что же Это?* — не поворот ли в гуманитарной обыденщине, не продуктивный ли вырыв из нее на вне-(мимо)-догматический размыслительный простор, пусть «обществу» и не нужный, а вот многим творческим личностям, необходимый, как свежий воздух, пусть даже и немногим, пусть единицам — ну и что?, — дело-то сделано!

Да, аккурат к началу ХХI в. Дело сие было сделано — ДЕЛО! Далее пошло уже его развитие, как я уже ранее отмечал, по сначала не очень осознанному, а затем всё более осознаваемому *софийному пути*.

Здесь я говорю только о себе самом, своем *деле* — ДЕЛЕ! И своем же его развитии, разумеется, отвечая за себя, за свои слова и заключения, включая и «ехидные» реплики в адрес не расположенного к сему *делу* окружного контекста, на что — на нерасположение — у контекста есть полное право, равным образом,

и у меня есть немалое право на ответную реакцию — защиты и даже атаки!

* * *

Уместно заметить, что даже сам великий М.В. Ломоносов был вынужден писать подробную записку-отчет чуть ли не самой императрице о своих ученых и иных достижениях и заслугах, хоть и рассчитывая на поддержку меценатов вроде И.И. Шувалова, но уж никак не рассчитывая на восприимчивый отклик угрюмо-недовольного контекста.

* * *

Давние всё это «штучки» — внешне немотная игра на понижение со стороны хорошо оцивилизованного контекста и вынужденная на нее защитная реакция со стороны не столь и не как надо бы оцивилизованного творца, о-очень давняя, прямо с Древнего Египта идет, если не со времен утонувшей Атлантиды!

Вот и мне приходится, как когда-то М.В. Ломоносову, говорить обо всём вроде бы ясном своем, но... кем-то не замечаемом и отвергаемом, и это несмотря на написанные обо мне и моем творчестве познавательно-разъяснительно-творческие (Н.Б. Шулевским) и юбилейные (соратниками и тем же Н.Б. Шулевским), тоже, кстати, вполне себе познавательно-разъяснительно-творческие, книги (порядка семи), да-а и говорить-то приходится о тобою проделанном, ибо мало что многим, но и, уж не побоюсь этого слова — вполне себе и *уникальном*, не имеющем аналогов ни в Отечестве, ни за границей, во всяком случае, мне ничего подобного не встречалось и не известно, хоть я и не сомневаюсь в наличии много чего тоже уникального, но... иного, может, и лучшего, хотя бы для кого-то, но все-таки не такого, а как раз *иного*!

Я где-то, чуть ли не в этой самой занудной рукописи, находящейся подготовленными мною частями в компобработке и которыми я на сей момент не располагаю, заметил, не без предыхания, что я буквально балдею от своих прошлых текстов, содержание которых я, конечно же, изрядно подзабыл и, беря ныне в руки когда-то мною написанную книгу, как будто вижу ее текст

в первый раз, ну и, как уже сказал, балдею: «Неужели это я написал!», да ладно одну-две-три книги, а то ведь и не перечесть сколько!

И вот я набираюсь отваги, терпения, и, естественно, напускной скромности, к чему призываю и читателя-нечитателя сего немало и странного, если не недостойного, произведения, и кое-какие книжечки-книжища все-таки здесь назову.

Неблагодарное это занятие — перебирать библио-свое-теку, аккуратно из того, что на глаза и под руку попало, да что поделывать, коли кое-какая правдушка стучится в задраенные люки из глубины времени и наружу просится!

Итак, поехали!

Однако, замечу, что книженции мои что по содержательной, что по жанровой, что по библио-структурной концепциям весьма разные: сугубо ученые, тяжкие для восприятия, ибо над «ихними» текстами думать надо, да еще и много и глубоко думать; беллетризованные, почти что и художественные, включающие «всякую всячину»: от «рассказней» и почти что театральных сцен, сценических диалогов, до авторских раздумий, критических заметок, стихов и афоризмов, в общем, смешанные, так сказать, микст-книги, где есть всё сразу: от метафизики и политики с идеологией до историпублицистики и тех же разного рода «художеств».

Ничьих текстов, включая подчиненных мне сотрудников или тех же моих аспирантов и докторантов никогда не использовал, вообще не передирал ничего у иных авторов, включая зарубежных, никого в изобилии не цитировал и ни на кого валом не ссылался, не говоря, что на кого-то скрытно опирался, нет, писал, что называется, на одном дыхании, хоть и не по разу редактировал и даже местами переделывал свои тексты: всё пёрло из меня самого и само собой, как утверждают, прямо под влиянием верха, естественно, того самого — небесного, того же *софийного*!

Не знаю, оспаривать не буду, всякое возможно, но ведь было, было, еще и десятилетиями было, да, собственно, пока и есть,

хоть силы физические и творческие уже не те, да и всё самое важное и нужное уже мною сказано, свой творческий Монблан воздвигнут, хоть я и не успокаиваюсь, да не для того, чтобы донести мною выделанное до широкой публики, которой уже и нет, как и не ради славы, в которой не нуждаюсь, да и среди кого?, а ради уже нашей — зёмной, человеческой — *истины*, исключая по этому поводу всякие спекуляции и инсинуации, в общем, ради чистоты мысли, такой, какой она изволила зачем-то свершиться!

Вот и книженции мои, весьма почему-то и волшебные, они вроде бы как дети мне, как и мои братья и сестры, но это не всё — они мне еще и родители, учителя, наставники, для кого как, а для меня они не полиграфически омертвевшие кипы текстов, а вполне себе живые собеседники, да такие, что сами от себя и говорят, уже и по-иному, не по-авторски, а как-то уже по-своему, и каждый раз по-разному, не испытывая передо мной ни робости, ни пиетета, хоть и не теряя, надеюсь, ко мне уважения — как самого заинтересованного и благодарного их читателя!

Ну что ж, едем дальше!

Продолжу поначалу представлять, может, и только самому себе, книжечки нулевых годов.

«*Эпоха Постмодерна*» (2004, 335 с.). О-о, какая сокровенно-откровенческая книга: *конец эпохи — эпоха конца*, ну и Россия — не глобальная, не национальная, а *имперская*!

«*Постижение России*» (2005, 496 с.). «Россия — ничто, но которое не ничтожит и не уничтожимо, а которое — Нечто!». Россия — тайна! Подобной книги о России не было и не будет!

«*Иное*» (2008, 702 с.). Микст-книга, она *по-иному* о привычном и непривычно об *Ином*. Книга-эпоха!

Тут я добавлю лишь в названиях три важные и не очень объемные книжицы-брошюры: «*Философия хозяйства. Тезисы*» (2006, 51 с.); «*Философия хозяйства как достояние размышляющего человечества*» (2008, 20 с.); «*Философия хозяйства как особое знание-размышление*» (2009, 24 с.). Без комментариев!

А далее вновь к «крупняку».

«**Реквием.** Роман о романе или роман с романом. Метафизическая проза» (под псевдонимом Юр. Михайлов, 2010, 592 с.). Написана по поводу и в переключке с личностью Мастера, его гениальным метафизическим творчеством и его знаменитым загадочным романом, однако ради и по поводу современности, как раз Мастером и провидчески то ли предсказанной, то ли изящно подстроенной. Мягко выписанная, но смысловó и идеократически остроколючая внежанровая книга, которая поначалу не так ведение, как видение, а затем уже не так видение, как ведение — *реальности*, что той, что этой, что вообще никакой, которая что там, что здесь, что нигде. Ну а *реквием* тут по всему — что по Мастеру с его творчеством, что по любой реальности с ее неразгаданностью, неразрешимостью, безмолвием и буйством, причем что той — ихней, что этой — нашей, что вообще никакой и ничьей, только лишь людям кажущейся.

Причем же тут *хозяйство*? Разве трудно догадаться: именно такое оно в социуме и индивидах в пределе и есть, а какое же еще, ежели не *иное*, не скрытое, не кажущееся, не трансцендентное, не *неизвестное*, а-а?!

То, что видится — одно, то, что ведается — другое, а то, что на самом деле — третье, а оно-то как раз и в тумане, ежели не во мраке.

«Жисть», она же и хозяйство — не рай, что все знают, она более всего ад, что тоже все знают, однако не только тот, что виден, ощутим, воспринимаем, переживаем, а совсем и *иной*, как раз тот самый, что во мраке и из мрака, впрочем, как и сама «жисть» оттуда же!

Так что не Мастер со своей Маргаритой оплошал, это сама жизнь-хозяйство постоянно и намеренно плошает, а Мастер просто отважно *это* — ЭТО! — зафиксировал, будучи как раз стихийным философом хозяйства, возможно, даже знавшим труды и своего не столь знаменитого, но о-чень размыслительного, однофа-

мильца, кстати, не родственника, нет, хоть и связан был Мастер по своей родословной с той же самой Орловщиной.

Да-а, пути Господни неисповедимы, но ведь и человеческие тоже, не говоря уж о путях литературных героев, а ведь куда часто более реальных, чем их вроде бы реальные почитатели. Литература, как и наука с мыслью, те еще *хозяйства* — ХОЗЯЙСТВА!, мало что реальные, так еще и ирреальные, но это не всё — *сверхреальные*, в общем, полный тут *сюр* — СЮР!

Ну а теперь зайдем в десятые годы ХХI в. (вышедшую в свет в 2010 г. книгу-роман «Реквием» я причислил к нулевым годам, ибо писалась она в 2008—2009 гг., между прочим, и в моем родном г. Ростове-на-Дону прямо недалеко от места, где я в 1941 г. и родился).

И начну с небольшой по объему, но очень важной для меня и моих текущих рассуждений, книжки «*Отец*» (2004, 125 с.), повествующей о моем героическом отце Михаиле Яковлевиче Осипове, верном сыне ВКП(б)-КПСС, советского государства, Родины-России.

Судите сами!

Сам из первого выпуска авиатехников Батайской авиашколы ГВФ; затем профсоюзный работник на Юге России и высокого уже уровня в Москве, причем трудившийся аккуратно в ныне функционирующем здании ВЦСПС, что на Ленинском проспекте недалеко от площади Ю.А. Гагарина; потом ответственный работник центрального аппарата ГВФ, а в 1955 г. добровольно откликнувшийся на призыв партии выехать на село и поработать председателем какого-нибудь отстающего колхоза с целью его подъема. Полагалось, что на три года, как и было исполнено подавляющим большинством призванных на это праведное дело, как они тогда назывались, «тридцатитысячников». А отец проработал, причем более чем успешно, 17 лет, аккуратно до 60-летнего возраста. Полагался выход на пенсию, но отец заявил в местных парторганах, что хотел бы еще поработать пять лет, а затем, возможно,

и уйти на пенсию, а как верный партиец заявил, что если партии будет угодно, то уйдет с работы в любое время.

И время это быстро наступило, причем ни отец, ни его колхоз были тут не причем. Просто так захотелось областному (Тамбовскому) начальству, недолгоблюдавшего отца за самостоятельность, трезвость, порядочность, в общем, за то, что он был «не как все», к тому же слава о нем гремела благодаря журналистам и писателям-аграрникам на всю страну. Если уж ехали они на Тамбовщину, то ехали прямо к нему, минуя начальствовавшие инстанции.

Не порядок!

А они все тогда кто — начальствовавшие персоны?

Зависть и раздражение!

Вот воспользовался словом отца первый секретарь обкома по фамилии Чёрный, давший команду убрать отца. Секретарь райкома не смогла противостоять натиску высшего областного руководителя, ну и... а я тогда в 1973 г. был на зимних каникулах в деревне у родителей, кстати, тоже ранее поживший на селе, окончив там среднюю школу.

И вот входит в дом с багровым лицом отец и заявляет сдавленным голосом: «Собираемся, и чтобы через три дня нас здесь не было!». А приехал отец с пленума райкома, где секретарь ему и забабахала: «А Осипову пора идти на покой». Причем было бы за что!

На следующий день она, правда, вызвала к себе отца (нет, не приехала к нему, а вызвала к себе!), объяснилась, уговорила остаться, чтобы сдать дела новому председателю.

Колхозники было засобирались дорогами а Москву, в ЦК КПСС, защищать отца, но он им запретил это делать, ибо он дал слово коммуниста и не мог его нарушить.

Через три месяца отец навсегда покинул деревню и никогда более туда не возвращался, даже в случае его поездки туда ради подписания каких-то финансовых документов, ибо он всё это

проделал на ж/д станции, а потом, дождавшись поезда на Москву, уехал обратно.

Какой характер!

Сидя на пенсии с больной женой на руках, написал книгу *«Семнадцать лет, семнадцать зим»*, первым редактором которой довелось быть мне. Успел подписать «правильно» переработанную одним журналистом книгу в печать, но так и не успел ее увидеть, рано, в разрез своей могучей природе, уйдя из жизни в 67 лет, — это уже мне пришлось получать в издательстве авторские экземпляры.

А что касается Чёрного, то он был снят с работы решением Политбюро КПСС, не знаю точно, за что, наговаривать не стану, однако... закон Бумеранга ведь всегда в действии!

Я, конечно, всё это и многое другое из жизни моего уникального отца, описал в своей книге *«Отец»*, а здесь позволил кое-что об отце сказать, вполне понятно почему, вряд ли стоит комментировать.

Отец обладал железной волей, был невероятно скромен в быту, довольствовался малым, был совершенно бескорыстен.

Зато чрезвычайно энергичен в работе, — это надо было видеть!

Да, всё это была тогдашняя деловая элита, которая и индустриализацию вытянула, и великие стройки, и войну, а потом и в космос вырвалась, и науку держала на высоте, да и сельское хозяйство в итоге подняла.

И что же выходит: героизм, а рядом подлость; праведность, а рядом несправедливость; счастье, а рядом трагедия!

Так вот оно и идет — хозяйство человеческое, а за ним несуетно поспешает и вполне себе экзистенциальная философия хозяйства, которая тоже ведь хозяйство, хоть и *иное*, — так вот!

Кто-то заметит в моем комментарии к книге *«Отец»* явный перебор, а кто-то, наоборот, много чего для себя уяснит, однако

даю слово, что обширных комментариев далее не будет, хоть книжечки-книжицы мои того и заслуживают.

В случае с *«Отцом»* дело не в самой этой книге, а... сами понимаете в чём: от настоящего человека и настоящей жизни до столь же, но уже иначе, настоящей среды обитания и населяющей ее вполне себе тоже настоящей черни, увы не такая уж великая прогалина!

И последнее: память об отце жива на Тамбовщине, и помимо уже имеющейся памятной доски в его честь открытой, не буду «скромно» скрывать, по моей инициативе и с моим участием, сельчане намереваются поставить ему настоящий с бюстом на высоком постаменте памятник. Увидится!

Пробираемся дальше по десятым годам XXI в.

Тут замечу сразу, что не книга тут, то событие, да не в популярности словно детектив или любовный роман, а в смысловой насыщенности, да и в изложении тоже, ибо они почти все суть *писание* — ПИСАНИЕ!, видимо, как уже было подмечено ранее, «продиктованные свыше». Не каждый, как и я сам, сможет прокомментировать любую из этих книг, кроме, разве, Н.Б. Шулевского, которому это удастся на редкость точно, емко и смысловито, отчего здесь ограничимся перечислением книг, может, с какими-либо сопроводительными замечаниями.

«Обретение. Метафизика бытия и мысли» (2011, 590 с.). Чего же обретение? Да всего сразу из того же гуманитарного, разумеется, нового, недогматического, прорывного, философского и философско-хозяйственного, софиасофского, зёмного и мирозданческого, метафизического и трансцендентного, известного и неизвестного, Этого и Иного, ну и само собой, Великого Неизвестного. Продолжать не буду, ограничившись лишь перечислением разделов: I. *Откровение*, II. *Сотворение*, III. *Постижение*, IV. *Промысел*, V. *Прикровение*.

Да, вроде как перекличка со Святым Писанием, может и так, но без заимствований и перекрещений, просто, скажем так, в параллель.

Вот, не удержался и прокомментировал, точнее, кое-что по сути обозначил, ибо книга-то *аховая*! Прочтешь ее внимательно и станешь, как заметил по поводу моего «Реквиема» Ф.И. Гиренок, другим, точнее — *иным* — ИНЫМ!

Теперь лишь одни названия двух небольших, но важных работ: «*Философско-хозяйственный ключ к постижению исторической реальности*» (2013, 7 с.) и «*Своеобразие отечественной хозяйственной мысли: наследие и новый парадигмальный поиск*» (2013, 50 с.).

Ну, а далее новый фолиант и опять аховый: «*Наедине с Софией. Метафизические реалии*» (2017, 603 с.) Поток важнейших мыслей обо всём гуманитарном сразу, чего ни схватить просто так, ни передать, ни прокомментировать. Лучше просто поверить: «Круто!».

Вроде бы информационная, но такая содержательно-смысловитая юбилейная брошюра «*Двадцатипятилетие лаборатории философии хозяйства: 1988—2013*» (2014, 43 с.). Отражено всё: работа, люди, научно-образовательные школы, ученое сообщество, ну и личная деятельность, она же и заслуга, руководителя.

А теперь тоже напогляд информационная, но о-очень содержательно-смысловитая, однако уже не брошюра, а книга, возникшая тоже по юбилейному поводу — 25-летию Центра общественных наук при МГУ с характеристическим названием «*Восхождение. Четверть века в походе за истиной*» (2015, 365 с.), в которой много чего отражено: важного, уникального, экстраординарного, невольно послужив, не зная ничего о предстоявшем вскоре с ЦОН'ом печальном происшествии, ему — ЦОН'у при МГУ — своеобразным *реквиемом* (как только, думаешь, листая сию книгу, рука административная на ЦОН поднялась,

впрочем, чему удивляться, так вот она, жизнь наша-ненаша, и устроена!)

А тут вдруг перед глазами появляется настоящий гигант — книжища под названием *«Блики и срезы. Невразумительное чтиво или книга ни о чём и ни для кого»* (2015, 725 с.). Литература! Как всегда, с метафизическим зарядом. Рассказы, сценические диалоги, стихи, афоризмы. Что тут сказать? Читать надо, да кто будет это делать, ибо автор как литератор, хоть и член Союза писателей России, но ведь в стране не известный, не ходовой, не продаваемый, не рекламируемый, да и не схватываемый просто так, опять же, в отличие от расплодившихся в эпоху постмодерна женщин-писательниц, не захватывающий, в общем, автор *никто* — НИКТО!, а ежели и *кто* — КТО!, то разве лишь для самого себя, ну да и ладно, пусть сам себя и утешает, а мы уж как-нибудь по чему-нибудь куда более занимательному врежем!

О-о, следующий фолиант, который прибыл в 2016 г. ко мне в руки в красивом бело-голубом облачении аккурат на моё 75-летие, прямо в больничку, меня несказанно обрадовав, но зато какой он там, внутри, о-о!, не пересказать, ибо ничего подобного ни по содержанию, ни по форме, ни по изложению не было и нет, ну и, само собой, никогда не будет, а речь тут о *«Белых скрижалях. Сумме иного знания»* (2016, 463 с.).

То «Иное», первое, было лишь заходом в неведомое Иное, а тут уже не заход, а бытие в Ином, точнее, *инобытие в Ином!* Такую книжечку и не порекомендуешь почитать — бесполезно, да и опасно, ибо она-то наряду с моим романом «Реквием» и сработала... нет, не на разрыв аорты, а... на разрыв или хотя бы на проявившуюся неоднозначность отношений кое с кем из близких-де друзей-коллег, ибо сие уже не подлежало их высокомерному-де, а на самом-то деле вполне жалкому, суду, как... что-то недостижимое!

В общем-то, хошь, не хошь, но это библия, разумеется, не та Библия, что всем известна, хоть далеко не всем и понятна,

а нашенская, так сказать, не священная, даже не религиозная, вполне себе и светская, правда, тоже не слишком доступная для понимания, но... *библия* — БИБЛИЯ!, и никак иначе!

Одно слово — *скрижали*, да еще и другое — *белые*, куда ж от них, этих чудо-слов, разве только во мрак безмолвия, что, собственно, и произошло, как будто этого бело-голубого фолиантика, вроде фантика от конфетки, на свете не было и нет!

Грянул и 2017 г., да не сам по себе грянул, а как год столетия Российской 1917 г. революции, на что я откликнулся небольшой, но весьма содержательно-оценочно-знаменательной книжицей «**Я — революция! 1917—2017: сто лет Российской революции — столетие российских революций**» (2017, 80 с.).

На анфасной стороне обложки несколько р-ревперсон: царь Всероссийский Николай II; Л.Д. Троцкий; А.Ф. Керенский, В.И. Ленин (в виде памятника с поднятой рукой во время пламенной речи с броневика у Финляндского вокзала); И.В. Сталин с неизменной трубкой во рту под широко известными усами; М.С. Горбачёв с метиной на лбу; Б.Н. Ельцин с поднятой правой рукой с растопыренными в викторианском знаке пальцами, ну и нынешний глава российского-де государства В.В. Путин.

Уже от всего этого понятно, что речь идёт не более, не менее, как о столетнем по сроку перманентном революционном процессе в стране, неофициально называемой по давней уже традиции Россией.

Да, Россия — анти-Россия — Революция!

Как ни крути, а Россия давненько бытует, вшитая в эту роковую Триаду (нет, не в Троицу, нет!), отчего ревстолетие, о котором речь, лишь ее — этой Триады — очередная долгосрочная реализация.

О-очень, скажу я вам, емкая по смыслам и колкая по содержанию книжица, опять же абсолютно уникальная!

Только-только избавил читателя-нечитателя от представления ему двух крутых фолиантов, как подоспел новый с характер-

ным и характерным названием «*Софиасофские тетради. (Не)ученые записки*» (2018, 477 с.), и впрямь писанный на ученических тетрадках, ибо дело происходило не в Москве, а на Юге России, у Чёрного моря, и там под рукой оказались именно школьные тетрадки, изящно отображенные, кстати, на симпатичной обложке книги с ее фронтальной и тыловой сторон.

А книжица-то моя вполне себе крутая, в которой речь не просто о придуманный-де мною *софиасофии*, а более всего об уже немало самовозникающем передо мной помимо меня *софиасофском мировоззрении*, вырывающемся на мирозданческий простор, не увязая по пути в признанных, если не навязанных, задогматизированных воззренческих сказках.

Ах, эта *Софийная Свобода* — СОФИЙНАЯ СВОБОДА!, вызывающая страх и ненависть не у одних заядлых церковников, но и у не менее заядлых научных, включая и философических, да и хитроумных политиков с изощренными публицистами тоже.

Борьба!

Аккурат за истину, точнее, за ее открытие, с одной стороны, и ее закрытие — с другой!

Любой дóгмат может быть в согласии с истиной, чего отрицать не будем, но он непременно и вне нее, так что же лучше — дóгмат или истина?!

По нам, простофилям, все-таки предпочтительнее *истина* — ИСТИНА!, во всяком случае, коли уж является потребность, провоцируемая и неудовлетворенностью от дóгматов, то надо идти к истине, может, спотыкаясь, блуждая и ошибаясь, даже рискуя карьерой, положением, именем, как и попасть в среде правильного-де контекста в разряд сумасшедших, но все-таки идти, будучи не только влекомыми стремлением к истине, но и в надежде быть озаряемыми Светом Софии!

Да-а, тут прямо-таки *софиасофский манифест* — СОФИАСОФСКИЙ МАНИФЕСТ!, а что тут такого, это, во-первых, а во-вторых, коли он так широко неприемлем, тогда это-то что такое?!

Вот опять увлекся, мне бы лишь книги свои представить, а я в рассуждения, достойные новых книг, о-о-х, это неизлечимая патология ученого ума, а если не так, то пусть хотя бы ума неугомонного ученого человека, — всё одно!

В 2017 г. из-под моего пера, точнее, карандаша, вышла, а в 2018 г. была уже переиздана, одна прелюбопытнейшая книженция: *«Экономика как есть (откровения Зоила, или Судный день экономизма). Антипособие»* (2017—2018, 331 с.), уже судя по названию, явно нелицеприятно обошедшаяся... нет, не с экономикой как реальностью, причем дав ей вполне реально соответствующую (как раз адекватную) трактовку, а... с научным, еще и глубокомысленно математизированным, экономизмом, то бишь с самой экономической наукой, разумеется, не в ее технологической (по сути ремесленной) части, а в воззренческой, трактовочной, теоретической, ну и, само собой, политэкономической.

Разъяснять ничего не буду, лишь замечу, что так называемые ученые-экономисты либо сделали вид, что ничего не произошло, либо призадумались, но при этом не без страха за себя и свою ученость от сей книженции отшатнулись, в рот воды набрав (никакой ответной критики в адрес книженции, конечно же, не последовало, а вот не-экономисты, те же философы, разумеется, единицы, не просто сию книженцию приветствовали, но и высказывались примерно так: «А чем же теперь будут заниматься экономисты (как раз ученые — Ю.О.)?», а то и совсем круто: «Экономист, отменивший экономику (как науку, конечно — Ю.О.)»

Вот так! Хорошо, что я всё свалил на Зоила и вдруг сам по себе возникший Судный день. Однако не всё так вышло просто: политэкономия как-то сама зачала, частично и не по своей воле; эконометрика, испытав гносеологическое поражение перед экономической онтологией, кинулась в «цифровую экономику», надеясь, видно уже только на ИИ (вдруг вывезет!).

В общем-то, никакой экономической воззренческой науки по большому счету не было и нет, а были легенды об экономике,

а блеф вроде «экономикса» не может не перестать, хоть и был задуман когда-то и искренне, и с надеждой, оставаться блефом.

Теперь же, если что и есть, то лишь одна экономическая технология, разумеется, хоть и применимая на практике, но никак по сути не объясненная, ибо не научна она — практическая экономика, не физична, а от метафизики «экономические научные стратегии» шарахаются аки чёрт от ладана, а ведь сугубое объяснение экономики как раз там — в метафизике, что в реальной, что в ментальной, конечно же, там и там трансцендентной.

Вот и подросла тут метафизика как объект ментального интереса, ибо в 2019 г. как раз и вышла моя книга *«Метафизика. Код доступа»* (всего-то 454 с.).

Да-а, это во всех отношениях «сурьёзная» книга, просто так и не берущаяся: тут думать надо, размышлять, выворачивая себя из себя же, созревая для Иного, чтоб аки птенец в один прекрасный момент прорвать охватившую сознание, ум, разум, душу, скорлупу из значительно ложного знания, ну и вырваться на ментально-духовную свободу, однако не зачирикать от восторга, чтоб не быть съеденным хищниками, а глубоко помолчать, может, и долго помолчать, абы не просто встретиться с метафизикой, а в нее войти, ею пропитаться, стать метафизиком.

Удел немногих, единиц, ибо многим-то страшно, да и попросту непонятно, а вот для некоторых самое оно, хоть и рискованно, и небезопасно: а кому из мудрецов было легко, еще и радостно, оттого-то и сомкнуты по преимуществу их уста, раскрываемые лишь перед того достойным — пришедшим, но и прошедшим, карабкаясь по тернистой, узкой и скользкой по-над пропастью экзистенциальной дорожке, конечно же, нередко и без всякой надежды дойти.

Нет, не одно отрицание научной-де экономики-де и не просто обращение к метафизике с метафизическим объяснением экономики, но и сама выставленная на ладонях *метафизика* — МЕТАФИЗИКА!, да и не ее историческое описание, а *своё* —

СВОЁ! — о ней представление, да что представление — *открытие* — ОТКРЫТИЕ!, ибо это хоть и перекликающаяся с прошлой метафизикой, но все-таки не то чтобы новая, а всего-навсего... э-э... ИНАЯ МЕТАФИЗИКА!, разумеется, мало кем — единицами — воспринимаемая и ценимая, ибо такова она — ученая «жисть» переломного бытийно-исторического времени, хоть как-то объяснимого, кстати, лишь метафизически.

Не знаю, почему, но 2020-й год как бы остался без монографии, может, потому что писал я нового мыслеграфического гиганта, увидевшего свет в 2021 г.: *«Отшельник, или Вестник не от мира сего. Антироман. Иное об Ином»* (735 с.).

Хоть это и не роман, но произведение беллетризованное, изрядно автографическое, как и щедро мыслиезъявительное.

Когда он был представлен сообществу (нет, не публике, ибо какой-токой публике сие нужно, нет, как раз своим, если не соратникам, то уж заинтересантам), то тогда возникло, пусть и частное, но недоумение: какой-токой, право, «отшельник», это среди-то множества соработников, соратников, заинтересантов, при Лаборатории, ФЭУС, АФХ, при бесчисленных форумах и коллективных монографиях, да всё по инициативе, по концепциям, под руководством и при личном участии как раз самого чуть ли не мнимого «отшельника»-де?!

Тут есть три обстоятельства:

Во-первых, мало-мальски самостоятельный — гуманитарный мыслитель, идущий своим путем и создающий свое, то бишь не такой, как все, и не такое, как все, да еще и метафизик, мудрец, даже и мистик, а в общем-то — *творец* — ТВОРЕЦ!, рано или поздно оказывается, несмотря даже на чье-то признание, понимание, одобрение и поддержку, вкупе со всем своим ментально-духовным Монбланом, пусть и как раз восседая на его — Монблане — вершине, *один* — ОДИН!, аккурат один на один с самим собой и со своим Монбланом, поскольку никто лучше него — творца Монблана — не знает, ЧТО есть этот Монблан, и как он —

Монблан, ловко перевернувшись и заняв позицию сверху, давит своей вулканической вершиной на своего творца, его ум и душу, аккурат уже одного-одинёшенька, сводя с ним свои, только творцу известные, весьма и беспощадные, счета.

Во-вторых, что менее важно, но что-таки есть: игнорирование, пусть иерархически обустроенной ученой-де толпы, отчего хочешь, не хочешь, а станешь отшельником со спасительной для себя самоизоляцией.

В-третьих, фолиант «Отшельник» писан где-то в 2019 г., издан в 2020-м. Ничего не говорит читателю-нечитателю сия годичная «нумерология»? Да не в цифрах тут дело и не в манипуляциях с ними (этим пусть занимаются другие), а в *предчувствии*, с одной стороны, усиления объективно-субъективного погрома сферы гуманитарной мысли, в скорости и явно обозначившегося и победно наступавшего, аккурат в координатах гибридной войны, конфронтации с Западом, ковида, технотейроцифромании, тотальный «заочки», в общем, диссипации всего ученого мира, ну а для творца — уже не ментально-духовного (монблановского!), а и самого обыкновенного, ледящего душу и ментал, практически физического, хоть и не пещерного, а, наоборот, в самой гуще омертвевшего мегаполиса, *одиночества* — ОДИНОЧЕСТВА!

Отсюда и «Отшельник», этот многожанровый, насыщенный откровениями, идеями и смыслами, пожалуй, что и кое-какими истинами, на крайний случай, правдишкой, мало что ментальный, но и вполне себе духовный... нет, никакой не роман, а как раз... *антироман* — АНТИРОМАН!, навеянный вовсе не вдруг завязывавшимся в тугой, неразрешимый узел (вроде Гордиева!), уже и внеисторическим, временем.

2021-й г. моего восьмидесятилетия. На этот раз без неблагоприятных сюрпризов, даже наоборот, здоровски отмеченный, даже не без кое-каких не свойственных отшельнику праздничных излишеств, а главное, с дорогим мне презентом, сделанным, как всегда, втайне от меня, в виде коллективной книги, мне посвященной,

под названием *«Предназначение»*, — очень хорошей по разнообразному содержанию, как раз немало и независимому от ее — книги — персонального посвящения. Есть в ней, что почитать, чем обогатиться, над чем подумать. Удачная книга! Великая признательность ее создателям, моим лабораторцам, лично Е.С. Зотовой.

Пришел и ковидный 2022 г. Я накатал новую книгу, еще не осознавая вполне, что возникшая в Бытии-Истории пауза не приостановка его, а новое — как раз *иное* — ИНОЕ! — состояние, как бы и не бытия-истории, а чего-то противоположного — вроде напогляд всё еще бытия-истории, а на самом-то деле уже какого-то *небытия-неистории* — НЕБЫТИЯ-НЕИСТОРИИ!, а потому-то ли явно обозначившегося начала конца Бытия-Истории вообще, то ли столь же обозначившейся глобальной трансгрессией бытия-истории в какое-то *инобытие-иноисторию* — ИНО-БЫТИЕ-ИНОИСТОРИЮ!, ну а по более принятому ныне языку в *постбытие-постисторию* — ПОСТБЫТИЕ-ПОСТИСТОРИЮ!

Из этого метафизического тупика я вышел тогда, накатав в один, что называется, присест, в общем-то, немаленькую монографию, вышедшую в свет в том же году под псевдонимом Юр. Михайлов с многозначительным названием *«Обнажение (исповедь ученого странника). Сказание вперемишку со сказкой»* (375 с.).

Да, всё тут требует пояснения: и «Обнажение», и «ученый странник», и, само собой, «сказка», но прошу принять во внимание, что тогда было как раз столь же переломное времечко, что и на рубеже 1980—1990-х, с той лишь разницей, что один перелом был бурный, борческий, жизненный, с надеждами, удачами и проигрышами, а другой — безмолвный, покойный, мертвенный, без надежд, с неявными удачами и явными проигрышами. И что же, и как было писать, да и от чьего имени? Я выбрал, прикинувшись «ученым странником» вроде странствующего сказителя или даже пророка, ну и прикрывшись псевдонимом, жизнь, розыгрыш, борьбу, разумеется, лишь на словах, в слове, обнажая *антимир* и

надеясь на реальное ему сопротивление, отчего помимо философствования в книге немало места уделено Армии и армейцам, Генштабу и главковерху, конечно же, в мифологическом ключе, отчего и «сказка».

А вообще-то, не вопросы задавать, а читать сие произведение надо, ибо там много чего если уж не совсем истинного, то уж правдивого и... нужного — точно!

Я, к примеру, ничего не знал о готовившейся СВО, но ведь предсказал, разумеется, не саму по себе СВО, а возрастающую роль недвусмысленно преданной Родине-России силовой структуры — армии, а тем самым и явление СВО, которая по своему значению и возможным последствиям выходит далеко за рамки ей присвоенных мотивов, целей и задач. Сегодня, в 2026 г., это уже хорошо видно, а что касается моего произведения, то ведь и сказка становится былью, конечно, *не той*, а какой-то *иной*, но что интересно: если всё вокруг идет и не в унисон с моей сказкой, то явно в каком-то с ней резонансе!

2022 год — год уже разыгравшегося ковида. Ну а я с бухты-барухты вдруг решил в августе месяце отправиться, как это у меня давно уже повелось, на юг, к Чёрному морю, еще и сюрпризом, из чего вышел другой сюрприз — нежелательности туда моего прибытия и там пребывания, может, как раз по причине этого самого ковида. К тому же я прибыл туда хоть и не больной, но ослабленный, похудевший, не тем, кем совсем недавно был, не могучим на вид, да и по динамике, как бы уже и не «Акелой», в общем, каким-то уходящим, а это уже повод со мной не очень-то и считаться.

Зародилась даже мысль о досрочном моем убытии восвояси из благословенных курортных весей, но сдержался и додержал себя до конца намеченного срока — до 5 сентября. Подхватил напоследок ковидец, причем аккурат от хозяина, которого как раз и лечил от ковида (благо знал, чем), но и сам попался, даже уехав в Москву недолеченным.

Да, ошибка моя была, дурость, оплошность. Но что поразительно: накатал там очередную книжку, небольшую, правда, всего-то в 105 с., вышедшую в свет уже в 2023 г., зато *какую!*, мало что анонимно изданную, если не считать за авторское имя-псевдоним словечко «*Странник*», так еще и под авторской редакцией, то бишь безо всякой кем-либо редакции, в общем, как чисто свое личное произведение, замысловато названное под стать разыгрывавшейся в мире и в стране безымянно-антимировско-конфронтационно-безнадёжной ситуации-смуты, ну и уже тогда возникшему лично со мной какому-то столь же безымянному и смутному антибытийному положению, а названное так: «**Обречение или новый Екклесиаст** (монолог с самим собой и для себя). **Время и Вечность** (сквозь онтологическую призму немотно ревущего августа 2022 г.)».

О-очень остросюжетная книжица, сочная как обычно, либо не замеченная, кроме любознательных единиц, либо намеренно проигнорированная, в том числе и с испугу, не лишенному, как ни странно, и попутно мотивированного под себя высокомерия.

* * *

Замечу особо, что «обречение» мое хоть и родственно «обречённости», но все-таки не это последнее, даже совсем не это, ибо здесь превалирует иная смысловая нагрузка — бытие в охвативших его и в общем-то уже не устранимых злых обстоятельствах, однако замешанное на смеси неизбежности с долгом и мужеством, при столь же неизбежном сопротивлении возникшей неизбежности, вовсе и не безнадёжном ей отпоре, но не так в плане устранения злых обстоятельств, как в аспекте к ним активного приспособления, то бишь какого-то уже и **иного бытия**, невозвратно к прошлому, хотя вовсе и не подчинившегося сгустившимся над ним тучеобразными обстоятельствами, ан-нет, не так с ними вступившего в отважную борьбу, как в изматывающую экзистенциальную тяжбу, аккурат и не безнадёжную.

Как-то так, видно, бывает, к примеру, с кораблем, попавшим в страшный морской шторм, полузатонувшим, но благодаря мужеству и находчивости экипажа выжившим.

В моем тогда житейско-творческом случае был не морской шторм, а какая-то вполне себе «жутчатая», причем и субстанциональная, **Неопределенность**, граничившая с квазиэкзистенциальной **Пустотой** — что в микропространстве, что в моем личном бытии, на что я ответил выбросом вольного, стойкого и весьма колючего идеооткровения, меня лично тогда спасшего, а в отношении микропространства выступившего вполне себе провиденциально.

Напоминаю, что то был «немотно ревевший август 2022 г.»: кто помнит, тот знает, а кто знает и помнит, тот не забудет никогда, ибо, хошь, не хошь, а в миропространстве вскорости обозначился, вполне и выразительно прояснившись, **мирокризисный** (не от **мирового кризиса**, а от **кризиса в мире**!) **ПЕРЕЛОМ**, ну а в мое личное житие окончательно и бесповоротно вселилось и укрепилось в нем **экзистенциально-субстанциональное одиночество** — **ОДИНОЧЕСТВО!**, нет, не то идеократическое отшельничество, которое рано или поздно настигает любого самостоятельного творца, а самое что ни на есть злорадное квазиэкзистенциальное **одиночество** — **ОДИНОЧЕСТВО!**, которое уже нельзя преодолеть и с которым уже не поборешься, ибо ни сил нет, ни извнеинных возможностей, отчего с которым можно лишь смириться и к которому можно лишь приспособиться, разумеется, не будучи ни в какой физической от мира, людей и каких-то общих дел изоляции.

* * *

Всё там есть, в этой книженции: и что, и как, и кто, и зачем, и куда, ну и всё в соответствии с более чем *странными* сюр-реалиями, включая и на тот момент еще только вылуплявшихся из Непытия: в общем, *сплав странного сюр-метафизиса от реальности* с не менее странной *сюр-метафизикой странника!*

А сам-то Странник тут не так бродяга по склокоченному и склочному миру, как *странный*, не сходящий с места, шатун по *Иномирью*, только ему и доступному для диалогового общения, причем по тому самому *Иномирью*, который всё или уж главное в *Этом зёмном мире* *странным образом и определяет!*

Вот откуда, кроме «Странника» и «Нового Еклесиаста», этот «*монолог с самим собой и для себя*», кстати, вполне себе и вполне могущий послужить девизом для большей части, как раз всего

более метафизической и софийной, странного творчества Странника. Оттуда же, собственно, и «Время и Вечность», ибо есть Время, оно же и Век, но есть и их объемлющая Вечность, откуда всё временное и в^ременное и исходит и куда неумолимо уходит, особенно наше — человеческое, аккурат то самое — бытийно-историческое!

Ничего вроде бы особенного, а вот если призадуматься над вокруг происходящим, то... какая-токая наука всё это *странное*(!) объяснит, какая философия, да и какое богословие, да и нужно ли всё это объяснять закрытым и прячущимся от самих себя людям, включая и шибко образованных, даже и по номиналу ученых, даже и гуманитариев, — вряд ли!, ведь впереди спасительный-де рывок к ИИ, который всё и разрешит, разрубив аки Александр Македонский Гордиев узел, запутавшееся в самом себе Бытие-Историю!

Уж не для этого ли явился Трамп, сознавая ли это сам или нет (планы — одно, итоги — другое, как раз и *иное* — ИНОЕ!), чтобы передать правление расчищенным им от устаревших условностей и норм зёмным миром аккурат ИИ, а с мировой бойней или нет, это уж пусть новоиспечённый ИИ сам и решает.

Фантазии! А что вокруг не начинается с фантазий, особенно новое, необычное, невероятное? И почему-то тотально судьбоносное! И как-то вдруг зарождаются, эти самые фатальные фантазии, и не исчезая, усиливаются, реализуются, застигая реальность врасплох, ее немало и изменяя, а вот сейчас и по-крупному, уже и трансгрессивно, аж дрожь, если по-честному, берет!

Ну да ладно, хватит странностей, лучше продолжим поход по нашему изданческому пути.

Вернувшись в Москву в холоднящем СВ-вагоне от беспрерывно работающего аки в рефрижераторе кондиционера, но оправившись к 9 сентября от южного ковида, я вдруг получил из ИМЭМО (не из МГУ, а из ИМЭМО!) предложение войти

как ученый с именем во вновь создававшуюся *Большую российскую энциклопедию* (БРЭ).

Статья обо мне должна была быть написана не мною. Знакомый с энциклопедической работой я решил сделать для будущего автора эскизную болванку статьи. Дозвонился до редакции БРЭ, чтобы узнать о примерном объеме статьи. Оказалось, что там всё еще только в самом начале, никто ничего не знает. Тогда я решил на свой страх и риск написать двух-трехстраничный текст, который можно было при необходимости, что расширить, что, скорее всего, легко сократить.

Приступил к реализации своевольного замысла. Однако работа не просто меня захватила, что понятно, а и сам текст меня себе подчинил, отчего я стал писать уже не болванку к энциклопедической статье, а вполне себе самостоятельную автографическую взвесь, причем писать как бы не от себя, а от какого-то иного лица, но, тем не менее, о себе, то бишь сам о себе, но как о внешнем для себя лице.

Получился весьма своеобразный опус, написанный мною о себе самом как о внешнем для себя лице, превратившийся в небольшую 110-страничную книжку, названную мною *«Страда»*. *Непокорный автоопус (о себе самом — от себя и со стороны)*» (2023).

В книжке всё (или почти всё) сказано обо мне и моем творческом пути, причем не только фактологически, но и концептуально, да и не только обо мне, а и об иных людях и свершениях, разумеется, как-то связанных со мной, моей жизнью и моим творчеством.

Книжка получилась многоплановой, информационной и изрядно заявочной, но не на энциклопедию, скорее, наоборот, отчего занятно, что в итоге ее написания я пришел к заключению, что никак не гожусь по своим идеократическим ученым взглядам, еще и сам ничем примечательным не отмеченный — ни высоким номинальным званием, ни высокой наградой, ни победой в каком-

нибудь престижном конкурсе, а главное, с отсутствием значимых собственных трудов, той же своей научной школы, что как раз и особенно подогревает борцов за ученую славу, а потому, как мне показалось, был достоин лишь в аспекте БРЭ самоотвода.

Не вру, в книжке так вот всё и написано!

Однако, уже после опубликования «Страды», которую, конечно, мало кто читал из коллег (зачем тратить на это время и силы?), но тут вдруг проснулся и МГУ относительно БРЭ, и я получил предписание от администрации дать свои предложения по возможным именным и содержательным статьям для БРЭ.

Поразмыслив, я ответил тем, что предложил, кроме своего еще два имени: — С.Н. Булгакова и Н.Б. Шулевского (все из Московского университета), а по содержательным статьям ряд терминов-понятий, таких, как «философия хозяйства», «научная школа философии хозяйства», «софиасофия» и т. д.

Делая сии предложения, я исходил, во-первых, из своей личной, моего творчества и нашего с С.Н. Булгаковым и Н.Б. Шулевским течения гуманитарной мысли принадлежности Московскому университету, а во-вторых, предоставляя университету самому решать, что и как в отношении БРЭ принимать или нет из моих предложений. Здесь уже для меня срабатывали ведомственная ответственность и служебная дисциплина.

Итак, потянулись из года в год вовсе уже не лихие, скорее какие-то омертвевшие в аспекте ученой, идеократической и, конечно же, социо-политической гуманитарности, двадцатые годы XXI столетия: в чём-то будто бы возникшие по объективным-де обстоятельствам вроде того же мирокризисного упадка, включая и возросшую не по дням, а по часам конфронтацию с Западом (*Мировым Правлением!*), весьма, впрочем, и какую-то *странную*, а в чем-то и вполне осознанно на путях административного рвения тщательно организованную.

Вот почему совсем не случайны «Обнажение» и «Обречение», и «Страда» с их явно не самой живенькой и оптимистичнень-

кой, хотя и экзистенциально стойкой и весьма смысловоречивой, драматургией (нет только «Огорчения», а то и «Остервенения», — шутка, конечно, но во всякой шутке, как известно, своя доля правды!).

Несмотря на таки хорошо осознанное творцовское «отшельничество» и вдруг-невдруг нагрянувшее экзистент-«одиночество», творчество мое не иссякло, а в 2023—2025 гг. хоть и не разразилось, конечно, фолиантами, но таки отметилось кое-какими внушительными, пусть и не по объему, а по качеству размыслительства, печатными работами, которые, не комментируя, лишь перечислю, полагаясь в аспекте их восприятия читателем-нечитателем на достаточно говорящие их — этих работ — названия!

Вот они:

1. Апокриф. *«Философия хозяйства говорит, что...»*. *Непредвзятые откровения, услышанные и записанные Ю.М. Осиповым* (2023, 82 с.). О-о, те еще, господа-товарищи, откровения — стреляющие, да прямо в «яблочко»!

2. Ю.М. Осипов. *«Софиасофия как инознание и инонезнание (материал к размышлению)»* (2023, 22 с.). Да-а, это что-то и впрямь особенное, из ряда вон выходящее, поди-ка, разберись!

3. Ю.М. Осипов. *«ИНОЙ, или Судьба гуманитария в России (XX—XXI)»* (2023, 46 с.). Э-эх, «нет повести печальнее на свете, чем повесть о...»!, однако есть они в России — *своевольные гуманитарии* — есть, даже ныне есть — в унылую антигуманитарную эпохаль!

4. Ю.М. Осипов. *«Истец: ЧТО есть ИСТИНА? Сага о невозможной возможности знать незнаемое»* (2024, 30 с.). Что тут сказать, сага, она и есть сага!

5. Ю.М. Осипов. *«Я — ДОСТОЯНИЕ, однако ИНОЕ!»* (2025, 6 с.). Это о философии хозяйства как есть!

6. Ю.М. Осипов. *«Философия хозяйства как уникальный феномен российской и гуманитарной мысли: что, где, когда?»* (2025, 12 с.). «Ндравится, не ндравится», но это так!

7. Ю.М. Осипов. *«Философия хозяйства как достояние ИНОГО»*. (2025, 10 с.). А разве не так?

Да, маленькие такие вестушки, да вот какие удаленькие, ничего не скажешь, ежели, конечно, их почитать, не ограничившись блуждающим взглядом на название, а прочитав-таки текст, убедиться в его бо-ольшой смысловитости.

Однако у меня еще не всё о своей монографической публикации на старости лет активности последнего скукоженного под официозным давлением гуманитарного времени, ибо надумал я подкрепить свой зияющий притихшим кратером ментальный Монблан, чтоб он совсем не растворился в бескрайней жиже гуманитарщины, занятой всем, чем угодно, кроме высокой и новой, ну и, разумеется, оригинальной, отчего и широко не потребной, да и просто непотребной, гуманитарной мыслью.

И получились при активном участии лабораторцев, в особенности, Н.П. Недзвецкой, опять же сами по себе оригинальные, собрания из многих (не всех!) моих переизданных работ разных лет, собрания, не просто громко выстрелившие залпами в гуманитарную атмосферу, а раскатисто в ней прогрохотавшие аки не то гвардейские миномёты вроде славных «Катюш», не то даже громы среди ясного неба.

На сей день вышло три собрания: два трёхтомных и один однотомный, причем вовсе не крохотный.

Первое из собраний, как раз трёхтомник: Ю.М. Осипов *«РОССИЙСКОЕ ПЕРЕПУТЬЕ: из века XX в век XXI. Избранные тексты, включая и остросюжетные. 1990—2023»* (2023, I т. 529 с.; II т. 514 с.; III т. 305 с.).

И вот вдруг выяснилось, даже при беглом обозрении уникального собрания, что ваш покорный слуга аж с конца 1980-х гг., не говоря о 1990-х и всех следовавших за ними годах XXI века, перестав непосредственно заниматься зарубежной (евро-французской) тематикой и всерьёз обратившись к отечественной проблематике, выступая, что, кстати, имело место уже давненько, еще

с 1970-х гг., за необходимые стране социально-хозяйственные перемены в сторону высвобождения частно-локальной инициативы, но при обязательном сохранении ведущей роли государства и имперского центра в целостно-суверенном социально-хозяйственном бытии страны, заодно и предостерегая от тогда уже, то бишь еще в 1980-е гг. — годы Перестройки, набравшего ход курса на Запад, а, убедившись в уже вызревавшем прозападном представительстве наиболее инициативных перестроевцев, написал в 1989 г. увидевшую свет в 1990 г. статейку «*Перестройка или апокалипсис*», как раз и начинающую собой вышеобозначенное первое трехтомное собрание монблановских текстов.

Да, именно так — *апокалипсис* — АПОКАЛИПСИС!, что, конечно же, уже в 1991 г. нашло реальное подтверждение в преступном развале СССР, в зачинании прозападных, сопровождавшихся мало что дикой приватизацией (захватом, расхватом) национального богатства, но и буквальным уничтожением многой отечественной индустрии, тех же, к примеру, станкостроения, машиностроения, гражданского авиастроения, но не только, сопровождавшейся опять же дикой вестернизацией страны с прорывным нашествием в уже фактически страну западного капитала, в общем, происходило то, что десятилетия спустя высшее руководство РФ признало-таки за *катастрофу* — КАТАСТРОФУ!, разумеется, кроме фактов разгосударствления, приватизации и той же вестернизации, что, может, и было тогда сделано нахраписто разорительно и в ущерб интересам страны, но что соответствует (пока, во всяком случае) идеологии нынешней высшей в РФ власти, может, и с кое-какими поправками в связи с развернувшейся конфронтацией с Западом, а главное, в ложноватом убеждении о свершении за нулевые и последующие годы необходимой для властно-владельческих верхов жизнеутверждающей всё это цивилизованной-де стабилизации.

Но сейчас не об этом. С выходом собрания вдруг прояснилось аки на фотобумаге в проявителе, что все эти 35 лет автор

собранных воедино текстов (повторяю, не всех из реально существующих!) непрерывно занимался наряду с философией хозяйства, теоретической экономией и иными вещами-вестями, включая мировоззренческие, культуроведческие, исторические, литературные и литературоведческие, да мало ли еще чем, но непременно как раз Россией, выступая не только против происходивших в стране самоубийственных антироссийских преобразований и предлагая иные, вполне для страны приемлемые социо-хозяйственные решения, но и борясь с разнузданной русофобией, с отрицанием России как якобы исторического недоразумения, при этом борясь за русскость, русский мир, русских, не стесняясь публично называть себя русским, как и отстаивать честь своей *Родины — России!*

А боролся за всё это не так политически, хоть и не без этого, тем более уж не каким-то экстравагантным действием, а как раз *русским словом* — РУССКИМ СЛОВОМ!, да не прямолинейным листовочно-агитационным или политпропагандистским, хоть и владел всем этим профессионально, а высоким учено-литературным, если не наоборот — литературно-ученым, во всяком случае, не таким, каким обыкновенно пишутся суконные ученые тексты, включая и философские, а *иным* — ИНЫМ!, чему и оценочного предиката не дашь, даже и метафорического: глубоко-смысленным, свободным, не форматным, не догматизированным, может, иной раз и сложноватым для восприятия, так ведь и писал же о совсем не простых вещах.

Безрезультатно ли я боролся — что против, что за? И так, знаете ли, и этак, но, хоть и жалуясь, что не читают, не знают, не считаются, но ежели исключить мое учено-интеллектуалистское брюзжание, то, знаете ли, все-таки читают, знают, считаются, даже и учитывают, причем не вообще, так сказать, чисто ментально, пусть может, лишь на словах, но нет, и в действиях тоже, чему у меня уже набралось немало подтверждений.

Так что я, может, и отшельник, интеллект-путь которого не усыпан розами, но все-таки не заядлый анахорет, пишущий лишь для самого себя и для немногих, так сказать, восприимчивых, нет, всё тут не так просто, о чем не я лишь свидетельствую, и даже не эти самые немногие, а сама текущая реальность, с которой я хоть и не в союзном единении, ибо многое, очень многое, меня как стойкого гражданина и вествующего мыслителя в ней не устраивает, но вовсе от которой я не в пещерном отъединении, а будучи в социуме, да мало что патриотом, но и оснащенным собственным размыслительным арсеналом думателем о России, ее состоянии и судьбе, да мало что в идейно-концептуальном плане, а как раз и в самом, что ни на есть, действенном.

Самоуверенность? Возможно, однако вряд ли, скорее все-таки уверенность, имеющая свои веские основания быть: как видимые, заметные, хоть и не сильно бросающиеся в глаза, так и скрытые, не выходящие из деловой тени, о которых и не принято фри-вольно-публично разглагольствовать, а лучше как раз бывает и помолчать!

Второе собрание, однотомное, в которое вошли многие выше уже названные мною работы последних лет: Ю.М. Осипов **«СУЩЕЕ и ВЕЩЕЕ. Собрание актуальных текстов — 2022—2024»** (2024, 658 с.).

Что сказать об этом собрании, кроме того, что уже сказано в двух заглавных словах: СУЩЕЕ и ВЕЩЕЕ? Да, в книге разговор идет по существу и, не минуя текущих констатаций, о возможном будущем, точнее, о тенденциях, истекающих из настоящего в будущее, причем вовсе не обязательно, что с определенной фиксацией реально происходящего и в будущем реально возможного, а как бы подстрочно, на уровне интуиции автора и читателя, трансцендентно: метафизика, на то и метафизика, чтобы быть в естестве своем скрытной, просто так не фиксируемой, поливалентной, многовариантной, загадочной.

А что, сама реальность разве не такова?

Одно замечание: собрание чисто авторское, без ссылок и цитат, «из себя», неформатное, внедогматическое, вольное, что не значит, что безответственное, нет, как раз очень даже ответственное, однако все-таки лично-ответственное, а не редакционно, коллегиально, как-то группово.

Третье уникальное, опять, как и первое, в трех томах собрание: Ю.М. Осипов **«ИНОЕ ДОСТОЯНИЕ. Собрание превентивных текстов: от политэкономии к философии хозяйства, от софиологии к софиасофии»** (2025. I т. 475 с.; II т. 495 с.; III т. 677 с.).

Вдруг обнаружилось, что целостное, хоть и содержательно открытое, учение о *философии хозяйства* — ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА!, в реальности *есть* — ЕСТЬ!, причем мало что в своем концептуально-мировоззренческом наполнении, хоть и непривычном, и неудобоваримом для многих гуманитарных масс, но ведь с *программой учебного курса*, но это не всё: с самим учебным *«Курсом философии хозяйства»!*

В общем, всё есть: от «А» до «Я», а «Я» — это уже не философия хозяйства как таковая, а *иное мировоззрение* — ИНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ!, которое, естественно, упорно не принимается гумсообществом, да и самим университетом, причем не от непонятливости, хоть и не без этого, а из, пусть вовсе и не вполне осознаваемого, зато уж подсознательно ощущаемого (а подсознание бывает ведь посильнее собственно сознания!), в общем, из... страха — СТРАХА!, ибо: «А мы-то кто? — знатоки-научники!»

Что ж, время, ежели оно еще побудет и повитает над гордо вознёсшимся над Москвой университетом, вдруг ни с того, ни с сего, а в самом-то деле и с того, и с сего, возьмет, да и покажет... нет, не хрущевскую «кузькину мать», а попросту **что** есть **ЧТО!**, как и *кто* есть **КТО!**

А пока университет не считает философию хозяйства с ее софиасофией ни за свое *достояние* — ДОСТОЯНИЕ!, пусть *иное* — ИНОЕ!, ни, тем более, за свою *славу* — СЛАВУ!.

Однако... однако, *что-то* — ЧТО-ТО! — все-таки чувствует *такое* — ЭТАКОЕ!, аккуратно из превентивного, и чувствует более трансцендентно, чем реалистично, а потому пока более подсознательно, может, и даже сверхсознательно, а ведь чувствует-таки, чувствует, хоть и не в силах даже себе самому в этом признаться!

Увидится!

События, может, и роковые, не заставят себя долго ждать, чтоб всё в один момент и рассудить, да вот было бы с КЕМ и за ЧТО, да и ЗАЧЕМ?

Со своими и другими

Выше я показался (отчитался) как автор своих собственных книжных трудов, а теперь покажусь (отчитаюсь) как преимущественный зачинатель, родитель идей и проектов, главный редактор и по обыкновению один из авторов коллективных монографических и сборниковых работ (книг), а их тоже в нашем ученом огороде возросло немало, да что немало — великое множество, не посчитаешь!

С некоторыми ранними, еще с рубежа 1980—1990 гг., коллективными печатными трудами я выше уже знакомил читателя-нечитателя, как и оповещал о выпускавшихся по много лет *тематических сериях* уникальных книг — что монографий, что сборников.

Теперь обращусь к другим, еще никак не упомянутым работам, как раз из тех, что попались на мои глаза или прямо дались мне в руки.

В конце концов это не библиографический свод по типу библиотечных картотек, а всего лишь примерное представление коллективно нами содеянного так или иначе под моим началом и с моим участием.

Не увлекаясь комментариями, попытаюсь ограничиться, соблюдая хронологию, хотя бы перечислением некоторых из наших произведений.

Поехали!

А вот начну я все-таки не с произведения как такового (книги, книжицы, брошюры), а с обзора нашей 1992 г. научной дискуссии, сделанного сотрудниками Лаборатории Н.П. Недзвецкой и И.В. Простаковым и опубликованного в незатейливом по внешнему виду журнальчике «*Человек и труд*» (№ 6—7).

Речь на дискуссии шла о «*Переходе к рынку: “за” и “против”*». Среди участников кроме меня В.И. Кузнецов из ИМЭМО, В.Л. Тамбовцев из МГУ, А.С. Филиппенко из Киевского ГЭУ, А.Р. Белоусов из ИНП РАН (акkurat тот самый, что ныне министр обороны РФ), Л.И. Якобсон из МГУ, А.Н. Клепач из МГУ.

Мнения, конечно, разделились: кто был, правда, меньшинство, за торжество рынка, кто за его частичное допущение под контролем государства и при ведущей роли государственного сектора.

Любопытная во всех отношениях состоялась дискуссия: ведь это был 1992 год, когда СССР с его государствизмом-планизмом уже не было, а новая власть взяла прямой курс на Запад, мало того, руководствуясь при этом и западными рекомендациями о преобразовании уже бывшей советской экономики в рыночную с вхождением ее в глобальный мировой рынок, как и с вхождением западного рынка в РФ.

Что (!) потом последовало, хорошо известно: прихватизация, деиндустриализация, разбазаривание народного богатства.

Что ж, возможно сторонники рыночности ничего такого и в страшном сне не могли увидеть, но были из дискусантов и те, кто, может, ничего такого в тот момент и не предполагал, но хозяйственное госнацдро все-таки предпочитал сохранить и вовсе, замечу особо, не интуитивно, а вполне и осознанно!

Кто из дискусантов на какой из сторон тогда оказался, пусть читатель-нечитатель догадается сам.

А теперь едем дальше!

«Концептуальные основания и пути развития современной экономической теории. Материалы международной научной конференции» (1996, 100 с.). Книжка, кстати, изданная мелким шрифтом, аховая, как и предшествовавшая ей конференция. Конференция и книжка были увязаны с появлением в 1995 г. первого тома из моего трехтомного учебника **«Теория хозяйства»** (1995—1997), в котором я предпринял попытку, как я уже выше указывал, дать новое трактование теоретической экономики в сочетании с частичной критикой политической экономики и, разумеется, новомодной тогда для РФ «экономической теории» в виде пресловутого «экономикса».

Я осмелился выступить таким «забойным» инициатором дискуссии по смысловым основам того, что было принято называть **«экономической теоретической наукой»**.

Да, мое представление об экономике как реальности не получило одобрения среди экономистов-теоретиков, остававшихся мало что политэкономами-марксистами, но еще и пошедших на признание «экономикса», давненько, как я уже отмечал выше, отверженного самими же его создателями.

Для онтологической экономики же наступила эра гносеологической *пост-науки*, подмеченная еще С.Н. Булгаковым, с чем, конечно, не могли согласиться закоренелые «научники».

Да, я не был тогда поддержан, как, собственно, не слишком поддерживаюсь с той стороны и сейчас, хоть и политэкономия как-то вдруг подрастворилась, и эконометрика отчего-то ничем особенным не блещет: реальность-то совсем онтологически *ина* — ИНА!, она не научна, а наукой можно назвать все, что угодно, любую вполне себе экономическую технологию (ремесло). А где же адекватное реальности научное-де на нее теоретическое воззрение?

А в книжечке-то сорок авторов, да еще и с какими для того времени научными именами!

Да, я не был поддержан, но и поражения, скажу я вам, не потерпел, ибо за мной стояла не «наука», даже не мысль, а... *реальность*, что подтверждается и подтверждается, разумеется, самой же *Её Величеством Реальностью!*

Едем дальше!

Шургалина И.Н. *«Реформирование российской экономики: опыт анализа в свете теории катастроф»* (1997, 221 с.). Молодца, Ирина Николаевна!

Сажин А.Ф., Смирнова Е.Е. *«Институты рынка: экономический справочник»* (1998, 310 с.). В пользу как раз «рыночников».

«Переходные процессы и экономическая теория», М., Белград, Варшава: Изд. МГУ (1998, 201 с.). Заметим, международная книга под международной редакцией (Ю.М. Осипов, М.Н. Осьмова, Б. Медоевич, Е.С. Зотова).

Нижегородцев В.М. *«Теоретические основы информационных технологий»* (1998, 248 с.). Книга моего докторанта, причем заметим, что уже тогда речь шла у нас об информационной (еще, правда, не «цифровой») экономике.

«Постижение Маркса (к 180-летию со дня рождения)» (1998, 376 с.).

«Развитие капитализма в России: 100 лет спустя» (1999, 608 с.).

Оговорюсь, что последние книги-сборники посвящены юбилею К. Маркса и 100-летию неувядаемой работы В.И. Ленина *«Развитие капитализма в России»* (1899). Примечательно, что, преодолевая известную ограниченность, ошибочность и даже неверность марксистского мировоззрения, мы, сторонники философии хозяйства, не отбрасывали ни тогда, как не отбрасываем и ныне, ничего ценного в марксизме-ленинизме, как видится, уделяли, да и сейчас уделяем, этому учению заслуженное им внимание.

«Современная Россия и социализм (опыт непредвзятой дискуссии)» (2000, 330 с.). Не самая большая по объему, но о-чень содержательная книга, еще и с уникально крутым по тому времени составом авторов (ах, если б просто их перечислить!). Жемчужина!

«Теоретическая экономия: реальность, виртуальность, мифотворчество» (2000, 320 с.). О-чень хорошая, уверяю вас, книженция — *редкостная!*

«Технико-экономическая динамика России. Техника, экономика, промышленная политика» (2000, 380 с.). Как «щас» помню, что идея книги была моя, а исполнение Р.М. Нижегородцева, еще при трактовке экономики как синонима хозяйства.

«Актуальное обществоведение: проблемы и параметры», М., Кострома, в 2-х томах (2001, т. I, 307 с.; т. II, 307 с.). Двухтомник издан с инициативным участием д.э.н., профессора, тогда проректора Костромского государственного университета В.В. Чекмарева. Актуально, толково, потребно!

Далее следует на более, чем десятилетие, как бы провал, однако его на деле не было, поскольку наши коллективные публикации шли в сериях, мною ранее обозначенных, а уж извините, всего тут и не опишешь: уж поверь, читатель-нечитатель, что все книги в этих сериях были достойными учеными изданиями, да и сохраняют свое достоинство и поныне!

Что ж, помимо серийных книг, работали мы и над несерийными книгами, обычно предшествовавшими или итожащими те или иные форумы, так сказать, книгами-индивидуалами. Вот ими теперь и займемся.

Да, были *Малые университетские форумы*, о которых я ранее говорил, но дело ими не ограничивалось: иного рода форумы шли чередой и в нулевые, и в последующие годы, разумеется, с их текстуальным (итогово-репортажным) отражением в журналах и в монографиях, ну и с моими заявочными к каждому мероприятию вводными сентенциями.

Вот и примеры этих форумов.

«Новый мир и новая имперскость» (2004, декабрь). Каково, а-а?!

«Постмодерновые реалии России: общество, экономика, культура» (2006, декабрь).

«Материалы к встрече коллектива ученых ЦОН при МГУ и членов АФХ в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (2010, 9 июня).

Об этой встрече уже шла речь выше.

А вот что (или о чем) в этих материалах?

О-о, интересенько! Суверенность РФ-России; пореформенное преодоление социо-хозяйственного кризиса; мобилизационное экзистенциальное перестроение страны; острая потребность *Большого цивилизационного проекта* для Новой России; непреходящее значение национального интеллекта, той же российской гуманитарности.

Что-о, надо комментировать?!

«Самоутверждение России: социум, экономика, политика» (2010, декабрь). Да, самоутверждение, однако в модернизационном ключе!

Симпозиум: **«Историческая поступь великоросса — М.В. Ломоносова. К 300-летию М.В. Ломоносова»** 2011, ноябрь). Наш он, наш, аккурат, как и И.Т. Посошков, вполне себе философ хозяйства, пусть лишь еще, как и Посошков, предтеча, да что от того?!

Конференция: **«Интеллект-революция: свершения и ожидания. К 300-летию М.В. Ломоносова»** (2011, декабрь).

Брошюра: **«Ренессанс философии хозяйства. К 140-летию С.Н. Булгакова»** (2011, 74 с.). Мелкошрифтовая. Ах, какая же по сути-то здравая и заразная книжица!

«Инновационное развитие экономики России: сценарии и стратегии. Обновление инновационного механизма: неолиберализм вкупе с неодирижизмом» (2012, апрель). Нет тут никакого

оксюморона, а есть жизненно (хозяйственно) необходимый компромисс, а к последнему не превыкать что России, что гуманитарной мысли, что философии хозяйства, что и самим философам хозяйства.

«Постреформизм на службе России: вырыв к развитию» (2012, декабрь). Что здесь, скажите, не актуально, не нужно, чему страна таки пусть и неохотно, вынужденно, шажками, но следует? Разве лишь переувлеклась тем еще реформизмом, так ведь все еще впереди! Не хотите, господа, *сами* делать, будут делать *другие*, а вот с какими последствиями что для *тех*, что для *этих*, о-о, тут уж лучше помолчать: Бытие-История само во всем и разберется, не без присущего ему коварства!

Следующая брошюра. Вроде бы всего-то о 43 стр., правда, мелким шрифтом, а какая по значимости книжица **«Отечественная мировоззренческая мысль: наследие и перспективы»** (2013). Авторство тут, извиняюсь, мое, что велит поместить указание на сию книжицу в другое место, но так уж случилось: попалась сия вещица в мои руки как раз в этом месте моей затянувшейся работы над сим нудным повествованием, отчего так уж тому и быть.

А ежели ее — эту книжицу — почитать, то увидится, как оно все зарождалось, развивалось, дошло до современной мало что философии хозяйства, так ведь и до *иного* — ИНОГО! — *мировоззрения*, вроде бы уже никому и не нужного в эпоху-то ИИ, ан-нет: Бытие-История еще своего последнего слова не сказало, так что все впереди, еще увидится, а главное, быстрее, чем многие думают, как из усталых политэкономов, так и из унылых эконометриков, даже и из отнюдь не бодрящихся философов хозяйства!

«Российская хозяйственная мысль: своеобразие, история, перспективы» (2013, 388 с.). Издана с участием Екатеринбургского представительства ЦОН при МГУ и лично д.э.н., профессора Е.А. Субботина. Суперкнига, расставившая жирные точки над всеми «і», что имеют отношение к российской хозяйственной мысли, пусть и немало ученицы западной экономической мысли,

исключая И.Т. Посошкова, но в то же время все-таки самобытной, самостоятельной, наконец, открывшей миру философию хозяйства, а затем и софиасофию. Не «хухры-мухры»!

«Постреформизм и развитие», М., Ирпень (2013, 457). Ирпень — городок под Киевом, а книга издана при инициативном участии д.э.н., профессора Л.С. Воробьевой, аккурат из Ирпеня. Обрати внимание, читатель-нечитатель, что на Украине(!) и в 2013 г.(!).

Что тут комментировать: «Хочешь (вынужден) развиваться, займись пост-(1990-х и далее гг.)-реформированием, а по-нашему — “выворачиванием вывернутого” или *антиреформным реформированием*, пусть и вынужденным, а что делать?». А на Украине тогда *это* понимали, да и у нас нынче понимают, но все еще полумерничают — авось пронесет! Тогда, в 2013 г., все было загодя нами сказано, и сегодня говорится, хотя, что называется, перестроенческий воз все еще там, в той еще реформной жиже, — как бы не запоздать!

Есть, над чем подумать, над сказанным куда как раньше и своевременнее, да и неоднократно, а в книге этой о 55 авторах лишь в очередной превентивный раз.

«Инновационное развитие экономики России. Региональное разнообразие. Неоиндустриализация как проективно регулируемый процесс» (2013, апрель). Оставляю без комментариев.

«Международное воспроизводственное обустройство евразийского пространства: экономика и политика» (2013, декабрь). VI Малый университетский форум. Хошь, не хошь, а ведь и в самом деле провиденциально актуально, да еще как — недаром Трамп вкупе с Нетаньяху затеяли войну с Ираном, совсем недаром. Что же, когда-то еще можно было обо всем этом евразийском конструктивно просто думать, а вот теперь не тут-то было: *война* — ВОЙНА!, хоть и гибридная, да всюю и горяченькая!

«Евразийская интеграция: геостратегический аспект» (2014, 564 с.), М., Ростов-на-Дону. Издана с инициативным

участием д.э.н., профессора из Ростова-на-Дону А.Ю. Архипова. Крутая книга, надо ли объяснять! А какой блестящий состав авторов!

Попробуй-ка, скажи после этого, что философия хозяйства какая-то оторванная от реальных социо-хозяйственных процессов ученая забава!

Читать надо такого рода благодеяния, а политикам и стратегам в первую очередь! Кажется, и почитывают, не проходят мимо, впрочем, кто их знает, однако... все-таки... *не проходят!*

«Российский антикризис: потребности, препятствия, исходы (социум, государство, экономика, культура)» (2014, декабрь). О-о, серьезный был тогда разговор, актуальность которого вовсе не испарилась, наоборот, только кристаллизируется!

«Кризис мира и мир кризиса (эсхатологическая драма современности)» (2014, сентябрь). Материалы к одноименному симпозиуму, всего-то в 25 стр.

Работа моя, не скрою, как не скрою и того, что это самое что ни на есть *откровение* — ОТКРОВЕНИЕ! *Апокалиптика* как верная спутница Бытия-Истории — АПОКАЛИПТИКА! Что-о, разве не так?

Не согласны?

Ну тогда очередь за вами — за остаточными политэкономками и за торжествующими по поводу ИИ эконометриками — вперед!

Да-а, перечисляю книжечки, комментирую, а самого дрожь берет, балдею и обалдеваю, где еще такое из одного-то источника, да с такими радателями, участниками и авторами, ну и текстами!

Тут и Диоген со своим фонарем не надобен, — и так все видно!

Ну что ж, подошел и юбилейный для ЦОН'а 2015 год — славный год: такая огромная, разнообразная работа с таким безмерным числом рачителей, участников и авторов!

Слава!

Ну и *беда* — последний для ЦОН'а год!

Как, почему, за что был уничтожен ЦОН уму не постижимо! Вряд ли постижимо и *безумию* — БЕЗУМИЮ!, хоть это как раз *его* — ЕГО! — *безумия* — дело, но безумие, на то и безумие, чтоб ни за что не отвечать.

Впрочем, все это постижимо: и уму, и безумию. Да ведь там и там одно... *страх* — СТРАХ!

И все-таки для РФ-ии это, конечно, *позор* — ПОЗОР!, да и для МГУ, несмотря на всю проявленную в МГУ деликатность сего деяния, увы, тоже. Жаль!

Однако... э-э... есть закон Бумеранга, который никто не отменял и отменить не может, а в нашем случае, пожалуй, не так персональный, как *бытийно-исторический*.

Против Бытия-Истории ведь не попрешь!

Да и какие Небеса этакое простят! Атаковать гуманитариев ради своего прихваченного: что-о, мало было уроков 1917 и 1937 гг.?!

Тут уж кровь за кровь, и не менее!

Ну, а цоновцы, которых, в общем-то, видимо-невидимо, ничего не подозревая о вдруг нагрянувшей вскорости беде, накатали юбилейный для ЦОН'а сборник под названием *«Хозяйство и мысль»* (2015, 437 с.).

Каково, а-а? *«Хозяйство и мысль»!* Додуматься ведь надо!

О-о, там, в книге, как раз то, что охотно гуманитариями не читается, ибо что им метафизика, трансцендентность, софийность и... о-о, ужас!.. *софиасофия!*

Что ж, не читается, значит, не читается, только вот для кого тут хуже — для тех, кто написал непотребное, а их, между прочим, полсотни авторов, или тех, кто принципиально не читает, которых аккурат тысячи!

Тут уж в действии не так закон Бумеранга, как закон *Воздаяния*, а вот какого, кому и когда — вопрос!, разрешение которого непосредственно за Бытием-Историей, точнее, за Небесами,

а не за каким-то там случаем, хоть без последнего Бытию-Истории и Небесам тоже, видно, не обойтись.

Увидится!

Однако цоновцы не ограничились этой глубокомысленной книгой, а отгрохали еще и посвященную юбилею ЦОН'а международную конференцию **«Российская обществоведческая и философско-хозяйственная мысль сегодня: итоги, проблемы, перспективы»** (2015, декабрь). А ваш покорный слуга накатал по обыкновению предисловие к конференции, в котором мало что ЦОН обозначил *большим очагом большой мысли*, так еще и... прошу не падать в обморок от негодования(!)... *очагом имперским*, но и это не всё — обозвал его *Центром-Империей*, ничего себе — ЦЕНТРОМ-ИМПЕРИЕЙ!, что, может, немало и объясняет... э-э... скрытую из *страха* — СТРАХА! — мотивацию по ликвидации ЦОН'а, а-а?

А «таперича» очередной для середины десятых годов непотребный фолиант: **«Современность: хозяйственные алгоритмы и практики»**, М., Тамбов (2016, 492 с.). Вышел в свет благодаря тамбовскому государственному университету (ТГУ), инициативным усилиям его ректора к.ю.н. В.Ю. Стромова и проректора д.э.н., профессора В.В. Смагиной.

Та еще книжища (с более полусотней, как обычно, авторов, да еще каких авторов!)

И что?

А как будто ее не было и нет, а ведь аккуратно после ликвидации ЦОН'а при МГУ, ну и незадолго перед моими собственными медприключениями (подписано в печать 05.04.2016).

Что ж, ЦОН, аки навязчивый призрак, не покинул пространства ни МГУ, ни России, ни мира, а провел скромную такую, всего-то под сотню участников, Международную научную конференцию **«Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия»** (2017, декабрь), которой

подтвердил, что у России нет иного пути, кроме как к *своей великой экзистенциально-исторической данности — к России!*

Ну а в 2018 г. опять Международная научная конференция **«Российский миттельшпиль: экономика, техногенез, геостратегия»** (2018, декабрь), на которой предметом обсуждения стали *большая игра, нынешняя историческая партия, острое в партии положение*. Не слабо, правда?

А вот и другая коллективная монография, увидевшая свет тоже в Тамбове, тоже в ТГУ и тоже при поддержке В.Ю. Стромова и В.В. Смагиной, а главное, тоже актуальная, хоть и не такая большая, как предыдущая: **«РОССИЯ: вибрирующие горизонты»** (2019, 262 с.). Авторы в ней в основном из наших, из ближнего круга. А что, разве не вибрирующие, эти самые горизонты, причем до сих пор?!

А вот еще «коллективка» 2019 г., на этот раз явившаяся на Юге России, зацепив Ростов-на-Дону (А.Ю. Архипов) и Таганрог (П.В. Павлов): **«Россия в игре: страна и мир»** (2019, 291 с.). Что может быть ныне актуальнее и точнее, если не *это*?

И опять Международная научная конференция **«Россия в координатах ударных перемен: социум, экономика, техносфера»** (2019, декабря). Были они, эти ударные перемены, или нет, хотя в оборонке, наверное, были, но главное тут в идее, идеологии, в сути политики, обоснование чего как раз от ученых в первую очередь и требуется. А что касается реальности, то уж, как говорится, беспокоиться особенно не о чем, хоть и не всем она бывает приятна, да что поделывать: *Реальность российская знает свое дело!*

А вот и программная книга: **«Российский разворот»**, М., Тамбов (2020, 259 с.). Тут поучаствовал тот же ТГУ. А на обложке-то памятник К. Минину и Д. Пожарскому! Надо ли разъяснять?

Очень кое-кому не хочется разворачивать страну в сторону от своих — вполне присвоительных и владетельновластных эгоча-

яний, да вот придется и, пусть пока и не очень, но уже ведь приходится!

Еще одна заявочная книга: *«Россия и идеология (опыт практического философско-хозяйственного концептуализма)»* (2020, М. МГУ).

Российская идеология для России, или Россия как идеология. Суперкнига!

После ее выхода в свет твердить, что у России нет своей, адекватной ей, идеологии, уже не недоразумение, не ошибка, а... *преступление* — ПРЕСТУПЛЕНИЕ!

Да, сие утверждение об отсутствии у России именно *своей* идеологии долгонько бытовало в стране, склонной к идеократическому заимствованию извне. И кое-кого из псевдороссийской псевдоэлиты, включая властную, это очень даже устраивало.

Однако... ах, это однако!.. и такой, немало осознанно и культивировавшейся, несурезице приходит конец.

А всё почему?

Да из-за сначала отечественной по рождению философии хозяйства, затем последующего за ней отечественного тож мировоззрения, аккурат софийного, даже софиасофского, ну а следом и к... нет, не созданию, боже упаси, а... обнаружению и констатированию собственно российской для России идеологии, хотя заходы отечественной философии конца XIX—XX вв. на *идею России*, даже на *Русскую идею* были, но, но, но... все-таки замешанные на чём-то, скажем помягче, не совсем российском, ибо глубинная историческая, включая и «доисторическую», Русь-Россия не принималась во внимание, а ведь все истоки оттуда — из той еще глубины!

В общем, как ни крути, а книжечка-то прямо-таки исторического значения, да вот кому это, кроме разве Михайлы Ломоносова, надо?!

Наконец, еще одна из бумажных-печатных коллективных монографий: *«Коронованная пандемия и зачарованный мир»*, Ростов-на-Дону, Таганрог (2020, 406 с.).

О-очень лихая книжища, как раз отклик на *мировую катастрофу*, если не *катастрофу мира*, ибо мира «До» уже нет, а есть мир «После», однако уже не просто с присутствием в мире *анти-мира*, как было еще совсем недавно, а с его , знаете ли, пусть еще не полным доминированием, но весьма развязным хозяйничаньем, увы, повсюду: *что-то* непоправимое с миром, теперь — *страх* и *ожидание*, разумеется, страх перед неизвестностью и вряд ли ожидание чего-то лучшего!

На этом наша коллекция печатных коллективов практически завершается, — мы, как и весь мир, перешли на «электронку», вгоняя в Интернет (или как там его?) коллективные монографические тексты по итогам наших текущих форумов, тоже по большей части уже «электронных» («онлайновых»), ну и используя свои собственные, помимо иных, журнальные возможности.

Не вдаваясь в подробности, перечислю лишь некоторые из тем наших ЦОН'овски-АФХ-овских сборищ, состоявшихся за последние, вполне себе и омертвелые для гуманитарного размыслительства, годы — с 2020 по текущий 2026 гг.

Нет, мы, вынужденные формально подчиниться административной организации, о которой я уже выше говорил, по сути-то ей не сдались, ведомые как заботой о родной стране, так и сыновне-дочерней ей преданностью.

Чтобы не быть голо-, как и много-словным, ограничусь лишь частью не более, чем наименований, упреждая недоверчивого читателя-нечитателя, что все эти и еще другие дискуссии состоялись и нашли текстуальное электронно-печатное отражение и при желании могут быть обнаружены и даже прочитаны — с любой целью!

Год 2020-ый.

«Иной мир как всю бытующая реальность (человек — хаос — постчеловек)» (март).

«Интригующая будущность: экономика с цифрой и цифра без экономики» (апрель).

«Что за времена, что за мир, что за хаосмос?» (сентябрь).

«Россия в перепелке: цивилизация, техногенез, экономика» (декабрь).

Год 2021-ый.

«Экономика с среде хозяйства. От экономического либерализма к хозяйственному дирижизму» (март).

«От экономики без предела к предельной экономике» (апрель). Однако не на основе предельных матрасчетов или матравновесий между спросом, предложением и ценами (тут всё без эконометрики и экономикса).

«Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство» (декабрь).

Год 2022-ой.

«Экономика сегодня: какая, чья, зачем, куда?» (февраль).
Памяти Б.И. Пашко.

«“Эпоха постправды” как правда об эпохе» (март).

«Тотальная технотроника: от вспомогательной услуги к доминационным решениям» (апрель).

«Мир-перемена как текущая реальность» (май).

«Государство и хозяйство: неразлучность и мера» (сентябрь—октябрь).

«Суверенная Россия: экономика, технологика, культура» (декабрь).

Год 2023-ий.

«“Новые люди”, или кто там?» (март).

«Смыслология, цифрология и мифология от экономики» (апрель).

«Поступь иного — хождение по мукам от неотступных бытийных перемен» (сентябрь).

«Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, война и мир» (декабрь).

Год 2024-ый.

«Софиасофия как эсхатологический продукт постфилософического времени» (май—июнь).

«Цифра против слова, число против мысли, информация против смысла: что на выходе?» (сентябрь—октябрь).

«Мир на переломе: политика, экономика, техногенез» (декабрь).

Год 2025-ый.

«Постэкономика как фантастическое достояние современности» (февраль).

«Человек в человеке: что это, если не оксюморон?» (март).

«Жирная цифра и тощее слово» (апрель).

«Отцы и дети: кто куда?» (сентябрь—октябрь).

«Россия в 2025 году: социум, хозяйство, культура» (декабрь). 2025 — год Змеи, он в одном ряду с 1905, 1917, 1929, 1941, 1953, 1965, 1977, 1989, 2001, 2013 гг. Есть, было и еще что-то такое будет, о чем надо задуматься и заранее поговорить!

Год 2026-ой.

«Воспроизводственная целостность российского народного хозяйства как залог его жизнеспособности и суверенности: состояние, проблемы, перспективы» (февраль). О-очень толково прошедший семинар! Обрати внимание, читатель-нечитатель, на использование отброшенного реформаторами 1990-х термин-понятие «народное хозяйство» — НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО!

«Феномен управляемого экзистенциально-хозяйственного (экономического) хаоса: блеф и реалии, прожекты и результаты» (март). Семинар прошел содержательно, ответственно, даже строго! Такого настроения еще не было, а ведь это тоже важнейший бытийно-исторический факт, не так ли?

Ну а вот и планы на еще длящийся 2026.

«Тотальная технонейроцифровизация: новая для экономики перспектива или смертный приговор?» (апрель). Круто, а что делать? Правда, при исполнении сего замысла в рамках университетских Ломоносовских чтений «смертный приговор» пришлось заменить на «трансгрессивный приговор», хоть смысл задуманного по сути, конечно же, не изменился.

«Мировая экономика как управляемое из глобального финансового центра казино» (сентябрь—октябрь). Что-о, не так? Тогда оправьте свой взор за Атлантический океан, можно ограничиться и Великобританией, но лучше все-таки туда, за океан, да не в Канаду или еще куда-нибудь, а в США, в Нью-Йорк, на Уолл-стрит, вот тогда и возрадуетесь!

«Планетарный мир на трансгрессивном переломе» (декабрь). Это значит не к новому по форме миру, а *иному* — ИНОМУ! — миру, пожалуй что, и *постмиру* — ПОСТМИРУ!, а вот к какому... э-э... для того и состоится дискуссия, чтоб хоть что-нибудь понять, тем более, что 2025-ый что-то этакое подготовил, а 2026-ой — год Красного коня — уже всю воинственно топчет копытами под неусыпным, хоть и блуждающим, оком Трампа!

* * *

Я не случайно так основательно задел последние годы, ибо *мы* не только *есть*, но и многое *наше* или *нашему корреспондирующее* ныне всю звучит не только из уст политговорунов, но, знаете ли, и из уст *высших(!)* властей и собственности *предержащих*, мало того, кое-что *творится корреспондентное и в реалиях*, а тут, видишь ли, «*глубокомысленное*» затыкание *сверху* отечественного гуманитарного рта, однако, может, и дойдет до затыкателей, что это для них самих не более и не менее, как... *самоубийство!*, да ладно бы лишь самих себя, а то ведь и страну за собой к суициду потащат!

С библиографией и событийно-деловой информацией, пожалуй, всё, разумеется, не вообще, ибо кто ж все это вообще досконально знает, эту нашу обширную библиотеку со смыслографией, я, во всяком случае, вполне ее не знаю, но что смог, то и показал, — не слабо, правда?!

SCRIPSI, SCRIPSI!

Ура!

Поприще!

Каждый идет по жизни как хочет, как может, как получается, ну и, само собой, как не получается тоже, в общем, в сплетении разных возможностей и невозможностей, желаний и нежеланий, соблазнов и отвращений, удач и неудач.

Я мог бы стать артистом (старомхатовского, думаю, типа, хоть особой тяги к этому не имел), художником (вполне себе, хоть тяги к сему тоже не было), писателем (неплохим, может и даже очень неплохим, кто знает!), драматургом (совсем и неплохим, даже, полагаю, хорошим), реально пытался по началу стать агрономом и сельхозработником, затем решительно с сельхознамерениями порвал, а стал ученым-гуманитарием (МГУ), сначала, как и все вокруг, ученым-научником, в основе политэкономом, а функционально более всего экономистом-зарубежником (особливо франковедом).

Потом, подразочаровавшись в политэкономии и вообще в гумнауке как таковой, попёр за их пределы — в философию, но не в общепринятую, а в *свою*, скажем даже попервах вроде как прикладную, да вот не в философию экономики, а вполне осознанно в *философию хозяйства* — ХОЗЯЙСТВА!, поначалу не отрываясь ни от политэкономии, ни от гумнауки вообще, ни от философии как таковой, однако был вынужден прервать свое начинание, причем совсем и не плохое (рубеж 1970 и 1980 гг.), переключив себя на *хозяйственные механизмы*, чем собственно фактически ранее и занимался, чтоб стать д.э.н., а когда стал,

то сразу же вернулся к ФХ. Однако не совсем уже к той — ранней, но все-таки *своей*, бывшей и не совсем уже философией в ее привычном понимании, а каким-то другим знанием, правда, носившим на себе следы передовой гумнауки XX в. и близкой ей новой (постмодерновой) философии (1990 г.), что было в целом если и не с полным пониманием, то с явным одобрением, встречено широкой гумобщественностью.

Далее появился в моем размыслительном поле прежде всего С.Н. Булгаков со своей *«Философией хозяйства»* и своими уже вненаучно-внефилософскими воззрениями, а более всего уже богословскими, как и другие русские мыслители XX в., до 1990-х нам достаточно или совсем не известные, однако после знакомства с трудами С.Н. Булгакова и других «отщепенцев», на меня весьма повлиявшими, но не настолько, чтобы мне стать, к примеру, булгаковистом, не говоря, что булгаковедом, как и просто адептом русской, в основном, религиозной, мысли XX в. А ведь мне довелось стать свидетелем краха всего тогда господствовавшего просвещенческого гумнаследия — ВСЕГО!, — 1991-ый и последующие за ним годы показали, что любое из общепринятого гумвоззрения ничего не стоит — НЕ СТОИТ!, и никто сему из принимавших новые в 1990-е р-ревращения не следовал и следовать сему не собирался.

Из тогдашнего гумнаследия вполне подходили к жуткому времени 1990-х лишь прозрения не ученого вовсе, а писателя — М.А. Булгакова (в общем, другого Булгакова), те самые прозрения, которыми я вдохновлялся при нашествии каверзного и коварного времени 1990-х, на которые и ссылался, написав по этому поводу и поводу *«Мастера и Маргариты»* даже свой «роман о романе или роман с романом» под именованием *«Реквием»* (2010), разумеется, показав, что я могу быть писателем, но сознательно не стал увлекаться «художествами», а ограничился метасмыслологией, которой у М. Булгакова было запрятано хоть отбавляй: вот мыслитель, так мыслитель, всю подноготину человека и его бытия мало

что узрел, так и высветил, но это не всё, еще и предсказал 1990-е, если не предусмотрел!

Показал я, кстати, что могу не просто быть писателем, а что я — *поэт*, создав как неплохие стихи, так и особенные по жанру и стилю «баллады-поэмы» в честь заслуживавших того по моему мнению русских творцов: А.С. Пушкина и двух Булгаковых.

Тут-то и стало прозрачно ясно, что ФХ, когда-то начатая С.Н. Булгаковым, мною переоткрытая, но не брошенная втуне по выходу моей первой книги *«Опыт философии хозяйства»* (1990), а, испытав в 1990-е влияние С.Н. Булгакова и других мыслителей XX в. из числа не принявших октябрьскую новь, покинувших Россию или бывших из нее высланными, а то и физически уничтоженными, так вот эта философия хозяйства не была оставлена мною, а развивалась мною вплоть до *софиасофского мировоззрения* — СОФИАСОФСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ!, оказавшись новым содержательным оплотом мыслеобразующей русскости в 1990-е и последующие, уже XXI в., годы.

Да вот кому *это* — ЭТО! из нынешних властей и собственности предержащих и оголтелых технейроцифровиков от науки и техники надо... э-э... *никому* — НИКОМУ!, ибо это *страшно* — СТРАШНО!, что для тех, что для этих, хоть они даже *этого* — ЭТОГО!, не осознают, ибо наполовину они уже там — в *антимире* — АНТИМИРЕ!

Так вот: САТАНА тут правит бал — веселый, скоморошный, беззастенчивый, угрюмый!

Философия хозяйства и порожденное ею софиасофское мировоззрение имеют то неоспоримое счастливо-несчастливое достоинство — открывать завесу мрака (фальшизма) и видеть закулисы мира в его *сути* — СУТИ!

Горе-Злосчастье крадется по Руси Великой, чуть ли не ожидающей небывалый золотой век технотронного пошиба — кончаться, так уж с Музыкой!

* * *

Что же касается меня, то мне довелось стать не только ученым-мыслителем и ученым-организатором, но и писателем, и драматургом, и даже поэтом. Я не обойден, нет, не удачей, а всего лишь выпавшей на меня возможностью реализоваться — в чем-то сделав это для людей, а более всего для себя самого.

* * *

Официозом и гумобразованцами я всего более просто терпим и весьма, надо особо заметить, пользуем, конечно, негласно (меня как бы и нет!), чего не скажешь о людях меня понимающих. От общественности, точнее, общественных организаций, имею награды. Хорошие по замыслу и клику награды. Так что *людьми* — ЛЮДЬМИ! — я вполне себе признан!

Однако, э-эх, это однако, есть и другая сторона, нет, не непризнания от людского мира, а от как раз признания, но *иного* — ИНОГО! Пришлось мне пережить и покушение, если и не на жизнь, то что-то вроде на это жесткого предупреждения. Я бы все списал на случайность, на бандитизм, да вот не один я такой был, да всё как-то из МГУ, да всё как-то из гуманитариев-русофилов, мало того, еще и из моих друзей. Любопытно, не правда ли?

Со мной как-то обошлось: я был вырублен (не знаю как), но, очнувшись, стоял на ногах без следов снега на брюках, с распахнутой курткой, без бумажника и сумки, завидел кепочку, аккуратно повешенную на ветке кустика перед моим подъездом. Всё тип-топ!

Случилось это 09.12.1999 г., в Юрьев День, а по формальному счету аккурат в срок моего зачатия (родился 09.09.1941). Семь девяток!

Другие из жертв побывали в больницах, а некоторые, как раз из секретных физиков, были и убиты.

Появилась, кажется, в «МК», статья: «*Секретная организация охотится за русскими учеными*».

Потом эта банда была попросту ликвидирована.

Имела ли она список или нет, не знаю, но на случайность набора жертв хоть и тянет (пожилые, с возможными денежками), да вот с качеством жертв как-то случайность не вяжется.

И тут вспоминается один любопытный сюжетец.

Одна полуправительственная организация мне как-то вручала наряду с другими персонами, в числе которых были явно из «оттуда», орден «За вклад в Просвещение» (другие получали другие ордена), причем мне, не поверите, за... *философию хозяйства* — ФИЛОСОФИЮ ХОЗЯЙСТВА! — уму непостижимо!

Ну я был вынужден что-то в пяток минут поведать присутствовавшим о философии хозяйства. Слушали внимательно!

Потом был банкетец, кстати, на котором были одни мужчины, по поводу чего я и произнес свой тостец, еще не ведая о «сексизме».

Но самое интересное в другом. Когда я засобирался уходить и стал прощаться с ближайшими персонами, то один из них, пожимая мне крепко руку (явно как раз из «этих»), заметил многозначительно: «Чего захотели — философию хозяйства!, так вам охрана положена!». Сверхлюбопытно, не правда ли? А ведь сбылось! Что-то в этом во всем есть, как раз и мистическое, не так ли?

* * *

Для склонного к делу человека, а уж тем более к творчеству, главным обычно становится его *дело* — ДЕЛО!, как, непременно, и его *творчество* — ТВОРЧЕСТВО!

Мне «свезло», ибо мне выпало по жизни творческое дело — *учёное*, которым я всю сознательную в ученом плане и в образе жизни и прозанимался, мало того, мне «свезло» еще *соработать* с неисчислимым количеством либо таких же дело-творческих,

либо просто участвовавших в общем творческом деле людей, как и основывать, возглавлять и вести за собой дело-творческие *институты* (учреждения, образования), ну а о широком (и бескрайнем) общении с себе подобными индивидами, как и о настоящей дружбе со многими из них (ну пусть и с некоторыми, но зато какими — КАКИМИ!), и говорить не приходится.

Свезло!

Хоть и везет в данном случае как раз тем, кто сам везет, да ладно лишь свое дело-творчество, а и многое, многое другое, включая и вынужденную (сопротивленческую, как правило) *борьбу* за свое дело-творчество, получая не одно ему противодействие, а и весьма болезненные удары (пусть всего лишь умолчания, словечки, гримаски, ну и, само собой, ущипы, уколы, подножечки), ибо такова она — «селяви», что вообще, что в так называемой творческой — изысканной — среде.

Человек так ментально-духовно устроен, уж не знаю почему, точнее, знаю, но не скажу, что он, наряду с признанием другого и с ним солидарностью (в разных проявлениях), способен не признавать другого, быть ему враждебным, причем вовсе не только на войне, в драке или в скандале на коммунальной кухне, да мало что быть враждебным, так еще и не на жизнь, а на смерть, аккуратно и в самых что ни на есть ментально-духовно возвышенных «эфирных» сферах.

Что я всё об этом?

Во-первых, насмотрелся, во-вторых, наузнавался, в-третьих, наиспытывался, в-четвертых, натерпелся, в-пятых, «озверел», так что знаю, о чем говорю, кстати, хорошо зная, что и все об этом тоже хорошо знают, только не все об этом, пусть и с предосторожностью, публично-печатно говорят, тем более находясь, трудясь, творчествуя в органичных себе сферах.

А я вот не удержался, кое-что этакое все-таки выказал — допекло!

Нет, говорю об этом не потому, что я патологический правдоруб или питаю наивную надежду на скорое исправление человеческой натуры... э-э... в какую же это сторону?, разве лишь в нейроэлектронную, ну да ладно, не в этом суть, а кое в чем другом: пусть не во всей (всего, увы, по разным соображениям не скажешь), но все-таки в *правде* — ПРАВДЕ! — правде жизни вообще и в правде своего сотоварищи и совраги жизненного пути.

Уж как оно было и как оно есть!

Куда деваться?

А теперь об этой книге, которая либо у тебя, читатель-нечитатель, в руках, либо перед глазами в смартфоне или компьютере, а главное, что ты, читатель-нечитатель, надеюсь, дошел-добрался охотно-неохотно до этой страницы.

Да, книга о *философии хозяйства* — ФИЛОСОФИИ ХОЗЯЙСТВА!, однако не так о ней самой по себе, как о ее применении по жизни, прежде всего, гуманитарной, умственной, культуровой, идеологической, политической, а также о ее — философии хозяйства — хозяйственной же реализации, разумеется, философии хозяйства в моем понимании, а потому и в соответствующем этому смысло-ментальном применении, ну и в реализации хоть по преимуществу и в моем частном случае, но, тем не менее, и в коллективно опосредованной и социально институционализированной среде тоже.

А в чем же тут все-таки «фишка»?

Не знаю, заметил ли это читатель-нечитатель или нет, скорее всего, все-таки заметил, что *всё* — ВСЁ!, что вокруг, позади и даже впереди оказывается заметно, если не в корне... э-э... *иным* — ИНЫМ!: что мировая и страновая *реальность* — РЕАЛЬНОСТЬ!; что гуманитарность с ее понятиями и категориями; что сама философия хозяйства по своей сути и в своем историческом плодотворном бытии; что Россия в своих бытийно-исторических образах, событиях, происшествиях и коллизиях; что та же Революция

1917 г. с В.И. Лениным и СССР с И.В. Сталиным; что Перестройка с М.С. Горбачевым и «реформы» 1990-х с Б.Н. Ельциным; что нынешняя РФ; что война; что мировое или отечественное правление; что гумнаука в своем многообразии; что философия; что культура с литературой и искусством; что университет; что факультет; что его старейшая и ведущая-де кафедра.

Иное, о котором речь, вовсе не значит, что правильное, обо всем таком можно думать и по-другому, но факт особенного *философского-хозяйственного откровения* — ОТКРОВЕНИЯ! — все-таки налицо!

Его можно не замечать, игнорировать, думать и делать по-своему (по-общепринятому!), а вот возразить, противопоставив ему не голое (и высокомерное!) отрицание, а обоснованное на том же высоком уровне что-то... *иное* — ИНОЕ!, аккурат адекватное-де экзистент-истине, о-о!, это-то уж совсем не просто сделать, точнее, невозможно, ибо несогласие, протест, отвержение, зависть, ненависть в данном случае ни к какой *правде* — ПРАВДЕ! — не приведут: ОТКРОВЕНИЮ можно противопоставить лишь... ИНОЕ ОТКРОВЕНИЕ!, а откуда ж оно вдруг возьмется, да и у кого?

Впрочем, чего на свете этом потаенном и грешном не бывает!

* * *

В связи с этим хочется напоследок рассказать об одном эпизоде, возникшем по инициативе не кого-нибудь, а Виктора Никитича Черковца, у которого — тогда декана экономического факультета — мне пришлось быть в 1984—1987 гг. как бы насильственно посаженным партией и государством заместителем, естественно, заместителем им нежелательным, а затем довелось защищать докторскую диссертацию в том самом совете, которым он-то и руководил, а с моей диссертацией он не то что не был вполне согласен, а был ее принципиальным противником, да не так

диссертации, как всего меня с моим заходом на теорию хозяйственного механизма, отчего долгое время я вынужденно был ему ученым антиподом, ибо В.Н. упорно стоял за марксистскую политэкономию, которую, скажу откровенно, знал хорошо, ну а я все более от нее отходил, увлекаясь сначала теорией хозмеханизма, а затем и философией хозяйства.

Между нами была даже через годы публичная полемика по этому поводу на одном из мною организованных ученых заседаний, когда, скажу честно, я и не был особенно никем из политэкономов поддержан. То бишь за В.Н. оставалось явное преимущество (1996 г.).

Ну а далее, поскольку я в 2000 г., пересоздав свою лабораторию в лабораторию философии хозяйства, прекратил систематическую преподавательскую работу и, став главным научным сотрудником с возложенной на меня обязанностью руководства лабораторией, а потому и отошедшим от кафедры политической экономии, на которой работал В.Н., где я сам трудился с 1973 г., то у нас с В.Н. как-то и не было особых поводов для публичного противостояния, которое, собственно, как-то и поутихло, сойдя в итоге на нет.

И вот однажды (не буду вспоминать и фиксировать год), но уже в десятилетия XXI в., В.Н., кстати, незадолго перед его уходом из жизни, подсел ко мне на чаепитии после заседания Ученого Совета факультета, и, взмахнув рукой в адрес присутствовавших со словами: «Ну, они в этом ничего не понимают», обратился ко мне с двумя сентенциями и одним вопросом: «Да, есть *теория хозяйства*, что понятно. Есть *философия хозяйства* что тоже понятно(!). А вот что такое *философия экономики*?». Я, слегка опешив, начал было думать над ответом, но здесь нас прервали и разговор далее, к сожалению, не состоялся.

И что же из всего этого? Во-первых, В.Н. признал-таки право на существование *философии хозяйства*, что было о-чень знаменательно! Во-вторых, признал и мою *теорию хозяйства*,

по поводу которой у нас когда-то как раз и была публичная полемика. В-третьих, задумался над сутью *философии экономики*, следственно, выделяя экономику из хозяйства и не видя при этом за экономикой особенной философии (тут уж у меня идут лишь вынужденные догадки).

Да, для меня это был аки гром среди ясного неба! Однако, главное было не в этом, а в глубоко ученом (и честном!) поступке В.Н. Мало что он надо всем этим думал, но и соизволил при всем своем авторитете обратиться со всеми своими думами ко мне, фактически признавая не только мою правоту, но, что особенно важно, *свою(!) неправоту(!)*, а это-то как раз особенно дорогого и стоит!

Что же, поступок, то уж *поступок* — ПОСТУПОК!

Я рассказал здесь об этом не ради себя, даже не ради самого В.Н., хоть он этого и заслуживает, совсем не только, а чтоб указать на редчайший пример *ученого благородства* — УЧЕНОГО БЛАГОРОДСТВА!, заслуживающий не просто одобрения и подражания, что само собой, а и нечто большего, а уж чего, то это сподручнее судить самому читателю-нечитателю, который, возможно, станет-таки и вполне себе полноценным читателем этой несуразной, но такой потребной и «потрясной», книги, в которой на первый взгляд вроде бы и ничего особенного и нет, кроме, пожалуй, того, с чем читатель-нечитатель не будет согласен ни под каким видом, но ведь книжка-то и о нас с вами, читатель, а в среде нашей есть всякое, в том числе *такое* — ТАКОЕ!, как великий поступок Виктора Никитича Черковца.

Ах, люди-люди, ах, жизнь-жизнь, ах, эти мимолетные, но такие красноречиво красивые, мгновения!

Итоговое

Философия хозяйства гносеологически *ина* — факт!, но *ина* она в силу того, что и сама онтология *ина*, что тоже факт!, а в единении *иной* онтологии и *иной* гносеологии возникает еще один факт — всё вокруг хомо-земно-космическое, ежели не всё вселенское — *ино!*, а всё видимое, постигаемое, известное человеком, ему кажущееся, лишь частично *то самое*, а в «глубоке»-то оно опять же *ино*, и вот это-то комплексное **иное**, разумеется, невидимое, непостижимое, неизвестное, даже и не кажущееся, и есть вокруг как раз то, что «есть и не есть» или «не есть и есть» тут уж всё одно, однако так вот оно и выходит, только так!

Философия хозяйства, как я уже выше отмечал — вовсе не философия о предмете — том же хозяйстве, а мало что сама-себе-философия, так и вообще-то не философия вовсе в привычном понимании последней, а некая *ино*-софия, но это не всё, ибо она еще и *София*-софия, а потому, будучи *София-ино-софией*, представляет собою не что иное, как **Откровение** — о человеке, его сознании, разуме, бессознании, безрассудстве, безумии, вообще о бытии человечества, его истории, но и о жизни Земли, Космоса, Мироздании, Вселенной, не исключая и Господа Бога Творца, разумеется, Откровение не абсолютное, не точное, не конечное, но все-таки открывающее перед размышляющим человеком **Иное** и позволяющее его — это **Иное** — в человека, его мышление и представление инъектировать.

Ныне, аккурат в Момент открытия философии хозяйства, а Момент сей — разверзие Бытия-Истории человечества и столкновения *мегаэпох* — До и После, а именно до и после подмены человеком самого себя из *человека зёмного* в *человека незёмного* или же *человека как человека* в *технонейрооцифрованного постчеловека*, отчего сей Момент есть и момент столкновения философии хозяйства в ее *София-ино-софской* интерпретации с уже изрядно надвинувшейся, вполне при этом и хозяйственно, новой реальностью, аккурат постреальностью.

Предвидеть итог сего столкновения, что воду в ступе толочь, а потому ограничимся лишь указанием на громадную неоднозначность судьбы что самого постчеловека с его постреальностью (а то и другое уже *есть!*), что философии хозяйства.

Во всяком случае, надвинувшаяся и настойчиво надвигающаяся *новая реальность*, она же и небывалая ранее *постреальность*, не оставляет для действительного философа хозяйства возможности масштабируемого в условиях вольготно расцветающей антигуманитарности оптимизма!

Аминь!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

как «РУССКАЯ ПРАВДА»3

I. «ЯЩИК ПАНДОРЫ»

Своевольный энциклопедийного жанра путеводитель
по смысловому иномирию философии хозяйства
(стихия неотвлеченных идей)3

Вводная3

Содержимое6

II. РУССКИЙ СЮР-РЕАЛИЗМ:

Россия как есть и как не есть
(из сокровенного) 104

Страна Россия 104

И что же?264

Русскость264

Русские266

Русский мир.....267

Русофобия.....268

Откровение!.....270

Часть вторая

Философско-хозяйственная СТРАДА, или РУССКАЯ НЕВИДАЛЬ.....273

Философ хозяйства273

Контекст276

Люди288

Сотворители289

Сомыслитель296

Старатели298

*Из примечательного прошлого
(совсем и недавнего)306*

Из примечательного настоящего311

Часть третья

АКТОРСТВО: институты, люди, свершения.....313

Институты.....313

Лаборатория.....320

Малые университетские форумы348

Снова люди354

Свершения364

<i>Снова институты</i>	<i>371</i>
<i>О себе самом</i>	<i>387</i>
<i>Со своими и другими</i>	<i>420</i>
<i>Поприще!</i>	<i>437</i>
<i>Итоговое</i>	<i>447</i>

Л и т е р а т у р н о - х у д о ж е с т в е н н о е и з д а н и е

Ю.М. Осипов

ПОТРЯСАЮЩАЯ КНИГА

**Собрание невыдуманных, предвзятых
и беспримерных текстов**

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка *К.Ю. Беневской*

ISBN 978-5-908125-37-6

Подписано в печать 23.06.2026 г. Формат 60×84/16.

Усл. печ. л. 26,27. Тираж 100 экз. Заказ 26129.

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Отпечатано в Издательском доме «Державинский».
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г